

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«КОНТРОЛЬ»

ВИКТОР СУВОРОВ АКВАРИУМ

Annotation

«Аквариум» — первая и единственная в своем роде книга об одной из самых могущественных и самых закрытых разведывательных организаций в мире, классический образец остросюжетного шпионского романа, который захватывает с первых же строк и читается запоем, на одном дыхании. Это рассказ о том, как была устроена советская тоталитарная система, основанная на звериной жажде власти и перемалывающая человеческие судьбы в угоду тем, кто дорвался до власти и упивается ею. «Аквариум» — история человека, прошедшего все круги ада этой бесчеловечной системы и вырвавшегося из нее.

«Перерабатывая для романа „Аквариум“ собственную биографию, я совершенно сознательно работал „на понижение“. Никаких прямых совпадений в деталях биографий главного героя романа Виктора Суворова и автора романа Владимира Резуна и не должно было быть — напротив, я внимательно следил за тем, чтобы таких совпадений не было. „Аквариум“ — не обо мне, а о том, как работает советская военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. Если бы я назвал подлинные имена, места, даты и детали реальных событий и операций, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил действие романа во времени и пространстве, изменил имена и обстоятельства, чтобы невозможно было вычислить ни меня, ни моих коллег, ни нашу иностранную агентуру.» — Виктор Суворов

-
- [Суворов Виктор](#)
 - [Отзывы](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

Суворов Виктор
Аквариум

ОТЗЫВЫ

Когда на протяжении семи десятков лет унылые надсмотрщики советской литературы талдычили о социальном заказе и положительном герое, не веря ни одному своему слову, они и помыслить не могли, что можно написать такое. «Аквариум» Виктора Суворова — это признание в любви потомственного офицера своей армии. Посреди сегодняшнего плача и стонов чиновников и милиционеров, депутатов и генералов о том, что им чего-то не додали, не разрешили, эта веселая и злая, упругая и энергичная проза человека отважного потому и производит огромное впечатление. И не нужно производить раскопки на соседних полках и допытываться: а на кого он похож? Ни на кого. Сам на себя. Своей собственной школы человек.

Григорий Файман.

Газета «Русская мысль». 7-13 мая 1993 г.

Суворов — яркий, ни на кого не похожий писатель. Он мастерски меняет сцены, внезапно разворачивает действие в неожиданном направлении, понижает тон повествования и вдруг доводит его до громового звучания в духе самой лучшей приключенческой классики... Несмотря на великолепие стиля, причины его побега остаются загадкой. В книге эти причины не нашли внятного объяснения.

London Review of Books о книге «Аквариум». 19 декабря 1985 г.

То, о чем рассказывает Суворов, не придумать. Хочет того автор или нет, книга убедительно доказывает, что советская разведка — лучшая в мире, и не просто лучшая — ее нельзя сравнивать ни с одной разведкой других стран.

Анатолий Гладилин (писатель).

Газета «Новое русское слово». Нью-Йорк, 24 июня 1986 г.

Великолепно. «Аквариум» очарует всех, кто неравнодушен к приключениям, шпионажу, столкновениям характеров, к мужеству и храбрости.

Джон Баррон. Газета The New York Times. 10 июня 1986 г.

К сожалению, в «Аквариуме» нет ничего о жизни разведчиков. Каждый, кто ждет увлекательного повествования, будет разочарован книгой Суворова. «Аквариум» — это нудное сочинение о его карьере, он вспоминает факты из своей жизни, которые никому не интересны, кроме него самого. Книга может вызвать отклик только у тех, кто интересуется советской бюрократией и методами проталкивания разведкой своих людей или вопросом, как советские шпионы пьют водку после выполнения задания. (Они пьют стаканами, стараясь не пролить.)

Газета The Jerusalem Post. Иерусалим, 27 сентября 1986 г.

Художественное по форме, но убедительное по фактической основе повествование Суворова поражает.

Газета «Рабочая трибуна». 17 декабря 1991 г.

— Это и есть тот самый «Аквариум», так подробно описанный в одноименной книге Виктора Суворова?

— Да, этот дом, где вы сейчас сидите, наш бывший резидент называет «Аквариумом». Обратили внимание, здесь много стекла? Вообще-то он когда-то строился под

госпиталь. Кстати, настоящая фамилия автора — Резун. Это наш полковник,^[1] лет 11–12 назад сбежавший в Англию.

Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР, начальник ГРУ генерал армии В. М. Михайлов.

Интервью газете «Комсомольская правда». 23–31 августа 1991 г.^[2]

Литературный псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович... Что он за человек? В одной из аттестаций записано: самый младший на курсе, но успевает лучше своих коллег, собирает книги по военной тематике для личной библиотеки, имеет второй разряд по стрельбе из автомата Калашникова. Многие в его книге выдумано именно для того, чтобы было захватывающе интересно при сохранении внешнего правдоподобия.

Заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин.

«Красная звезда». 29 апреля 1992 г.

Биография капитана Резуна была безупречной, в его работе и поведении не отмечалось каких-либо настораживающих моментов. Резун во время обучения в Калининском суворовском военном, Киевском высшем общевойсковом командном училищах и в Военно-дипломатической академии Советской Армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало. В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление

архипатриота своей родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру... Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания продлен еще на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планируется в центральном аппарате ГРУ. В свои 27 лет окончил два высших военных учебных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ. Отклонения в нормах поведения, психика, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный Родине и воинскому долгу офицер.

Капитан 1-го ранга Валерий Калинин, начальник 3-го направления Первого управления ГРУ, временно исполнявший обязанности резидента ГРУ в Женеве.

«Независимая газета». 25 декабря 1993 г.

Резун вел себя подчеркнуто безупречно, многие даже после его побега давали ему положительную характеристику.

Генерал-полковник А. Павлов, первый заместитель начальника ГРУ.

«Красная звезда». 14 апреля 1993 г.

Перед нами уродливая личность, для которой ложь стала средством существования.

А. Л. Дмитриев, доктор технических наук, о Викторе Суворове.

«Военно-исторический журнал». 1993. № 10

В его выпускной аттестации, кроме основного содержания написано, что он «является самым молодым по возрасту слушателем Военной академии Советской Армии. Военные дисциплины он знает лучше своих коллег. Увлекается сбором книг по военной тематике». Резун в самом деле был толковым парнем и хорошим аналитиком, работал в разведотделе штаба округа. Он ведь, по большому счету, неординарная личность и писатель неплохой.

Военный атташе при посольстве России в Украине полковник В. Безрученко.

Газета «Время» (Украина). 12 мая 2001 г.

Суворов не историк. И не писатель. Он мелкий политикан, причем самого грязного пошиба. Пешка в ГРУ, он, перебежав на Запад, не смог даже никаких наших секретов продать — просто их не знал. Вот и стал выдумывать их на потребу клеветникам России.

В. Карпов, лауреат Государственной премии СССР, бывший Первый секретарь правления Союза писателей СССР.

Еженедельник «Книжное обозрение». 9 мая 1995 г.

«Аквариум» читать было интересно. И мир перед нами открывался таинственно-неведомый, и описывался он сочно. Один из нынешних работников ГРУ дал книге такую характеристику: «Все врет, стервец, но очень лихо. Я бы даже сказал — красиво».

«Правда». 18 февраля 1993 г.

Низколобый малограмотный перебежчик Резун-Суворов сочинил энциклопедию умственного убожества.

Владимир Бушин о книге «Аквариум».

Газета «Советская Россия». 6 марта 1993 г.

Суворов очень хорошо пишет — интересно, остроумно. Он заслужил свою славу полностью.

Олег Гордиевский.

«Литературная газета». 9 апреля 1997 г.

Самым большим преступлением государства против ветеранов Второй мировой и Великой Отечественной войн является разрешение на издание книг господина Резуна «Аквариум», «Ледокол» и тому подобного чтива.

Александр Розенбаум.

Интервью газете «Приазовский рабочий». Февраль 1996 г.

Наиболее сильные чувства у своих бывших коллег вызывает майор Владимир Резун, сбежавший из Швейцарии в Англию в 1978-м. Связано это не только с тем, что его, в отличие от Пеньковского и Полякова, не удалось отдать под суд и расстрелять, сколько с опубликованной под псевдонимом Виктор Суворов книгой «Аквариум».

«Известия». 5 ноября 1998 г.

Фамилия автора «бестселлеров» «Аквариум», «Ледокол», «День М», «Освободитель» на слуху. Книги опять же на всех лотках, многочисленные офени ими в нос тычут <...> Пушкина нет, а Суворов — пожалуйста. Сегодня Резун читает лекции будущим английским офицерам. О чем, не ведаю. Может про то рассказывает, чему учили его в советской военной академии. Бог ему судья. И военный трибунал. И если первый своего отношения к неопиту от разведки публично не выразил, то второй конкретно, хотя и заочно, приговорил к высшей мере.

Полковник Н. Н. Порошков.

«Красная звезда». 27 апреля 1994 г.

«Московский комсомолец» посвятил юбилею ГРУ статью «„Аквариум“ дает течь». В статье около десяти раз повторяется словечко «Аквариум», заимствованное у предателя В. Резуна, опубликовавшего под этим названием книгу, полную клеветы на военную разведку.

Генерал-майор И. Студеникин.

«Красная звезда». 18 ноября 1998 г.

Читателя у нас погружают в «Аквариум», дают «Ледоколом». Сегодня в России над человеком, читателем в частности, идет бессовестный эксперимент. И указанные романы в нем участвуют. Им создают рекламу, заставляют читать. Это своего рода щуп для определения состояния нашего общества.

А. Афанасьев, писатель. «Красная звезда». 24 августа 1996 г.

«Аквариум», вернувшись из-за бугра, стал самиздатовским гимном Советской Армии.

Александр Никишин.

Альманах «Конец века». 1991, № 2

Вместо предисловия

Разоблачители ищут — и находят — многочисленные несоответствия в биографиях Виктора Суворова, главного героя романа «Аквариум», и Владимира Резуна, реального человека.

В «Аквариуме» Виктор Суворов в пятнадцатилетнем возрасте торгует на базаре арбузами, а Владимира Резуна с одиннадцати лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в тайной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета капитаном, а приткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о подруге Виктора Суворова, звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Владимира Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии было положено еще как минимум один год проходить подготовку в разных управлениях ГРУ. Этот год проработал в центральном аппарате ГРУ и главный герой «Аквариума», а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубеж самым первым из всего выпуска, минуя год обязательной дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене, втором по значению центре мирового шпионажа, а Владимир Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у Виктора Суворова был один Навигатор, а в реальной жизни за время моей работы в Женеве сменились три резидента: двое были умными, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел на его похороны, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первой должностью за рубежом, высшей из всех возможных, была должность резидента ГРУ в Женеве. Он

провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Перерабатывая для романа «Аквариум» собственную биографию, я совершенно сознательно работал «на понижение». Никаких прямых совпадений в деталях биографий главного героя романа Виктора Суворова и автора романа Владимира Резуна и не должно было быть — напротив, я внимательно следил за тем, чтобы таких совпадений не было. *«Аквариум» — не обо мне, а о том, как работает советская военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур.* Если бы я назвал подлинные имена, места, даты и детали реальных событий и операций, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил действие романа во времени и пространстве, изменил имена и обстоятельства, чтобы невозможно было вычислить ни меня, ни моих коллег, ни нашу иностранную агентуру. Исключением стали лишь имена некоторых самых высокопоставленных советских военачальников и чиновников, личности и детали биографии которых широко известны и никогда не были секретом.

С особой осторожностью я писал об агентуре и о работе с ней. С моим уходом не был связан ни один шпионский процесс, никто не был арестован или осужден. Может быть, я плохо работал и ничего не знал? Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года, и в виде исключения был оставлен на четвертый год, а в виде особого исключения — на пятый.

«Аквариум», как и книгу «Рассказы освободителя», я опубликовал под псевдонимом и решил его никогда не раскрывать, чтобы никому не причинять неудобств. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал армии В. М. Михайлов. В интервью газете «Комсомольская правда» (23–31 августа 1991 г.) он сообщил: *«Настоящая фамилия автора [„Аквариума“] — Резун. Это наш полковник,^[3] лет 11–12 назад сбежавший в Англию.»*

Пролог

— Закон у нас простой: вход — рубль, выход — два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее еще труднее. Для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее — через трубу. Для одних этот выход — с почетом, для других — с позором, но для всех нас есть только одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба, — седой указывает мне на огромное, во всю стену, окно, — полюбуйся на нее.

С высоты девятого этажа передо мной открывается панорама огромного пустынного аэродрома, который тянется до горизонта. А если смотреть вниз, то прямо под ногами — лабиринт песчаных дорожек между упругими стенами кустов. Зелень сада и выгоревшая трава аэродрома разделены несокрушимой бетонной стеной с густой паутиной колючей проволоки на белых роликах.

— Вот она, — седой указывает на невысокую, метров в десять, толстую квадратную трубу над плоской смоленой крышей.

Черная крыша плывет по зеленым волнам сирени, как плот в океане или как старинный броненосец, низкобортный, с неуклюжей трубой. Над трубой вьется легкий прозрачный дымок.

— Это кто-то покидает организацию?

— Нет, — смеется седой, — труба — это не только наш выход, труба — источник нашей энергии, труба — хранительница наших секретов. Это просто сейчас жгут секретные документы. Знаешь, лучше сжечь, чем хранить. Спокойнее. Когда кто-то из организации уходит, то дым не такой, дым тогда густой, жирный. Если ты вступишь в организацию, то и ты в один прекрасный день вылетишь в небо через эту трубу. Но сейчас организация дает тебе последнюю возможность отказаться, последнюю возможность подумать о своем выборе. А чтобы у тебя было над чем подумать, я тебе фильм покажу.

Седой нажимает кнопку на пульте и усаживается в кресло рядом со мной. Тяжелые коричневые шторы с легким скрипом закрывают необъятные окна, и тут же на экране без всяких титров и вступлений появляется изображение. Фильм черно-белый, пленка старая и

порядочно изношенная. Звука нет, и оттого отчетливее слышно стрекотание киноаппарата.

На экране высокая мрачная комната без окон, напоминающая цех или котельную. Крупным планом — топка с заслонками, похожими на ворота маленькой крепости, и направляющие желоба, которые уходят в топку, как рельсы в тоннель. Возле топки люди в серых халатах. Кочегары. Вот подают гроб. Так вот оно что! Крематорий. Тот самый, наверное, который я только что видел в окне. Люди в халатах поднимают гроб и устанавливают его на направляющие желоба. Заслонки печи плавно расходятся в стороны, гроб слегка подталкивают, и он несет своего неведомого обитателя в бушующее пламя.

А вот крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки. Лицо показывают со всех сторон бесконечно долго. Наконец камера отходит назад, показывая человека полностью. Он не в халате. На нем дорогой черный костюм, правда, совершенно измятый. Галстук на шее скручен в веревку. Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку.

Все кочегары вдруг повернулись к привязанному. Это внимание ему, видимо, совсем не понравилось. Он кричит. Он страшно кричит. Звука нет, но я знаю, что от такого крика дребезжат стекла. Четыре кочегара осторожно опускают носилки на пол, потом дружно поднимают их. Привязанный делает невероятное усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Титаническое напряжение лица. Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть. Но попытка укусить руку кочегара не удалась. Зубы привязанного впиваются в собственную губу, и черная струйка крови бежит по подбородку. Острые у человека зубы, ничего не скажешь. Его тело скручено крепко, но он извивается как пойманная ящерка. Его голова, подчиняясь животному инстинкту, мощными ритмичными ударами бьет о деревянную ручку, помогая телу. Привязанный бьется не за свою жизнь, а за легкую смерть. Его расчет понятен: раскатать носилки и упасть вместе с ними с направляющих желобов на цементный пол. Это будет или легкая смерть, или потеря сознания. А без сознания можно и в печь. Не страшно...

Но кочегары знают свое дело. Они просто придерживают ручки носилок, не давая им раскачиваться. А дотянуться зубами до их рук привязанный не сможет, даже если бы и лопнула его шея.

Говорят, что в самый последний момент своей жизни человек может творить чудеса. Подчиняясь инстинкту самосохранения, все его мышцы, все его сознание и воля, все стремление жить вдруг концентрируются в одном коротком рывке...

И он рванулся! Он рванулся всем телом! Он рванулся так, как рвется лиса из капкана, кусая и обрывая собственную окровавленную лапу.

Он рванулся так, что металлические направляющие желоба задрожали. Он рванулся, ломая собственные кости, разрывая жилы и мышцы. Он рванулся.

Но проволока была прочной.

И вот носилки плавно пошли вперед. Двери топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных, давно нечищенных ботинок. Вот подошвы приближаются к огню. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и бушующим пламенем. Но и это ему не удается. Оператор крупным планом показывает пальцы. Проволока туго впилась в них. Но кончики пальцев этого человека свободны. И вот ими он пытается тормозить свое движение. Кончики пальцев растопырены и напряжены. Если бы хоть что-то попало на их пути, то человек, несомненно, удержался бы. И вдруг носилки останавливаются у самой топки. Новый персонаж на экране, одетый в халат, как и все кочегары, делает им знак рукой. И, повинувшись его жесту, они снимают носилки с направляющих желобов и вновь устанавливают у стенки на ручки.

В чем дело? Почему задержка?

Ах, вот в чем дело. В зал крематория на низкой тележке вкатывают еще один гроб. Он уже заколочен. Он великолепен. Он элегантен. Он украшен бахромой и каемочками. Это почетный гроб. Дорогу почетному гробу! Кочегары устанавливают его на направляющие желоба, и вот он пошел в свой последний путь. Теперь невероятно долго нужно ждать, пока он сгорит. Нужно ждать и ждать. Нужно быть терпеливым...

А вот теперь, наконец, и очередь привязанного. Носилки вновь на направляющих желобах. И я снова вижу этот беззвучный вопль,

который, наверное, способен срывать двери с петель. Я с надеждой вглядываюсь в лицо привязанного. Я пытаюсь найти признаки безумия на его лице. Сумасшедшим легко в этом мире. Но нет таких признаков на красивом мужественном лице. Не испорчено это лицо печатью безумия. Просто человеку не хочется в печку, и он это старается как-то выразить. А как выразишь, кроме крика? Вот он и кричит. К счастью, крик этот не увековечен. Вот лакированные ботинки в огонь пошли. Пошли, черт побери. Бушует огонь. Наверное, кислород вдувают. Два первых кочегара отскакивают в стороны, два последних с силой толкают носилки в глубину. Двери топки закрываются, и треск аппарата стихает.

— Он... кто? — я сам не знаю, зачем задаю такой вопрос.

— Он? Полковник. Бывший полковник. Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За это его из организации исключили. И он ушел. Такой у нас закон. Силой в организацию мы никого не вовлекаем. Не хочешь — откажись. Но если вступил, то принадлежишь организации полностью. Вместе с ботинками и галстуком. Итак, я даю последнюю возможность отказаться. На размышление одна минута.

— Мне не нужна минута на размышление.

— Таков порядок. Даже если тебе и не нужна эта минута, организация обязана тебе ее дать. Посиди и помолчи, — седой щелкнул переключателем, и длинная худая стрелка, четко выбивая шаг, двинулась по сияющему циферблату.

А я вновь увидел перед собой лицо полковника в самый последний момент, когда его ноги уже были в огне, а голова еще жила: еще пульсировала кровь, еще в глазах светился ум, смертная тоска, жестокая мука и непобедимое желание жить. Если меня примут в эту организацию, я буду служить ей верой и правдой. Это серьезная и мощная организация. Мне нравится такой порядок. Но почему-то я наперед знаю, что если мне предстоит вылететь в короткую квадратную трубу, то никак не в гробу с бахромой и каемочками. Не та у меня натура. Не из тех я, которые с бахромой... Не из тех.

— Время истекло. Тебе нужно еще время на размышление?

— Нет.

— Еще одна минута?

— Нет.

— Что ж, капитан. Тогда мне выпала честь первым поздравить тебя со вступлением в наше тайное братство, которое именуется Главное разведывательное управление Генерального штаба, или сокращенно ГРУ. Тебе предстоит встреча с заместителем начальника ГРУ генерал-полковником Мещеряковым и визит в Центральный Комитет к генерал-полковнику Лемзенко. Я думаю, ты им понравишься. Только не вздумай хитрить. В данном случае лучше задать вопрос, чем промолчать. Иногда в ходе наших экзаменов и психологических тестов такое покажут, что вопрос сам к горлу подступает. Не мучь себя. Задай вопрос. Веди себя так, как вел себя сегодня здесь, и тогда все будет хорошо. Успехов тебе, капитан.

Глава 1

1

Если вам захотелось работать в КГБ, езжайте в любой областной центр. На центральной площади всенепременно статуя Ленина стоит, а позади нее обязательно окажется огромное здание с колоннами — это областной комитет коммунистической партии. Где-то тут рядом и областное управление КГБ. Тут же, на площади, любого спросите, вам любой покажет: да вон то здание, серое, мрачное, да, да, именно на него Ленин своей железобетонной рукой указывает. Но можно в областное управление и не обращаться, можно в дверь Особого отдела по месту работы постучать. Тут вам тоже каждый поможет: прямо по коридору и направо, дверь черной кожей обита. Можно стать сотрудником КГБ и проще. Надо к особисту обратиться. Особист на каждой захудалой железнодорожной станции есть, на каждом заводе, а бывает, что и в каждом цеху. Особист есть в каждом полку, в каждом институте, в каждой тюрьме, в каждом партийном комитете, в конструкторском бюро, а уж в комсомоле, профсоюзах и общественных организациях их множество. Подходи и говори: хочу в КГБ! Другой вопрос — примут или нет (ну конечно же, примут!), но дорога в КГБ открыта для всех, и искать эту дорогу совсем не надо.

А вот в ГРУ попасть не так легко. К кому обратиться? У кого совета спросить? В какую дверь стучать? Может, в милиции поинтересоваться? В милиции плечами пожмут: нет такой организации.

В Грузии милиция даже номерные знаки выдает с буквами ГРУ, не подозревая, что буквы эти могут иметь некий таинственный смысл. Едет такая машина по стране — никто не удивится, никто вслед не посмотрит. Обычному человеку, как и всей советской милиции, эти буквы ни о чем не говорят и никаких ассоциаций не вызывают. Не слышали обычные граждане о такой организации, и милиция никогда не слышала.

В КГБ миллионы добровольцев, в ГРУ их нет. В этом и состоит главное отличие. ГРУ — организация секретная. О ее существовании широкие народные массы не осведомлены, оттого и не рвется никто сюда по своей инициативе. Но, допустим, нашелся некий доброволец, каким-то образом нашел он ту дверь, в которую стучать надо, примите, говорит. Примут? Нет, не примут. Добровольцы ГРУ не нужны. Добровольца немедленно арестуют, и ждет его тяжелое, мучительное следствие. Много будет вопросов. Где ты эти три буквы услышал? Как ты нас найти сумел? Но, главное, кто помог тебе? Кто? Кто? Кто? Отвечай, сука!

Правдивые ответы ГРУ вырывать умеет. Ответ из любого вырвут. Это я вам гарантирую. ГРУ обязательно найдет того, кто добровольцу помог. И снова следствие начнется: а тебе, падла, кто эти буквы назвал? Где ты их услышал? Долго ли, коротко ли, но найдут и первоисточник. Им окажется тот, кому тайна доверена, но у кого длина языка превышает установленные стандарты. О, ГРУ умеет такие языки вырывать. ГРУ такие языки вместе с головами отрывает. И каждый попавший в ГРУ знает об этом. Каждый попавший в ГРУ бережет свою голову, а сберечь ее можно, только следя за языком. О ГРУ можно говорить только внутри ГРУ. Говорить можно так, чтобы голос твой не услышали за пределами стен величественного здания на Хорошёвке. Каждый попавший в ГРУ свято чтит закон Аквариума: все, о чем мы говорим внутри, пусть внутри и останется, пусть ни одно наше слово не выйдет за эти стены.

И оттого, что такой порядок существует, мало кто за пределами Аквариума знает о том, что происходит внутри. А тот, кто знает, тот молчит. И из-за того, что все знающие молчат, лично я о ГРУ никогда ничего не слышал.

Был я ротным командиром. После освободительного похода в Чехословакию ураган перемещений подхватил меня и бросил в 318-ю мотострелковую дивизию 13-й армии Прикарпатского военного округа. Я получил под командование вторую танковую роту в танковом батальоне 910-го мотострелкового полка. Рота моя успехами не блистала, но и в отстающих не числилась. Жизнь свою я видел на много лет вперед: после роты — начальником штаба батальона, после этого надо будет прорваться в Бронетанковую академию имени маршала Малиновского, потом будет батальон, полк, может быть, что и

повыше. Отклонения могли быть только в скорости движения, но не в направлении. Направление я выбрал себе однажды на всю жизнь и менять его не собирался. Но судьба распорядилась иначе.

13 апреля 1969 года в 4 часа 10 минут утра тронул меня осторожно за плечо мой посыльный:

— Вставайте, товарищ старший лейтенант, вас ждут великие дела. — Тут же, сообразив, что спросонья я к шуткам не расположен, он, сменив тон, коротко объявил: — Боевая тревога!

Собрался я за три с половиной минуты: одеяло в сторону, на себя — брюки, носки, сапоги. Гимнастерку — через голову, не застегивая, это на ходу сделать можно. Теперь португеею на самые последние дырочки затянуть, командирскую сумку через плечо и фуражку на голову. Ребром ладони — по козырьку: совпадает ли кокарда с линией носа. Вот и все сборы. И бегом вперед. Мой пистолет в комнате дежурного по полку хранится. Пистолет я на входе из огромного сейфа схвачу. А мой вещмешок, комбинезон, теплая куртка и шлем всегда в танке. Бегом по лестнице вниз. Эх, в душ бы сейчас да щеки бритвой поскоблить. Но не время. Боевая тревога! Тупорылый ГАЗ-66 уже почти полон: всё молодые офицерики да их посыльные, которые и того моложе.

А в небе уже звезды тают. Они уходят тихо, не прощаясь, как уходят из нашей жизни люди, воспоминания о которых сладкой болью тревожат наши черствые души.

Гремит парк, ревет парк боевых машин сотнями двигателей. Серая мгла кругом да копоть солярная. Рычат потревоженные танки. По грязной бетонной дороге ползут серо-зеленые коробки, выстраиваются в нескончаемую очередь. Впереди широкогрудые плавающие танки разведывательной роты, вслед за ними — бронетранспортеры штаба полка и роты связи, потом танковый батальон, дальше, за поворотом, три мотострелковых батальона вытягивают колонны, за ними артиллерия полковая, зенитная да противотанковая батареи, саперы, химики, ремонтники. Тыловым

подразделениям и места нет в громадном парке. Они свои колонны вытягивать начнут, когда головные подразделения далеко вперед уйдут.

Бегу я вдоль колонны машин к своей роте. А командир полка материт кого-то от всей души. Начальник штаба полка с командирами батальонов ругается, криком сотни двигателей перекрывает. Я бегу. И другие офицеры бегут. Скорее, скорее. Вот она, рота моя. Три танка — первый взвод, три — второй, еще три — третий. А командирский мой танк впереди. Вся десятка на месте. И уж слышу я все свои десять двигателей. Из общего рева их выделяю. У каждого двигателя свой нрав, свой характер, свой голос. И не фальшивит ни один.

Для начала неплохо. Перед своим танком учащаю шаги, резко прыгаю и по наклонному лобовому броневому листу взбегаю к башне. Командирский люк открыт, радист протягивает мне шлем, уже подключенный к внутренней связи. Шлем из мира грохота и рева переносит меня в мир тишины и спокойствия. Но наушники оживают мгновенно, разрушая зыбкую иллюзию тишины. Сидящий рядом радист по внутренней связи (иначе пришлось бы орать на ухо) докладывает последние указания. Все о пустяках. Я его главным вопросом обрываю: война или учения? «Хрен его знает», — жмет он плечами.

Как бы там ни было, моя рота к бою готова, и ее надо немедленно выводить из парка, — таков закон. Скопление сотен машин в парке — цель, о которой наши враги мечтают. Я вперед смотрю. А разве увидишь что? Первая танковая рота впереди меня стоит. Наверное, командир еще не прибыл. Все остальные впереди тоже ждут. Я на крышу башни вскакиваю. Так виднее. Похоже на то, что в разведывательной роте танк заглох, загородив дорогу всему полку. Я на часы смотрю. Восемь минут нашему командиру полка осталось, бате нашему. Если через восемь минут колонны полка не тронутся, с командира полка погоны сорвут и выгонят из армии без пенсии, как старого пса. А к голове колонны ни один тягач из ремонтной роты сейчас не пробьется: вся центральная дорога, стиснутая серыми угрюмыми гаражами, забита танками от края до края. Я на запасные ворота смотрю. Дорога к ним широкой канавой перерезана: там кабель какой-то или трубу начали прокладывать.

Я в люк прыгаю и водителю во всю глотку: «Влево, вперед!» И тут же всей роте: «Делай как я!» А влево ворот нет никаких. Влево —

стенка кирпичная между длинными блоками ремонтных мастерских. В командирском танке — лучший в роте водитель. Так установлено задолго до меня, и во всей армии. Я ему по внутренней связи ору: «Ты в роте лучший! Я тебя, прохвоста, выбрал. Я тебя, проходимца, высшей чести удостоил — командирскую машину беречь да ласкать. Не посрами выбора командирского! Сокрушу, сгною!»

А водителю моему отвечать некогда: на совсем коротком отрезке разгоняет он броневое монстра, перебрасывая передачи выше да выше. Страшен удар танком по стене кирпичной. Дрогнуло все у нас в танке, зазвенело, заныло. Кирпич битый лавиной на броню обрушился, ломая фары, антенны, срывая ящики с инструментами, калеча внешние топливные баки. Но взревел мой танк и, окутанный паутиной колючей проволоки, вырвался из кирпичной пыли на сонную улочку тихого украинского городка. Я в задний триплекс смотрю: танки роты моей пошли в пролом за мной весело да хулиганисто. К пролому дежурный по парку бежит. Руками машет. Кричит что-то. Рот разинут широко. Да разве услышишь, что он там кричит. Как в немом кино, по мимике догадываться приходится. Полагаю, что матерится дежурный. Шибко матерная мимика. Не спутаешь. Когда десятый танк моей роты через пролом выходил, там уж регулировщики появились: форма черная, португалии и шлемы белые. Эти порядок наведут. Эти знают, кого первым выпускать. Разведку — вот кого. В каждом полку есть особая разведрота с особой техникой, с особыми солдатами и офицерами. Но кроме нее в каждом мотострелковом и танковом батальоне полка подготовлено еще по одной роте, которые ни особой техники, ни особых солдат не имеют, но и они могут использоваться для ведения разведки.

Вот эти роты и нужно выпускать вперед. Нас, белые шлемы, выпускайте! Нам сейчас далеко вперед вырваться надо.

Смотришь на роты в дивизии или в полку — все они одинаковы для постороннего взгляда. Ан нет! В каждом батальоне первая рота и есть первая. Какие ни есть плохие солдаты в батальоне, а самых лучших из них комбат в первую роту собирает. И если нехватка

офицеров, то свежее офицерское пополнение обязательно первой роте отдадут. Потому как первая рота по главной оси батальона всегда идет. Она первая с врагами лбами сшибается. А от завязки боя и его исход во многом зависит. Вторая рота в любом батальоне — средняя. Офицеры во вторых ротах без особых отличий, вроде меня, и солдаты тоже. Зато каждая вторая рота имеет дополнительную разведывательную подготовку. У нее вроде как смежная профессия есть. Прежде всего она тоже боевая рота, но если потребуется, то она может вести разведку в интересах своего батальона, а может и в интересах полка работать, заменяя собой или дополняя особую полковую разведроту.

В Советской Армии 2400 мотострелковых и танковых батальонов. И в каждом из них третья рота — не только по номеру третья. В третьих ротах обычно служат те, кто ни в первые, ни во вторые роты не попал: совсем молодые, неопытные офицеры или перезрелые, бесперспективные. Солдат в третьих ротах всегда не хватает. Более того, на территории Союза третьи роты, в подавляющем большинстве, вообще солдат не имеют. Техника их боевая постоянно на консервации стоит. Война начнется — тысячи этих рот дополнят резервистами и быстро поднимут до уровня обычных боевых подразделений. В этой системе — глубокий смысл: добавить в дивизию резервистов в тысячу раз лучше, чем формировать новые дивизии целиком из резервистов. Моя вторая танковая рота стремительно уходит вперед. На повороте я оглядываюсь и считаю танки. Пока скорость выдерживают все. Прямо за последним танком моей роты, высекая искры из бетона, не отставая, идет гусеничный бронетранспортер с белым флажком.

И у меня от сердца отлегло. Маленький белый флажок означает присутствие посредников. А их присутствие, в свою очередь, означает учения, но не войну. Значит, поживем еще.

А надо мною вертолет-стрекоза. Вниз скользит. Разворачивается и заходит прямо против ветра, чтоб не снесло его. С правого борта завис. Я на крыше башни. Рука правая над головой. Пилот рыжий совсем. Лицо, как сорочье яйцо, веснушками изукрашено. А зубы — снег. Смеется. Знает он, вертолетный человек, что тем ротным, кому он сейчас приказы развез, денек выпал не из лучших. Вертолет тут же вверх взмывает, в сторону уходит. Только рыжий пилот смеется. Только зубы его блестят, лучи восходящего светила отражая.

Танк мой ревуший вселенную пополам режет, и то, что единым было впереди, распадается надвое. И летят перелески справа и слева. Грохот внутри адский. Карта на коленях. И многое становится ясным. Дивизию в прорыв бросили, и идет она стремительно на запад. Только где противник — не ясно. Ничего об этом карта не говорит. И оттого впереди дивизии рвутся два десятка разведывательных, танковых и мотострелковых рот, и моя — в их числе. Роты эти — как растопыренные пальцы одной ладони. Их задача — нащупать самое уязвимое место в обороне противника, на которое командир дивизии обрушит свой тысячетонный кулак. Уязвимое место противника ищут на огромных пространствах, и поэтому каждая из высланных вперед рот идет в полном одиночестве. Знаю я, что идут где-то рядом такие же роты, лихо и стремительно обходя очаги сопротивления, деревни и города. И моя рота тоже в изнурительные стычки не ввязывается: встретил противника, сообщил в штаб и обходи. Скорее обходи и снова вперед. А где-то вдали главные силы, как ревуший поток, прорвавший плотину. Вперед, ребята, вперед, на запад!

А бронетранспортер с белым флагом не отстает. Он, проклятый, вдвое легче танка, а силищи в нем почти столько же. Пару раз пытался я оторваться: мол, высокие скорости — залог победы. Но не выгорело. Когда взводом командовал, то такие вещи вполне проходили, но с ротой не пройдет. Разорвешь колонну, танки по болотам порастеряешь. За это не жалуют, за это с роты снимают. Черт с вами, думаю, проверяйте на здоровье, а роту я растягивать не буду...

— Кран впереди! — кричит по радио командир шестого танка, высланного вперед.

Кран? Подъемный? Точно! Кран! Весь зелененький, стрела для маскировки ветками облеплена. Где на поле боя можно кран увидеть? Правильно! В ракетной батарее! Каждый ли день такая удача!

— Рота! — ору. — Ракетная батарея! К бою. Вперед!

А уж мои ребята знают, как с ракетными батареями справляться. Первый взвод, обгоняя меня, рассыпается в боевую линию. Второй, резко увеличивая скорость, уходит вправо и, бросая в небо комья грязи из-под гусениц, несется вперед. Третий взвод уходит влево, огромным крюком охватывая батарею с фланга.

— Скорость! — рычу.

А водители это и без меня понимают. Знаю, что у каждого водителя сейчас правая нога уперлась в броневой пол, вжав педаль до упора. И оттого двигатели взвыли непокорно и строптиво. И оттого рев такой. И оттого копоть невыносимая: топливо не успевает сгорать в двигателях полностью, и жутким напором газа его выбрасывает через выхлопные горловины.

— Разведку прекращаю... Квадрат... Тринадцать сорок один... Стартовая позиция... Принимаю бой. — Это мой радист-заряжающий кричит в эфир наше, может быть, последнее послание. Ракетные подразделения и штабы противника должен атаковать каждый при первой встрече, без всяких на то команд, каковы бы ни были шансы, чего бы это ни стоило.

Заряжающий щелчком обрывает связь и бросает первый снаряд на досылатель. Снаряд плавно уходит в казенник, и мощный затвор, как нож гильотины, дробящим сердце ударом запирает ствол. Башня плывет в сторону, а под моими ногами полетела влево спина механика-водителя и боеукладка со снарядами. Казенник орудия, вздрогнув, плывет вверх. Наводчик вцепился руками в пульт прицела, и мощные стабилизаторы, повинуясь его корявым ладоням, легкими рывками удерживают орудие и башню, не позволяя им следовать бешеной пляске танка, летящего по пням и корягам. Большим пальцем правой руки наводчик плавно давит на спуск. С тем, чтобы страшный удар не обрушился на наши уши внезапно, во всех шлемофонах раздается резкий щелчок, заставляя барабанные перепонки сжаться, встречая всесокрушающий грохот выстрела сверхмощной пушки. Щелчок в шлемофонах опережает выстрел на сотые доли секунды, и оттого мы не слышим самого выстрела.

Сорокатонная громада летящего вперед танка дрогнула. Орудийный ствол отлетел назад и со звоном изрыгнул дымящуюся гильзу. И тут же, вторя командирской пушке, бегло залаяли остальные. А заряжающий уже второй снаряд бросил на досылатель.

— Скорость! — ору я.

А грязь из-под гусениц фонтанами. А лязг гусениц даже громче пушечного грохота. А в шлемофонах новый щелчок — это наводчик снова на спуск давит. И снова мы своего собственного выстрела не слышим. Только орудие судорожно назад рванулось, только гильза

страшно звенит, столкнувшись с отбойником. Мы слышим только выстрелы соседних танков. А они слышат наши. И эти пушечные выстрелы стегают моих доблестных азиатов словно плетью между ушей. И звереют они. Я каждого из них сейчас представить могу. В пятом танке наводчик между выстрелами резиновый налобник прицела от восторга грызет. Это не только в роте, во всем батальоне знают. Нехорошо это. Отвлекается он от наблюдения за обстановкой. Его за это даже чуть было в заряжающие не перевели. Но уж очень точно стреляет, прохвост. А в третьем танке в прошлый раз командир, включив рацию на передачу, забыл ее выключить, забывая всю связь в ротной сети. И вся рота слышала, как он скрежетал зубами и подвывал по-волчьи.

— Круши, — шепчу я, и шепот мой на тридцать километров радиоволны разносят, словно я каждому из своих милых свирепых азиатов это слово прямо в ушко нашептываю: — Круши-и-и-и!

А по ушам щелчок, и гильза снова звенит. Аромат у стреляных гильз дуращий. Кто тот ядовитый аромат вдыхал, тот зверел сладострастно. Круши!

От грохота, от мощи небывалой, от пулеметных трелей пьянеют мои танкисты. И не удержит их теперь никакая сила. Вот и водители всех танков словно с цепи сорвались: рвут рычаги ручищами своими грубыми, терзают машины свои, гонят их, непокорных, прямо в пекло. А я назад смотрю: не обошли бы с тылов. Далеко позади — бронетранспортер с белым флажком. Отстал, из сил выбился. Люди в нем несчастные: нет у них такой пушки сверхмощной, нет у них грохота одуряющего, нет аромата пьянящего. Нет у них в жизни такого наслаждения боем, не познали они его. Оттого труслив их водитель, камни да пни осторожно обходит. А ты не бойся! А ты машину ухвати лапами, рви ее и терзай. Бронева машина — существо нежное. Но если почувствует машина на себе могучего седока, то озверевает и она. И понесет она тебя вскачь по валунам гранитным, по пням тысячелетних дубов, по воронкам и ямам. Не бойся гусеницы изорвать, не бойся торсионы переломать. Рви и круши, и понесет тебя танк, как птица. Он, танк, тоже боем упивается. Он рожден для боя. Круши!

— Выводи роту из боя...

Искры из-под гусениц. Влетела рота на позиции ракетной батареи. Скрежет в моих наушниках: то ли гусеницы по стальному листу

лязгают, то ли наводчик мой зубами скрипит.

— Выводи роту из боя.

Чтоб не задеть друг друга, танки без всякой команды огонь прекратили, только ревут, как волки, рвущие оленя на части. Бьют танки лбами своими броневыми хлипкие ракетные транспортеры, краны да пусковые установки, в жирный чернозем втаптывают красу и гордость ракетных войск. Круши!

— Выводи роту из боя... — снова слышу я чей-то далекий скрипучий голос и вдруг понимаю, что это проверяющий ко мне обращается. Ах, черт! Да кто же в такой момент наивысшего, почти сексуального блаженства людей от любимого занятия отрывает? Проверяющий, твою мать, ты же моих жеребцов в импотентов превратишь! Кто тебе право дал портить великолепную танковую роту? Ты враг народа или буржуазный вредитель? Куль тебе в зубы! Рота, круши! И, треснув кулаком по броне, выматерив в открытый эфир всю штабную сволочь, которая порохового дыма по своим канцеляриям не нюхала, я командую:

— Роте боевой отбой! Влево на поляну повзводно марш!

Мой водитель в сердцах рвет левый рычаг до упора, отчего танк всей массой своей почти опрокидывается вправо, ломая красавицу березу. Мастерски водитель перебрасывает передачи почти с секундным перерывом и, добравшись до верхней, гонит броневое монстра вперед, через кусты и глубокие ямы, прямо на поляну. Лихо развернувшись, он снижает обороты почти до нуля, и машина замирает на месте, бросив нас резко вперед, как при внезапном торможении самолета в самом конце разбега. Остальные танки с разочарованным ревом один за другим вырываются из леса и, судорожно тормозя, выстраиваются в четкую линию.

— Разряжай! Оружие к осмотру! — подаю команду и вырываю шнур шлемофона из разъема, а заряжающий щелчком вырубает всю связь.

Бронетранспортер с проверяющими далеко отстал. Пока он доковылял до роты, я успел проверить вооружение, получил рапорта о

состоянии машин, о расходе топлива и боеприпасов, построил роту и замер посередине поляны в готовности рапортовать.

Стою, в уме плюсы и минусы подсчитываю: за что меня похвалить могут, а за что наказать. Рота из парка начала выход на восемь минут раньше срока — за это хвалят, за это иногда командиру роты и золотые часики подбросить могут. В начале войны счет на секунды идет. Все танки, все самолеты, все штабы должны рывком из-под удара выйти. Тогда первый, самый страшный удар противника по пустым военным городкам ляжет. Восемь минут! Тут мне плюс несомненный. Все танки мои исправны, и весь день таковыми оставались. Это моему зампотеху плюс. Жаль, что из-за нехватки офицеров нет у меня в роте зампотеха. Я сам за него работаю. Опорные пункты мы обходили крутым маневром, вовремя и четко сообщая о них. Это плюс командиру первого взвода. Жаль, что и его в роте нет: опять же нехватка. Ракетную батарею не проморгали, не пропустили, унюхали, в землю ее втоптали. А ракетная батарея, даже самая захудалая, может пару Хиросим сотворить. Прекратив разведку и бросив свои коробки против ракет, я эти самые Хиросимы предотвратил. За такое на войне и орденом пожаловать могут, а на учениях хвалят долго...

А вот и проверяющий полковник. Ручки белые, чистенькие, сапожки блестят. Лужи он брезгливо обходит, как кот, чтобы лапки не испачкать. Командир полка, батя наш, тоже полковник, да только ручищи у него мозолистые, как у палача, к тяжелому труду его ручищи приучены. А рожа у нашего бати обожжена морозом, солнцем и ветрами всех известных мне полигонов и стрельбищ, не в пример бледному личику проверяющего полковника.

— Равняйся! Смирно! Равнение направо!

Но проверяющий рапорта моего не слушает, он меня на полуслове обрывает:

— Увлекаетесь, старший лейтенант, в бою! Как мальчишка!

Я молчу. Я улыбаюсь ему: вроде он не ругает меня, а медаль на грудь вешает. А он от моей улыбки еще пуще свирепеет. Свита его угрюмо молчит. Знает свита, что Дисциплинарный Устав запрещает ругать меня в присутствии моих подчиненных. Знают майоры и подполковники, что, ругая меня в присутствии моих подчиненных, полковник не мой командирский авторитет подрывает, а авторитет

всего офицерского состава доблестной Советской Армии, и в том числе собственный полковничий авторитет. А мне вроде бы и ничего. Я улыбаюсь.

— Это позорно, старший лейтенант, не слышать команд и не выполнять их.

Эх, полковник, а я бы на орудийных стволах вешал тех, кто в бою не увлекается, кого запах крови не пьянит. Это учения, а кабы в настоящем бою гусеницы наших танков были перепачканы настоящей кровью, так мои азиаты славные еще бы и не так распалились. Да только это не слабость. Это их сила. Их никто в мире остановить бы не смог.

— И еще со стенкой! Вы же стенку в парке поломали! Это преступление!

Про стенку я и думать забыл. Велика беда. Ее уж, наверно, восстановили. Долго ли? Пригони с губы десяток арестантов, они за пару часов новую стенку сложат. И откуда мне, полковник, знать, учения это были или война? Кто это во время тревоги знать может? А если война, и стенка целой осталась бы, а две тысячи человек и сотни великолепных боевых машин все в одной куче сгорели? Ась, полковник? Высокую должность ты занимаешь, именуешься начальником разведки 13-й армии, так поинтересуйся, сколько мои азиаты за день целей вскрыли. Они и по-русски толком не говорят, а цели вскрывают безошибочно. Похвали их, полковник! Не мне, так хоть им улыбнись. И я улыбаюсь ему. К роте своей я спиной сейчас стою, и повернуться мне к ней лицом никак нельзя. Только я и так знаю, что вся моя рота сейчас улыбается. Просто так, без всякой причины. Они у меня такие, они в любой обстановке зубы скалят.

А полковнику это не нравится. Он, наверное, думает, что мы над ним смеемся. Озверел полковник. Зубами скрежещет, как наводчик в бою. Наши улыбки он понять и оценить не способен. И оттого он кричит мне в лицо:

— Мальчишка! Вы недостойны командовать ротой! Я вас отстраняю! Сдайте роту заместителю, пусть он ведет роту в казармы!

— Нет у меня сейчас заместителя, — улыбаюсь я ему.

— Тогда командиру первого взвода!

— И его нет, — и, чтобы полковнику всех командиров нижестоящих не перечислять, объясняю: — Один я в роте офицер.

Полковник угас. Пыл с него сошел. Сошел, вроде и не было его. Ситуация, когда в роте только один офицер, в нашей армии, особенно на территории Союза, почти стандартная. Офицерами быть много желающих, да только все полковниками быть хотят. А лейтенантский старт мало кого влечет. И оттого нехватка на самом низу. Нехватка офицеров жестокая. Но там, наверху, в штабах, об этом как-то забывается. Вот и сейчас полковник просто не подумал, что я могу быть единственным офицером на всю роту. Меня от командования отстранил, у него на это право есть. Но роту надо возвращать в казармы. А гнать роту, да еще танковую, одну, без офицеров, на десятки километров нельзя. Это преступление. Это непременно расценят как попытку государственного переворота. Тут тебе, полковник, исход летальный. Если уж ты отстранил командира в обстановке, когда у него нет заместителей, то этим самым ты роту под свою персональную ответственность принял и никому эту роту доверить не имеешь права. Если бы такое право предоставили, то каждый командир дивизии мог бы вывести войска в поле, сместить командиров, заменить их теми, кто ему подходит, и — переворот. Но нет у нас переворотов, ибо не каждый допущен к деликатному вопросу подбора и расстановки командирских кадров. Снимать — твое право. Снимать легко. Снимать любой умеет. Это так же легко, как убивать. Но возвращать командиров на их посты так же трудно, как мертвых живыми делать. Ну что, полковник, думаешь меня вновь на роту поставить? Не выйдет. Недостоин я. И все это слышали. Не имеешь права ставить на роту недостойного. А если наверху узнают, что ты вблизи государственной границы снимал с танковых рот законных командиров и на их место недостойных ставил? Что с тобой будет? Ась? То-то.

Тут бы полковнику с командиром моего батальона или полка связаться: мол, заберите свою беспризорную роту. Но кончились учения. Кончились так же внезапно, как и начались. Кто же позволит боевой связью после учений пользоваться? Тех, кто допускал такие вольности, в 1937 году перестреляли. После того никому не повадно такими вещами баловаться. Ну что же, полковник? Ну, веди роту. А может быть, ты уж и забыл, как ее водить? А может быть, никогда ее и не водил? Рос в штабах. Таких полковников множество. Любое занятие со стороны пустяковым кажется. И роту танковую вести тоже

несложно. Да только команды нужно подавать именно так, как они в новом уставе записаны. Люди в моей роте русский язык плохо знают, могут не понять. Хуже, если поймут, да не так. Тогда их и на вертолете по лесам и болотам не сыщешь. Тяжел танк, иногда на человека наехать может, под мост провалиться, в болоте может утонуть.

А расплата всегда одна и та же.

Я не улыбаюсь больше. Ситуация серьезная, и смеяться незачем. Мне бы самое время ладонь к козырьку: разрешите идти, товарищ полковник? Все равно я тут теперь посторонний, не командир и не подчиненный. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте. Захотелось покомандовать, вот, товарищ полковник, и командуйте. Но злость и злорадство во мне быстро погасли. Рота родная, люди мои, машины мои. За роту я больше не отвечаю, но и не брошу ее просто так.

— Разрешите, товарищ полковник, — бросаю ладонь к шлему, — последний раз роту провести. Вроде как попрощаться с ней.

— Да, — коротко соглашается он.

На одно мгновение показалось мне, что по привычке хочет он обычное наставление дать: мол, не гони, не увлекайся, колонну не растягивай. Но не сделал он этого. Может, у него и намерения такого не было, просто мне так показалось.

— Да, да, ведите роту. Считайте, что мой приказ еще в силу не вошел. Приведите роту в казарму, там ее и сдадите.

— Есть! — поворачиваюсь я резко кругом, замечая усмешки в свите полковника.

Как это так, «пока командуйте»? Понимает свита, что нет такого положения — «пока командуйте». Командир или достоин своего подразделения и полностью за него отвечает, или не достоин, и тогда его немедленно отстраняют. «Пока командуйте» — это не решение. И за такой подход может полковник дорого поплатиться. Мне это ясно, и свите его. Но не до этого мне сейчас. У меня дело серьезное. Я ротой командую. И нет мне дела до того, что и кто подумал, кто как поступил и как за это будет наказан.

Перед тем как первую команду подать, обязан командир свое подразделение воле своей подчинить. Обязан он глянуть на своих солдат так, чтобы по строю легкая зыбь побежала, чтобы замерли они, чтобы каждый почувствовал, что сейчас командирская команда

последует. А команды в танковых войсках беззвучны. Два флажка в моих руках. Ими я и командую.

Белый флажок резко вверх. Это первая моя команда. Жестом этим коротким и резким я своей роте длинное сообщение передал: «Ротой командую — я! Работу радиостанций на передачу до встречи с противником запрещаю! Внимание!» Команды бывают предварительные и исполнительные. Предварительной командой командир как бы ухватывает подчиненных железной уздой своей воли. И, натянув поводья, должен командир выждать пять секунд перед подачей главной команды. Должен строй застыть, ожидая ее, должен каждый почувствовать железные удила, должен каждый чуть вздрогнуть, должны мускулы заиграть, как перед хлестким ударом, должен каждый исполнительной команды ждать, как хорошая лошадь ждет удара плетью.

Красный флажок резко вверх, и оба — через стороны вниз. Дрогнула рота, рассыпалась, кованными сапогами по броне загрохотала.

Может, просталась со мной рота, может, проверяющим выучку свою демонстрировала, может, просто злость разбирала, и никак эту злость по-другому выразить невозможно было. Ах, если бы секундомер кто включил! Но и без секундомера я в тот момент знал, что бьет моя рота рекорд дивизии, а может, и какой повыше. Знал я в тот момент, что много в свите полковника настоящих танкистов и что каждый сейчас моими азиатами любуется. Много я сам видел рекордов в танковых войсках и знаю цену тем рекордам. Повидал я и руки поломанные, и зубы выбитые. Но везло моим ребятам в тот момент. И знал я как-то наперед, что не оступится ни один, не поскользнется, совершая немислимый прыжок в люк. Знал я, что и пальцы никому не отдавит. Не тот момент.

Десять двигателей хором взвыли. Я в люке командирском. Теперь белый флажок вверх в моей руке означает: я — готов! И в ответ мне девять других флажков: готов! Готов! Готов! Резкий круг над головой и четкий жест в сторону востока: следуй за мной!

Элементарно? Да!

Примитивно? Нет!

Просто все, но никакая радиоразведка не сможет обнаружить выдвижение даже четырех танковых армий одновременно. А против других видов разведки есть столь же простые, но неотразимые

приемы. И потому мы всегда внезапно появляемся. Плохо или хорошо, но внезапно. Даже в Чехословакии, даже семью армиями одновременно.

Проверяющий полковник вскарабкался на свой бронетранспортер. Свита — за ним. Бронетранспортер взревел, круто развернулся и пошел в военный городок своей дорогой.

Свита полковника его явно ненавидит. В противном случае ему подсказали бы, что он должен идти прямо за моим танком. Я ведь теперь никто. Самозванец. Доверять мне роту — все равно как если бы начальник полиции доверил проведение ареста бывшему полицейскому, выгнанному с работы. Если уж тебе и пришла в голову такая идея, так хоть будь рядом, чтобы вовремя вмешаться. Если уж отдал роту кому-то, если не умеешь ею управлять, так хоть будь рядом, чтобы на тормоза вовремя нажать. Но не подсказал никто полковнику, что он жизнь свою в руки старшего лейтенанта отдал. А старший лейтенант, отстраненный от власти, может любую гадость сотворить, он в роте посторонний. Отвечать же тебе, полковник, придется.

Но, может быть, знали все в свите, что старший лейтенант роту приведет без всяких происшествий. Знали, что не будет старший лейтенант ломать полковничью судьбу.

А мог бы...

Так часто бывает — хлестнут дивизию плетью боевой тревоги, вырвется она на простор, а ее обратно возвращают. Глубокий смысл в этом. Так привычка вырабатывается. На настоящее дело пойдут дивизии как на обычные учения — без эмоций. А заодно и у противника бдительность теряется. Вырываются советские дивизии из своих военных городков часто и внезапно. Противник на это реагировать перестает.

Дороги танковыми колоннами забиты. Ясно, что отбой дали всей дивизии одновременно. Кто знает, сколько дивизий сегодня по боевой тревоге было поднято, сколько их сейчас в свои военные городки возвращается! Может, одна наша дивизия, может, три дивизии, а может

быть и пять. Кто знает, может, и сто дивизий были одновременно подняты.

У ворот военного городка оркестр гремит. Командир полка нашего, батя, на танке стоит — свои колонны встречает. Глаз у него опытный, придирчивый. Ему взгляда одного достаточно, чтобы оценить роту, батарею, батальон и их командиров. Ёжатся командиры под свинцовым батиным взглядом. Здоровенный он мужик, портупея на нем на последние дырочки застегнута, еле сходится. А голенища его исполинских сапог сзади разрезаны слегка, по-другому не натянешь их на могучие икры. Кулачище у него размером с чайник. И этим кулачищем он машет кому-то — наверное, командиру третьего мотострелкового батальона, бронетранспортеры которого сейчас втягиваются в прожорливую горловину ворот. Вот минометная батарея этого батальона прошла через ворота, и теперь моя очередь. И хотя я знаю, что все мои танки идут за мной, и хотя все равно мне теперь, идут они за мной или нет, ибо я им больше не командир, я в самый последний момент оглядываюсь: да, все идут, не отстал ни один. Командиры всех танков ловят мой взгляд. А я снова резко вперед поворачиваюсь, правую ладонь к черному шлему бросаю, и командиры всех остальных девяти танков четко повторяют это древнее воинское приветствие.

Командир полка все еще кричит что-то обидное и угрожающее вслед колонне третьего батальона и, наконец, поворачивает свирепый взгляд свой на мою роту. Горилла лесная, атаман разбойничий, кто твой взгляд выдержать может? Встретив взгляд его, я вдруг неожиданно для себя самого принимаю решение этот многотонный взгляд выдержать. А он кулачище свой разжал, ладонь широченную, как лопата — к козырьку. Не каждому батя на приветствие приветствием отвечает. И не ждал я этого. Хлопнул глазами, заморгал часто. Танк мой уж прошел мимо него, а я голову назад — на командира смотрю. А он вдруг улыбнулся мне. Рожа у него черная, как негатив, и оттого улыбка его белозубая всей моей роте видна и, наверное, гаубичной батарее, которая следом за мной идет, которую он сейчас кулачищем своим приветствовать будет.

Эх, командир! Не знаешь ты, что я не ротный уже. Сняли меня, командир, с роты. Сняли с позором. Вроде как публично высекли. Это, командир, ничего. Думаешь, скулить буду? Да никогда в жизни. Я

улыбаться буду. Всегда. Всем назло. Радостно и гордо. Вот как тебе сейчас, командир, улыбаюсь. Роту я скоро новую получу. Нехватка офицеров, сам знаешь. Жаль только с моими азиатами расставаться. Уж очень хорошие ребята подобрались. Ну, ничего, переживем. С меня и того достаточно, что полк вовремя по тревоге выход начал, что ты, командир, с полка не слетел. Стой тут и маши своим кулачищем. На то ты тут и поставлен. И не надо нам никакого другого командира в полку. Мы, командир, нрав твой крутой прощаем. И, если надо, пойдём за тобой туда, куда ты нас поведешь. И я, командир, пойду за тобой, пусть не ротным, так взводным.

А могу и простым наводчиком.

По возвращении боевой машины в парк что должно быть сделано в первую очередь? Правильно. Машина должна быть заправлена. Исправная или поломанная, но заправленная. Кто знает, когда новая тревога грянет? Каждая боевая машина должна быть готова повторить все сначала и в любую минуту. И оттого опять гудит парк. Сотни машин одновременно заправляются. Каждому танку — минимум по тонне топлива. И бронетранспортеры прожорливы. И артиллерийские тягачи. И все транспортные машины заправки требуют.

Заправив машину топливом и маслом, пополняй боекомплект. Снаряды танковые по тридцать килограммов каждый. Сотни их подвезли. Каждая пара снарядов — в отдельном ящике. Каждый ящик нужно с транспортной машины аккуратно спустить. Аккуратно — потому как может грохнуть. Снаряды из ящиков вытащим, осмотрим, чтоб без повреждений были, упаковку с каждого снимем, заводскую смазку сотрем, и — в танк его.

Патроны — тоже в ящиках. В каждом — две запаянных цинковых коробки по 440 штук. Патроны нужно в ленты снарядить. В ленте пулеметной 250 патронов. Потом ленты нужно в магазины заправить. В каждом танке 13 магазинов. Теперь все стреляные гильзы нужно собрать, уложить в ящики, сдать на склад. Стволы позже чистить будем. По очереди, всем взводом каждый танковый ствол, по многу часов каждый день, повторяя много дней подряд. Но сейчас пока

стволы маслом зальем. А вот теперь танки нужно помыть. Это грубая мойка. Основная мойка и чистка будет потом.

Теперь бойцов нужно накормить. Обед не было сегодня, потому обед совмещен с ужином. После ужина всех на техническое обслуживание. К утру все проверить нужно: двигатели, трансмиссии, подвеску, ходовую часть. В четвертом танке торсион сломан на левом борту. В восьмом оборачивающийся редуктор барахлит. А в первой танковой роте два двигателя сразу менять будут.

Спать сегодня ни роте моей, ни батальону, ни полку, ни всей дивизии много не выгорит. Кто где сна кусочек урвет, тем и будьте довольны. Ибо с утра — общая чистка стволов. Чтобы все готово было! Сокрушу!

И вдруг чувствую пустоту под сердцем. И вдруг вспомнил я, что не придется мне с утра в моей роте проверять качество обслуживания. Может быть, и не пустят меня завтра вообще в танковый парк. Знаю, что все документы на меня уже готовы и что официально снимут меня не завтра утром, а уже сегодня вечером. И знаю, что положено офицеру на снятие идти в блеске, не хуже, чем за орденом. И рота моя это знает. И потому пока я с заправщиками ругался, пока ведомости расхода боеприпасов сверял, пока под третий танк лазил, уже кто-то и сапоги мне до зеркального блеска отполировал, и брюки выгладил, и воротничок свеженький пришил. Сбросил я грязный комбинезон, и быстро в душ. Брился долго и старательно. А тут и посыльный из штаба полка.

Гремит парк. Через ворота разбитый бронетранспортер тягач тянет. Гильзы стреляные звенят. Гудят огромные «Уралы», доверху пустыми снарядами ящиками набитые. Электросварка салютом брызжет. Все к утру должно блестеть и сиять. А пока грязь, грязь кругом, шум, грохот, как на великой стройке. Офицера от солдата не отличишь. Все в комбинезонах, все грязные, все матерятся. И идет среди этого хаоса старший лейтенант Суворов. И умолкают все. Чумазые танкисты вслед мне смотрят. Ясно каждому — на снятие старший лейтенант идет. Никто не знает, за что слетел он. Но каждый

чувствует, что зря его снимают. В другое бы время и не заметили старшего лейтенанта в чужих ротах, а если и заметили, то сделали бы вид, что не заметили. Так бы в двигателях и ковырялись, выставив промасленные задницы. Но на снятие человек идет. И потому грязной пятерней под замусоленные пилотки приветствуют меня чужие, незнакомые танкисты. И я их приветствую. И улыбаюсь. И они мне улыбаются: мол, бывает хуже, крепись.

За стенами парка — военный городок. Каштаны в три обхвата. Новобранцы громко, но нестройно песню орут. Стараются, но неуклюжи еще. Лихой ефрейтор покрикивает. Вот и новобранцы меня приветствуют. Эти еще телята. Эти еще ничего не понимают. Для них старший лейтенант — это очень большой начальник, гораздо выше ефрейтора. А что как-то особенно сапоги у него блестят, так это, наверное, праздник у него какой-то...

Вот и штаб. Тут всегда чисто. Тут всегда тихо. Лестница мраморная. Румыны до войны строили. Ковры во всех коридорах. А вот и полуовальный зал, залитый светом. В пуленепробиваемом прозрачном конусе — опечатанное гербовыми печатями знамя полка. Под знаменем часовой замер. Короткий плоский штык дробит последний луч солнца, рассыпает его искрами по мрамору. Я приветствую знамя полка, а часовой под знаменем не шелохнется. Он ведь с автоматом. А вооруженный человек не использует никаких других форм приветствия. Его оружие и есть приветствие всем остальным.

Посыльный ведет по коридору к кабинету командира полка. Странно это. Почему не к начальнику штаба?

Стукнул посыльный в командирскую дверь. Вошел, плотно закрыв дверь за собой. Тут же назад вышел, молча уступив дорогу: входите.

За командирским дубовым столом незнакомый подполковник небольшого роста. Этого подполковника я сегодня в свите проверяющего полковника видел. Что за черт! Дивлюсь, где же батя, где начальник штаба? И почему подполковник в командирском кресле сидит? Неужели по своему положению он выше нашего бати? Ну конечно, выше. Иначе не сидел бы за его столом.

— Садитесь, старший лейтенант, — не слушая рапорта, предлагает подполковник.

Сел. На краешек стула. Знаю, что сейчас громкие слова последуют, и оттого вскочить придется. Оттого спина у меня прямая. Вроде в строю стою, на параде.

— Доложите, старший лейтенант, почему вы улыбались, когда вас полковник Ермолов с роты снимал.

Смотрю на подполковника, на свежий воротничок на уже не новой, но чистенькой и выглаженной гимнастерке. А что ответишь?

— Не знаю, товарищ подполковник.

— Жалко с ротой расставаться?

— Жалко.

— Рота твоя мастерски работала. Особенно в конце. А со стенкой все согласны: ее лучше сломать, чем полк под удар поставить. Стенку восстановить нетрудно.

— Ее уже восстановили.

— Вот что, старший лейтенант. Зовут меня подполковник Кравцов. Я начальник разведки тринадцатой армии. Полковник Ермолов, снявший тебя с роты, думает, что он начальник разведки. Но он смещен, хотя об этом еще не догадывается. На его место уже назначен я. Сейчас мы объезжаем дивизии. Он думает, что проверяет, а на самом деле это я дела принимаю, знакомлюсь с состоянием разведки в дивизиях. Все его решения и приказы никакой силы не имеют. Он распоряжается каждый день, а по вечерам я представляю свои документы командирам полков и дивизий, и все его приказы теряют всякую силу. Он об этом не догадывается. Он не знает, что его крик — не более чем лесной шум. В системе Советской Армии и всего нашего государства он уже ноль, частное лицо, неудачник, изгнанный из армии без пенсии. Приказ об этом ему скоро объявят. Так что его приказ о смещении тебя с роты никакой силы не имеет.

— Спасибо, товарищ подполковник!

— Не спеши благодарить. Он не имеет права тебя отстранить от командования ротой. Поэтому я тебя отстраняю, — и, сменив тон, он тихо, но властно сказал: — Приказываю роту сдать!

У меня привычка давняя встречать удары судьбы улыбкой. Но удар оказался внезапным, и улыбки не получилось.

Швырнул я ладонь к козырьку и четко ответил:

— Есть сдать роту!

— Садись.

Сел.

— Есть разница. Полковник Ермолов снял тебя, потому что считал, что роты для тебя много. Я снимаю тебя, считая, что роты для тебя мало. У меня для тебя есть должность начальника штаба разведывательного батальона дивизии.

— Я только старший лейтенант.

— Я тоже только подполковник. А вот вызвали и приказали принять разведку тринадцатой армии. Я сейчас не только принимаю дела, но и формирую свою команду. Кое-кого я за собой перетащил со своей прежней работы. Я был начальником разведки восемьдесят седьмой дивизии. Но у меня теперь хозяйство во много раз больше, и мне нужно много толковых исполнительных ребят, на которых можно положиться. И штаб разведывательного батальона — это минимум. Я попробую тебя и на более высоком посту. Если справишься.

Он смотрит на часы.

— Двадцать минут на сборы. В двадцать один тридцать отсюда в Ровно, в штаб тринадцатой армии, пойдет наш автобус. В нем будет место и для тебя. Я заберу тебя к себе в разведывательный отдел штаба тринадцатой армии, если завтра сдашь экзамены.

Экзамены я сдал.

Глава 2

1

От офицерской гостиницы до штаба 13-й армии — двести сорок шагов. Каждое утро я не спеша иду вдоль шеренги старых кленов мимо пустых зеленых скамеек прямо к высокой кирпичной стене. Там, за стеной, в густом саду — старинный особняк. Когда-то, очень давно, тут жил богатый человек. Его, конечно, убили, ибо это несправедливо, чтобы у одних большие дома были, а у других — маленькие. Перед войной в этом особняке размещалось НКВД, а во время войны — Гестапо. Очень уж место удобное. После войны тут разместился штаб одной из наших многочисленных армий. В этом штабе я теперь служу.

Штаб — это концентрация власти, власти жестокой, неумолимой, несгибаемой. В сравнении со штабами любого из наших противников наши штабы малы и предельно подвижны. Штаб армии — это семьдесят генералов и офицеров, да рота охраны. Это все. Никакой бюрократии. Штаб армии может в любой момент разместиться на десяти бронетранспортерах и раствориться в серо-зеленой массе подчиненных ему войск, не теряя при этом руководства ими. В этой его незаметности и подвижности — неуязвимость. Но и в мирное время он защищен от всяких случайностей. Еще первый владелец этого особняка отгородил дом и большой сад высокой кирпичной стеной. А все последующие владельцы стену укрепляли, надстраивали, дополняли всякими штуками, чтобы начисто отбить охоту через стену перелезть.

У зеленых ворот — часовой. Предъявим ему пропуск. Он его внимательно рассмотрит и — рука к козырьку: проходите, пожалуйста. От контрольного пункта самого здания не видно. К нему ведет дорога между стен густых кустов. С дороги не свернешь — в кустах непролазная чаща колючей проволоки. Так что иди по дороге как по тоннелю. А дорога плавно поворачивает к особняку, спрятанному среди каштанов. Окна его первого этажа много лет назад замурованы. На окнах второго этажа — крепкие решетки снаружи и плотные шторы

внутри. Площадка перед центральным входом вымощена чистыми белыми плитами и окружена стеной кустов. Если присмотреться, то кроме колючей проволоки в кустах можно увидеть и серый шершавый бетон. Это пулеметные казематы, соединенные подземными коридорами с подвальным помещением штаба, где размещается караул.

Отсюда, от центрального дворика, дорога поворачивает вокруг особняка к новому трехэтажному корпусу, пристроенному к главному зданию. Отсюда можно наконец попасть в парк, который зеленой мглой окутывает весь наш Белый дом.

Днем на дорожках парка можно увидеть только штабных офицеров, ночью — караулы с собаками. Тут же, в парке, совсем неприметный со стороны вход в подземный командный пункт, сооруженный на десятиметровой глубине и защищенный тысячами тонн бетона и стали. Там, под землей, — рабочие и жилые помещения, узел связи, столовая, госпиталь, склады и все, что необходимо для жизни и работы в условиях полной изоляции.

Но кроме этого подземного КП есть еще один. Тот не только бетоном, сталью и собаками защищен, но и тайной. Тот КП — призрак. Мало кто знает, где он расположен.

До начала рабочего дня — двадцать минут, и я брожу по дорожкам, шурша золотыми листьями. Далеко-далеко в синеве истребитель расчерчивает небо, пугая журавлей, кружащих над невидимым отсюда полем.

Вот офицеры потянулись к Белому дому. Время. Двинемся и мы. По дорожке к широкой аллее, мимо журчащего ручья, теперь обогнем левое крыло особняка, и вот мы снова на центральном дворике, среди густых кустов, под тяжелыми взглядами пулеметных амбразур из-под низких бетонных лбов мрачных казематов.

Предъявим снова пропуск козыряющему часовому и войдем в гулкий беломраморный зал, где когда-то звенели шпоры, шелестели шелком юбки и за страусовыми перьями вееров дамы прятали томные взгляды. Теперь тут юбок нет. Изредка мелькнет телеграфистка с узла связи. Юбка на ней суконная, форменная, хаки, в обтяжку. Что, полковники, вслед смотрите? Нравится?

По беломраморной лестнице — вверх. Тут уж мне вслед смотрят. Там, наверху, часовой. Там еще одна проверка документов. И сюда,

наверх, отнюдь не каждому штабному полковнику вход разрешен. А я только старший лейтенант, но пропускают меня часовые. Внизу удивляются: что за птица? Отчего по мраморной лестнице вверх ходит?

Предъявим еще раз пропуск и войдем в затемненный коридор. Тут ковры совсем заглушат наши шаги. В конце коридора — четыре двери, в начале — тоже четыре. Там, в конце коридора, кабинеты командующего, его первого заместителя, начальника штаба и политического шамана 13-й армии, который именуется членом Военного совета.

А четыре двери в начале коридора — это самые важные отделы штаба: первый, второй, восьмой и Особый.

Первый отдел — оперативный, он занимается боевым планированием.

Второй отдел — разведывательный, он поставляет первому отделу всю информацию о противнике.

Восьмой отдел названия не имеет, у него есть только номер. Мало кто знает, чем этот отдел занимается.

А у Особого отдела, наоборот, номера нет, только название. Чем он занимается, все знают.

Наш коридор — наиболее охраняемая часть штаба, и доступ сюда разрешен ограниченному числу офицеров. Конечно, и в наш коридор некоторые лейтенанты ходят — особисты и генеральские адъютанты. Вот и мне вслед полковники смотрят: что за гусь? А я не особист и не адъютант. Я — офицер второго отдела. Вот наша черная кожаная дверь, первая налево. Наберем шифр на пульте, и дверь плавно откроется. За ней еще одна, на этот раз из брони, как в танке. Нажмем кнопку звонка, на нас глянет бдительное око через пуленепробиваемую смотровую щель, щелкнет замок — вот мы и дома.

Раньше тут, видимо, был один большой зал, потом его разделили на шесть не очень больших кабинетов. В тесноте, да не в обиде. В одном кабинете — начальник разведки 13-й армии, мой благодетель и покровитель, подполковник (пока еще подполковник) Кравцов. В остальных пяти кабинетах работают пять групп отдела.

Первая группа руководит всей нижестоящей разведкой — разведывательными батальонами дивизий, разведротами полков,

внештатными разведротами, артиллерийской, инженерной и химической разведкой.

Пятая группа занимается электронной разведкой. В ее подчинении два батальона пеленгации и радиоперехвата, а кроме того эта группа контролирует электронную разведку во всех дивизиях, входящих в состав нашей 13-й армии.

Вторая и третья группы для меня — *terra incognita*. Не проработав в четвертой группе и месяца, я начинаю догадываться о том, чем эти совершенно секретные группы занимаются. Дело в том, что наша четвертая группа окончательно обрабатывает информацию, поступающую из всех остальных групп отдела. Кроме того, к нам стекается информация снизу, от штабов дивизий, сверху, из штаба округа, сбоку, от соседей — из пограничных войск КГБ.

В нашей группе в мирное время три человека. В военное время должно быть десять. В кабинете три рабочих стола. Тут работают два подполковника, аналитик и прогнозист, и я, старший лейтенант. Я работаю на самой простой работе — на перемещениях. Понятно, что аналитик в нашей группе старший.

Раньше на перемещениях тоже работал подполковник. Но новый начальник разведки выгнал его из отдела, освободив место для меня. А должность эта по штату подполковничья, и это означает, что если мне на ней удастся удержаться, то я очень скоро стану капитаном, потом, через четыре года, так же автоматически, — майором, а еще через пять лет — подполковником. Если за эти годы мне удастся прорваться выше, то и следующие звания будут идти автоматически по выслуге лет. Но если скачусь вниз, то за каждую новую звезду придется грызть кому-то глотку.

Подполковникам совсем не нравится инициатива нового начальника разведки посадить в подполковничье кресло старшего лейтенанта: мое появление унижает их авторитет и опыт, но не это главное. Главное в том, что и в их кресла новый начальник может посадить молодых и порывистых. Они оба смотрят на меня и только слабыми кивками отвечают на приветствие.

В рабочем кабинете информационной группы разведывательного отдела три стола, три больших сейфа, книжные полки во всю стену и карта Европы, тоже во всю стену. Прямо напротив входа — небольшой портрет молодого генерала. На погонах по три звезды. Иногда, когда

никто не видит, я улыбаюсь ему и подмигиваю. Но генерал-полковник с портрета никогда не улыбается. Взгляд его холоден, суров и серьезен. Глаза, зеркало души, жестоки и властны. В уголках губ — легкая тень презрения. Под портретом нет никакой подписи. Нет ее и на обратной стороне портрета — я проверял, когда в кабинете никого не было. Вместо имени там стоит печать: «Войсковая часть 44388» и грозное предупреждение: «Содержать только в защищенных помещениях Аквариума и подчиненных ему учреждений». Командный состав Советской Армии я знаю хорошо. Офицер обязан его знать. Но я совершенно уверен, что генерал-полковника с портрета я не видел ни в одном военном журнале, включая и секретные.

Ладно, товарищ генерал, не мешайте работать.

Передо мной на столе пачка шифровок, поступивших за прошлую ночь. Моя работа — разобраться с ними: изменения в составе и дислокации войск противника внести в «Журнал перегруппировок» и нанести на Большую карту, которая хранится в первом отделе штаба армии.

Первая шифровка сразу ставит в тупик: на железнодорожном мосту через Рейн вблизи Кёльна зарегистрирован эшелон, двадцать британских танков «Чифтен».

Идиоты! В каком направлении прошел эшелон? Это усиление или ослабление? 20 танков — пустяк. Но из таких крупиц, и только из них, создается общая картина происходящего. И аналитик, и прогнозист имеют на столе точно такие же копии шифровок. И оттого, что они совершенно четко представляют себе картину происходящего, оттого, что в своих головах они держат тысячи цифр, дат, имен и названий, им, конечно, не надо поднимать шифровки предыдущих дней, чтобы там найти ключ к разгадке такого пустякового вопроса. Они испытующе смотрят на меня и совсем не спешат подсказать нужный ответ. Я поднимаюсь со своего места и иду к сейфу. Если перечитать снова все шифровки предыдущих дней, то, наверное, ответ будет однозначным. А четыре злых глаза мне в спину: трудись, старлей, знай, за что подполковники свой хлеб жуют.

Мы работаем до 17:00 с одним часовым перерывом на обед. Тот, у кого есть срочная работа, может оставаться в кабинете до 21:00. После этого все документы полагается сдать в секретную библиотеку, а сейфы и двери опечатать. Только подземный командный пункт не спит. Во время обострения обстановки мы по очереди остаемся в штабе. В каждой группе по одному офицеру. А в моменты кризисов все офицеры штаба по несколько дней живут и работают в своих кабинетах или под землей.

В подземном КП условия для жизни гораздо лучше, но там нет солнца, и потому, если можно, большую часть времени мы проводим в наших немного тесных кабинетах.

Если нет шифровок, я читаю «Разведывательную сводку» Генерального штаба. Люблю эту пухлую, в 600 страниц, книгу, зачитываюсь. Когда нет кризисов и напряженного положения, подполковники ровно в 17:00 исчезают. У них, как у павловских подопытных псов, в определенное время слюна выделяется, чтобы плюнуть на печать и вдавить ее в пластилин на сейфе. С этого момента я остаюсь один.

Я читаю «Разведывательную сводку» в сотый раз.

Кроме общей сводки есть такая же толстая книга о бронетанковой технике, о флоте, о системе мобилизации Бундесвера, о французских ядерных исследованиях, о системе тревог НАТО и еще черт знает о чем.

— Ты спишь когда-нибудь?

Я и не заметил, как на пороге появился подполковник Кравцов.

— Иногда, а вы?

— Тоже иногда, — Кравцов смеется.

Я знаю, что Кравцов каждый вечер сидит допоздна или же неделями пропадает в подчиненных ему подразделениях.

— Тебя проверить?

— Да.

— Где находится четыреста шестое тактическое истребительное тренировочное крыло ВВС США?

— Сарагоса, Испания.

— Что входит в состав пятого армейского корпуса США?

— Третья бронетанковая, восьмая механизированная дивизии и одиннадцатый бронекавалерийский полк.

— Для начала неплохо. Смотри, Суворов, скоро будет проверка, если ты не справишься с работой, то тебя выгонят из штаба. Меня не выгонят, но по шее дадут.

— Стараюсь, товарищ подполковник.

— А сейчас иди спать.

— Еще час можно поработать.

— Я сказал, иди спать. Ты мне рехнувшийся тоже не нужен.

3

Через две недели, когда подполковник-прогнозист находился в штабе округа, мне пришлось работать вместо него. За один день и две ночи я подготовил свой первый разведывательный прогноз: два тонких печатных листа с названием «Предполагаемая боевая активность 3-го корпуса Бундесвера на предстоящий месяц». Эти листы начальник разведки просмотрел и приказал передать в первый отдел. Все прошло как-то буднично. Меня никто не хвалил, но никто и не смеялся над моим творением.

4

Воздушная волна бумаги со столов сорвала. Подполковники их телами накрывают: не разлетелись бы. За каждую бумажку по 15 лет получить можно. Дверь кабинета без стука на всю ширину раскрылась. В двери лейтенант.

— Здравствуйте, Константин Николаевич, — улыбаются лейтенанту подполковники.

Красив лейтенант, высок, плечист. Ногти розовые, полированные. Лейтенанта в штабе только по имени-отчеству величают. Положение его завидное — адъютант начальника штаба армии. Если назвать его просто товарищем лейтенантом — это вроде как обидеть его. Поэтому — Константин Николаевич.

— Перемещения, — небрежно бросает Константин Николаевич.

Можно, конечно, сказать: «Начальник штаба требует к себе офицера по перемещениям с докладом об изменениях в группировке

противника за прошлую ночь». Но можно и проще это сделать, как это Константин Николаевич делает: коротко, с легким презрением.

Я быстро собираю шифровки в папку. Адъютант генеральский чуть подобрел, даже улыбнулся:

— Не суетись под клиентом.

Подполковники адъютантской шутке зубы скалят. Суки штабные. За места теплые держитесь. А я этого терпеть не буду. Мне, кроме своих цепей, терять нечего.

— Не хаами, лейтенант.

Лицо адъютанта вытянулось. Подполковники умолкли, на меня звериные взгляды устали: дурак, выскочка, хам, как же ты с адъютантом разговариваешь! С Константином Николаевичем! Тут тебе не батальон. Тут штаб! Тут обстановку тонко чувствовать надо. Ты, деревенщина неотесанная, и на нас гнев накликаешь!

Выхожу из кабинета, генеральского адъютанта вперед себя не пропустив. И не пропущу никогда. Подумаешь, адъютантишко! Холуй генеральский. Ты солдата видел когда-нибудь на огневом рубеже? На стрельбище? Когда у него автомат с патронами, а у тебя только флажок красный в руке? Почувствовав оружие, идет солдат на мишени, мыслью терзается: а не врезать ли длинной очередью по командиру своему? За свою жизнь я каждого своего солдата десятки раз через огневой рубеж водил. И не раз видел сомнение в глазах солдатских: по фанерке садить или насладиться смертью настоящей? А ты, адъютантик, водил солдат через огневой рубеж? А видел ты их один на один в поле, в лесу, на морозе, в горах? А видел ты злобу солдатскую? А случилось тебе вдруг застать всю роту пьяной с боевым оружием? Ты, адъютант, на мягких коврах карьеру делаешь, и не рыпайся на Витю Суворова. Я терпел бы, если б ты капитаном был или хотя бы одного возраста со мной оказался. А ты же сопляк, мальчишка, как минимум на год младше меня.

В коридоре генеральский адъютант как бы нечаянно мне больно на ногу наступил. Я ждал выходки какой-нибудь и был готов к ней. Шел я чуть впереди адъютанта и чуть левее. И потому правым своим локтем двинул резко назад. В мягкое попал. Что-то в адъютанте булькнуло. Охнул он, ртом разинутым воздух хватает, изогнулся, к стенке привалился. Медленно разгибается адъютант. Выше он меня и в кости шире. Кисти рук огромные. Мячик баскетбольный той кистью,

наверное, без труда держать можно. Но пузечко слабеньким оказалось. А может, просто не ожидал удара. Это ты, адъютант, дурака сваял. Удара всегда ожидать нужно. Каждое мгновение. Тогда и не будет такого сокрушительного эффекта.

Медленно адъютант выпрямляется, от моей руки взгляда не отрывает. А у меня два пальца рогаткой растопырены. Во всех странах этот жест викторию означает, победу то есть. А у нас этот жест означает другое: гляделки, сука, выколю!

Поднимается он медленно по стеночке, от растопыренных пальцев взгляд не отрывает. И понимает он, что его высокий покровитель ему сейчас не защита. Мы один на один, в пустом коридоре, как единоборцы на древнем поле боя, когда перед кровавой битвой от двух несметных армий выходили на середину только двое и бились друг с другом. Он выше меня и шире, но сейчас он понимает, что я простился с суетой жизни, и уже ничто, кроме победы, для меня не важно, и за победу я готов платить любую цену, даже собственную жизнь отдать готов. Он уже знает, что на любое его действие или даже слово я отвечу жутким ударом растопыренных пальцев в глаза и тут же вцеплюсь ему в глотку, чтобы уже никогда ее не отпустить.

Он, не моргая, медленно поднимает свои руки к горлу и, нащупав галстук, поправляет его.

— Начальник штаба ждет...

— Вас, — подсказываю я.

— Начальник штаба ждет вас.

Мне трудно возвращаться в этот мир. Я уже простился с ним перед смертельной звериной схваткой. Но он боя не принял. Я втягиваю воздух в себя и тру онемевшие от напряжения руки. Он не отрывает взгляда от моего лица. Мое лицо, видимо, изменилось, что-то говорит ему, что я его пока убивать не намерен. Я поворачиваюсь и иду по коридору. Он идет сзади. Я старший лейтенант, а ты еще только лейтенант, вот и топай следом.

В приемной два стола, один против другого. Они, как бастионы, прикрывают каждый свою дверь. Одна дверь в кабинет командующего,

другая в кабинет начальника штаба. У двери командующего за полированным столом — его адъютант. Он тоже лейтенант, но и его никто по званию или по фамилии в штабе не называет — Арнольд Николаевич его имя. Тоже высокий, тоже красивый. Форма на нем не офицерского — генеральского сукна. Ко мне с его стороны тоже никакого почтения, сквозь меня смотрит, не замечая. Есть на то причина: мой шеф, начальник разведки подполковник Кравцов, назначен на свой высокий пост без согласия командующего 13-й армией, его заместителя и начальника штаба, вытеснив их человека с этого важного поста. И оттого к моему шефу презрение командующего, придирки начальника штаба. Оттого ко всем нам, кого Кравцов за собой привел, общая ненависть офицеров штаба, особенно тех, что работают на Олимпе, на втором этаже.

Мы — чужаки. Мы — варяги. Мы — незваные гости в теплой компании.

Начальник штаба генерал-майор Шевченко вопросы ставит толково, слушает не перебивая. Я ждал придирок, но он только пристально смотрит мне в лицо. В штабе появляются новые офицеры. Чья-то невидимая мощная рука толкает их прямо на мягкие ковры второго этажа. Мнения начальника штаба теперь почему-то не спрашивают, и это не может ему нравиться. Власть мягко, как вода, уходит сквозь пальцы — как ее удержать? Он отворачивается к окну и смотрит в сад, заложив руки за спину. Кожа на его щеках фиолетовая, с чуть-чуть проступающими жилками. Я стою у двери, не зная, что делать.

— Товарищ генерал, разрешите идти?

Не отвечает. Молчит. Может, вопроса не услышал? Нет, услышал. Помолчав еще, он коротко отвечает «да», не повернув ко мне головы.

В приемной оба адъютанта встречают меня недобрыми взглядами. Ясно, что адъютант начальника штаба уже все рассказал своему коллеге. Конечно, они еще не доложили о случившемся своим покровителям, но непременно это сделают. Для этого они должны выбрать удобный момент, когда босс в соответствующем для подобного донесения настроении.

Я иду к двери, спиной чувствуя их ненавидящие взгляды, как пистолеты в затылок. Чувств во мне сейчас два — облегчение и досада. Служба моя штабная завершена, и ждет меня бескрайняя

ледяная пустыня за Полярным кругом или желтая раскаленная пустыня, а возможно, еще и суд офицерской чести.

Подполковники встречают меня гробовым молчанием. Они, конечно, не знают о том, что случилось в коридоре, но и того, что случилось тут, в кабинете, вполне достаточно, чтобы уже меня не замечать. Я — выскочка. Я внезапно взлетел высоко, но, не понимая этого и по достоинству не оценив случившегося, на этом месте не удержался и сорвался в пропасть. Я — никто. И моя участь их не беспокоит. Их интересует более важный вопрос: будет ли удар по мне перенесен и на моего столь ненавидимого ими шефа.

Я запираю документы в сейф и спешу к подполковнику Кравцову предупредить о грозящих ему неприятностях.

— С адъютантами не надо ссориться, — назидательно говорит он, не проявляя, однако, особого беспокойства по поводу случившегося. О том, что я ему рассказал, он, кажется, забывает мгновенно. — Чем ты намерен заниматься сегодня вечером?

— Готовиться к сдаче должности.

— Тебя еще никто из штаба не выгоняет.

— Значит, скоро выгонят.

— Руки коротки. Я тебя сюда, Суворов, за собой привел, и только я могу дать тебе команду убираться отсюда. Так чем ты намерен заниматься вечером?

— Изучать шестьдесят девятую группу сил Шестого флота США.

— Хорошо. Но тебе, кроме умственных, нужны и физические нагрузки. Ты — разведчик, ты должен пройти курс нашей подготовки. Ты знаешь, чем занимается вторая группа нашего отдела?

— Знаю.

— Как ты можешь это знать?

— Догадался.

— Так чем вторая группа, по твоему мнению, занимается?

— Руководит агентурной разведкой.

— Правильно. А может, ты знаешь, чем и третья группа занимается? — он недоверчиво смотрит на меня.

— Знаю.

Он ходит по комнате, стараясь осмыслить то, что я ему сказал. Затем он порывисто садится на стул.

— Садись.

Я сел.

— Вот что, Суворов, из второй группы ты получал для обработки крупницы информации и поэтому мог догадаться об их происхождении. Но из третьей группы ты ни черта не получал...

— Из этого я сделал вывод, что силы, подчиненные третьей группе, действуют только во время войны, а дальше догадался.

— Твоя догадка могла быть неверной.

— Но офицеры в третьей группе очень высокие, все как один...

— Чем же они, по-твоему, занимаются?

— Во время войны они вырывают информацию силой...

— И хитростью, — вставил Кравцов.

— Они диверсанты, террористы.

— Ты знаешь, как это называется?

— Этого я знать не могу.

— Это называется СпН — части специального назначения. Разведка специального назначения. Диверсионная, силовая разведка. Смог ли ты догадаться, сколько диверсантов в подчинении третьей группы?

— Батальон.

Он вскочил со стула:

— Кто тебе это сказал?

— Догадался.

— Как?

— По аналогии. В каждой дивизии одна рота занимается глубинной разведкой. Это, конечно, не спецназ, но нечто очень похожее. Армия на ступень выше дивизии, значит, в вашем распоряжении должна быть не рота, а батальон, то есть на ступень выше.

— Четыре раза в неделю по вечерам будешь являться вот по этому адресу, имея с собой спортивный костюм. Все. Иди.

— Есть!

— Если придет новый командующий тринадцатой армией и новый начальник штаба, а, следовательно, и новые адъютанты, постарайся иметь с ними хорошие отношения.

— Вы думаете, что командование нашей армии скоро сменится?

— Я тебе этого не говорил.

В нашей информационной группе разведывательного отдела небольшие изменения. Подполковник, который работал на прогнозах, внезапно уволен в запас. Его вызвали на медицинскую комиссию, которая нашла нечто такое, что мешает ему оставаться в армии. На пенсии ему будет лучше. Уходить ему никак не хотелось, ибо каждый год после двадцати пяти дает солидную надбавку к пенсии. Но доктора неумолимы: ваше здоровье дороже всего. Вместо подполковника на должность прогнозиста назначен капитан из разведки 87-й дивизии.

Начальник штаба должен знать о противнике все, поэтому каждое утро, разобравшись с шифровками, я иду к нему на доклад. Он никогда не вызывает меня по телефону, просто посылает адъютанта.

После нашей стычки прошло уже две недели. Я уверен, что адъютант давно доложил шефу о случившемся, — конечно, в выгодном для себя свете. Но я все еще хожу по коридорам второго этажа, я еще не провалился в тартарары. Это генеральским адъютантам не совсем понятно. Им ясно, что я какое-то исключение из правила, но они не знают, какое и почему, и поэтому они не хамят мне больше.

Этот вопрос занимает и меня самого: отчего, черт побери, я — исключение?

Глава 3

1

У нас изменения. Начальник первого отдела штаба смещен. Вместе с ним уволены старшие группы и некоторые ведущие офицеры. Вместо полковника на должность поставлен подполковник. За собой он привел целый табун капитанов и старших лейтенантов и рассадил их по подполковничьим местам.

2

— Начальник разведки тринадцатой армии приказал мне пройти сокращенный курс подготовки для работы в третьей группе.

— Да, да, я знаю... Заходи, — он широко улыбается. Ручищи у него, как клешни у краба. — Информаторы должны работать у нас, они должны понимать, как кусочки информации собираются и какова им цена. Переодевайся.

Сам он босиком, в зеленой куртке и зеленых брюках, мягких, но, видимо, прочных. Руки по локоть обнажены и напоминают мне здоровенные, необычайно чистые волосатые лапы хирурга, который лет пять назад собирал меня из кусочков.

Мы в большом спортивном зале, освещенном лучами заходящего солнца. Посредине зала — два одиноких стула, кажущиеся совсем маленькими в этой необъятной шири.

— Садись.

Мы сели на стулья лицом к лицу.

— Руки положи на колени и расслабь их, как плети. Всегда так сиди. В любой обстановке ты должен быть предельно расслаблен. Нижние зубы не должны касаться верхних. Челюсть должна отвисать, слегка, конечно. Шею расслабь. Ноги. Ступни. Ногу на ногу никогда не клади — это нарушает кровообращение. Та-а-ак.

Он встал, обошел меня со всех сторон, придирчиво оглядывая. Потом ручищами ощупал шею, мышцы спины, кисти рук.

— Никогда не барабань пальцами по столу. Так делают только неврастеники. Советская военная разведка таких в своих рядах не держит. Что ж, ты достаточно расслаблен, приступим к занятиям.

Он садится на стул, руками держится за сиденье, потом качается на двух задних ножках стула и вдруг, качнувшись резко назад, опрокидывается на спину. Улыбается, вскакивает. Поднимает стул и садится на него, скрестив руки на коленях.

— Запомни, если ты падаешь назад, сидя на стуле, с тобой ничего не может случиться, если, конечно, сзади нет стенки или ямы. Падать назад, сидя на стуле, так же просто и безопасно, как опуститься на колени или встать на четвереньки. Но природа наша человеческая противится падению назад. Нас сдерживает только наша психика... Возьмись руками за сиденье... Я тебя подстраховывать не буду, удариться ты все равно не можешь... Покачайся на задних ножках стула... Стой, стой, боишься?

— Боюсь.

— Это ничего. Это нормально. Было бы странно, если бы не боялся. Все боятся. Возьмись руками за сиденье. Начинай без моих команд. Покачались...

Я качался на стуле, балансируя, затем слегка нарушил баланс, качнувшись чуть больше, и стул медленно пополз в бездну. Я вжался в сиденье. Я втянул голову в плечи. Потолок стремительно уходил вверх, но падение затянулось. Время остановилось. И вдруг спинка стула грохнулась об пол. Только тут я по-настоящему испугался и в то же мгновение радостно рассмеялся: со мной решительно ничего не случилось. Голова, повинувшись рефлексу, чуть ушла вперед, и оттого я просто не мог удариться затылком. Удар приняла спина, плотно прижатая к спинке стула. Но площадь спины гораздо больше площади ступней, и оттого падение назад менее неприятно, чем прыжок со стула на землю.

Он протянул мне руку.

— Можно, я еще попробую?

— Конечно, можно, — улыбается.

Я сел на стул, ухватился руками за сиденье и повалился назад.

— Я еще попробую! — радостно кричу я.

— Да, да, наслаждайся.

3

— По нашему заказу Академия наук разработала методику прыжков из скоростного поезда, а равно из автомобиля, трамвая... Математические формулы тебе не нужны, пойми только вывод: из стремительно несущегося поезда надо прыгать задом и назад, приземляться на согнутые ноги, стараясь сохранить равновесие и не коснувшись руками земли. В момент касания земли нужно мощно оттолкнуться и несколько секунд продолжать бег рядом с поездом, постепенно снижая скорость. Наши ребята прыгают с поездов на скоростях семьдесят пять километров в час. Это общий стандарт. Но есть одиночки, которые этот стандарт значительно перекрывают, прыгая с гораздо более быстрых поездов, прыгая под уклон, с мостов, прыгая с оружием в руках и со значительным весом за спиной. Запомни, главное — не коснуться руками земли. Ноги вынесут тебя. Мышцы ног обладают исключительной силой, динамичностью и выносливостью. Касание рукой может нарушить стремительный ритм движения ног. За этим следует падение и мучительная смерть. Потренируемся. Вначале тренажер. Настоящий поезд будет позже. Начинаем со скорости десять километров в час...

4

Через месяц мы вдвоем стоим на перилах железнодорожного моста. Далеко внизу холодная свинцовая река медленно несет свои воды, сворачиваясь в могучие змеиные кольца у бетонных опор. Я уже грамотен и понимаю, что человек может ходить и по телеграфному проводу над бездонной пропастью. Все дело в психологической закалке. Человек должен быть уверен, что ничего плохого не случится, и тогда все будет нормально. Цирковые артисты тратят годы на элементарные вещи. Они ошибаются. У них нет научного подхода. Их подготовка основана на физических упражнениях, и они не уделяют достаточного внимания психологии. Они тренируются много, но не

любят смерть, боятся ее, стараются ее обойти, забывая о том, что можно наслаждаться не только чужой смертью, но и своей собственной. И только люди, не боящиеся смерти, могут творить чудеса вместе с богами.

— Дураки говорят, что вниз смотреть нельзя! — кричит он. — Какое наслаждение смотреть вниз на водовороты!

Я смотрю в глубину, и она больше не кажется мне жуткой и влекущей, как змеиная пасть для лягушонка. И ладони мои больше не покрываются отвратительной липкой холодной влагой.

5

Снова изменения в руководстве 13-й армии. В каждой армии по два генерал-майора артиллерии. Один командует ракетными подразделениями и артиллерией, второй — ПВО. В 13-й смещены оба.

6

В Прикарпатском военном округе грандиозные изменения.

Скоростижно скончался командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник Бисярин. Еще не прошло и года с того времени, когда он командовал Прикарпатским фронтом в Чехословакии. Он был бодр и здоров и правил четырьмя армиями фронта легко и свободно. Говорят, что он никогда не болел. И вот его нет.

Командование военным округом принял генерал-лейтенант танковых войск Обатуров. И тут же в штабе военного округа произошло массовое смещение людей Бисярина и замена их людьми Обатурова. И тут же волна изменений покатила вниз в штабы армий. В округе их четыре: 57-я воздушная, 8-я гвардейская танковая, 13-я и 38-я. По мягкому ковру нашего коридора быстро прошли два новых генерала — новый командующий нашей 13-й армией и новый начальник штаба.

В этот день бронированную дверь разведывательного отдела всем посетителям открывал я. Звонок. Через танковый триплекс я вижу

незнакомого лейтенанта. О, я знаю, кто это.

— Пароль?

— Омск.

— Допуск?

— Сто шесть.

— Заходите.

Тяжелая дверь плавно отошла в сторону, пропуская лейтенанта.

— Доброе утро. Товарищ старший лейтенант, мне нужен начальник разведки.

— Я доложу ему. Одну минуту подождите, пожалуйста.

Я стукнул в дверь своего шефа и тут же вошел.

— Товарищ подполковник, к вам адъютант нового командующего армией.

— Просите.

Лейтенант входит:

— Товарищ подполковник, вас просит командующий.

Я знаю наперед, что будут учения, что шифровки будут сыпаться как из рога изобилия, что молодые адъютанты устанут смертельно, у них будут красные, воспаленные глаза, когда ночами мы будем вместе с ними работать над Большой картой. Я знаю, что после первых учений два новых адъютанта и я напьемся до зеленых чертиков и станем друзьями. Я буду рассказывать им похабные анекдоты, а они мне — смешные истории из интимной жизни их покровителей. Но и сейчас уже, после самой первой встречи, уже по тому, как адъютант приветствовал меня, и по тому, как он входил в кабинет моего шефа, я понимаю, что мы фигуры одного цвета. Новые генералы в штабе 13-й армии — люди Обатурова. Новые начальники отделов, включая и Кравцова, — люди Обатурова. Новые адъютанты, новые офицеры в штабе — все они люди Обатурова. Я осознаю впервые, что и я член этой группы. И я знаю, что сам новый командующий Прикарпатским военным округом генерал-лейтенант Обатуров — человек какой-то мощной группы, стремительно и неудержимо идущей к власти.

Все, кто пришел в этот штаб и в другие штабы округа раньше нас, все они — фигуры другого цвета. И их время кончилось. Тех, кто достаточно стар, будут вышибать на пенсию, остальных — в раскаленные пески. Старая группа под мощным, но невидимым со стороны ударом рухнула и рассыпалась, и ее осколкам никогда не быть

верными слугами воротил этого общества, никогда не нежиться в лучах могущества...

В секретном отделе я столкнулся с бывшим адъютантом бывшего начальника штаба. Он сдавал документы. Он едет куда-то очень далеко командовать взводом. Он уже более двух лет офицер, но никогда не имел под своим началом злых, полупьяных, совершенно неуправляемых солдат. Если бы с этого началась его служба, то все было бы нормально. Но его служба началась с мягких ковров. В любой обстановке он сытно ел и был в тепле. Теперь все ломалось. Человек привыкает быть на дне пропасти. И если он всегда там находился, то с трудом представляет, что может быть какая-либо другая жизнь. Но лейтенант был вознесен к вершинам, а теперь снова падал в пропасть. На самое дно. И это падение мучительно.

Он улыбается мне. А улыбка его кажется собачьей. Когда-то очень давно на Дальнем Востоке я видел двух псов, прибившихся к чужой своре. Но свора рычала, не желая принимать чужаков в свою среду. И тогда один из этих псов бросился на своего несчастного товарища и загрыз его. Их борьба продолжалась долго, и свора терпеливо следила за исходом поединка. Один ревел, а другой, более слабый, жутко визжал, не желая расставаться с жизнью. Убив своего товарища, а может быть, и брата, весь искусанный и изорванный пес, поджав хвост, подошел к своре, демонстрируя свою покорность. И тогда свора бросилась на него и разорвала.

Почему-то бывший адъютант мне напомнил того пса с поджатым хвостом, готового грызть кого угодно, лишь бы быть принятым в свору победителей.

Дурак. Будь гордым. Езжай в свою пустыню и не виляй хвостом, пока тебя не загрызли.

В ту ночь снился мне старый добрый еврей дядя Миша. Было мне тогда пятнадцать лет. Учился я в школе и работал в колхозе. Зимой работал время от времени, летом — наравне с матерыми мужиками. Поэтому, когда обсуждался серьезный вопрос, на собрание позвали и меня. Дело вот в чем было: в конце августа каждый год наш колхоз

отправлял в город Запорожье одного человека на две-три недели торговать арбузами. Конец августа приближался, и нужно было решить, кто из мужиков поедет в этом году.

Сидят мужики в клубе. Пора горячая — уборка урожая в самом разгаре, а мужикам не до уборки. Спорят все, кричат. Председатель предложил на арбузы зятя своего Сережку послать. Первые ряды молчат, а с задних рядов свистят, стучат ногами и скамейками. Председатель ставит вопрос на голосование. Разгорячился он, голову теряет. В таких случаях нужно сначала спросить: «Кто против?» Никто, конечно, не поднимет руку. Тогда и голосованию конец: значит, все согласны. Но председатель по привычке вопрошает: «Кто за?» Он привык так вопрос ставить, когда нужно мудрую политику нашей родной коммунистической партии одобрить. Но тут вопрос кровный. Тут все руки вверх не будут тянуть.

— Кто за? — повторяет председатель.

А зал молчит. Ни одна рука вверх не поднялась. Просчитался председатель. Не так вопрос поставил. Сережку, зятя председателева, нельзя посылать, значит. Махнул он рукой: сами тогда решайте. Опять шум и крик. Все с мест повскакивали. Снова все недовольны.

А я в углу сижу. О чем люди спорят, никак в толк не возьму. Те мужики, что в прошлые годы арбузами торговать ездили, уверяют всех, что работа эта опасна: шпана на базаре зарезать может. Если ошибешься в расчетах, милиция арестует или придется потом с колхозом собственными деньгами рассчитываться. Но странное дело: ни один из них, раньше торговавших, вроде бы и не очень упирается, если его на эту опасную неблагодарную работу вновь выдвигают. Зато все остальные сразу ногами топают и кричат, что он мошенник и плут, что от него только убыток колхозу. Опять же странно: если работа опасная и неблагодарная, отчего его и не сунуть на эту работу вместо себя. Но не пускает колхозное собрание ни одного из выдвинутых.

Все новых кандидатов называют. И все так же решительно собрание их отклоняет. Чудеса. Нет бы первого, кого председатель назвал, и послать на эту проклятую работу. Всем бы облегчение. Так нет же, никому не хочется посылать туда ни врага своего, ни друга, ни соседа. Такое впечатление, что каждый сам туда норовит попасть, да другие его не пускают: коли я туда не попал, так и тебя не пушу.

Спорили-спорили — утомились. Всех перебрали. Всех отклонили.

— Кого ж тогда? Витьку Суворова, что ли? Мал еще.

Но мужики на этот счет другое мнение имели. Я им не равен ни по возрасту, ни по опыту, ни по авторитету, я для мужиков вроде бы как никто. И послать меня означало для них почти то же самое, что не послать никого. Пусть Витька едет, рассуждал каждый, лишь бы мой враг туда не попал. Так и порешили. Проголосовали единогласно. Председатель и даже зять его Сережка — и те руки вверх подняли.

Привезли меня в город два лохматых мужика в три часа ночи. Вместе мы арбузы разгрузили, уложили их в деревянный короб у зеленого дощатого навеса, в котором мне предстояло проработать шестнадцать дней и проспять пятнадцать ночей.

В пять утра базар уже гудел сотнями голосов. Мужики давно уехали, а я один со своими арбузами остался. Торгую. Из-за прилавка не выхожу. Стесняюсь. Ноги босые, а в городе никто так не ходит.

Торгую, судьбу проклиная. Еще меня никто и резать не собирается, а жизнь уж в моих глазах меркнет. Арбузы у меня отменные. Очередь у прилавка огромная. Все кричат, как на колхозном собрании. А я считаю. Цена моим арбузам — 17 копеек за килограмм. Это государственная цена, отклониться от нее — в тюрьму посадят. Считаю. Математику я любил. Но ничего у меня не получается. Весит, допустим, арбуз 4 килограмма 870 граммов, если по 17 копеек за килограмм брать, то сколько такой арбуз стоит? Если б толпа не шумела, если б та баба жирная меня за волосы ухватить не норовила, то я мигом бы сосчитал. А так ни черта не получается. Ни карандаша, ни бумажки с собой нет. Откуда знать было, что потребуется?

Толстые женщины в очереди злятся на медлительность, напирают на прилавок. Те, кто уже купили, в сторонке сдачу пересчитывают, снова к прилавку подбегают, кричат, милицию вызвать грозятся. А арбузы самые разные, и вес у них разный, и цена разная, а копейка на доли не делится. Вспомнил я слова мужиков на собрании: просчитаешься, потом с колхозом своими деньгами расплачиваться будешь. А откуда у меня свои деньги? Ни черта у меня не получается. Я толпе кричу, что закрываю торговлю. Тут меня чуть не разорвали. Уж больно арбузы хорошие.

А напротив меня в лавочке старый еврей с косматыми белыми бровями сидит. Шнурками торгует. Смотрит он на меня, морщится, как

от зубной боли. Невыносимо ему на эту коммерцию смотреть. То отвернется, то глаза к небу закатит, то на пол плюнет.

Долго он так сидел, мучился. Не выдержал. Закрыв лоточек свой, встал со мной рядом и давай торговать. Я ему арбузы кидаю, на которые он длинным костлявым пальцем указывает, и пока успеваю я арбуз из кучи выхватить, он предыдущий на лету ловит, взвешивает, подает, деньги принимает, сдачу отсчитывает, мне на следующий пальцем тычет, да еще и улыбаться всем успевает. Да и тычет не на всякий арбуз, а с понятием: то меня на самый верх кучи гонит, то к основанию, то с другой стороны кучи забежать мне приходится, то обратно вернуться. А он всем улыбается. Ему все улыбаются. Все его знают. Все ему кланяются. «Спасибо, дядя Миша», — говорят.

За час он всю очередь пропустил. А куча наполовину уменьшилась. Только мы с очередью управились, он мне кучу денег вывалил: трешки мятые, рубли рваные, кое где и пятерки попадают. Мелочь звенящую он отдельной кучкой сложил, сдачу чтоб давать.

— Вот, — говорит, — выручка твоя. В правый карман ее положи, тут достаточно, чтобы с твоим колхозом за сегодня рассчитаться. А все, что сегодня еще выручишь, смело в свой левый карман клади.

— Ну, дядя Миша, — говорю, — век не забуду!

— Это не все, — отвечает, — это я только практику преподавал, а теперь теорию слушай.

Принес он лист бумаги. Написал цены на нем: 1 кг — 17 копеек, 2 кг — 34 копейки, и так до десяти. Но с килограммами у меня проблем не было, с граммами проблема. Вот и их он отдельным столбиком пишет: 50,100, 150...

— Копейка на доли не делится, поэтому за пятьдесят грамм можно ничего не взять, а можно взять целую копейку. И так правильно, и так. За сто грамм можешь взять одну копейку, а можешь две копейки взять. С хорошего человека всегда бери минимум, а с нормального человека всегда бери максимум.

Быстро он мне цены пишет: 750 грамм — минимум 12 копеек, максимум — 13.

— Как же вы, дядя Миша, так быстро считаете?

— А я не считаю, я просто цены знаю.

— Черт побери, — говорю, — цены же меняются!

— Ну и что, — говорит, — если завтра тебе по восемнадцать копеек прикажут продавать, значит, например, за пять килограммов девятьсот двадцать граммов можно взять минимум рубль и шесть копеек, а максимум — рубль и семь копеек. Граммы тоже округлять нужно для хорошего человека в сторону минимума, а для нормального — в сторону максимума. Хорошему человеку хороший арбуз давай. Нормальному человеку — нормальный.

Как хороший арбуз от нормального отличить, я знаю. У хорошего арбуза хвостик засушен, а на боку желтая лысинка. А вот как хороших людей от обычных отличить? Если спрошу, ведь он смеяться будет. Вздохнул я, но ведь и мне когда-то ума набираться надо, — и спросил его.

От этого вопроса он аж присел. Долго вздыхал он, головой качал, глупости моей дивился.

— Заприметь хозяек из окрестных домов, тех, которые у тебя каждый день покупают. Вот им и давай лучшие арбузы да по минимальной цене. Их немного, но они о тебе славу разносят, рекламу тебе делают, мол, честный, точный, и арбузы сладкие. Они тебе очередь формируют. Раз две-три возле тебя стоят, значит, десять других вслед им пристроятся. Но это уже покупатели одноразовые. Им-то и давай обычные арбузы похуже, а бери максимум с них. Понял?

Картон с ценами он над моей головой приладил. Со стороны не видно, но стоит мне голову вверх задрать, вроде цену вычисляя, — все цены передо мной.

Так и пошла торговля. Быстро да с доходом. Хороши арбузы! Ах, хороши! Подходи, налетай! Через день окрестные домохозяйки меня узнавать стали. Улыбаются. Я им арбузы по минимальной цене — и улыбаюсь. Всем остальным — по максимальной, тоже улыбаюсь.

С одного покупателя — доли копейки. С другого тоже. Вдруг понял я, что деньги к деньгам липнут. Не обманывал я людей, просто доли копейки в свою пользу округлял, но появились в моем левом кармане трешки мятые, рубли рваные, иногда и пятерки.

Подсчитаю доход — все лишние деньги у меня. Сдам колхозу выручку, а в моем собственном кармане все прибывает. Появилась в кармане хрустящая десятка. Пошел я к дяде Мише, протягиваю.

— Спасибо, дядя Миша, — говорю, — научил, как жить.

— Дурак, — говорит дядя Миша, — вон милиционер стоит. Ему дай. А у меня и своих хватает.

— Зачем же милиционеру? — дивлюсь я.

— Просто так. Подойди и дай. От тебя не убудет. А милиционеру приятно.

— Я же преступления не совершаю. Зачем ему давать?

— Дай, говорю, — дядя Миша сердится, — да когда давать будешь, не болтай. Просто сунь в карман и отойди.

Пошел я к милиционеру. Суровый стоит. Рубаха на нем серая, шея потная, глаза оловянные. Подошел к нему прямо вплотную. Аж страшно. А он и не шевелится. В нагрудный карманчик ему ту десятку, трубочкой свернутую, сунул. А он и не заметил. Стоит, как статуя, глазом не моргнет. Не шелохнется. Пропали, думаю, мои денежки. Он и не почувствовал, как я ему сунул.

На следующее утро тот милиционер снова на посту.

— Здравствуй, Витя, — говорит.

Удивляюсь я. Откуда б ему имя мое знать?

— Здравствуйте, гражданин начальник, — отвечаю.

А каждый вечер машина из колхоза приезжала. Отвалят мужики две-три тонны арбузов на новый день, а я за прошедший день отчет держу: было ровно две тонны, продал 1816 кг, остальные не проданы — битые и мятые, их 184 кг. Вот выручка — 308 рублей 72 копейки.

Взвесят мужики брак, в бумагу запишут, и домой поехали. А я битые арбузы корзиной через весь базар на свалку таскаю. За этим занятием меня дядя Миша застукал. Охает, кряхтит, моей тупости дивится. Отчего, говорит, ты тяжелую грязную работу делаешь, да еще и без всякой для себя прибыли?

— Какая от них польза? — удивляюсь я, — Кто же их, гнилые да битые, купит?

Опять он сокрушается, глаза к небу закатывает. Продавать, говорит, их не надо. Но и таскать их на свалку тоже не надо. Оставь их, сохрани. Придет завтра контроль, а ты их и покажи второй раз, да вместе с теми, что завтра битыми окажутся. Продашь ты завтра, допустим, 1800 кг, а говори, что только 1650. А еще через день снова продашь 1800, но показывай все битые арбузы, что за три дня скопились, и говори, что удалось продать только 1500 килограммов.

Так и пошло.

— Не увлекайся, — учит дядя Миша, — жадность фраера губит.

Это я и сам понимаю. Не увлекаюсь. Если 150 кг в день у меня битых, я только 300 кг показываю, но не больше. А ведь мог бы и полтонны показать. На этих битых арбузах в день я по 25 рублей в свой левый карман клал. В колхозе я и за месяц столько не зарабатывал.

Да от долей тех копеечных в карманах оседало. Да еще несколько секретов дядя Миша шепнул.

В последний вечер захватил я шесть бутылок коньяка, надел новые туфли лакированные, пошел к дяде Мише.

— Дурак, — говорит дядя Миша. — Ты, — говорит, — эти бутылки своему председателю отдай, чтоб он и на следующее лето твою кандидатуру на собрании выдвинул.

— Нет, — отвечаю, — у тебя, может, и своих много, но возьми и мои тоже. Возьми их от меня на память. Если не нравятся — разбей об стенку. Но я тебе их принес и обратно не заберу.

Взял он их.

— Я, — говорю, — две недели торговал. А вы сколько?

— Мне, — отвечает, — семьдесят три сейчас, а пошел я в коммерцию с шести лет. При государе Николае Александровиче.

— Вы за свою жизнь, наверное, всем торговали?

— Нет, — отвечает, — только шнурками.

— А если б золотом пришлось торговать, сумели бы?

— Сумел бы. Но не думай, что на золоте проще деньги делать, чем на других вещах. Вдобавок все наперед знают, что ты миллионер подпольный. На шнурках больше заработать можно и спокойнее с ними.

— А чем тяжелее всего торговать?

— Спичками. Наука — исключительной сложности. Но если овладеть ею, то миллион за год сколотить можно.

— Вы, дядя Миша, если бы в капиталистическом мире жили, то давно миллионером были...

На это он промолчал.

— А у нас-то в социализме не развернешься, быстро расстреляют.

— Нет, — не соглашается дядя Миша, — и при социализме не всех миллионеров расстреливают. Нужно только десятку трубочкой свернуть — и милиционеру в кармашек. Тогда не расстреляют.

А еще говорил дядя Миша, что деньги собирать не надо. Их тратить надо. Ради них на преступление идти не стоит и рисковать из-за них незачем. Не стоят они того. Другое дело, если они сами к рукам липнут — тут уж судьбе противиться не нужно. Бери их и наслаждайся. А на земле нет такого места, нет такого человека, к которому бы миллион сам в руки не шел. Правда, многие этих возможностей просто не видят, не используют. И, сказав это, он трижды повторил, что счастье не в деньгах. А в чем счастье, он мне не сказал.

Редко дядя Миша мне снится. Трудно сказать почему, но в те ночи, когда добрый старик приходит ко мне на пыльный базар, я плачу во сне. В жизни я редко плакал, даже и в детстве. А во сне — только когда его вижу. Шепчет дядя Миша на ухо мудрость жизни, а я все запоминаю и радуюсь, что ничего не упустил. И все им сказанное в уме стараюсь удержать до пробуждения. Все просто, истины — прописные. Но просыпаюсь — и не помню ничего.

Разбудил меня лучик яркого света. Потянулся я и улыбнулся мыслям своим. Долго вспоминал, что мне дядя Миша на ухо шептал. Нет, не помню. А было что-то важное, чего никак забывать нельзя.

Из тысячи правил только самый маленький кусочек остался: людям улыбаться надо.

Глава 4

1

Главный элемент снаряжения диверсанта — обувь. После парашюта, конечно.

Матерый диверсант со шрамом на щеке выдал мне со склада пару ботинок, и я их с интересом разглядываю. Обувь эта — не совсем ботинки, но и не сапоги. Нечто среднее. Гибрид, сочетающий в себе лучшие качества и сапога, и ботинка. В ведомости эта обувь числится под названием Бэ-Пэ — Ботинки Прыжковые. Так их и будем называть.

Сделаны эти ботинки из толстой мягкой воловьей кожи и весят гораздо меньше, чем это кажется по их виду. Ремней и пряжек на каждом ботинке много: два ремня над пяткой, один широкий вокруг ступни, два — вокруг голени. Ремни тоже мягкие. Каждый ботинок — это опыт тысячелетий. Ведь так ходили в походы наши предки: обернув ногу мягкой кожей и затянув ее ремнями. Мои ботинки именно так и сделаны: мягкая кожа да ремни.

Но вот таких подошв наши предки не знали. Подошвы толстые, широкие и мягкие. Мягкие, конечно, не значит, что непрочные. В каждой подошве по три титановые пластинки, они, как чешуя, одна на другую наложены — и прочно, и гибко. Такие титановые пластинки-чешуйки в бронежилетах используются — пулей не пробьешь. Конечно, в подошвы они не против пуль вставлены. Эти титановые пластинки защищают ступни ног от шипов и кольев, что в изобилии встречаются на подступах к особо важным объектам. При необходимости с такими подошвами и по огню бегать можно. У пластинок еще одна роль: они служат опорами для лыжных креплений.

Рисунок на подошвах ботинок — с подошв солдатской обуви наших вероятных противников. В зависимости от того, в каких районах предстоит действовать, мы можем оставлять за собой стандартный американский, французский, испанский или любой другой след.

И все же главная хитрость не в этом. Диверсионный, точнее, прыжковый ботинок имеет каблук впереди, а подошву сзади. Так что когда диверсант идет в одну сторону, его следы повернуты в другую. Понятно, что каблуки сделаны более тонкими, а подошвы более толстыми, так, чтобы ноге было удобно, чтобы перестановка — каблук вперед, подошва назад — не создавала трудностей при ходьбе.

Опытного следопыта этим вряд ли, конечно, обманешь. Он-то знает, что при энергичной, быстрой ходьбе носок оставляет более глубокую вмятину, чем пятка. Но много ли людей всматриваются в отпечатки солдатских подошв? Многие ли из них знают, что носок оставляет более четкий след? Многие ли обратят внимание на то, что вдруг появился след, у которого все наоборот? Многие ли смогут по достоинству оценить увиденное? Кому может прийти идея, что есть сапоги, у которых каблуки на носке, а подошва на пятке? Кому придет мысль, что если следы ведут на восток, значит, человек прошел на запад?

Да ведь и мы не глупые. Диверсанты, как волки, они по одному не ходят. И, как волки, мы идем след в след. Пойми поди, сколько нас в группе было, — трое или сто. А когда по одному следу прошло много ног, то уловить тонкий нюанс, что наши каблуки вдавили грунт больше, чем носки, почти невозможно.

К диверсионному ботинку есть только один тип носка: очень толстый, чистой шерсти. И куда бы мы ни шли, в тайгу или в знойную пустыню, носки всегда будут одинаковыми: очень толстые шерстяные, серого цвета. Такой носок и греет хорошо, и хранит ногу от пота, не трет ее и не стирается сам. А носков у диверсанта две пары. Хоть на день идешь, хоть на месяц. Две пары. Крутись как хочешь.

Белье льняное, тонкое. Оно должно быть новым, но уже немного ношеным и минимум один раз стиранным. Поверх тонкого белья надевается «сетка» — второе белье, выполненное из толстых мягких веревок в палец толщиной. Так что между верхней одеждой и тонким бельем всегда остается воздушная прослойка почти в сантиметр. Умная голова это придумала. Если жарко, если пот катит, если все тело горит, такая сетка — спасение. Одежда к телу не липнет и вентиляция под одеждой отменная. Когда холодно, воздушная прослойка хранит тепло, как перина, и вдобавок не весит ничего. Сетка и еще одно назначение имеет. Комариный нос, проткнув одежду, попадает в

пустоту, не доставая до тела. Диверсант в лесу да на болоте обитает. Он часами в жгучей осоке, в огненной крапиве лежит под звенящим комариным зудом. И только сетка его и спасает. А уж сверху брюки и куртка зеленые, из хлопчатой ткани. Швы везде тройные. Куртка и брюки мягкие, но прочные. На сгибах, на локтях и коленях, на плечах материя тройная, для большей прочности.

На голове диверсанта шлем. Зимой он кожаный меховой с шелковым подшлемником, летом — хлопчатый. Диверсионный шлем состоит из двух частей: собственно шлем и маска. Шлем не должен слетать с головы ни при каких условиях, даже при десантировании, не должен иметь никаких пряжек, ремешков и выступов на внешней части, ибо он в момент прыжка находится прямо у парашюта. На шлеме не должно быть ничего, что могло бы помешать куполу и стропам четко раскрыться. Поэтому десантный шлем выполнен точно по форме человеческой головы и плотно закрывает голову, шею и подбородок, оставляя открытыми только глаза, нос и рот. Во время сильных морозов, а также маскировки ради, глаза, нос и рот закрываются маской.

Есть у диверсанта еще и куртка. Она толстая, теплая, легкая. В ней можно в болоте лежать — не промокнешь, и спать в снегу — не замерзнешь. Длина куртки — до середины бедра: и ходить не мешает, и, если надо на льду сутками сидеть, сиденьем служит. Снизу куртка широкая. При беге и быстрой ходьбе это очень важно — вентиляция. Но если нужно, нижняя часть может быть стянута туго, облекая ноги и сохраняя тепло. Раньше диверсанты и брюки такие же имели, толстые да теплые. Но это было неправильно. Когда идешь сутками не останавливаясь, такие брюки — помеха. Они всю вентиляцию нарушают. Наши предки мудрые никогда меховых брюк не нашивали. Вместо этого у них были длинные шубы до пят. Правы они были. В меховых брюках согреешь, а в длинной шубе — нет. Древний опыт теперь учтен, и диверсант имеет только куртку, но в случае необходимости к ней пристегиваются длинные полы, которые закрывают тело почти до самых пят: всегда тепло, но никогда не жарко. Эти полы легко отстегиваются и скручиваются в рулон, не занимая много места в багаже диверсанта.

Раньше куртки выворачивались на две стороны. Одна сторона — белая, другая — серо-зеленая, пятнистая. Но и это было неправильно.

Куртка изнутри нежной должна быть, как кожа женщины, она должна ласкать тело диверсанта. А снаружи она должна быть грубой, как шкура носорога. Поэтому куртки теперь не выворачиваются на две стороны. Они нежные изнутри, корявые снаружи. А цвета они светло-серого, как прошлогодняя трава или как грязный снег. Цвет выбран удачно. Ну, а если нужда острая, поверх куртки можно надеть легкий белый маскировочный халат.

Все снаряжение диверсанта уместается в РД — ранце десантном. РД, как и вся одежда, и снаряжение диверсанта, светло-серый. Он небольшой, форма его прямоугольная. Выполнен он из плотной материи. Чтобы не оттягивать плечи назад, он сделан плоским, но широким и длинным. Крепления десантного ранца выполнены так, что он может закрепляться на теле в самых разных положениях. Его можно повесить на грудь, можно закрепить высоко за спиной, можно опустить вниз на самую задницу и закрепить на поясе, высвободив на время уставшие плечи.

Куда бы диверсант ни шел, у него только одна фляга воды, 810 граммов. Кроме этого, он имеет флакончик с маленькими коричневыми обеззараживающими таблетками. Такую таблетку можно бросить в воду, загрязненную нефтью, бактериями дизентерии, мыльной пеной. Через минуту вся грязь оседает вниз, а верхний слой можно слить и выпить. Чистая вода, полученная таким способом, имеет отвратительный вкус и режущий запах хлора. Но диверсант пьет ее. Тот, кто знает, что такое настоящая жажда, пьет и такую воду с величайшим наслаждением.

Если диверсант идет на задание на неделю или на месяц (время роли не играет), он всегда несет с собой одинаковое количество продовольствия — 2765 граммов. Часто в ходе выполнения задания ему могут подбросить с самолета и продовольствия, и воды, и боеприпасов. Но этого может и не случиться, и тогда живи как знаешь. Почти три килограмма продовольствия — это много, учитывая необычайную калорийность специально разработанной и приготовленной пищи. Но если этого не хватит, продовольствие нужно добывать самостоятельно. Можно убить оленя или кабана, можно наловить рыбы, можно есть ягоды, грибы, ежей, лягушек, змей, улиток, земляных червей, можно вываривать березовую кору и желуди,

можно... Да мало ли что может съесть голодный человек, особенно если он владеет концентрированным опытом тысячелетий!

Кроме продовольствия, в десантном ранце диверсант несет с собой четыре коробки саперных спичек, которые не намокают, горят на любом ветру и под водой. У него сто таблеток сухого спирта. Он не имеет права разжигать костер. Поэтому он греется и готовит пищу у огонька таблетки. Этот огонек точно такой же, как огонек спички, только более устойчив на ветру.

Есть в его ранце и два десятка других таблеток, медицинских. Это от всяких болезней и против отравлений.

А еще в десантном ранце — одно полотенце, зубная щетка и паста, безопасная бритва, тюбик жидкого мыла, рыболовный крючок с леской, иголка с ниткой. Расческу диверсант с собой не носит. Перед выброской его стригут наголо — меньше голова потеет и волосы мокрые не залепят глаза. За месяц отрастают новые волосы, но не настолько длинные, чтобы тратить драгоценное место для расчески. Он и так много несет на себе.

Есть два варианта вооружения диверсанта: полный или облегченный комплект вооружения.

Полный комплект — это автомат Калашникова АКМС и 300 патронов к нему. Некоторые автоматы имеют дополнительно ПБС — прибор бесшумной и беспламенной стрельбы и НСП-3 — ночной бесподсветный прицел. Во время десантирования автомат находится в чехле, чтобы не помешать правильному раскрытию парашюта. Чтобы в первый момент после приземления не оказаться беззащитным, каждый диверсант имеет бесшумный пистолет П-8 и 32 патрона к нему. Кроме того, на правом голенище висит огромный диверсионный нож-стропорез, а на левом голенище — четыре запасных лезвия для ножа.

Диверсионный нож — необычный. В его лезвии могучая пружина. Можно снять предохранитель, а затем нажать на кнопку спуска, и лезвие ножа с жутким свистом метнется вперед, отбрасывая руку с пустой рукояткой назад. Тяжелое лезвие ножа выбрасывается вперед на 25 метров. Если оно попадет в дерево, то вытащить его обратно не всегда возможно, и тогда диверсант вставляет в пустую рукоять новое запасное лезвие, всем своим телом наваливаясь на рукоять, чтобы согнуть мощную пружину. Затем предохранитель

застегивается, и диверсионным ножом снова можно пользоваться, как обычным: резать людей и хлеб, пользоваться им как напильником или саперными ножницами-кусачками, прокладывая проход в проволочных заграждениях.

Если диверсант несет полный комплект вооружения, то вдобавок ко всему этому в его сумке шесть гранат, пластическая взрывчатка, мины направленного действия или другое тяжелое вооружение.

Облегченный комплект вооружения несут офицеры и солдаты-радисты. В облегченный комплект входит автомат со 120 патронами, бесшумный пистолет и нож. Все это на складе выдает мне бывалый диверсант. Пистолет у меня настоящий. Я иду с группой диверсантов посредником. Я проверяющий, и потому мне не нужно стрелять. Но я тоже офицер разведки и тоже должен чувствовать вес автомата и патронов. Поэтому мой автомат учебный. Он такой же, как и боевые автоматы, но уже порядочно изношен и списан. В патроннике ствола просверлено отверстие и выбита надпись: «Учебный».

Я вешаю автомат через плечо. Носить учебный автомат с дыркой в патроннике мне не приходилось уже много лет. С таких автоматов начинают службу самые молодые солдаты и курсанты военных училищ. Тот, кто носит такой автомат, обычно является в армии объектом легких, незлых шуток. Я, конечно, не чувствую себя молодым и желторотым. Но все же в диверсионных войсках я совсем новый человек. И, получив автомат с дыркой, вдруг совершенно машинально решаю проверить, не подшутили ли надо мной старым армейским способом. Я быстро снимаю ранец с плеч, открываю его и из небольшого кармашка достаю ложку. В ложке, как и в патроннике автомата, просверлена дырка и красуется точно такая же надпись: «Учебная».

— Извините, товарищ старший лейтенант, — матерый диверсант делает смущенное лицо, — недосмотрели.

Ему немного жаль, что я в армии не первый день, знаю все эти древние подначки и проявил достаточно бдительности. Он вызывает своего помощника, совсем молоденького солдата, и тут же, при мне, отчитывает его за невнимательность. И он, и я понимаем, что молоденький солдатик тут не при чем, что учебную ложку мне подсунул сам сержант. Сержант приказывает учебную ложку немедленно выбросить, чтобы такая глупая шутка больше никогда не

повторялась. Конечно, я понимаю, что ее не выбросят. Она будет служить еще многим поколениям диверсантов. Но порядок есть порядок. Сержант должен дать необходимые указания, а молодой солдат должен быть наказан. Сержант быстро достает другую ложку и подает мне. Шутка не удалась, но он видит, что я армейский юмор понимаю, умею его ценить и не нарушу старых традиций криком: на розыгрыши и шутки в армии обижаться не положено. Он снова серьезен и деловит:

— Удачи вам, товарищ старший лейтенант.

— Спасибо, сержант.

2

Каждый в Советской Армии укладывает свой парашют лично. Это и к генералам относится: не знаю, прыгал ли Маргелов*, став генералом армии, но будучи генерал-полковником, — прыгал. Это я знаю точно. И, конечно, сам для себя парашют укладывал. Кроме Маргелова в воздушно-десантных войсках много генералов, и все прыгают. Кроме них десятки генералов в военной разведке, и те из них, кто прыгать продолжает, сами себе парашюты укладывают. Это мудро. Если ты гробанулся, то и вся ответственность на тебе на мертвом. А живые за тебя ответственности не несут.

Все парашюты хранятся на складе. Они уложены, опечатаны, всегда готовы к использованию. На каждом парашюте расписка на шелке: «Рядовой Иванов. Этот парашют я укладывал сам».

Но если нас поднимает не ночная тревога, если нас используют по плану, с полным циклом подготовки, то все парашюты распускают и укладывают вновь. И вновь каждый на нем распишется: «Этот парашют я укладывал сам».

Укладка производится в тех условиях, в которых придется прыгать. А прыгать придется на морозе, оттого и укладка тоже на морозе. Шесть часов.

Укладывает парашюты весь батальон. На широкой площади, отгороженной высоким забором от любопытных взглядов посторонних солдат.

Приготовили парашютные столы. Парашютный стол — это не стол вообще. Это просто кусок длинного брезента, который расстилают на бетоне и крепят специальными кольшками. Укладка идет в две очереди. Вначале вдвоем укладываем твой парашют: ты — старший, я — помогающий. Потом уложим мой парашют — ролями поменяемся. Потом уложим твой запасной, снова ты старший, а потом мой запасной, тогда старшим буду я. Некоторых из нас будут бросать не с двумя, а с одним парашютом. Но кому выпадет этот жребий, пока не ясно. И оттого каждый готовит оба своих парашюта.

— Начали.

Операция первая. Растянули купол и стропы по парашютному столу. В каждой роте есть офицер-заместитель командира роты по парашютно-десантной службе — зам по ПДС. Он подает всей роте команду. И он проверяет правильность ее исполнения. Убедившись, что все ее выполнили правильно, он подает вторую команду: «Вершину купола закрепить!» И опять пошел по рядам, проверяя правильность выполнения. У каждого за плечами большой опыт укладки. Но мы люди. И мы ошибаемся. Если у кого-нибудь будет обнаружена ошибка, то его парашют немедленно распустят, и он начнет укладку с самого начала. Первая операция. Правильно. Вторая операция... Рота терпеливо ждет, пока тот, кто ошибся, выполнит все с самого начала и догонит роту. Операция семнадцать. А мороз трескучий...

Вместе с батальоном укладку парашютов ведут офицеры разведотдела 13-й армии. Мы — проверяющие. Значит, и нам идти вместе с диверсантами неделями через снега...

Темнеет зимой рано. Мы полностью завершаем укладку уже при свете прожекторов в морозной мгле. Мы уйдем в теплые казармы, а наши парашюты под мощным конвоем останутся на морозе. Если их занести в помещение, то на холодной материи осядут невидимые глазу капельки влаги. А завтра их вновь вынесут на мороз, капельки превратятся в мельчайшие льдинки, крепко прихватив слои перкаля и шелка.

Это — смерть. Вещь простая. Вещь, понятная даже самым молодым солдатам. А ведь случается такое, и гибнут диверсанты все вместе. Всем взводом, всей ротой. Ошибок, возможных при укладке и хранении, — сотни. Расплата всегда одна — жизнь.

Окоченевшей рукой я расписываюсь на шелковых полосках двух моих парашютов: «Старший лейтенант Суворов. Этот парашют я укладывал сам».

И еще на одном: «...укладывал сам».

Я разобьюсь, а виновного найдут. Это буду, конечно, я.

Мы греемся в приятном тепле казарм. Потом поздний ужин. А уже потом последние приготовления. Все уже пострижены наголо. Всех в баню, в парную. Погрейте, ребята, косточки, не скоро вам еще придется с горячей водой встретиться. Далеко за полночь — всем спать. Каждый должен выспаться на много недель вперед, каждому по десять часов сна. Все окна в казармах плотно завешены, чтобы утром никто не проснулся рано. Сон у каждого глубоким должен быть. Для этого небольшой секрет есть. Нужно лечь на спину, вытянуться и расслабить все тело. А потом нужно закрыть глаза и под закрытыми веками закатить зрачки вверх. Это нормальное состояние глаз во время сна. И приняв это положение, человек засыпает быстро, легко и глубоко. Поднимут нас очень поздно. Это не будет обычная резкая команда: «Рота, подъем! Построение через тридцать секунд!» Нет, несколько солдат и сержантов, которые не прыгают в этот раз, которые несут охрану рот, их вооружения и парашютов, будут тихо подходить к каждому и осторожно будить: «Вставай, Коля, время», «Вставайте, товарищ старший лейтенант, время».

Время. Время. Время. Вставайте, ребята. Наше время.

Глава 5

1

Сорок третья диверсионная группа 296-го отдельного разведывательного батальона СпН в своем составе имеет 12 человек. Я, офицер информации, иду с группой тринадцатым. Я — посредник, контролер действий группы. Мне легче всех. Мне не нужно принимать решений. Моя задача — в самые неожиданные моменты задавать вопросы то солдатам, то командиру группы, то его заместителю. У меня с собой лист с сотней вопросов. На многие из них я пока не знаю точных ответов. Мое дело — задать вопрос и зафиксировать ответ. Уже потом офицеры третьей группы под руководством подполковника Кравцова разберут, кто ошибся, а кто нет.

Диверсионная группа несет с собой две радиостанции типа Р-351М, аппаратуру засекречивания, аппаратуру сверхскоростной передачи сигналов.

Сегодня ночью будет произведена массированная операция по ослеплению радиолокационных станций 8-й танковой армии, против которой мы сейчас действуем. Одновременно с этим будет произведен массовый ракетный и авиационный удар по ее командным пунктам и скоплениям войск, и в ходе этого удара будут высажены двадцать восемь первых диверсионных групп нашего батальона. Группы имеют разные задачи и разный состав, от трех до сорока человек. Во главе некоторых групп — сержанты, во главе других — офицеры.

В последующие ночи будет производиться выброска все новых и новых групп. От трех до восьми групп каждой ночью. Выброска будет происходить в разных районах, с разных маршрутов, с разных высот. Нас сегодня бросают со сверхмалой высоты. Сверхмалая — это сто метров. У каждого из нас только по одному парашюту. Раскрытие не свободное, а принудительное. Второй парашют на сверхмалой высоте вовсе не нужен.

2

Видели ли вы когда-нибудь в глазах человека настоящий животный страх? А я видел. Это когда на сверхмалой высоте с принудительным раскрытием бросают. Всех нас перед полетом взвесили вместе со всем, что на нас навьючено. И сидим мы в самолете в соответствии с нашим весом. Самый тяжелый должен выходить самым первым, а за ним чуть менее тяжелый, и так до самого легкого. Это делается для того, чтобы более тяжелые не влетели в купола более легких и не погасили бы их парашюты. Первым пойдет большой скуластый радист. Фамилии его я не знаю. В группе у него кличка Лысый Тарзан. Это большой угрюмый человечеще. В группе есть и бойцы потяжелее. Но его взвешивали вместе с радиостанцией, и оттого он самым тяжелым получился, а потому и пойдет самым первым. Вслед за ним пойдет еще один радист по кличке Брат Евлампий.

Третьим по весу числится Чингисхан, шифровальщик группы. У этой первой тройки очень сложный прыжок. У каждого из них с собой контейнер на длинном, метров в пятнадцать, леере. Каждый прыгает, прижимая тяжелый контейнер к груди, и бросает его вниз после раскрытия парашюта. Контейнер летит вместе с парашютистом, но на пятнадцать метров ниже его. Контейнер приземляется первым, после чего нагрузка на парашют становится меньше, и в последние секунды спуска скорость снижения парашютиста немного падает. Приземляется он прямо рядом с контейнером. От скорости и от ветра парашютист немного сносится в сторону, почти никогда не падая на свой контейнер. От этого, однако, не легче. И прыжок с контейнером — очень рискованное дело, особенно на сверхмалой высоте.

Четвертым идет заместитель командира группы старший сержант Дроздов. В группе он самый крупный. Кличка у него Кисть. Я смотрю на его титаническую руку и понимаю, что лучшей клички придумать было нельзя. Велик человек. Огромен. Уродит же природа такое чудо! Вслед за Кистью пойдет командир группы лейтенант Елисеев. Он тоже огромный, хотя и не так, как его заместитель. Лейтенанта по номеру группы называют: 43-1. Конечно, и у него кличка какая-то есть, но разве в присутствии офицера кто-нибудь осмелится назвать кличку другого офицера!

А вслед за командиром сидят богатырского вида, широкие, как шкафы, рядовые диверсанты: Плётка, Вампир, Утюг, Николай Третий,

Негатив, Шопен, Карл де ля Дюшес. Меня они, конечно, тоже как-то между собой называют за глаза, но официально у меня клички нет, только номер 43-К. Контроль, значит.

В сорок третьей диверсионной группе я самый маленький и самый легкий. Поэтому мне предстоит покинуть самолет последним. Но это не значит, что я сижу самым последним. Наоборот, я у самого десантного люка. Тот, кто выходит последним, — выпускающий. Выпускающий, стоя у самого люка, в самый последний момент проверяет правильность выхода и в случае необходимости имеет право в любой момент десантирование прекратить. Тяжелая работа у выпускающего. Хотя бы потому, что сидит он в самом хвосте и лица всех обращены к нему. Получается, что выпускающий как на сцене, все на него смотрят. Куда я ни гляну, всюду глаза диверсантов на меня в упор смотрят. Шальные глаза у всех. Нет, пожалуй, командир группы — исключение. Дремлет спокойно. Расслаблен совсем. Но у всех остальных глаза с легким блеском помешательства. Хорошо с трех тысяч прыгать! А тут только сто. Много всяких хитростей придумано, чтобы страх заглушить, но куда же от него уйдешь? Тут он, страх. С нами в обнимку сидит.

Уши заломило, самолет резко вниз пошел. Верхушки деревьев рядом мелькают. Роль у меня плохая: у всех вытяжные тросики пристегнуты к центральному лееру, лишь у меня он на груди покоится. Пропустив всех мимо себя, я в последний момент должен свой тросик защелкнуть над своей головой. А если промахнусь? А если сгоряча выйду, не успев его застегнуть? Открыть парашют руками будет уже невозможно: земля рядом совсем несется. Я вдруг представил себе, что валюсь вниз без парашюта, как кот, расставив лапы. Вот крику-то будет! Я представляю свой предсмертный вой, и мне смешно. Диверсанты на меня понимающе смотрят: истерика у проверяющего. А у меня не истерика. Мне просто смешно.

Синяя лампа над грузовым люком нервно замигала.

— Встать! Наклонись!

Первый диверсант, Лысый Тарзан, наклонился, выставив для устойчивости правую ногу вперед. Брат Евлампий своей тушей навалился на него. Третий навалился на спину второго, и так вся группа, слившись воедино, ждет сигнала. По сигналу задние напрут на

передних, и вся группа почти одновременно вылетит в широкий люк. Хорошо им. А меня никто толкать не будет.

Гигантские створки люка, чуть шурша, разошлись в стороны. Морозом обожгло лицо. Ночь безлунная, но снег яркий, слепящий. Все как днем видно. Земля — вот она. Кусты и пролески взбесились, диким галопом мимо несутся. ПОШЛИ! Братцы! ПОШЛИ!!!

Хуже этого человечество ничего не придумало. Сирена кричит, как зверь умирающий. Рев ее уши рвет. Это чтоб страх вглубь загнать. А лица перекошены. Каждый кричит страшное слово: ПОШЛИ! Увернуться некуда. Напор сзади неотвратимый. Передние посыпались в морозную мглу. Поток ветра каждого вверх ногами бросает. ПОШЛИ!!! А задние, увлекаемые стадным инстинктом, тут же в черный снежный вихрь вылетают. Я руку вверх бросил. Щелчок. И вылетаю в морозный мрак, где порядочные люди не летают. Тут черти да ведьмы на помеле, да Витя Суворов с парашютом.

Все на сверхмалой высоте одновременно происходит: голова вниз, жаркий мороз плетью-семихвосткой по роже, ноги вверх, жуткий рывок за шиворот, ноги вниз, ветер за пазуху, под меховой жилет, удар по ногам, жесткими парашютными стропами опять же по морде, а в перчатках и в рукавах — снег горячий по локоть, и сразу таять начинает. Противно...

Парашюты в снег зарыли, какой-то гадостью вокруг посыпали. Это против собак. Вся местная милиция, КГБ, части МВД, — все сейчас тренируются. Все они сейчас против наших несчастных групп брошены. А у нас руки, считай, связаны. Если бы война, мы захватили бы себе несколько бронетранспортеров или машин, да и разъезжали бы по округе. Но сейчас не война, и транспорт нам захватывать запрещено. Драконовский приказ. Ножками, ножками. От собак.

Лыжи у нас короткие, широкие. Снизу настоящим лисьим мехом отделаны. Такие легко на парашюте бросать. Такие лыжи скользят вперед, а назад отдачи нет. Лисий мех дыбом тогда становится, не пускает. Лыжи эти диверсионные, часто следа не оставляют, особенно на плотном лежалом снегу. Они широкие очень, не проваливаются. Из таких лыж и избушку в снегу сложить можно — мехом внутрь, спите, ребята, по очереди. Но самое главное, лыжи эти не обмерзают, ледяной коркой не покрываются.

К утру выбились из сил. Три часа из района выброски уходили, следы путали. Куртки мокрые. Лица красные. Пот ручьями. Сердце наружу рвется. Язык вываливается, как у собаки на жаре. Это всегда так сначала бывает.

На четвертый-пятый день втянемся и будем идти как машины. Но первый день всегда тяжелый. Первая ночь и двое последующих суток — ужасны. Потом легче будет.

— Командир, в деревне собаки брешут. Не к добру. Значит, там чужие люди.

Это любому понятно. Кто в такой глуши, в такую рань деревенских собак потревожить мог?

— Обходить будем. Влево пойдём.

— Влево засада КГБ. Вон в том лесочке. Смотри, командир, птицы над лесом кружат.

Тоже правильно. Кто их в такой мороз с насиженных мест поднял? Птицы сейчас на ветках нахохлившись сидят, инеем покрытые. Туда идти, конечно, нельзя. Остается только путь через овраги, через бурелом, где добрые люди не ходят. Там только волкам дорога да диверсантам из частей СпН.

— Готовы? Вперед.

Нормы жестокие. Восемь километров в час. Вечер. Мороз силу набирает. За день прошли 67 километров. Отдыхали дважды. Пора бы и еще в снегу полежать.

— Ни черта, дармоеды, — командир подбадривает, — вчера спать надо было.

Злой командир. Группа маршевой скорости не выдерживает. Группа злая. Ночь надвигается. Плохо это.

Днем иногда группа может залечь в снегу, в кустах, в болоте и переждать. Но ночью этого никогда не случается. Ночь для работы придумана. Мы как проститутки — ночами работаем. Если днем не отдыхал, то ночью не дадут.

— Снег не жрать! — командир суров, — Сокрушу!

Это не ко мне относится. Это он Чингисхану и Утюгу угрозы шлет. Меня положение обязывает. Проверяющий. Нельзя мне снег в рот брать. А если бы не проверяющим я был, то обязательно тайком белой влаги наглотался бы. Горстями бы в глотку снег запихивал. Жарко. Пот струйками по лбу катит. Хорошо, голова бритая, иначе волосы в один комок слиплись бы. Куртки у всех на спинах парят. Все потом пропитано, все морозом прихвачено. Одежда вся колом стоит, как из досок сшитая. Перед глазами оранжевые круги. Группа маршевой скорости не выдерживает... Не жрите снег! Сокрушу! Лучше вниз смотреть, на концы лыж. Если далеко вперед смотреть, сдохнешь. Если под ноги смотришь, дуреешь, идешь чисто механически, недостижимый горизонт не злит.

— Огорока чертовы! Желудки! — командир свиреп, — Вперед смотреть! В засаду влетим! Негатив слева огонек не заметил. Смотри, Негатив, зубы палкой лыжной вышибу!

Группа знает: командир шуток не любит. Вышибет. Вперед, желудки!

Над миром встает кровавая заря. В морозной мгле над лиловыми верхушками елей выкатилось лохматое, надменное солнце. Мороз трещит по просекам леса.

Мы в ельнике лежим. За ночь второй раз. Ждем высланный вперед дозор. Лица у всех белые, ни кровиночки, как у мертвецов. Ноги гудят. Их вверх поднять надо. Так кровь отливает. Так ногам легче. Радисты спинами на снегу лежат, ноги на свои контейнеры положили. Все остальные тоже ноги вверх подняли. После десантирования прошло уже более суток. Мы все время идем. Останавливаемся через три-четыре часа на пятнадцать-двадцать минут. За обстановкой наблюдают двое, и двое выходят вперед, остальные ложатся на спины и засыпают сразу. Карл де ля Дюшес запрокинул спящую голову, из-под расстегнутой его куртки медленно струится пар. Аккуратно вырезанная снежинка медленно опустилась на его раскрытое горло и плавно исчезла. Мои глаза слипаются. Под веки

словно золы насыпали. Проморгать бы, да и закрыть их, и не раскрывать минут шестьсот.

Командир группы подбородок трет: нехороший признак, мрачен командир. И заместитель его Кисть мрачен. К узлу связи танковой армии шли одновременно с разных сторон пять диверсионных групп. Приказ прост был: кто до трех ночи к узлу связи доберется, тот в 3:40 атакует его. Те, кто к условному времени не успеет, в бой не вступают, обходят узел связи большим крюком и идут к следующей цели. Наша 43-я группа ко времени не успела. Потому мрачен командир. Вдали мы слышали взрывы и стрельбу длинными очередями. В упор били, значит. С нулевой дистанции. Ко времени успели минимум три группы. Но если даже и только одна группа ко времени успела, сняла часовых и появилась на узле связи в конце холодной неуютной ночи... О, одна группа многое может сделать против узла связи, пригревшегося в теплых контейнерах, против очкастых ожиревших связистов, против распутных телефонисток, погрязших в ревности и блюде. Жаль командиру, что не успели его солдаты к такой заманчивой цели. Знает командир наверняка, что группа лейтенанта Злого уж точно ко времени поспела. Наверное, и старший сержант Акл своих молодцов вовремя успел привести. Акл — это Акула значит. У старшего сержанта зубы острые, крепкие, но неровные, вроде как в два ряда. За то его Акулой величают. А может, не только за это. Скрипит командир зубами. Ясно, он сегодня группе расслабляться не позволит. Держитесь, желудки!

Спим. Идет одиннадцатый день после выброски. Днями поднять головы невозможно. Вертолеты в небе. На всех дорогах кордоны. На опушке каждого леса — засада. Появилось много ложных объектов: ракетные батареи, узлы связи, командные пункты. Диверсионные группы выходят на них, но попадают в ловушку. Батальон уже потерял десятки своих диверсионных групп. Мы не знаем сколько. Каждую ночь нам бросают посылки с неба: боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, иногда спирт. Такое внимание означает только одно: мало нас осталось. За эти дни наша группа нашла линию

радиорелейной связи, ранее не известную нашему штабу. По ориентировке приемных и передающих антенн группа нашла мощный узел связи и тыловой командный пункт. Тогда на пятый день операции группа впервые вышла в эфир, сообщив о своем открытии. Группа получила благодарность лично от командующего 13-й армии и приказ уходить из этого района. Наверное, его обработали ракетами или авиацией.

На седьмой день группа объединилась с четырьмя другими, образовав диверсионный отряд капитана по кличке Четвертый Лишний. Отряд в полном составе успешно атаковал аэродром прямо днем, прямо во время проведения взлета истребительного авиаполка. Отряд без потерь ушел от преследования и рассыпался на мелкие группы. Наша 43-я временно не существовала, превратившись в две — 431-ю и 432-ю. Теперь они вновь объединились. Но работать активно пока не удастся: вертолеты в небе, кордоны на дорогах, засады в лесах, ловушки у объектов. А все же мы свое дело делаем: 8-я танковая армия парализована почти полностью, и, вместо того чтобы воевать, она ловит нас по своим тылам.

День угасает. Никто нас днем не тревожил. Отдохнули. Нашу группу пока не накрыли, ибо командир хитер как змей. Змеем его, оказывается, и зовут. Он нашел склад боеприпасов наших врагов, у этого склада мы проводим дни. Тут у нас и база, все тяжелое снаряжение тут свалено. А по ночам часть группы налегке уходит далеко от базы и там проводит дерзкие нападения, потом на базу возвращается. Все группы, которые по лесам непроходимым прятались, давно уже уничтожены. А мы пока нет. Трудно нашим противникам поверить и понять, что наша база прямо под самым носом спрятана, и потому вертолеты нам не докучают. А с засадами и кордонами надо быть просто осторожным.

— Готовы, желудки?

Группа готова. Лыжи подогнаны, ремни проверены.

— Попрыгали.

Перед выходом на месте прыгать положено, убедиться, не гремит ли что, не звенит ли.

— Время. Пошли.

— Слушай, Шопен, представь себе, что мы на настоящей войне. Заместитель командира убит, а у командира прострелена нога. Тащить с собой — всех погубишь, бросить его — тоже смерть группе. Враги из командира печень вырежут, а говорить заставят. Эвакуации у нас в СпН нет. Представь себе, Шопен, что ты руководство группой принял, что ты с раненым командиром делать будешь?

Шопен достает из маленького карманчика на рукаве куртки шприц-тюбик одноразового действия. Это «блаженная смерть».

— Правильно, Шопен, правильно. На войне у нас единственный способ выжить: убивать своих раненых самим.

В контрольной тетрадке я рисую еще один плюс.

Идет семнадцатый день после выброски. Активно действуют только пять-шесть диверсионных групп, и наша в их числе. Группа Акулы, как и группа Злого, давно поймана. Командир нашей 43-й группы чувствует это каким-то особым чутьем. И Злой, и Акула, — его друзья и его соперники. Наверное, лейтенант Змей думает о них сейчас и слабо сам себе улыбается.

— Готовы? Попрыгали. Время. Пошли, ребята.

Своих солдат он больше не называет желудками.

Глава 6

1

Я иду по красному ковру. Я не был здесь двадцать три дня. Отвык от тишины, от ковров, от тепла; вообще человек дичает быстро и возвращается в животный мир легко и свободно, без затруднений.

В коридорах штаба спокойно и уютно. Тут сытые, чистые, гладко выбритые люди. Тут нет простуженного командирского хрипа и нетерпеливого повизгивания собак, которых вот-вот спустят с поводков.

Нашу 43-ю диверсионную группу накрыли в числе последних. Обложили, загнали в овраг. Все, как на войне настоящей. И собаки настоящие были. А они, четвероногие друзья человека, различия совсем не понимают: настоящая травля, учебная... Им один черт.

Тонкий, гибкий солдат по кличке Плётка вывернулся и из этого переплета. Его первого от группы отбили и погнали к реке, на которой уже тронулся лед. Думали к берегу прижать. Но он сбросил куртку, бросил автомат и поплыл между льдин. Вертолет за одним не послали, а собаки в воду не пошли: не дурные. Через четыре дня он пришел в казармы своего батальона, вконец отощавший, в темно-синей милицейской шинели. Украл.

За это Плётке было пожаловано сержантское звание и пятнадцать суток отпуска. Вообще таких ребят в батальоне немало. По одному они возвращаются в батальон на сломанных лыжах, в изорванных куртках, иногда с кровавыми ранами.

Нашу группу захватили в глубоком овраге, отрезав все пути. Нас привезли в казармы полка МВД. Встретили, как старых друзей. Выпарили в бане, накормили, дали сутки отоспаться. Для захваченных групп была заранее освобождена одна казарма, и санитарная часть полка работала только на нас.

В бане солдаты МВД на нас с уважением и испугом смотрят: скелеты.

— Тяжкая вам, братишки, служба выпала.

Не спорим. Тяжкая. Да только каждый год офицерам и сверхсрочникам СпН за полтора года службы считается. Прослужи десять лет — пятнадцать запишут. В соответствии с этим и по полторы полочки платят, и за прыжки платят, да за каждый рейдовый день особо добавляют. А жиру мы скоро нового нагуляем. Не зря нас желудками зовут.

Отоспался я. Отдохнул. И вот вновь по мягкому ковру иду. Штаб меня шутками встречает:

— Расскажи, Витя, как вес сбрасываешь?

— Эй, разведчик, ты откуда такой загорелый?

Лицо мое обожжено морозом, ветром и безжалостным зимним солнцем. Губы черные, потрескались. Нос облупился.

— Давай, Витя, в воскресенье на лыжах покатаемся!

Это жестокая шутка. Такие шутки я переношу с трудом. И вообще после той зимы я больше всего в мире ненавижу людей, которые добровольно надевают лыжи просто из-за того, что им нечего делать.

Мой путь — к начальнику разведки.

— Разрешите войти? Товарищ подполковник... Извините...

На новеньких погонах Кравцова не по две, а по три звезды.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Суворов с выполнения учебно-боевого задания прибыл!

— Здравствуй.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Поздравляю вас!

— Спасибо. Садись. — Он смотрит на мои обтянутые скулы, — Эко тебя обтесало. Отоспался?

— Да.

— Работы много. За время твоего отсутствия мир изменился. В кратчайший срок постарайся войти в курс дела. Все забыл в рейде?

— Старался все, что знаю, повторять в уме...

— Тебя проверить?

— Да.

— Шпангдалем.

— Шпангдалем — авиабаза ВВС США в Западной Германии. Двадцать пять километров севернее города Трир. Постоянно базируется пятьдесят второе тактическое истребительное крыло. Семьдесят два истребителя «Б-4». Взлетная полоса одна. Длина три

тысячи пятьдесят метров. Ширина сорок пять метров. В состав крыла входят...

— Хорошо. Иди.

Мир стремительно меняется. Двадцать три дня я не имел доступа к информации, и вот теперь передо мной толстые папки с разведывательными сводками, приказами, шифровками. За двадцать три дня мир изменился неузнаваемо. Я понимаю, что начальник разведки пощадил мое самолюбие и задал легкий вопрос о неподвижном объекте, об авиабазе. Если бы он спросил о 6-й мотопехотной дивизии Бундесвера, например, то я непременно попал бы в неловкое положение. За обстановкой нужно следить постоянно, иначе превратишься в носителя устаревшей информации. Итак... Совершенно секретно... Агентурной разведкой Белорусского военного округа обнаружено усиление охраны стартовых батарей ракет «Першинг» на территории Западной Германии... Совершенно секретно... 5-й отдел разведывательного управления Балтийского флота зарегистрировал полную смену системы кодирования в правительственных и военных каналах связи Дании... Совершенно секретно... Агентурной разведкой Генерального штаба вскрыты... Совершенно секретно... Агентурной разведкой 11-й гвардейской армии Прибалтийского военного округа на территории Западной Германии зарегистрированы работы по строительству колодцев для ядерных фугасов. Приказываю начальнику Второго главного управления Генерального штаба, начальникам разведки ГСВГ, СГВ, ЦГВ, Прибалтийского, Белорусского и Прикарпатского военных округов обратить особое внимание на сбор информации о системе ядерных фугасов на территории ФРГ. Начальник Генерального штаба генерал армии Куликов.

Двадцать три дня назад никто не слышал ничего о ядерных фугасах... Теперь колоссальные силы агентурной разведки брошены на вскрытие этой таинственной системы самозащиты Запада... Меняется лицо и нашей армии... Секретно... О результатах экспериментальных учений 8-й воздушно-штурмовой бригады

Забайкальского военного округа. Не было таких бригад еще двадцать три дня назад... Совершенно секретно... Приказываю принять на вооружение истребительно-противотанковой артиллерии изделие «Малютка-М» с системой наведения по двум точкам... Министр обороны Маршал Советского Союза А. Гречко... Совершенно секретно... Только для офицеров СпН... Расследование обстоятельств гибели иностранных курсантов Одесского особого центра подготовки в ходе учебных боев с «куклами»... Приказываю усилить контроль и охрану... Особое внимание обратить...

Этот приказ я перечитываю три раза. Ясно, как нужно обходиться с «куклой», как ее содержать и охранять. Только не ясно, что такое «кукла».

Нелегко готовить иностранных бойцов и агентуру СпН. Мы, советские бойцы, будем действовать во время войны, а эти ребята действуют уже сейчас и по всему миру. Они бесстрашно умирают за свои светлые идеалы, не подозревая, что и они тоже являются бойцами СпН.

Удивительные люди! Мы их готовим, мы тратим миллионы на их содержание, мы рискуем репутацией нашего государства, а они наивно считают себя независимыми. Тяжело иметь дело с этой публикой. Приходя к нам на подготовку, они приносят с собой дух удивительной беззаботности Запада. Они наивны, как дети, и великодушны, как герои романов. Их сердца пылают, а головы забиты предрассудками. Говорят, что некоторые из них считают, что нельзя убивать людей во время свадьбы, другие убеждены, что нельзя убивать во время похорон. Чудаки. Кладбище на то и придумано, чтобы там мертвые были.

Особый центр подготовки эту романтику и дурь быстро вышибает. Их тоже рвут собаками, их тоже по огню бегать заставляют. Их учат не бояться высоты, крови, скорости, не бояться смерти чужой и собственной, когда молниеносным налетом они захватывают самолет или посольство. Особый центр учит их убивать. Убивать умело,

спокойно, с наслаждением. Но что же в этой подготовке может скрываться под термином «кукла»?

Наша система сохранения тайн отработана, отточена, отшлифована. Мы храним свои секреты путем истребления тех, кто способен сказать лишнее, путем тотального сокрытия колоссального количества фактов, часто даже не очень секретных. Мы храним тайны особой системой отбора людей, системой допусков, системой вертикального и горизонтального ограничения доступа к секретам. Мы охраняем свои тайны собаками, караулами, сигнальными системами, сейфами, печатями, стальными дверями, тотальной цензурой. А еще мы охраняем их особым языком, особым жаргоном. Если кто-то и проникнет в наши сейфы, то и там немного поймет.

Когда мы говорим о врагах, то употребляем нормальные, всем понятные слова: ракета, ядерная боеголовка, химическое оружие, диверсант, шпион. Те же самые советские средства именуются: изделие, специальная энергетическая установка, специальное оружие, СпН, особый источник. Многие термины имеют несколько разных значений. «Чистка» в одном случае — простое исключение из коммунистической партии, в другом — массовое истребление людей.

Одно нормальное слово может иметь в нашем жаргоне множество синонимов. Советских военных диверсантов можно назвать общим термином СпН, а кроме того — «туристами», «любопытными», «рейдовиками». Что же в нашем жаргоне называется «куклами»? Используют ли «кукол» для тренировки советских бойцов, или это привилегия иностранных курсантов? Существовали ли «куклы» раньше, или это нововведение, наподобие воздушно-штурмовых бригад?

Я закрываю папку с твердым намерением узнать значение этого странного термина. Для этого есть только один способ: сделать вид, что я понимаю, о чем идет речь, и тогда в случайном разговоре кто-нибудь действительно сведущий может сказать чуть больше положенного. А одной крупинки иногда бывает достаточно, чтобы догадаться.

296-й отдельный разведывательный батальон СпН спрятан со знанием дела, со вкусом. Есть в 13-й армии полк связи. Полк обеспечивает штаб и командные пункты. Через полк проходят секреты государственной важности, и потому он особо охраняется. А на территории полка отгорожена особая территория, на которой и живет наш батальон. Все диверсанты носят форму войск связи. Все машины в батальоне — закрытые фургоны, точно как у связистов. Так что со стороны виден только полк связи, и ничего больше. Мало того, и внутри полка большинство солдат и офицеров считают, что есть три обычных батальона связи, а один необычный, особо секретный, наверное, правительственная связь.

Но и внутри батальона СпН немало тайн. Многие диверсанты считают, что в их батальоне три парашютные роты, укомплектованные обычными, но очень сильными и выносливыми солдатами. Только сейчас я узнал, что это не все. Кроме трех рот существует еще особый взвод, укомплектованный профессионалами. Этот взвод содержится в другом месте, вдали от батальона. Он предназначен для выполнения особо сложных заданий. Узнал я о его существовании только потому, что мне как офицеру информации предстоит обучать этих людей моему ремеслу: правильному и быстрому обнаружению важных объектов на территории противника. Я еду в особый взвод впервые и немного волнуюсь.

Везет меня туда лично полковник Кравцов. Он представит меня.

— Догадайся, какую маскировку мы придумали для этого взвода.

— Это выше всех моих способностей, товарищ полковник. У меня нет никаких фактов для анализа.

— И все же попытайся. Это тебе экзамен на сообразительность. Представь их, на то у тебя и воображение, и попробуй их спрятать, вообразив себя начальником разведки тринадцатой армии.

— Они должны хорошо знать местность, на которой им предстоит действовать, поэтому им нужно часто выезжать за рубеж. Они должны быть отлично тренированы... Я бы их, товарищ полковник, объединил в спортивную команду. И маскировка, и возможность за рубеж ездить...

— Правильно, — смеется он, — все просто. Они — спортивная команда общества ЦСКА: парашютисты, бегуны, стрелки, боксеры, борцы. Каждая армия и флотилия имеет такую команду. Каждый

военный округ, флот, группа войск имеют еще более мощные и еще лучше подготовленные спортивные команды. На спорт мы денег не жалеем. А где бы ты этим своим спортсменам учебный центр спрятал?

— В Дубровице.

Он разведчик. Он владеет собой. Только зубы слегка заскрипели да желваки на щеках заиграли.

— Отчего же в Дубровице?

— В составе нашей любимой тринадцатой армии только один штрафной батальон для непокорных солдатиков, и он в Дубровице. Военная тюрьма. Из нашей дивизии туда часто нерадивых загребали. Заборы там высокие, собаки злые, колючей проволоки много рядов. Отгородил себе сектор, да и размещай любой особо секретный объект. Людей нужных туда в арестантских машинах возить можно, никто не дознается...

— Мало ли в нашей тринадцатой армии хорошо охраняемых объектов. АПРТБ,^[4] к примеру...

— В АПРТБ, товарищ полковник, «куклу» негде содержать.

Он только смерил меня долгим тяжелым взглядом, но ничего не сказал.

Только осенней ночью на небе зажигается так много звезд. Только холодной сентябрьской ночью их можно видеть так отчетливо, словно серебряные гвоздики на черном бархате. Сколько их смотрит на нас из холодной черной пустоты! Если смотреть на Большую Медведицу, то рядом с яркой звездой, той, что на переломе ручки ковша, можно разглядеть совсем маленькую звездочку. Она, может быть, совсем и не маленькая, просто она очень далеко. Может быть, это громадное светило с десятками огромных планет вокруг. А может быть, это галактика с миллиардами светил...

Во Вселенной мы, конечно, не одни. В космосе миллиарды планет, очень похожих на нашу. На каком основании мы должны считать себя исключением? Мы не исключение. Мы такие же, как и все. Разве только форма и цвет глаз у нас могут быть разными. У жителей одних планет глаза голубые, как у полковника Кравцова, а у

других — зеленые, треугольные, с изумрудным отливом. Но на этом, видимо, и кончаются все различия. Во всем остальном мы одинаковы — все мы звери. Звери, конечно, разные бывают: мыслящие, цивилизованные, и не мыслящие. Первые отличаются от вторых тем, что свою звериную натуру маскировать стараются. Когда у нас много пищи, тепла и самок, мы можем позволить себе доброту и сострадание. Но как только природа и судьба ставят вопрос ребром: одному выжить, другому сдохнуть, мы немедленно вонзаем свои желтые клыки в горло соседа, брата, матери.

Все мы звери. Я — точно, и не стараюсь этого скрывать. И обитатель какой-нибудь двенадцатой планеты оранжевого светила, затерянного в недрах галактики, не имеющей названия, — он тоже наверняка зверюга, только старается добрым казаться. И начальник разведки 13-й армии полковник Кравцов — зверь. Он зверюга, каких редко встретишь. Роста небольшого, подтянут, лицо красивое, молодое, чуть надменное. Улыбка широкая, подкупающая, но уголки рта всегда чуть вниз — признак сдержанности и точного расчета. Взгляд сокрушающий, цепкий. Взгляд его заставляет собеседника моргать и отводить глаза. Руки точеные, не пролетарские. Полковничьи погоны ему очень к лицу. Люди такого типа иногда имеют совершенно странные наклонности. Некоторые из них, я слышал, медные истертые пятаки собирают. Интересно, чем наш полковник увлекается? Для меня и для всех нас он — загадка. Мы знаем о нем удивительно мало, а он знает о каждом из нас все. Он — зверь. Маленький, кровожадный, смертельно опасный. Он знает свою цель и идет к ней, не сворачивая. Я знаю его путеводную звезду. Зовется она власть. Он сидит у костра, и красные тени мечутся по его скуластому волевому лицу. Черный профиль. Красные тени. Ничего более. Никаких переходов. Никаких компромиссов. Если я совершу одну ошибку, то он сомнет меня, сокрушит. Если я обману его, он поймет это по моим глазам.

— Суворов, ты что-то хочешь спросить?

Мы одни у костра, в небольшом овражке, в бескрайней степи. Наша машина спрятана воон там, в кустах, и водителю спать разрешено. У нас впереди длинная осенняя ночь.

— Да, товарищ полковник, я давно хочу спросить вас... В вашем подчинении сотни молодых, толковых, перспективных офицеров с

великолепной подготовкой, утонченными манерами... А я крестьянин, я не читал многих книг, о которых вы говорите, мне трудно в вашем кругу... Мне не интересны писатели и художники, которыми вы восхищаетесь... Почему вы выбрали меня?

Он долго возится с чайником, видимо, соображая, произнести ли какую-нибудь дежурную фразу о моем трудолюбии и сообразительности или сказать правду. В чайнике он варит варварский напиток: смесь кофе с коньяком. Выпьешь — сутки спать не будешь.

— Я тебе, Виктор, правду скажу, потому что ты ее сам понимаешь, потому что тебя трудно обмануть, потому что ты ее знать должен. Наш мир жесток. Выжить в нем можно, только карабкаясь вверх. Если остановишься, то покатишься вниз и тебя затопчут те, кто по твоим костям вверх идет. Наш мир — это кровавая бескомпромиссная борьба систем; одновременно с этим — это борьба личностей. В этой борьбе каждый нуждается в помощи и поддержке. Мне нужны помощники, готовые на любое дело, готовые на смертельный риск ради победы. Но мои помощники не должны предать меня в самый тяжелый момент. Для этого существует только один путь: набирать помощников с самого низа. Ты всем обязан мне, и если выгонят меня, то выгонят и тебя. Если я потеряю все, ты тоже потеряешь все. Я тебя выделил в толпе, избрал и поднял не за твои таланты, а потому, что ты — человек толпы, один из многих. Ты никому не нужен. Если что-то случится со мной, и ты снова очутишься в толпе, потеряв власть и привилегии. Этот способ выбора помощников и телохранителей стар как мир. Так делали все правители. предашь меня — потеряешь все. Меня точно так же в грязи подобрали. Мой покровитель идет вверх и тянет меня за собой, рассчитывая на мою поддержку в любой ситуации. Если он погибнет, кому я буду нужен?

— Ваш покровитель — генерал-лейтенант Обатуров?

— Да. Он выбрал меня и взял в свою группу, когда был майором, а я — лейтенантом... не очень успешным.

— Но и он кому-то служит. Его тоже кто-то вверх тянет?

— Конечно. Только не твоего это ума дело. Будь уверен, что ты в правильной группе, что и у генерал-лейтенанта Обатурова могущественные покровители в Генеральном штабе. Но тебя, Суворов,

я знаю уже хорошо. У меня такое чувство, что это не этот вопрос тебя мучает. Что у тебя?

— Расскажите мне про Аквариум.

— Ты и об этом знаешь? Услышать это слово ты не мог. Значит, ты его где-то увидел. Дай подумать, и я скажу, где ты его мог увидеть.

— На обратной стороне портрета.

— Ах, вот где! Слушай, Суворов, об этом никогда никого не спрашивай. Аквариум слишком серьезно относится к своим тайнам. Ты просто вопрос задашь, а тебя на крючок подвешат. Нет, я не шучу. За челюсть или за ребро — и вверх. Рассказать тебе об Аквариуме я просто не имею права. Дело в том, что ты можешь рассказать кому-нибудь еще, а он — еще кому-нибудь. Но настанет момент, когда события начнут развиваться в другом направлении. Одного арестуют, узнают у него, где он слышал это слово, он на тебя укажет, а ты на меня.

— Вы думаете, если меня пытать начнут, я назову ваше имя?

— В этом я не сомневаюсь, и ты не сомневайся. Дураки говорят, что есть сильные люди, которые могут пытки выдержать, и слабые, которые не выдерживают. Это чепуха. Есть хорошие следователи и есть плохие. В Аквариуме следователи хорошие... Если попадешь на конвейер, то сознаешься во всем, включая и то, чего никогда не было. Но... я верю, Виктор, что мы с тобой на конвейер не попадем, и потому тебе об Аквариуме немного расскажу...

— Что за рыбы там водятся?

— Там только одна порода — пираньи.

— Вы работали в Аквариуме?

— Нет, этой чести меня не удостоили. Может, в будущем... Там, наверное, считают, что зубы у меня еще недостаточно остры. Итак, слушай. Аквариум — это центральное здание Второго главного управления Генерального штаба, то есть Главного разведывательного управления — ГРУ ГШ. Руководящий орган военной разведки под различными названиями существует с пятого ноября восемнадцатого года. В это время Красная Армия уже была огромным и мощным организмом. Управлял армией Главный штаб, который сейчас именуется Генеральным штабом. Штаб — это мозг армии. Но реакция Главного штаба Красной Армии была замедленной и неточной, оттого что организм был слепым и глухим. Информация о противнике

поступала из ЧК, которое потом превратилось в ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, наконец — в КГБ. Для Красной Армии опираться на сведения, полученные из тайной полиции, — примерно то же самое, что для человеческого мозга получать информацию не от собственных глаз и ушей, а со слов другого человека. Да и чекисты всегда рассматривали заявки Красной Армии как нечто второстепенное. По-другому и быть не могло: у тайной полиции свои приоритеты, у Генерального штаба — свои. И сколько Генеральному штабу ни давай информации со стороны, ее никогда не будет достаточно. Представь себе: случилась неудача, с кого спрашивать? Генеральный штаб всегда может сказать, что информации о противнике было недостаточно, оттого и неудача. И он всегда будет прав, потому что сколько информации ни собирай, начальник Генерального штаба может поставить еще миллион вопросов, на которые не будет ответов. Вот поэтому и было решено отдать военную разведку в руки Генерального штаба — пусть начальник Генерального штаба ею управляет: если сведений о противнике недостаточно, то это вина самого Генерального штаба.

— И КГБ никогда не стремился установить власть над ГРУ?

— Всегда стремился. И сейчас стремится. Это однажды удалось Ежову: он был одновременно шефом НКВД и военной разведки. За это его пришлось уничтожить. В его руках оказалась слишком большая власть. Он стал монопольным контролером всей тайной деятельности. Для верховного руководства страны это страшная монополия. Пока существуют минимум две тайные организации, ведущие борьбу между собой, можно не бояться заговора внутри одной из них. Пока есть две организации — есть качество работы, так как существует конкуренция. Тот день, когда одна организация поглотит другую, станет последним днем для Политбюро. Но Политбюро этого не допустит. Деятельность КГБ сдерживается деятельностью конкурирующих организаций. Внутри страны похожую работу делает МВД. МВД и КГБ готовы сожрать друг друга. Кроме того, внутри страны действует еще одна тайная полиция — Народный контроль. Сталин стал диктатором, придя с поста руководителя именно этой тайной организации — из Народного контроля. А за рубежом тайную деятельность КГБ уравновешивает деятельность Аквариума. ГРУ и ГБ постоянно дерутся

за источники информации, и оттого обе организации работают так успешно.

Я молчу, переваривая смысл сказанного. Долгая ночь впереди. Метрах в тридцати от нас в ивняке спрятана большая надутая резиновая ракета «Першинг» — точная копия американского оригинала. Прошлой ночью весь диверсионный батальон СпН был выброшен небольшими группами вдали от этого места. Соревнования. Маршрут — 307 километров. На маршруте пять контрольных точек: ракеты, радар, штаб. Группа, которая первой пройдет весь маршрут, обнаружив все объекты и сообщив их точные координаты, получит отпуск и золотые часы каждому солдату. Все солдаты победившей группы станут младшими сержантами, а сержанты — старшими сержантами. Высший командный состав разведывательного отдела контролирует прохождение групп. Сам Кравцов обычно на вертолете вдоль трассы соревнований летает. Но сегодня он почему-то решил остаться на контрольной точке, и в помощники он выбрал меня.

— Кажется, идут.

— Поговорим потом.

Камешки чуть шуршат под ногами и катятся вниз. В овраг тихо, по-змеиному скользя, спускается гигантская тень. Огонь костра в ночи чуть ослепил огромного диверсанта. Он всматривается в наши лица и, узнав Кравцова, докладывает:

— Товарищ полковник, двадцать девятая рейдовая группа второй роты СпН. Командир группы сержант Полищук.

— Добро пожаловать, сержант.

Сержант оборачивается к группе и тихо свистит, как свистят суслики. По откосу вниз зашуршали диверсантские башмаки. Двое занимают позицию на гребне: наблюдение и оборона. Радист быстро разбрасывает антенну. Двое растягивают брезент: под брезентом будет колдовать шифровальщик. Как он готовит сообщение, знать обычным смертным не положено, и оттого во время работы его всегда накрывают брезентом. В боевой обстановке командир группы головой отвечает за шифры и шифровальщика. Если группе угрожает

опасность, командир обязан шифровальщика убить, шифры и шифровальную машину уничтожить. Если он этого не сделает, отвечать жизнью будет не только он сам, но и вся группа.

Вот готово сообщение. Теперь мы все его видим: обыкновенная киноплёнка с несколькими рядами аккуратных дырочек на ней. Сообщение вкладывается в радиостанцию. Станция еще не включена и не подстроена. Радист на хронометр смотрит. И вот жмет на кнопку. Радиостанция включается, автоматически подстраивается, протаскивает сквозь недра кусок пленки, тут же выплевывая его. Несколько цветных лампочек на радиостанции сразу гаснут. Весь сеанс связи длится не более секунды. Заряд информации радиостанция практически выстреливает. Шифровальщик подносит спичку к пленке, и та мгновенно исчезает в пламени, злобно шипя. Киноплёнка только кажется обычной. Горит она так же быстро, как радиостанция передает зашифрованное сообщение.

— Готовы? Попрыгали. Время. Пошли.

Жесток сержант Полищук и на руку дерзок. Группу замордует, а гнать будет без остановки. Да только цыплят на финише считают. Пока все хорошо. А если группа на первых двух сотнях километров сдохнет? Командирам групп большие права даны. На то и соревнования. Хочешь — останови группу. Хочешь — спать ее положи. Хочешь — отдыхай через каждые 10 минут хода. Но если окажешься в последней десятке групп, сорвут лычки сержантские, в рядовые спишут, а на твое сержантское место много желающих найдется.

— Товарищ полковник, одиннадцатая группа первой роты. Командир сержант Столяр.

— Добро пожаловать, сержант. Действуй, на наше присутствие внимания не обращай.

— Есть! Носорог и Гадкий Утенок — на стремя!

— Есть!

— Блевантин!

— Я!

— Связь давай.

— Есть связь.

— Готовы? Попрыгали. Время. Пошли.

Теперь группы потоком пойдут. Так всегда на соревнованиях бывает. Несколько групп вырываются далеко вперед, потом идет основная масса с короткими перерывами или без перерывов вообще, а потом отставшие, заблудившиеся. Некоторые отдыхают у нашего костра по часу. Некоторые по два. Некоторые останавливаются, только чтобы развернуть связь, передать сообщение и — вперед.

Рядом с нами сразу несколько групп готовят свой нехитрый ужин. В ходе учений огонь разводить запрещено, и тогда диверсант готовит себе пищу на спиртовой таблетке. Но на соревнованиях можно пользоваться и огнем. Главное на соревнованиях — точное ориентирование, скорость, определение координат и связь. Остальное не так важно.

От костра пряным запахом потянуло. Диверсанты курицу жарят. Жарят ее особым методом: выпотрошили, срезали голову и ноги, но перья не ощипывали. Курицу толстым слоем мокрой глины вымазали, и в костер. Вот уже и запах пошел. Скоро она и готова. Нет у диверсанта кастрюли, и оттого в глине готовить приходится. Когда совсем она изжарится, глину собьют, а вместе с глиной слетят с нее и перья, и курочка во всем своем жиру — прямо к столу.

— Товарищ полковник, милости просим.

— Спасибо. А где ж вы курицу взяли?

— Дикая, товарищ полковник. Беспризорная.

Во время соревнований часто «спецы» и дикую свинку найти могут, и курочку, и петушка. Иногда дикая картошка попадает, дикие помидоры и дикие огурцы, дикая кукуруза. Кукурузу другая группа в чайнике огромном варит.

— А чайник откуда?

— Да как сказать. Лежал на дороге. Чего ж, думаем, добру пропадать. Отведайте кукурузки! Хороша.

У Кравцова правило: приглашение солдата он принимает с благодарностью, как принимает приглашение начальника штаба округа или самого командующего. Разницы он не делает. Весело у костра:

— Обмани ближнего, или дальний приблизится и обманет тебя.

Шутник полковник. За него любой диверсант глотку перегрызет. Непросто такого уважения среди них добиться. Подчиняются они всякому поставленному над ними начальнику, а уважают не всякого, и

тысячи способов зверехитрый диверсант знает, чтобы командиру своему продемонстрировать уважение или неуважение.

А за что они Кравцова уважают? За то, что тот натуру звериную свою не прячет и прятать не пытается. Диверсанты уверены в том, что натура людская порочна и неисправима. Им виднее. Они каждый день жизнью рискуют и каждый день имеют возможность наблюдать человека на грани смерти. И поэтому всех людей они делят на хороших и плохих на свой манер. Хороший, по их понятиям, тот человек, который не прячет зверя, сидящего внутри него. А тот, кто старается хорошим казаться, опасен. Самые опасные люди — те, которые не только демонстрируют свои положительные качества, но и внутренне верят в то, что являются хорошими. Отвратительный, мерзкий преступник может убить человека, или десять человек, или сто. Но преступник никогда не убивает людей миллионами. Миллионами убивает только тот, кто считает себя добрым. Робеспьеры получают не из преступников, а из самых добрых, из самых гуманных. И гильотину придумали не преступники, а гуманисты. Самые чудовищные преступления в истории человечества совершили люди, которые не пили водки, не курили, не изменяли жене и кормили белочек с ладони.

Ребята, с которыми мы сейчас жуем кукурузу, уверены в том, что человек может быть хорошим только до определенного предела. Если жизнь припрет, хорошие люди станут плохими, и это может случиться в самый неподходящий момент. Чтобы не быть застигнутыми врасплох такой переменой, лучше с хорошими не водиться. Лучше иметь дело с теми, кто уже сейчас плохой. По крайней мере, знаешь, чего от него ждать, когда фортуна ему свою задницу продемонстрирует. Полковник Кравцов в этом смысле для них свой человек. Идет, к примеру, девочка грудастая по улице. Ягодицы, как два арбуза в авоське, перекатываются. Что диверсант в этом случае делать будет? По крайней мере, взглядом изнасилует, если по-другому нельзя. Но и полковник Кравцов так же поступит, не постесняется. За это его уважают. Опасен тот, кто женщине вслед не смотрит. Опасен тот, кто старается показать, что это его не интересует совсем. Вот именно среди этой публики можно найти тайных садистов и убийц. Кравцов к этой категории не относится. Любит он женский пол (а кто не любит?)

и секрета из этого не делает. Любит власть — зачем же свою любовь скрывать? А любит он ее крепко. Любую власть.

Почувствовал я это, когда впервые увидел, как он «куклу» бил. Это был апофеоз мощи и беспощадной власти. «Кукла» — это человек такой. Человек для тренировки.

Когда ведешь учебный бой против своего товарища, то наперед знаешь, что он тебя не убьет. И он знает, что ты его не убьешь. Поэтому интерес к учебному бою теряется. А вот «кукла» тебя убить может, но и тебя ругать не будут, если ты «кукле» ребра переломаешь или шею.

Работа у нас ответственная. И рука наша не должна дрогнуть в ответственный момент. И не дрогнет. А чтоб командиры наши полную уверенность в том имели, подбрасывают нам для тренировки кукол. «Куклы» не нами выдуманы. Их и до нас использовали, и гораздо шире, но назывались они по-другому. В ЧК их называли «гладиаторами», в НКВД — «волонтерами», в СМЕРШе — «робинзонами», а у нас они — «куклы».

«Кукла» — это преступник, приговоренный к смерти. Тех, кто стар, болен, слаб, тех, кто знает очень много, уничтожают сразу после вынесения приговора. Но тот, кто силен да крепок, того перед смертью используют для усиления мощи нашего государства. Говорят, что приговоренных к смерти на уран посылают. Чепуха. На уране обычные ээки работают. Приговоренных к смерти более продуктивно используют. Один из видов такого использования — сделать его «куклой» для СпН. И нам хорошо, и ему. Мы можем отрабатывать приемы борьбы, не боясь покалечить противника, а у него отсрочка от смерти получается.

Раньше «гладиаторов» да «кукол» на всех достаточно было. Теперь нехватка. Во всем у нас нехватка. То мяса нет, то хлеба, а теперь вот и «кукол» не хватает на всех. А желающих использовать «кукол» не убавляется. А где ты их наберешь? Поэтому приказывают «куклу» длительно использовать, осторожно. Но это на качество занятий не очень влияет. Ты его не можешь сильно калечить, а у него ограничений нет. Он в любой момент умереть может. Терять ему нечего. Шею запросто свернет. Оттого бой с «куклой» в сто раз полезнее, чем тренировка с инструктором или товарищем. Бой с «куклой» — настоящий бой, настоящий риск.

Во всем батальоне СпН только один особый профессиональный взвод допущен к тренировкам с «куклами». Три обычные диверсионные роты о существовании «кукол» просто не знают. Особый взвод отделен от батальона: и место хорошо охраняется, и «кукол» содержать есть где.

Не любит Кравцов зря рисковать. Но любит власть. И потому, попав в Дубровицу, он каждый раз переодевается и идет тренироваться на «куклах». Он тренируется долго и упорно. Он очень настойчив.

Немного воды, полбанки кофе, коньяка солидную порцию — и на огонь. Это варварское месиво должно долго вариться. Попьешь — будешь прыгать как молодой ишак. Приятный аромат щекочет ноздри.

Серый рассвет. Холодный туман. Едкий дым костра. Мы снова одни.

— Много КГБ нашей крови выпил?

— Ты, Витя, про всю армию или только про разведку?

— И про армию, и про разведку.

— Много.

— Почему так получилось?

— Мы были очень наивны. Мы служили Родине, а чекисты служили сами себе и коммунистической партии.

— Это может повториться?

— Да. Если мы будем так же наивны, как и раньше.

Он мешает ложкой коньячное варево. А мне кажется, что он судьбу мою вершит. Не зря он один со мной в глухой степи оказался. Не зря он разговоры такие ведет. Рассказав об Аквариуме, он доверил мне свою судьбу. Я же ее поломать могу. Зачем он так рискует? Не иначе он от меня мою собственную судьбу требует. Я согласен рисковать вместе с Кравцовым и ради него. Но как мне выразить это?

— Мы не должны им позволить, чтобы это повторилось. Ради благополучия нашей Родины мы должны быть сильными. Армия должна быть не менее сильной, чем КГБ... — внезапно я чувствую, что именно этого он от меня ждет, — мы не должны им позволить этого. Монополия чекистской власти может удушить советскую власть.

— Но и монополия власти военной может уничтожить советскую власть. Ты этого не боишься, Виктор? — Кравцов смотрит на меня в упор.

— Не боюсь.

— Что бы ты на моем месте делал? На месте советских генералов и маршалов?

— Я бы поддерживал тесный контакт с коллегами. Если один в опасности, все генералы и маршалы должны его защищать. Нам нужна солидарность.

— Представь, что есть такая солидарность. Тайная, конечно. Представь, что партия и ГБ решили свергнуть одного из нас. Как же всем остальным реагировать? Бастовать? Всем в отставку подать?

— Я думаю, мы должны отвечать ударом на удар. Но не по всем нашим врагам, а только по самым опасным. Если вы лично имеете проблемы с местным партийным руководством или с ГБ, не вам с ними биться, но все ваши друзья со всего Союза должны наносить тайные удары по вашим врагам. И наоборот, когда кто-то из ваших далеких друзей в беде, вы обязаны использовать всю свою мощь для нанесения тайных ударов по его врагам...

— Хорошо, Суворов, но помни, что этого разговора никогда не было. Ты просто перепил коньяка и все это сам придумал. Запомни, что лучше стоять в стороне от всех этих драк, но тогда ты так и останешься лежать в грязи. Драка за власть — жестокая драка. Тот, кто проиграл, — преступник. Для победителя все равно, совершал ты преступления или нет. Все равно преступник. Так что лучше преступления творить, чем быть наивным дураком. С волками жить... А то ведь съедят. Если ты встал на этот путь, то лучше не попадаться, а если попадаться, так не сознаваться, а если и сознаваться, то в простом деле, а не в организованном. Каждый, кто дерется за власть, имеет свою группу, свою организацию, и каждый не прощает участие в такой организации своим соперникам. Участие в организации — это самое страшное, в чем ты можешь признаться. Это жуткий конец для тебя лично. Под самыми страшными пытками лучше признаться, что ты действовал один. В противном случае пытки станут еще страшнее. А теперь слушай внимательно.

Его голос резко изменился, как и выражение лица.

— Через неделю пойдешь контролером с группой СпН. Вас выбросят на Стороженецком полигоне. На второй день группа разделится на две. В этот момент ты исчезнешь. Твой путь — в Кишинев. Ехать только товарными поездами. Только ночью. В Кишиневе есть педагогический институт. Уровень национализма в институте — выше среднего. Вот тебе текст. Этот лозунг напишешь ночью на стене, — Кравцов протянул мне листок тонкой папиросной бумаги, — ты по-молдавски не говоришь, поэтому запомни весь текст наизусть. Сейчас. Попробуй написать. Еще раз. Помни: ты сам на это решился. Если тебя где-то остановят — ты отстал от группы, потерял направление, стараешься сам вернуться в штаб армии без посторонней помощи, поэтому по ночам едешь в товарных вагонах. Смотри не усни. Отсыпайся днем в лесу.

— Какой величины должны быть буквы?

— Пятнадцать-двадцать сантиметров будет достаточно, чтобы свалить председателя молдавского КГБ.

— Одним лозунгом?

— Тут особый случай. С национализмом в институте боролись давно и безуспешно. Принимали самые драконовские меры. Донесли в Москву, что теперь все хорошо. Твое дело доказать, что это не так. Может, конечно, подозрение пасть на Одесский округ, но одесское военное руководство легко докажет свою полную невиновность. Удар мы наносим не прямой, а из-за угла, из соседнего округа. Повторяю, ты действуешь по собственной инициативе. Ты увидел этот лозунг на клочке бумаги, который валялся на улице, выучил его наизусть и написал на стенке, не понимая его смысла. Лучше быть дураком, чем конспиратором. Не забыл лозунг?

— Нет.

Глава 7

1

Нас бросали с трех тысяч метров. На второй день группа разделилась на две. Командиры двух подгрупп знали, что с этого момента они действуют самостоятельно, без контроля сверху.

Через пять дней я появился в штабе армии. Мой путь — к начальнику разведки. Я докладываю, что в ходе учений после разделения группы я должен был встретить третью группу, но не встретил ее, потерял ориентировку и долгое время искал правильный путь, не пользуясь картой и услугами посторонних. Легкой улыбкой докладываю, что дело сделано. Чисто сделано.

Легким кивком он дает мне знать, что понял. Но не улыбается мне.

2

Прошло три недели. Я внимательно слежу за всеми публикациями. Понятно, что ни в местных, ни в центральных газетах никто ничего не опубликует. Однако в местных газетах может появиться статейка под заголовком вроде «Крепить пролетарский интернационализм!»

Но нет такой статейки...

Кравцов положил мне руку на плечо. Он всегда подходит незаметно.

— Не теряй времени. Ничего не случится.

— Почему?

— Потому что то, что ты написал на стене, не принесет никому никакого вреда. Текст был совершенно нейтральным.

— Зачем же я его писал на стене?

— Затем, чтобы я был в тебе уверен.

— Я был все время под наблюдением?

— Почти все время. Твой маршрут я примерно знал, а конечный пункт — тем более. Бросить десяток диверсантов на контроль — и почти каждый твой шаг зафиксирован. Конечно, и контролеры не знали того, что они делали... Когда человек в напряжении, ему в голову могут прийти самые глупые идеи. Его контролировать надо. Вот я тебя и контролировал.

— Зачем вы мне рассказали о том, что я был под вашим контролем?

— Чтоб тебе и впредь в голову дурные идеи не приходили. Я буду поручать тебе иногда подобные мелочи, но ты никогда не будешь уверен в том, идешь ты на смертельный риск или я просто тебя проверяю, — он улыбнулся мне широко и дружески, — и знай, что материалов на тебя у меня столько, что в любой момент я тебя могу превратить в «куклу».

3

Кравцов смотрит на меня выжидающе, потом наливает по полстакана холодной водки и молча кивает мне на один стакан:

— С начальником тоже иногда выпить можно. Не бойся, не ты ко мне в друзья навязываешься, это я тебя вызвал, пей.

Я взял стакан, поднял его на уровень глаз, улыбнулся своему шефу и медленно выпил. Водка — живительная влага. Он снова налил по полстакана.

— Слушай, Суворов, своим взлетом ты обязан мне.

— Я всегда об этом помню.

— Я за тобой наблюдаю давно и стараюсь понять тебя. На мой взгляд, ты прирожденный преступник, хотя об этом и не догадываешься и не имеешь уголовной закалки. Не возражай, я людей знаю лучше, чем ты. Я тебя насквозь вижу. Пей.

— Ваше здоровье.

— Осади огурчиком.

— Спасибо.

Лицо у него мрачное. По всей видимости, он до моего прихода уже успел употребить. А выпив, он всегда становится мрачным. Со мной всегда происходит то же самое. Он, видимо, это давно подметил,

и по некоторым другим, почти незаметным признакам с самого себя рисует мой портрет.

— Если бы ты, мерзавец, к уркам попал, то ты бы у них прижился. Они бы тебя за своего считали, а через несколько лет ты бы в банде определенным авторитетом пользовался. Возьми колбаски, не стесняйся. Мне ее из спецраспределителя доставляют. Ты о существовании такой колбасы, наверное, и не догадывался, пока я тебя к себе не забрал. Пей...

То, что водки в нем было уже более полкило, сомнений не было. Она понемногу действовать начинала.

Движения его руки с вилкой уже не отличались точностью, но ум Кравцова от влияния алкоголя был полностью изолирован. Говорит он ясно и четко, мыслит тоже ясно и четко.

— Одного я в тебе, Суворов, не понимаю: ты в мучительстве наслаждения не находишь или только скрываешь это? У нас широкие возможности наслаждаться своей силой. Ваньку-педераста можно мучить столько, сколько душа пожелает. А ты от этих удовольствий уклоняешься. Почему?

— Я в мучительстве наслаждения не чувствую.

Он покачал головой:

— Жаль.

— Это плохо для нашей профессии?

— Вообще-то нет. В мире астрономическое число проституток, но лишь немногие из них наслаждаются своим положением. Для большинства из них это тяжелая физическая работа, не более. Но независимо от того, нравится проститутке ее работа или нет, ее уровень во многом зависит от отношения к труду, от чувства ответственности, от трудолюбия. Профессией не обязательно наслаждаться, не обязательно ее любить, но на любом месте надо проявлять трудолюбие. Чего зубы скалишь?

—оборот интересный — «трудолюбивая проститутка».

— Нечего смеяться, мы не лучше проституток, мы делаем не очень чистое дело, чтобы доставить удовольствие другим, и за наш тяжкий труд много получаем. Профессию свою ты не очень любишь, но трудолюбив, и этого мне достаточно. Наливай сам.

Я налил.

— А вам?

— Немного совсем плесни. Два пальца. Хорош. Я тебя вот зачем вызвал. Прожить на нашей вонючей планете можно, только перегрызая глотки другим. Такую возможность предоставляет власть. Удержаться у власти можно, только карабкаясь вверх. Скользящая она очень, пирамида власти. Достичь вершин этой пирамиды в одиночку невозможно, и потому каждый, кто по ее откосам вверх карабкается, формирует свою группу, которая идет с ним до самого верха или летит с ним в бездну. Я тебя вверх тащу, но и твоей помощи требую, помощи любой, какая потребуется, пусть даже и уголовного порядка. Когда ты чуть выше вслед за мной поднимешься, то и ты собственную группу сколотишь и будешь ее вслед за собой тянуть, а я тебя буду тянуть, а меня еще кто-то. А вместе мы нашего главного лидера вверх продвигать будем.

Он вдруг ухватил меня за ворот:

— Предашь — пожалеешь!

— Не предам.

— Я знаю, — глаза у него мрачные, — можешь предавать кого хочешь, хоть Советскую Родину, но не меня. Бойся даже думать об этом. Но ты об этом и не думаешь. Я это знаю, по твоим сатанинским глазам вижу. Допивай, и пошли. Поздно уже. Завтра придешь на работу в семь утра и к девяти часам подготовишь все свои документы к сдаче. Меня назначили начальником Разведывательного управления Прикарпатского военного округа. Туда, в управление, я свою команду потяну за собой. Конечно, я беру с собой не всех и не сразу. Некоторых позже перетяну. Но ты едешь со мной сразу. Цени.

Не знаю, что со мной. Что-то не так. Я просыпаюсь по ночам и подолгу смотрю в потолок. Если бы меня отправили куда-нибудь умирать за чьи-то интересы, я бы стал героем. Мне не жалко отдать свою жизнь. Возьмите, кому она нужна. Ну, берите же! Я забываюсь в коротком, тревожном сне. И черти куда-то несут меня. Я улетаю высоко-высоко. От Кравцова. От частей СпН. От жестокой борьбы за лучшее место под солнцем. Я готов бороться. Я готов грызть глотки. Но зачем это все? Битва за власть — это вовсе не битва за Родину. А

битва за Родину, даст ли она утешение моей душе? Я уже защищал твои, Родина, интересы в Чехословакии. Неприятное занятие, прямо скажем. Я улетаю все выше и выше. С недосыгаемой звенящей высоты смотрю я на свою несчастную Родину-мать. Она тяжело больна. Я не знаю, чем. Может, бешенством? Может, шизофрения у нее? Я не знаю, как ей помочь. Может, для этого надо кого-то убивать? Но я не знаю, кого. Куда же я лечу? Куда несут меня черти?

Львов — самый запутанный город мира. Много веков назад его строили так, чтобы враги не могли найти центр города. Природа все сделала для того, чтобы помочь строителям: холмы, овраги, обрывы. Улочки Львова спиральями скручены и выводят непрошенного посетителя то к отвесному оврагу, то в тупик. Видно, я этому городу тоже враг. Центр города я никак отыскать не могу. Среди каштанов мелькают купола собора. Вот он, рядом. Остается только обогнуть пару домов. Но переулок ведет меня вверх, ныряет под мост, пару раз круто ломается, и я больше не вижу собора, да и вообще с трудом представляю, в каком он направлении. Вернемся назад и повторим все сначала. Но и это не удастся. Другой переулок ведет меня в густую паутину кривых, горбатых, но удивительно чистых улочек и наконец выбрасывает на шумную улицу с необычно маленькими, почти игрушечными трамвайчиками. Нет, самому мне не найти нужный адрес, и вся моя диверсионная подготовка мне не поможет. Такси! Эй, такси! В штаб округа! В Пентагон? Ну да, именно туда, в Пентагон.

Огромные корпуса штаба Прикарпатского военного округа выстроены недавно. Горожане называют эти глыбы из стекла и бетона Пентагоном.

Львовский Пентагон — это грандиозная организация, подавляющая новичка обилием охраны, полковничьих погон и генеральских лампасов. Но на деле все не так уж сложно, как кажется в первый день. В ведении штаба военного округа находится территория размером с Западную Германию и с населением в семнадцать миллионов человек. Штаб округа отвечает за сохранность советской власти на этих территориях, за мобилизацию населения,

промышленности и транспорта в случае войны. Кроме того, штаб округа имеет в своем подчинении четыре армии: воздушную, танковую и две общевойсковые. Накануне войны штаб округа превратится в штаб фронта и будет управлять этими армиями.

Структура штаба округа точно такая же, как и штаба армии, с той разницей, что тут все на ступень больше. Штаб округа состоит не из отделов, а из управлений, а управления, в свою очередь, делятся на отделы, а те — на группы. Зная организацию штаба армии, тут совсем легко ориентироваться.

Все ясно. Все понятно и логично. Мы, молодые пришельцы, стараемся во всем разобраться и всюду суем свои носы: а это что? А это зачем?

Бывший начальник разведки Прикарпатского военного округа генерал-майор Берестов смещен, а за ним ушла и вся его команда: старики — на пенсию, молодежь — в Сибирь, на Новую Землю, в Туркестан. Начальником разведки назначен полковник Кравцов, и мы, люди Кравцова, бесцеремонно гуляем по широким коридорам львовского Пентагона. Строился он недавно и специально как штаб округа. Тут все рассчитано, тут все предусмотрено. Наше Второе управление занимает целый этаж во внутреннем корпусе колоссального сооружения. Одно нехорошо: все наши окна выходят в пустой, огромный, залитый бетоном двор. Наверное, так для безопасности лучше. Отсутствие приятного вида из окон — пожалуй, единственное неудобство, а в остальном все нам подходит. Нравится нам и разумная планировка, и огромные окна, и просторные кабинеты. Но больше всего нам нравится уход наших предшественников, которые совсем недавно контролировали всю разведку в округе, включая и нашу 13-ю армию. А теперь этих ребят судьба разметала по дальним углам империи. Власть — дело деликатное, хрупкое. Власть нужно крепко держать. И осторожно.

На новом месте вся наша компания обживается быстро. Работа у нас все та же, только тут размах шире. Тут интереснее. Меня уже знают, и мне уже улыбаются в штабе. У меня хорошие отношения с

ребятами из «инквизиции» — группы переводчиков, мне рассказывают анекдоты шифровальщики с узла связи и операторы из центра радиоперехвата. Но и за пределами Второго управления меня уже знают. Прежде всего в боевом планировании — в Первом управлении. Боевое планирование без наших прогнозов жить не может. Но им вход в наше управление запрещен, и потому они нас к себе зовут:

— Витя, что в ближайшую неделю супостат в Битбурге делать собирается?

Битбург — американская авиабаза в Западной Германии. И чтобы ответить на этот вопрос, я должен зарыться в свои бумаги. Через десять минут я уже в Первом управлении:

— Активность на аэродроме в пределах нормы, одно исключение: в среду прибывают из США три транспортных самолета С-141.

Когда мы такие прогнозы выдаем, операторы улыбаются: хорошо «тот парень» работает! Им, операторам, знать не положено, откуда дровишки к нам поступают. Но операторы — тоже люди, и тоже шпионские истории читают, и оттого они уверены, что у Кравцова есть супершпион в каком-то натовском штабе. Супершпиона они между собой называют «тем парнем». Хвалят «того парня» и довольны им офицеры боевого планирования. Действительно, есть у Кравцова люди завербованные. Каждый военный округ вербует иностранцев и для получения информации, и для диверсий. Но только в данном случае «тот парень» ни при чем. Информацию, поступающую от секретной агентуры, Кравцов в сейфе держит и мало кому показывает. А то, чем мы боевое планирование питаем, имеет куда более прозаическое происхождение. Называется этот источник информации графиками активности, а способ добывания такой информации сводится к внимательному слежению за активностью радиостанций и радаров противника. На каждую радиостанцию, на каждый радар дело заводится: тип, назначение, расположение, кому принадлежит, на каких частотах работает. Очень много сообщений расшифровывается нашим пятым отделом. Но есть радиостанции, сообщения которых расшифровать не удастся годами. И именно они представляют главный интерес, ибо это и есть самые важные радиостанции. Понятны нам сообщения или нет, на станцию заводится график активности и каждый ее выход в эфир фиксируется. Каждая станция имеет свой характер, свой почерк. Одни станции днем работают, другие — ночью,

третьи имеют выходные дни, четвертые не имеют. Если каждый выход станции в эфир фиксировать и анализировать, то скоро становится возможным предсказывать ее поведение.

А кроме того, активность радиостанций в эфире сопоставляется с деятельностью войск противника. Для нас бесценны сведения, поступающие от водителей советских грузовиков за рубежом, от проводников советских поездов, от экипажей «Аэрофлота», от наших спортсменов и, конечно, от агентуры. Сведения эти отрывочны и не связаны друг с другом: дивизия поднята по тревоге, ракетная батарея ушла в неизвестном направлении, массовый взлет всех самолетов. Эти кусочки сопоставляются с активностью в эфире, замечаются закономерности, учитываются особые случаи и исключения из правил. И вот однажды после многолетнего анализа мы можем утверждать наверняка: если в эфир вышла станция РБ-7665-1, значит, через четыре дня произойдет массовый взлет военных самолетов с авиабазы Рамштайн. Это нерушимый закон. А если вдруг заработает станция, которую мы называем Ц-1000, тут и ребенку ясно, что боеготовность американских войск в Европе будет повышена. А если, к примеру...

— Слушай, Витя, мы, конечно, понимаем, что нельзя об этом говорить, но вы уж... того... Как бы сказать понятнее... В общем, вы берегите того парня.

Глава 8

1

Меня проверяют. Меня всю жизнь будут проверять. Такая работа. Меня проверяют на уравновешенность, на сообразительность, на преданность. Проверяют не меня одного. Всех проверяют. Кому улыбаешься, кому не улыбаешься, с кем пьешь, с кем спишь. А если ни с кем — опять же проверка: а почему?

— Заходи.

— Товарищ полковник, старший лей...

— Садись, — приказывает он.

Он — это полковник Марчук, новый заместитель Кравцова. У советской военной разведки нет собственных знаков различия. Каждый ходит в форме тех войск, из которых в разведку пришел. Я, к примеру, — танкист, Кравцов — артиллерист. В разведывательном управлении штаба округа у нас и пехота, и летчики, и саперы, и химики. А полковник Марчук — медик. На малиновых петлицах чаша золотистая да змеюка. Красивая у медиков эмблема. Не такая, конечно, как у нас, танкистов, но все же красивая. В армии медицинскую эмблему посвоему расшифровывают: хитрый как змей и выпить не дурак.

Марчук смотрит на меня тяжелым, подавляющим взглядом. Гипнотизер, что ли? Мне от этого взгляда не по себе. Но я его выдерживаю. Тренировка у меня на этот счет солидная. Каждый в частях СпН на собаках тренируется. Если смотреть собаке в глаза, то она человеческого взгляда не выдерживает. Человек может сорвавшегося с цепи пса взглядом остановить. Правда, если пес один, а не в своре. Против своры нужно ножом взгляду помогать. В глаза одной псине смотришь, а ножичком под бочок ей, под бочок. И тогда на другую начинай смотреть.

— Вот что, Суворов. Мы на тебя внимательно смотрим. Хорошо ты работаешь и нравишься нам. Мозг у тебя вроде как электронная машина... ненастроенная. Но тебя настроить можно. Я в это верю.

Иначе бы тебя тут не держали. Память у тебя отменная. Способность к анализу развита достаточно. Вкус у тебя отменный. Девочку из группы контроля ты себе хорошую присмотрел. Звонкая девочка. Мы ее знаем. Она к себе никого не подпускала. Ишь ты какой! А вроде ничего в тебе примечательного нет...

Я не краснею. Не институтка. Я офицер боевой. Да и кожа у меня не та. Шкура у меня азиатская и кровь азиатская. Оттого не краснею. Физиология иная. Но как, черт их побери, они про мою девочку узнали?

— Как ни печально, Суворов, но мы обязаны такие вещи знать. Мы обязаны о тебе все знать. Такая у нас работа. Изучая тебя, мы делаем заключения, и в своем большинстве это положительные заключения. Больше всего нам нравится скорость, с которой ты освобождаешься от своих недостатков. Ты почти не боишься теперь высоты, закрытых помещений. Крови ты не боишься, и это исключительно важно в нашей работе. Тебя не пугает неизбежность смерти. С собачками у тебя хорошие отношения. Поднатаскать тебя, конечно, в этом вопросе следует. Но вот с лягушками и со змеями у тебя совсем плохо. Боишься?

— Боюсь, — признался я. — А вы как узнали?

— Это не твоя проблема. Твоя проблема научиться змей не бояться. Чего их бояться? Видишь, у меня змеюки даже на петлицах сидят. А некоторые люди змей едят, и едят с большим удовольствием. Да что там змей — даже лягушек!

— Китайцы?

— Не только. Французы тоже.

— В голодный год я, товарищ полковник, лучше бы людей ел...

— Они не от голода. Это деликатес. Не веришь?

Ну, конечно же, я этому не верю. Пропаганда. Мол, плохая жизнь во Франции. Если он настаивать будет, я, конечно, соглашусь, что плохо пролетариату во Франции живется. Но это только вслух. А про себя я останусь при прежнем мнении. Жизнь во Франции сытая, потому пролетариат лягушек не ест. Но не обманешь Марчука. Сомнение в моих глазах он разглядел без труда.

— Иди сюда, — в кинозал зовет, где нам фильмы секретные про супостата крутят.

Марчук кнопку нажимает, и на экране замелькала кухня, повара, лягушки, кастрюли, красный зал, официанты, посетители ресторана. На фокусников посетители не похожи, но лапки съели.

— Ну, что?

А что тут скажешь? Крыть вроде нечем. Но вот фильм недавно показывали «Освобождение», и Гитлер там. Но ведь это не Гитлер совсем, а артист из ГДР. Диц его имя. Вот если бы ты, полковник, сам лягушку съел, тут бы я тебе поверил, а в кино что угодно показать можно, даже Гитлера, не то что лягушек.

— Ну, что? — повторяет он.

Что ему скажешь? Скажи, что поверил, он тут же и прицепится: да как же ты, разведчик, такой чепухе поверил? Я тебе всякую чушь показываю, а ты веришь? Да как же ты, офицер информации, сможешь отличать ценные документы от сфабрикованных?

— Нет, — говорю, — этому фильму поверить не могу. Подделка. Дешевка. Если людям есть нечего, то они в крайнем случае могут съесть kota или собаку. Зачем же лягушек?

Мне совершенно ясно, что фильм учебный. Сообразительность проверяют. Вон у дамы какой пудель пушистый был. Тут меня проверяют, заметил я пуделя или нет. Ну конечно, я его заметил. И вывод делаю, которого вы явно от меня добиваетесь: не станет нормальный человек лягушку есть, если у него в запасе пудель. Нелогично это. А Марчук уже сердится:

— Лягушки денег стоят, и немалых.

Я молчу. В полемику не ввязываюсь. Каждому ясно, что не могут быть лягушки дорогими. Но с полковником соглашаюсь дипломатично, неопределенно, оставляя лазейку для отхода:

— С жиру бесятся. Буржуазное разложение.

— Ну вот. Наконец-то поверил. Я тебе фильм вот зачем показал: люди их едят, а ты даже в руки их взять боишься. Откровенно говоря, лягушку или змею я и сам в руки взять не могу, но мне это и не надо. А ты, Виктор, молодой перспективный офицер разведки, тебе это надо.

Я похолодел: неужели и есть заставят? Марчук — психолог. Он мои мысли как в книге читает:

— Не бойся, мы тебя есть лягушек не заставим. Змей — может быть, а лягушек — нет.

Солдатик совсем маленький. Личико детское. Ресницы длинные, как у девочки. Диверсант. Спец. Четыре батальона диверсионной бригады огромными солдатами укомплектованы. Идут по городку, как стая медведей. Но одна рота в бригаде укомплектована разнокалиберными солдатами, совсем маленькими иногда. Это особая, профессиональная рота. Она опаснее, чем все четыре батальона медведей, вместе взятые.

Тоненькая шейка у солдатика. Фамилия нерусская у него — Кипа. Однако в особой роте он не зря. Значит, он специалист в какой-то особой области убийств. Видел я однажды, как он отбивал атаку четверых, одетых в защитные доспехи и вооруженных длинными шестами. Отбивался он от шестов обычной пехотной лопатой.^[5] Не было злости в нем, а умение было. Такой бой всегда привлекает внимание. Куда бы диверсант ни спешил, а если видит, что на центральной площадке бой идет, обязательно остановится посмотреть. Ах, какой хороший бой был! И вот солдатик этот передо мной. Чему-то он меня обучать будет?

Вот достает он из ведра маленькую зеленую лягушку и объясняет, что лучше всего привыкать к ней, играя. С лягушкой можно сделать удивительные вещи. Можно, например, вставить соломинку и надуть ее. Тогда она на поверхности плавать будет, но не сможет нырнуть, и это очень смешно. Можно раздеть лягушку: стриптиз сотворить. Солдатик достает маленький ножичек и показывает, как нужно лягушек раздевать. Он делает небольшие надрезы на уголках рта и одним движением снимает с лягушки кожу. Кожа, оказывается, с нее снимается так же легко, как перчатка с руки. Раздетую лягушку Кипа пускает на пол. Видны все ее мышцы, косточки и сосуды. Лягушка прыгает по полу. Квакает. Такое впечатление, что ей и не больно совсем. Солдатик запускает руку в ведро, достает еще одну лягушку, снимает с нее кожу, как шкурку с банана, и пускает ее на пол. Теперь вдвоем прыгайте, чтоб не скучали.

— Товарищ старший лейтенант, полковник Марчук приказал мне показать вам все мое хозяйство и немного вас к этим зверюшкам приучить.

— Ты и со змеями так же легко обращаешься?

— С ними я и обращаюсь. А лягушки в моем хозяйстве, только чтобы змеюшек кормить.

— Ты и этих змеям скормишь?

— Раздетых? Ага. Зачем добру пропадать!

Он берет двух голых лягушек и ведет меня в змеиный питомник. Тут влажно и душно.

Он открывает крышку и опускает двух лягушек в большой стеклянный ящик, где застыла в углу серая отвратительная гадина.

— Ты с какими змеями работаешь?

— С гадюками, с эфами. В разведке Туркестанского округа мы кобру просили, но она еще не прибыла. Такая чепуха, но дорога перевозка. Ее в пути греть нужно, кормить, поить. Существо нежное, нарушишь режим — непременно окочурится.

— Тебя кто этому ремеслу обучал?

— Самоучка я. Любитель. С детства увлекался.

— Любишь их?

— Люблю.

Сказал он это буднично и совсем не театрально. И понял я: не врет солдатик. Любитель хренов! Шел бы ты к чертям со своими змеями!

В этот момент обе голые лягушки пронзительно закричали. Это толстая ленивая гадина наконец удостоила их своим вниманием.

— Садитесь, товарищ старший лейтенант.

Глянул я на стул. Убедился, что не свернулась на нем прохладная скользкая гадина. Сел. Передернуло меня.

Кипа улыбается:

— Через десять уроков вы сюда сами проситься будете.

Но не сбылось его пророчество. Змеи мне все так же отвратительны. Но все же я могу держать змею в руке. Я знаю, как хватать ее голый рукой. Я знаю, как потрошить ее и жарить на длинной палочке или на куске проволоки. И если жизнь поставит перед выбором, съесть человека или змею, я сначала съем змею.

Вертолет оставил нас на заболоченном острове. Кравцова вертолет скоро заберет, а я останусь один на контрольной точке.

— Если группа начнет входить в связь, не организовав наблюдение и оборону, такой группе штрафной час прибавляй.

— Понял.

— За любое нарушение в подготовке шифрованного сообщения снимай с соревнований всю группу.

— Понял.

— Смотри, чтобы пили воду правильно. Воду глотать нельзя. Нужно немного в рот набрать и держать ее несколько секунд во рту, смачивая язык и гортань. Тот, кто воду глотает, тот никогда не напьется, тот потеет, тому воды никогда не хватает, тот из строя быстро выходит. Увидишь, что неправильно воду пьют, смело по пять штрафных минут рисуй, можешь и по десять.

— Я все понимаю, товарищ полковник. Не первый раз на контроле. Вы бы поспали немного. Вертолет через час вернется. Самое время вам. Вы уж сколько времени не спите...

— Да это, Виктор, ничего. Служебные заботы я и за заботы не считаю. Хуже, когда партийное руководство донимает. Везет нам: во Львове между партийным руководством и командованием округа хорошие отношения. А вот в Ростове командующему Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанту танковых войск Литовцеву несладко приходится. Местные партийные воротилы вместе с КГБ ополчились против него. Жизни не дают. Жалобы в Центральный Комитет пишут. Уже написали жалоб и доносов больше, чем Дюма романов...

— И никто генералу Литовцеву помочь не может?

— Как тебе сказать... Друзей у него много. Но ведь как поможешь? Люди мы подневольные. Уставы, наставления, военное законодательство чтим, не нарушаем... Как ты ему в рамках закона поможешь?

— Товарищ полковник, может, я чем помочь могу?

— Чем же ты, Витя, старший лейтенант, генерал-лейтенанту поможешь?

— У меня впереди ночь длинная, я подумаю...

— Думать вообще-то много не надо... Все уж продумано. Действовать надо. Кажется, вертолет гудит... Это за мной, наверное.

Вот что, Виктор, тут на учениях присутствует мой коллега, начальник разведки Северо-Кавказского военного округа генерал-майор Забалуев. Он хочет лично посмотреть прохождение диверсионных групп, но диверсантов своим званием смущать не желает. Завтра он тут с тобой на контрольной точке будет сидеть. Форма у него наша, обычная: куртка серая без знаков различия. В действия групп он вмешиваться не станет. Просто хочет понаблюдать да с тобой потолковать... Если ты и вправду помочь желаешь, предложи...

— Вы думаете, товарищ полковник, что после окончания соревнований мне придется заболеть?

— Я тебе такого приказа не давал. Если сам чувствуешь, что надо, то тогда конечно. Но помни: в нашей армии так просто не болеют, нужно справку от врача иметь.

— Будет справка.

— Только смотри, бывают ситуации, когда человек чувствует себя больным, а врач — нет. Это нехорошая ситуация. Нужно так болеть, чтобы у врача сомнений не было. Температура действительно должна быть высокой. Знаешь, как бывает: сам чувствуешь себя больным, а температуры нет.

— Будет температура.

— Ладно, Виктор. Успехов тебе желаю. У тебя есть чем генерала накормить?

— Есть.

— Только с водкой не суйся... Если сам не попросит.

Через девять дней являюсь к полковнику Кравцову доложить, что после соревнований заболел, но теперь себя чувствую хорошо. Он улыбается мне и журит слегка. Тренированный разведчик никогда не болеет. Нужно себя контролировать. Нужно гнать болезнь от тела. Наше тело подчиняется нашей воле, а усилием воли можно выгнать из себя любую болезнь, даже рак. Сильные люди не болеют. Болеют слабые духом.

Он ругает меня, а сам цветет. А сам улыбку свою погасить не в силах. Он улыбается ярко и открыто. Так солдаты улыбаются после

штыкового боя: не тронь наших! Только тронь — кишки штыками выпустим.

Много у тебя, брат-диверсант, врагов. Ранний рассвет и поздний закат — против тебя. Звенящий комар и ревуший вертолет — твои враги. Плохо тебе, брат, когда солнце в глаза. Плохо тебе, когда ты попал под луч прожектора. Плохо тебе, когда сердце твое галопом скачет. Плохо тебе, когда тысячи электронных устройств эфир прослушивают, ловя твой хриплый шепот и срывающееся дыхание. Плохо тебе, брат, всегда. Но бывает хуже. Бывает совсем плохо. Совсем плохо — это когда появляется твой главный враг. Много еще против тебя придумают всяких хитростей — противопехотных мин и электронных датчиков, но главный враг всегда останется главным. У главного твоего врага уши торчком, желтые клыки с каплями злой слюны, серая шерсть и длинный хвост. Глаза у него карие с желтыми крапинками и рыжая шерсть под ошейником. Главный твой враг быстрее тебя. Он твой запах носом чувствует. У главного твоего врага прыжок гигантский, когда он на твою шею бросается.

Вот он. Вражина. Главный. Наиглавнейший. У, гад, клычищи-то оскалил. Шерсть дыбом. Хвост поджал. Уши прижал. Это перед прыжком. Сейчас, зараза, прыгнет. Не рычит. Хрипит только. Слюна липкая вокруг пасти. Точно бешеный. В КГБ для таких собак особая графа в персональном деле предусмотрена. Называется «злобность». И пишут умудренные специалисты в этой графе страшные слова: злобность хорошая, злобность отличная. У этого пса наверняка в графе о злобности одни восклицательные знаки. Зовут зверюгу Марс, и принадлежит он пограничным войскам КГБ. Не скажу, что огромен пес. Видел я псов и покрупнее. Но опытен Марс. И это все знают.

Сегодня не я против Марса. Сегодня против Марса Женя Быченко работает. Прокричали мы Жене слова напутственные: мол, держись, Женя, мол, всыпь ты ему, мол, продемонстрируй хватку диверсантскую и все, чему тебя в частях СпН учили. Советы в таком деле кричать не положено, не принято. Совет, даже самый расчудесный, в самый последний момент может отвлечь внимание

бойца, и вцепится ему свирепое животное прямо в глотку. Оттого советчиков в такой ситуации посылают на... за горизонт.

Нож Женя в левой руке держит, а куртку — в правой. Но не обмотал он руку курткой. Просто ее на весу держит, на вытянутой вперед руке. Не нравится это псу. Необычно это. И нож в левой руке не нравится. Почему в левой? Не спешит пес. Взгляд свой звериный бросает с ножа на глотку и с глотки на нож. Но и на куртку пес поглядывает. Почему ее человек вокруг руки не обернул? Знает серый своим песьим разумением, что у человека только одна рука решающая, вторая только дополняющая, только отвлекающая. И надо ему, псу, не ошибиться. Надо ему на ту руку броситься, которая страшнее, которая решающая. А может, все же за горло? Бросает свой взгляд пес, выбирает. Когда он свое песье решение примет, то остановится его взгляд, и бросится он. И человек на площадке, и мы, зрители, ждем именно этого момента. Перед прыжком у собаки взгляд останавливается, у человека будет короткое мгновение для встречного удара. Но опытен Марс. И бросился он внезапно, без рыка и хрипа. Бросился он, как другие собаки не бросаются. Бросился Марс, не остановив своего взгляда, не сжавшись перед прыжком. Его длинное тело вдруг повисло в воздухе, его пасть, его страшные глаза вдруг полетели на Женьку, и не крикнул никто, не взвизнул. Момент прыжка не уловил никто. Мы прыжок ожидали секундой позже. И оттого в тишине пес на Женькино горло летел. Только Женькина куртка стегнула по глазам. Только черный его сапог подковой сверкнул. Только взвыл пес, отлетев в угол. Взревели мы от восторга. У-у-у-у-у-у! Зарычали мы, как кабаны дикие. Завизжали от радости.

— Режь его, Женька! Режь серого! Ножичком его, ножичком! Топчи серого, пока не встал!

Но не стал Женька топтать пса скулящего. Не стал резать задыхающегося. Перемахнул Женька через барьер прямо в объятия ликующей диверсантской братии.

— Ну, Женька! Как ты его сапожищем-то! На выходе поймал! На излете. В полете прямо! Женька!

А на площадке, в опилках, возле издыхающего пса плакал солдатик в ярко-зеленых погонах и зачем-то совал в окровавленную звериную пасть кусочек замусоленного сахара.

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает начальник строевого отдела.

— Иду.

Из всех отделов штаба строевой отдел самый маленький. В штабах военных округов отделами обычно командуют полковники, управлениями — генерал-майоры, и только в строевом отделе начальником — майор. Но когда офицера в строевой отдел вызывают, он подтягивается весь. Что же, черт побери, ждет меня? Строевой отдел — это небольшой зал, в котором старый седой майор, крыса канцелярская, да трое ефрейторов-писарей. Мурашки по коже бегут у любого, когда в строевой отдел вызывают, и не важно, старший лейтенант ты или генерал-майор. Строевой отдел — это учреждение, в котором воля командующего округом превращается в письменный приказ. А что написано пером... Строевой отдел — это канал, по которому Верховный Главнокомандующий, министр обороны, начальник Генерального штаба доводят свои приказы до подчиненных. Строевой отдел эти приказы доводит до тех, кому они адресованы.

— Товарищ майор! Старший лейтенант Суворов по вашему приказанию прибыл!

— Удостоверение на стол.

Вздыхнул я глубоко, маленькую зеленую книжечку с золотой звездой перед майором положил. Майор спокойно взял удостоверение личности офицера, внимательно осмотрел его, почему-то долго рассматривал страницу, где зарегистрировано мое личное оружие, и страницу, где обозначена моя группа крови. Ни один мускул не дрогнул на его дряблом лице. Делает он свою работу точно, как машина, и бесстрастно, как палач. Майор передал удостоверение ефрейтору. У ефрейтора на столе уже все готово. Обмакнул ефрейтор длинное золотое перо в черную тушь и что-то аккуратно написал в удостоверении. Я шею не тяну, чтобы ефрейтору через плечо глянуть. Потерпим. Через минуту объявит майор чье-то решение. Промокнул ефрейтор черную тушь, удостоверение майору возвращает. Глянул майор на меня испытующе, достал из маленького потайного кармашка затейливый ключ на цепочке, открыл огромную дверь сейфа, достал

большую печать, долго примерялся и вдруг четко и резко ударил ею по только что заполненной странице удостоверения.

— Слушай приказ!

Вытянулся я.

— Приказ по личному составу Прикарпатского военного округа номер ноль два пятьдесят семь. Секретно. Пункт семнадцать. Старшему лейтенанту Суворову В. Б., офицеру Второго управления штаба округа, присвоить досрочно воинское звание капитан в соответствии с представлением начальника Второго управления полковника Кравцова и начальника штаба округа генерал-лейтенанта Володина. Подпись: генерал-лейтенант танковых войск Обатуров.

— Служу Советскому Союзу!

— Поздравляю вас, капитан.

— Спасибо, товарищ майор. Примите приглашение на вынос тела.

— Спасибо, Витя, за приглашение. Но не могу я его принять. Если бы я каждое предложение принимал, то спился бы давно. Не обижайся. Вот только сегодня сто шестнадцать человек в списке. Восемнадцать из них досрочно.

Майор протянул мне удостоверение и руку.

— Еще раз спасибо, товарищ майор.

Лечу как на крыльях по лестницам и коридорам.

— Ты чего счастливый такой?

— Тебя зачем к Барсуку в нору вызывали?

Не отвечаю никому. Нельзя отвечать сейчас. Плохая примета. Первым о присвоении командир мой должен узнать, и никто другой.

— Витя, чего цветешь? Звание, что ли, тебе досрочно присвоили?

— Нет, нет. Мне до капитана еще полтора года трубить.

Ах, скорее в отдел. Уж эти чертовы двери бронированные, эти допуски и пропуски.

— Товарищ полковник, разрешите войти.

— Войди, — Кравцов от карты не отрывается.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Суворов.

Представляюсь по случаю досрочного присвоения воинского звания капитан.

Осмотрел меня Кравцов. Почему-то под ноги себе глянул.

— Поздравляю, капитан.

— Служу Советскому Союзу!

— В Советской Армии капитан больше всех звездочек имеет, аж четыре. У тебя, Витя, в этом отношении максимум. Поэтому я не желаю тебе много звездочек, я тебе желаю мало звездочек, но больших.

— Спасибо, товарищ полковник. Разрешите пригласить вас на вынос тела.

— Когда?

— Сегодня. Когда же еще?

— Что думаешь, если мы на завтра перенесем? В ночь нам на подготовку учений ехать. Перепьются ребята вечером, не соберешь их. А выйдем в поле, там завтра и справим.

— Отлично.

— На сегодня свободен. Помни, выезжаем в три ночи.

— Помню.

— Тогда свободен.

— Есть.

Учения обычно из года в год проводят на одних и тех же полях и полигонах. Штабные офицеры хорошо знают местность, на которой развернутся учебные бои. И все же перед большими учениями офицеры, которым предстоит действовать в качестве посредников и проверяющих, должны еще раз выйти на местность и убедиться в том, что все к учениям готово: местность оцеплена, макеты, обозначающие противника, расставлены, опасные зоны обозначены специальными указателями. Каждый проверяющий на своем участке должен прочувствовать предстоящее сражение и подготовить для своих проверяемых и обучаемых вводные вопросы и ситуации, соответствующие именно этой местности, а не какой-нибудь другой.

Оттого что проверяющие знают районы предстоящих учений неплохо (многие здесь имели свой лейтенантский старт, тут их самих когда-то кто-то проверял), выезд на местность перед учениями превращается в своего рода маленький пикник, небольшой коллективный отдых, некоторую разрядку в нервной штабной суете.

— Всем все ясно?

— Ясно, — дружно взревели штабные.

— Тогда и отобедать пора. Прошу к столу. Сегодня Витя Суворов нас угощает.

Стола, собственно, никакого нет. Просто десяток серых солдатских одеял расстелены на чистой полянке в ельнике у звенящего ручья. Все, что есть, — все на столе: банки рыбных и мясных консервов, розовое сало ломтиками, лук, огурцы, редиска. Солдаты-водители картошки в костре напекли да ухи наварили.

Я полковнику Кравцову рукой на почетное место указываю. Традиция такая. Он отказывается и мне на это место указывает. Это тоже традиция. Я отказаться должен. Дважды. А на третий раз должен приглашение принять и Кравцову место указать справа от себя. Все остальные сами рассаживаются по старшинству: заместители Кравцова, начальники отделов, их заместители, старшие групп, ну, и все прочие.

Бутылки на столе расставлять должен самый молодой из присутствующих. Это Толя Батурлин, лейтенант из «инквизиции», из группы переводчиков то есть. Добрый парень. Но работу свою серьезно делает. Традиция запрещает ему сейчас улыбаться. Все остальные тоже серьезны. Не положено сейчас ни улыбаться, ни разговаривать. И вопросы не положено задавать, отчего во главе стола старший лейтенант сидит. Ясно всем, почему холодные бутылки расставляют, но неприлично о них говорить и о причине их появления — тоже. Сиди да помалкивай степенно.

Бутылки Толик из ручья носит. Они там аккуратной горкой в ледяной воде сложены. Играет вода на прозрачном стекле, журчит да пенится.

— Где ж твой сосуд? — так спросить положено.

— Вот он, — подаю Кравцову большой граненый стакан.

Наполняет Кравцов стакан до самых краев прозрачной влагой. Передо мной ставит. Аккуратно ставит. Ни одна капля пролиться не должна.

Но и стакан полным быть должен. Чем полнее, тем лучше. Молчат все. Вроде бы и не интересуется их происходящее. А Кравцов достает из командирской сумки маленькую серебристую звездочку и осторожно ее в мой стакан опускает. Чуть слышно та звездочка звякнула, заиграла на дне стакана, заблестела.

Беру я стакан, к губам несую. Ах, не плеснуть бы! Губы навстречу стакану тянуть не положено, хотя так и подсказывает природа отхлебнуть самую малость, тогда и не прольешь ни капли. Выше и выше свой стакан поднимаю. Вот солнечный луч ворвался в ледяную жидкость и рассыпался искрами многоцветными. А вот теперь от солнца стакан нужно чуть к себе и вниз. Вот он и губ коснулся. Холодный. Потянул я огненный напиток. Донышко стакана выше и выше. Вот звездочка на дне шевельнулась и медленно к губам скользнула. Вот и коснулась она губ. Офицер звездочку свою новую как бы поцелуем встречает. Звездочку чуть-чуть губами придержал, пока огненная влага из стакана в душу мою журчала.

Вот и все. Звездочку я осторожно левой рукой беру и вокруг себя смотрю: стакан-то разбить надо. На этот случай на мягкой траве чьей-то заботливой рукой большой камень положен. Хрястнул я тот стакан о камень, звонкие осколки посыпались, а звездочку мокрую полковнику Кравцову подаю. Кравцов на моем правом погоне маленькой командирской линейкой место вымеряет. Четвертая звездочка должна быть прямо на красном просвете, а центр ее должен отстоять на 25 миллиметров выше предыдущей. Вот она, мокрая, и встала на свое место. Теперь мое время закусить, запить, огурчиком водочку осадить.

— Где ж твой стакан? — так спросить положено.

Два плеча. Два погона. Значит, и две звездочки. Значит, и два стакана. В начале церемонии.

Подаю я второй стакан. Снова в нем огненно-ледяная жидкость заиграла. Снова до краев.

Встал я. Стоя пить легче. Встать разрешается. Никто тут не возразит. Можно было и первый стакан стоя пить. Традиция этому не препятствует. Лишь бы стаканы полными были. Лишь бы не ронял офицер драгоценные бриллиантовые капли.

Сверкнула вторая звездочка-красавица в водочном потоке. Пошла огненная благодать по душе. Зазвенели осколки битые. Вот и на втором погоне мокрая да остроконечная звездочка засверкала. Теперь Кравцов себе наливает. До краев. И каждый в тишине сам себе льет. Своя рука владыка. Лей, сколько хочешь. Если Витю Суворова уважаешь, так полный стакан лей. А уж коли не уважаешь, лей сколько знаешь. Только пить до дна.

— Выпьем, — смиренно предлагает полковник.

Не положено в такую минуту говорить, за что пьем. Выпьем, и все тут. Пьют все медленно да степенно. Все до дна пьют. Только я не пью. Теперь мое право на каждого смотреть. Кто сколько налил себе. Кто полный стакан, а кто на две трети. Но полные стаканы у всех были. А теперь вот пустые у всех. Теперь мне и улыбнуться можно. Не широко. Ибо по традиции я все еще старший лейтенант, хотя приказ вчера был, хотя сегодня мне уже и звезды новые на погоны повесили.

Вот и Кравцов допил. Чуть водичкой запил. Теперь фраза должна ритуальная последовать.

— Нашего полку прибыло!

Вот именно с этого момента считается, что офицер повышение получил. Вот только с этого момента я — капитан.

Закричали все, зашумели. Улыбки у всех. Пожелания, поздравления. Теперь все говорят. Теперь смеются все. Теперь церемонии кончились. Теперь традиции побоку. Пьянка офицерская начинается. И если истина в вине, то быть ей сегодня всецело на нашей стороне. Беги, Толик, к ручью. Беги, Толик. Ты моложе всех. Придет, Толик, и твое время. Будет праздник и на твоей улице. Будет обязательно.

Глава 9

1

Жара. Пыль. Песок на зубах хрустит. Степь от горизонта до горизонта. Солнце белое, жестокое и равнодушное бьет безжалостно в глаза, как лампа следователя на допросе. Редко-редко где уродливое деревце, изломанное степными буранами, нарушает пугающее однообразие.

Добрый человек, плюнь, перекрестись да возвращайся домой. Нечего тебе тут делать. А мы, грешные, пойдем вперед, туда, где выжженная степь вдруг обрывается крутым берегом грязного Ингула, туда, где в дрожащем мареве столпились скелеты караульных вышек, туда, где десятки рядов колючей проволоки надежно опутали чахлые рощицы. Деревца тощие. Листья под толстым слоем пыли и оттого серые. Может, вышки-то не караульные? Может, геологи? Может, нефть? Какая к черту нефть? Вышки с прожекторами и с пулеметами. Много вышек. Много прожекторов. Много пулеметов. Ну, значит, не ошиблись. Значит, правильный путь держим. Верной дорогой идете, товарищи! Сюда нам.

Жёлтые Воды. Придет время, и будет это название звучать так же страшно, как Катынь, Освенцим, Суханове, Бабий Яр, Бухенвальд, Кыштым. Но не наступило еще то время. И потому, услышав это страшное название, не вздрагивает обыватель. Не коробит его от этого названия, и мурашки по коже не бегут. Да и не только у обывателя это название никаких ассоциаций не вызывает, но и у зэков, которых бесконечными колоннами гонят со станции к вышкам. Рады многие: не Колыма, не Новая Земля. Украина, черт побери, живем, ребята! И не скоро узнают они, а может, никогда не узнают, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза имеет прямую связь с директором «глиноземного завода», на котором им предстоит работать. Не положено им знать, что из Центрального Комитета каждый день звонят директору завода большие люди, выполнением дневного плана интересуются. Важен завод, важнее Челябинского

танкового. И не очень вам, ребята, повезло, что гонят вас сюда. И не радуйтесь пайке жирной и щам с мясом. Того, у кого зубы начнут выпадать да волосы, заберут в другое место. Того, кто догадается, что тут за глинозем, тоже быстро заберут. А уж если вы все там в лагере взбунтуетесь, то охрана в Жёлтых Водах надежная, а если нужно, то и мы поможем. Имейте в виду: рядом с вами соседствует самый большой учебный центр частей СпН. С нами не связывайтесь. Лучше уж подышайте понемногу, не рыпаясь, на «глиноземном заводе».^[6]

2

Пыль. Жара. Степь. Мы прыгаем. Мы много прыгаем. С больших высот. С малых высот. Со сверхмалых. Мы прыгаем в два потока с Ан-12 и в четыре потока с Ан-22. Вы себе можете представить выброску в четыре потока? Да черта с два! Только тот, кто прыгал, знает, что это такое.

Мы прыгаем днем и ночью. Жёлтые Воды — это Европа. Жёлтые Воды — это у самого Кировограда. Но летом тут всегда душно и засушливо. Лето знойное и безоблачное. Тут нелетной погоды не бывает. И оттого со всех концов страны сюда собираются роты, батальоны, полки и бригады СпН, и бросают их тут с июня по сентябрь. Боже, пошли ливень! Пусть раскиснет проклятый аэродром. Он крепок, как гранит, но это просто глина, и не надо его бетонировать. Солнце забетонировало его лучше всякого технолога. Эй, кто там на самом верху, пошли же ливень! Пусть аэродром раскиснет. Мы все Тебя просим. Много нас тут. Тысячи. Десятки тысяч. Ну, пошли же ливень!

3

Гроза надвигается, как мировая революция, — лениво и неуверенно. Пересохла степь. Гонит ветер пыльные смерчи. Затянуло горизонт чернотой, и блещет небо вдали. Далеко-далеко гроыхает слабо гром. Но нет дождя. Нет. Ах, как бы я подставил лицо крупным каплям теплой летней грозы. Но не будет ее. Будет и завтра

изнуряющий зной, будет горячий ветер с мелкими песчинками. Будет бескрайняя выжженная степь. И пересохшими глотками мы будем орать «Ура!», вот как сейчас орем. От края и до края взлетной полосы построен цвет частей СпН. Чуть колышется море запыленных выцветших голубых беретов.

— Смирно! Для встречи справа... на... караул!

Грянул встречный марш. И вот уж не надо мне ни воды, ни дождя. Понес меня марш на крыльях. Вдали показалась машина с огромным маршалом. И, увидев его, взревел первый батальон «Ура!», и покатилося солдатское приветствие по рядам: «А-а-а-а!» Наверное, с таким воплем вставляли батальоны в атаку. Ура-а-а-а!

— Товарищ Маршал Советского Союза, представляю сводный корпус специального назначения для проведения строевого смотра и марш-парада. Начальник Пятого управления генерал-полковник Петрушевский.

Глянул маршал на бесконечные ряды диверсантов, улыбнулся.

Генерал Петрушевский свое воинство представляет:

— Двадцать седьмая бригада специального назначения!

— Здравствуйте, разведчики! — рявкнула маршальская глотка.

— Здрав жлав тов Маршл Сов Сьюз! — рявкнула в ответ 27-я бригада.

— Благодарю за службу!

— Служ Сов Сьюз! — рявкнула 27-я.

— Третья морская бригада специального назначения Черноморского флота!

— Здравствуйте, разведчики!

— Здрав жлав...

— Семьдесят второй отдельный учебный батальон специального назначения!

— Здрав жлав...

— Тринадцатая бригада специального назначения!

— Двести двадцать четвертый отдельный батальон специального назначения Шестой гвардейской танковой армии!

Кричит маршал приветствия, и эхо радостно гонит слова его за горизонт: благодарю за службу! службу! службу!

Суров и строг церемониал военных парадов. И радостен. Не зря придуманы смотры. Ах, не зря! Машина генерала Петрушевского идет

правее и чуть позади маршальской машины. Отчего блеск в глазах генеральских? Гордость? Конечно, гордость! Полюбуйся, маршал, на моих молодцов. Разве хуже они головорезов Маргелова? Ах, не хуже! Нет, не хуже.

— Тридцать вторая бригада специального назначения!

— Здравствуйте, чудо-богатыри!

— Здрав жлав...

Нет конца аэродрому. Нескончаемой стеной стоит спецназ ГРУ.

— Благодарю за службу! Благодарю за службу! Благодарю за службу!

После каждых крупных учений по традиции строят войска для общей проверки. Традиции этой сотни лет. Так после сражения полководец собирал оставшихся, считал потери, поздравлял победителей. Грандиозные учения завершены. И только тут, на бескрайнем поле, когда участники учений собраны вместе, можно представить невероятную мощь Пятого управления ГРУ. А ведь не все еще тут.

— Восемьсот восьмая отдельная разведывательная рота специального назначения Приволжского военного округа!

Идет машина маршальская вдоль рядов и, несомненно, мысль маршала терзает: на кого же всю эту рать с цепи спустить? На Европу? На Азию? Может, на товарищей по Политбюро?

Ну что же ты, маршал? Чего медлишь? Мы тут все свои. Злые мы все. Ну, спусти с цепи! Всю Россию кровью зальем. Только команду дай. Не всех убивать, конечно, будем, не всех. Если у кого дача большая да машина длинная, тех мы не тронем. Это не грех — иметь дачу да длинную машину. Тех, кто о социальной справедливости говорит, мы тоже не тронем. Грех это, но не очень большой. Заблуждаются люди, что с них возьмешь, с юродивых! Убивать мы, маршал, только тех будем, кто первое и второе одновременно делает: кто о социальной справедливости болтает да на длинной машине ездит. Тех, как бешеных собак, — на фонари, на столбы телеграфные. От них, маршал, все беды на нашу землю сыплются, от них. Ну, спусти цепь, маршал! Эх, маршал. Ведь если не ты, так последователь твой спустит части СпН с цепи. Спустит. Будь уверен. Много будет крови. Чем дольше тянуть будете, тем больше потом крови будет. Но — будет! Будет! Ура-а-а-а! Ура!

Катится рев по полю. Катится. В дальних балках, без дождя пересохших, лает эхо нашего рева.

— А поработаем, ребята? — вопрошает маршал.

— А-а-а-а! — ревет Спецназ ГРУ восторженно в ответ.

Поработаем, значит. Поработаем.

4

Мы работаем. Мы работаем дни и ночи. И уже не различаешь дней и ночей. Несутся будни серым колесом. Прыжки дневные. Прыжки ночные. Прыжки со сверхмалых высот. Прыжки со средних высот. Прыжки с катапультированием, но это не для всех. Прыжки из стратосферы, это тоже для избранных. Соревнования. Соревнования. Соревнования. И снова прыжки. Горькая пыль на губах. Красные глаза. Злость наружу просится. Иногда апатия полная. И уже укладываем парашюты свои без трепета. Скорей бы уложить да поспать минут тридцать. Может, проверить укладку еще раз? Да ну ее на... Учебные бои. Напалм. Собаки. МВД. КГБ. Опять стрельбы, и опять прыжки.

А смерть рядом с нами ходит. Нет, никого она под свои черные крылья не прибрала. Но рядом старуха. Не дремлет. В 112-м отдельном батальоне новый парашют проверяют, Д-1-8. Плохой парашют. Боятся его спецы. Не хотят на Д-1-8 прыгать. Что-то не так в нем. На каждые сто прыжков минимум один перехлест приходится. Тут и конструктор парашюта, и испытатели. Объясняют, что уложили мы не так, хранили не так. Ну вас всех на... — гробиться-то нашему брату. Старшина из 112-го батальона прыгал, перехлестнуло ему стропы через купол, он их стропорезом полоснул. Хорошо приземлился. Мягко. А ему шутки на земле: надо ж было не со всего маху полосовать стропы, а найти, где они шелковой ниточкой сшиты, да ниточку аккуратно и распустить. А старшина после прыжка такого совсем шуток не понимает, да матом шутников. И конструктора заодно.

Рядом с нами смерть. Вон за теми заборами. Жёлтые Воды рядом. Концлагеря. Уран. А значит, и смерть. Не тут ли каждый начальник себе «кукол» да «гладиаторов» подбирает? Запретные зоны. Вышки сторожевые. Вышки парашютные. Все рядом. Концлагерь и мы. Зачем это? Чтобы нас пугать? А может, еще какая причина есть держать

главный учебный центр частей СпН рядом с урановыми рудниками? Рядом с концлагерями. Рядом со смертью.

5

И опять прыжки. «Капитан Суворов. Этот парашют я укладывал сам».

Операция первая. Закрепили вершину купола. «Этот парашют я укладывал сам». Готовы? Попрыгали. Вперед. Вперед. «Генерал-майор Кравцов. Этот парашют я укладывал сам». Я долго тупо смотрю на расписку моего соседа, который закончил укладку. Что-то в этой надписи мне не понятно. Что-то не так. Но голова не соображает. Недосып. Я мучительно напрягаю свое сознание, и вдруг меня озаряет:

— Товарищ генерал!

— Тихо, не шуми. Да, Витя. Да, — и он смеется. — Только не шуми. Я уже тридцать два часа как генерал. Ты первый сообразил.

— Поздравляю вас...

— Спасибо.

— Много вам звезд...

— Да не шуми ты! Пить потом будем. Не время сейчас. Ах, черт. Замотался я совсем. Ты-то свой парашют уложил?

— Оба, товарищ генерал.

— Сдай их оба.

— Есть сдать, — и, предчувствуя что-то, вопреки уставам, я лишний вопрос задал: — Я не прыгаю сегодня?

— Ты никогда больше прыгать не будешь.

— Ясно, — отвечаю, хотя ничего мне не ясно.

— Вызывают тебя в Киев. А там, наверное, в Москву.

— Есть.

— О вызове ни с кем не болтать. При оформлении документов в строевом отделе скажешь, что вызов из Десятого главного управления Генерального штаба.

— Есть! — рявкнул я.

— Тогда до свидания, капитан. И успехов тебе.

6

— Капитан, есть предварительное решение Генерального штаба забросить тебя в тыл противника для выполнения особого задания, — незнакомый генерал измерил меня тяжелым взглядом. — Сколько времени надо на подготовку?

— Три минуты, товарищ генерал.

— Почему не пять? — он впервые улыбнулся.

— Мне только в туалет сбегать, трех минут достаточно, — и, понимая, что мою шутку он может не оценить, добавил: — Всю ночь меня сюда в автобусе везли, там никакой возможности не было.

— Николай Герасимович, — обратился генерал к кому-то, — проводите капитана.

Через две с половиной минуты я вновь стоял перед генералом.

— Теперь готов?

— Готов, товарищ генерал.

— Куда угодно?

— В огонь и в воду, товарищ генерал.

— И тебя не интересует, куда?

— Интересует, товарищ генерал.

— А если бы мы решили тебя готовить к выполнению задачи очень долго — например, пять лет? Как бы ты отнесся к этому?

— Положительно.

— Почему?

— Это означает, что задание будет действительно серьезным. Это мне подходит.

— Что ты, капитан, знаешь о Десятом главном управлении Генерального штаба?

— Оно осуществляет поставки вооружения всем, кто борется за свободу, готовит командиров для национально-освободительных движений, направляет военных советников в Азию, Африку, на Кубу...

— Как бы ты отнесся к предложению стать офицером Десятого главного управления?

— Это была бы высшая честь для меня.

— Десятое главное управление направляет советников в страны с жарким влажным и с жарким сухим климатом. Что бы ты предпочел?

— Жаркий влажный.

— Почему?

— Это Вьетнам, Камбоджа, Лаос. Там воюют. А в жарком сухом сейчас прекращение огня.

— Ты ошибаешься, капитан. Воюют всегда и везде. Перемирия никогда нигде нет и не будет. Война идет постоянно. Открытая война иногда прерывается, но тайная — никогда. Мы рассматриваем вопрос об отправке тебя на войну. На тайную войну.

— В КГБ?

— Нет.

— Разве бывает тайная война без участия КГБ?

— Бывает.

— И эту войну ведет Десятое главное управление?

— Нет, ее ведет Второе главное управление Генерального штаба — ГРУ. Для прикрытия своего существования ГРУ использует разные организации, в том числе и Десятое главное управление. Тебя, капитан, мы отправим на экзамены в тайную академию ГРУ, но все будет организовано так, как будто ты становишься военным советником. Десятое главное управление — твое прикрытия. Все документы будут оформляться только в Десятом главном управлении. Это управление вызовет тебя в Москву, а там мы тайно заберем тебя к себе сдавать экзамены.

— А если я экзаменов не сдам?

Он брезгливо фыркнул:

— Тогда мы тебя и вправду отдадим в Десятое главное управление, и ты действительно станешь военным советником. Они тебя возьмут, ты им нравишься. Но ты и нам нравишься. Мы уверены, что ты наши экзамены сдашь, иначе мы бы с тобой сейчас не беседовали.

— Все ясно, товарищ генерал.

— А коль так, необходимо выполнить некоторые формальности.

Он извлек из сейфа хрустящий, как новенький червонец, лист бумаги с гербом и грифом «Совершенно секретно».

— Прочитай и подпиши.

На листе двенадцать коротких пунктов. Каждый начинается словом «запрещается» и завершается грозным предупреждением: «Карается высшей мерой наказания». А заключение гласило: «Попытка разглашения данного документа или любой его части карается высшей мерой наказания».

— Готов?

Вместо ответа я только кивнул. Он придвинул мне ручку. Я подписал, и лист исчез в недрах сейфа.

— До встречи в Москве, капитан.

Сдав дела совсем молоденькому старшему лейтенанту, я предстал перед своим, теперь уже бывшим, командиром:

— Товарищ генерал, капитан Суворов. Представляюсь по случаю перевода в Десятое главное управление Генерального штаба.

— Садись.

Сел.

Он долго смотрит мне в лицо. Я выдерживаю его пристальный взгляд. Он подтянут и строг, и он не улыбается мне.

— Ты, Виктор, идешь на серьезное дело. Тебя забирают в «десятку», но я думаю, это только прикрытие. Мне кажется, что тебя заберут куда-то выше. Может быть, даже в ГРУ. В Аквариум. Просто они не имеют права об этом говорить. Но вспомни мои слова — приедешь в Десятое Главное, а тебя заберут в другое место. Наверное, так оно и будет. Если мой анализ происходящего правильный, то тебя ждут очень серьезные экзамены. Если ты хочешь их пройти, то всегда будь самим собой. В тебе есть что-то преступное, что-то порочное, но не пытайся скрывать этого.

— Я не буду этого скрывать.

— И будь добрым. Всегда будь добрым. Всю жизнь. Ты обещаешь мне?

— Обещаю.

— Если тебе придется убивать человека, будь добрым. Улыбайся перед тем, как перережешь ему горло.

— Постараюсь.

— Но если тебя будут убивать, не скули и не плачь. Этого не простят. Улыбайся, когда тебе будут резать горло. Улыбайся палачу. Этим ты обессмертишь себя. Все равно каждый из нас когда-нибудь подохнет. Подыхай человеком, Витя. Гордо подыхай. Обещаешь?

На следующий день зеленый автобус доставил группу офицеров на пустынную железнодорожную станцию, где формировался воинский эшелон.

Всех их вызывало в Москву Десятое главное управление Генерального штаба.

Всем им предстояло стать военными советниками во Вьетнаме, Алжире, Йемене, Сирии, Египте. В этой группе находился и я.

Для всех моих друзей, коллег, начальников и подчиненных с этого момента я перестал существовать. Первый пункт документа, который я подписал, запрещал мне любые контакты со всеми людьми, которых я знал в прошлом.

Глава 10

1

Мать-Россия, ты машешь мне детской рукой с железнодорожной насыпи, ты открываешь передо мной свои необозримые дали. Осинки, березки, елочки, разрушенные церкви, девочки на сенокосе, заводские трубы и опять дети на насыпи. Они машут мне вслед и улыбаются мне. Мосты, мосты. Десна-река пронеслась под стальными пролетами. Конотоп. Брянск. Калуга. Стучат колеса на стыках. Тук. Тук. Тук. Шумит вагон. В вагоне у нас пьянка. В вагоне все свои. Эшелон воинский. Чужих нет. В вагоне только военные советники. Будущие. И пьют пассажиры вагона за свое будущее. За Десятое главное управление. За генерал-полковника Окунева. Пошла бутылка новая по кругу. Пей, капитан! За звезду! Больших звезд тебе, капитан! Спасибо, майор, и тебе тоже! Глаза горят. Глаза у всех горят. Мы все мальчишки, помешанные на войне. Разве мы шли в училища ради того, чтобы проверить, как у солдат сапоги вычищены? Нет, мы шли в училища как романтики войны. И вот они, счастливцы, которым Десятое главное управление дает такую возможность. За «Десятку», братцы! За «Десятку»!

Много нас в вагоне. Артиллерия, летчики, пехота, танкисты. Еще день назад мы не знали друг друга. Но все мы уже друзья. И снова бутылка по кругу. За вас, ребята, за вашу удачу. За ваши звезды.

А куда же меня черти несут? В моих документах числится Куба, но только потому, что в группе нет никого другого на Кубу. Многие в Египет, многие в Сирию. Некоторые во Вьетнам. Если бы был кто-нибудь действительно на Кубу, то мне придумали бы что-то другое. Кравцов, конечно, догадывается, предполагает, что Куба — только маскировка.

Но ничего толком не знал и он. Кравцов — генерал! Я видел его генералом. Но он был в запыленном комбинезоне и в голубом выгоревшем берете, как обычный боец частей СпН. Я стараюсь представить его в настоящей генеральской форме с золотыми

погонами и широкими лампасами. Не удастся. Я помню его только таким, каким он был в момент нашей самой первой встречи: в чистенькой гимнастерке, с погонами подполковника, с лицом молоденького капитана. Успехов вам, генерал.

Красная Пресня — самый мощный военный железнодорожный узел мира. Эшелоны. Эшелоны. Эшелоны. Тысячи людей. Все за высокими заборами. Все под слепящим светом прожекторов. Эшелоны с танками в Германию. Эшелоны с новобранцами в Чехословакию. Лязг и грохот. Маневровые тепловозы формируют составы. На Дальний Восток эшелон с пушками. Вот какие-то контейнеры. Охрана вокруг, как вокруг Брежнева. Склады. Склады. Склады. Погрузка и разгрузка. Эшелон демобилизованных солдат из Польши. И тут же тюремные вагоны. Окна узкие и длинные. Окна покрашены белой краской. Окна в решетках. Красная Пресня — это не только военный центр, это пересыльная тюрьма. Солдаты с овчарками. Краповые погоны. Тюремный эшелон медленно уходит в зону. Ворота огромные, стальные. Колючая проволока. Голубой слепящий свет. Тюремные эшелоны. В Бодайбо. В Череповец. В Северодвинск. В Жёлтые Воды. Огромные серые блоки военного пересыльного пункта.

— Группа советников в Южный Йемен! Пройдите в блок Б, комната двести семнадцать.

— Советник на Кубу!

— Я.

— Капитан Суворов?

— Да.

— Следуйте за мной.

Молодой стройный майор ведет меня мимо каких-то длинных заборов и штабелей зеленых ящиков.

— Сюда, капитан.

В небольшом дворике нас ждет санитарная машина с красными крестами.

— Пожалуйста, капитан.

Дверь захлопнулась за мной, и машина тронулась. Пару раз она останавливалась — наверное, проверка при выходе из запретной зоны. И вот меня везут по Москве. Я знаю, что везут не по прямой дороге, а по улицам большого города: машина часто поворачивает и подолгу стоит у светофоров на перекрестках. Но это только мои предположения. Видеть я ничего не могу — окна в салоне матовые, как в тюремном вагоне.

Каково удельное давление на грунт американского танка М-60? Какие противотанковые ракеты вам больше нравятся: американские или французские? Почему? Почему винтовые лестницы в замках закручиваются снизу влево вверх, а не снизу вправо вверх? Почему у телеги передние колеса маленькие, а задние большие? Что такое «три линии»? Почему в русской винтовке Мосина нарезки идут слева вверх направо, а в японской винтовке Арисака — наоборот? Каковы принципиальные недостатки роторного двигателя Винкеля? Сколько весит ведро ртути? Женщины какого типа вам нравятся? Сколько номеров журнала «Огонек» выпускается в год? Кто первым применил «вертикальный охват»?^[7] Что означает буква «Л» в названии советского истребителя-бомбардировщика Су-7БКЛ? Если бы вам приказали модернизировать американский стратегический бомбардировщик Б-58, какие его тактико-технические характеристики вы улучшили бы в первую очередь? Почему на германских танках «Пантера» была использована шахматная подвеска? В советской мотострелковой дивизии 257 танков. По вашему мнению, это количество нужно уменьшить или увеличить? Насколько? Почему? Как это повлияет на организацию снабжения дивизии?

Вопросы сыплются один за другим. Времени на обдумывание никакого. Только задумался — следует новый вопрос.

Кто такой Чехов? Это снайпер из 138-й стрелковой дивизии 62-й армии.

А Достоевский? Странные вопросы. Кто же не знает Достоевского! Николай Гаврилович Достоевский — генерал-майор, начальник штаба 3-й ударной армии.

Экзаменаторы смеются: это, капитан, немного не то, что мы ожидали услышать, но твои ответы мы принимаем. Они тебя характеризуют весьма ярко. Если мы иногда смеемся, не смущайся.

А разве я когда-нибудь смущался?

Кажется, что мне задали миллион вопросов. Но позже я прикинул, что их было где-то около пяти тысяч: 50 вопросов в час, 17 часов, 6 дней. На некоторые вопросы приходится отвечать пять, а то и десять минут. На другие уходят секунды. Иногда вопросы повторяются. Иногда один и тот же вопрос быстро повторяется несколько раз. Не надо нервничать. Отвечай быстрее. Не вздумай врать, не вздумай хитрить.

Итак, сколько водки вы можете выпить за один раз? Вот фотографии десяти женщин. Какая вам нравится больше всех? Двести шестьдесят два умножить на шестнадцать. Скорее. В уме.

Это не очень трудно. Нужно сначала двести шестьдесят два умножить на десять, потом прибавить половину того, что получилось, потом еще двести шестьдесят два.

Экзаменатор смотрит в упор. Скорее, капитан. Такая чепуха. Я смотрю в потолок. Я мучительно складываю все вместе. Я смотрю прямо перед собой. Какому-то моему предшественнику задавали именно этот вопрос, и он тоненьким карандашом выписывал все вычисления на зеленой бумаге, которой покрыт мой стол. Я хватаю готовый ответ, и тут же соображаю, что это просто провокация. Не могло быть у моего предшественника тоненького карандашика. Не мог он под сверлящим взглядом тайно делать вычисления на бумаге. Я сжимаю челюсти и бросаю свой собственный ответ: четыре тысячи сто девяносто два. Я даже не смотрю на зеленую бумагу, покрывающую мой стол. Я знаю, что там заведомо неправильный ответ.

А вопросы сыплются, как горох. Как бы вы, капитан, реагировали, если бы мы вам предложили торговать арбузами? Если бы вам предложили десять миллионов долларов, как бы вы потратили эти деньги? Если бы вас одного отправили на три года в Антарктиду, что, кроме оружия, еды и одежды, вы бы взяли с собой?

Иногда в зале один экзаменатор. Иногда их трое, иногда пятнадцать. Вот двести фотографий, опознайте тех, кого вы видели в этой комнате за время экзаменов. Время пошло. Теперь выберите тех, кого вы видели в этой комнате только однажды.

В этом тексте зачеркните все буквы «О», подчеркните все буквы «А», обведите кругом все буквы «С». На действия этого субъекта внимания не обращайтесь, как и на звуки из репродуктора. Время пошло.

Субъект корчит рожи, старается вырвать карандаш, выбивает из-под меня стул. А репродуктор надрывается: зачеркни «С», подчеркни «О»...

Иногда во время экзамена прямо в комнату приносят роскошный обед, иногда этого не делают. Иногда отпускают в туалет по первому требованию, иногда просить приходится по три раза. Каждый день они подводят меня к последнему рубежу моих умственных и физических возможностей. И я, и они этот рубеж совершенно отчетливо чувствуем. Далеко за полночь я, не раздеваясь, валюсь на свою кровать и мгновенно засыпаю. Вот этого момента они и ждут. В глаза бьет ослепительный свет. Двести шестьдесят два умножить на шестнадцать! Ну, скорее! В уме! Это же так просто! Ты ведь уже на этот вопрос ответил! Ну что же ты!

— Четыре тысячи сто девяносто два! — кричу я им.

И свет гаснет.

Много позже я узнал, что тех, кто правильно ответил больше чем на 90 процентов вопросов, сюда не принимали. Очень умные не нужны. И все же главная цель экзаменов состояла не в том, чтобы оценить уровень знаний. Вовсе нет. Способность усваивать большое количество информации в короткое время при сильном возбуждении и при наличии помех — вот что главное. А кроме того, оценивается наличие или отсутствие чувства юмора, уровень оптимизма, уравновешенность, способность к интенсивной деятельности, настойчивость и многое другое.

— Что ж, парень, ты нам подходишь, — сказал мне на исходе шестого дня седой экзаменатор. — Организация у нас серьезная.

Правила тут такие короткие, что понимает их даже тот, кто ничего не хочет понимать. Закон у нас простой: вход — рубль, выход — два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее еще труднее. Для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее — через трубу. Для одних этот выход — с почетом, для других — с позором, но для всех нас есть только одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба...

6

Я думал, что лицо полковника, заживо сгорающего в печи крематория, будет преследовать меня всю жизнь в ночных кошмарах. Но он никогда мне не снился. А думал я о нем много. И вот что мне непонятно. Объяснили мне, что любил он деньги, любил выпить, женщин любил. За деньги и продался иностранным разведкам. Допустим, что так. Но у него были великолепные возможности бежать на Запад. А он не бежал. На Западе было бы ему в досталь и денег, и вина, и женщин. А в Москве он деньги все равно тратить не мог. Да и не разгуляешься тут особенно.

Бабник бежал бы к бабам и деньгам, а он ходил по краю, балансируя между жизнью и смертью. Отчего, черт подери? Я кручусь на горячей подушке и уснуть не могу. Первая ночь без экзаменов. А может, телекамера за мной по ночам смотрит? Ну и хрен с ней! Я встаю и показываю кукиш во все углы. Если вы за мной и сейчас следите, то завтра в Центральный Комитет меня не повезут. Затем я решаю, что недостаточно показать им только кукиш, и потому показываю предполагаемой телекамере все, что могу показать. Утром посмотрим, выгонят меня или нет.

Продемонстрировав все, что могу, я удовлетворенно улегся на кровать и тут же уснул в твердой уверенности, что завтра меня выгонят и отправят в Сибирь командовать танковой ротой, а если нет, то тут жить можно, и можно обходить контроль.

Я сплю в кровати блаженно и сладко. Я сплю крепко. Я знаю, что если меня в Аквариум примут, то это будет большая ошибка советской разведки. Я знаю, что если выход останется только один и только через

трубу, то для меня этот выход не будет почетным. Я знаю, что и в своей постели я не умру.

Нет, такие как я в своей постели не умирают.

Ах, советская военная разведка, лучше бы ты меня сразу через трубу пропустила!

Глава 11

1

Меня вновь куда-то везут в закрытой машине с матовыми окнами. Я не вижу куда, и меня никто не видит. Куда же это меня, в Центральный Комитет или в Сибирь? Наверное, все же в Центральный Комитет. Если бы в Сибирь, то мой чемодан со мной бы был, а раз нет чемодана, это может означать, что везут меня не насовсем, а на короткий визит, с возвращением туда, откуда везут.

За окном шумит огромный город, значит, мы где-то в центре. Может быть, это Лубянка? У Лубянки на площади Дзержинского всегда такой шум, как от Ниагарского водопада. Мне почему-то кажется, что мы именно у Лубянки, но в этом нет ничего странного: Центральный Комитет совсем рядом. Наша машина долго стоит, потом куда-то осторожно въезжает. Сзади лязг металлических ворот. Дверь открывается: выходите.

Мы в узеньком мрачном дворике. С четырех сторон высокие старинные стены. Позади нас ворота. Сержанты КГБ у ворот. Во дворик выходят несколько дверей. У некоторых дверей тоже охрана КГБ. У остальных дверей охраны не видно. Вверху, на карнизе, воркуют голуби. Сюда, пожалуйста. Седой показывает какие-то бумаги. Сержант КГБ козыряет: проходите. Седой знает дорогу. Он ведет меня бесконечными коридорами. Красные ковры. Сводчатые потолки. Обитые кожей двери. У нас вновь проверяют документы. Пройдите. Лифт бесшумно поднимает нас на третий этаж. Снова коридоры. Большая приемная. Пожилая женщина за столиком. Подождите, пожалуйста. Седой чуть подтолкнул меня сзади и закрыл за мной дверь, оставшись в приемной.

Кабинет с высокими потолками. Окна под потолок. Вид из окон неказистый: напротив глухая стена, и снова голуби на карнизе. Стол дубовый. За столом худой человек в очках в золотой оправе. Костюм коричневый, никаких знаков отличия, ни медалей, ни орденов. Хорошо в армии — посмотрел на погоны, да и начинай говорить: товарищ

майор, товарищ подполковник... А как тут начинать? Поэтому я никак не начинаю. Я просто представляюсь:

— Капитан Суворов.

— Здравствуйте, капитан.

— Здравия желаю!

— Мы внимательно изучили вас и решили принять в Аквариум — после соответствующей подготовки, конечно.

— Благодарю вас.

— Сегодня двадцать третье августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий ее этаж — в номенклатуру Центрального Комитета. Помимо прочих исключительных привилегий вам предоставляется еще одна: с этого дня вы выходите из-под контроля КГБ. С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросы, требовать ответы на них, предпринимать какие-либо действия против вас. Если вы совершите ошибку, доложите о ней своему руководителю, он доложит нам. Если вы не доложите, мы все равно о вашей ошибке узнаем. Но в любом случае любое расследование ваших действий будет проводиться только руководителем ГРУ или Отделом административных органов ЦК. О любом контакте с КГБ вы обязаны докладывать своему руководителю. Благополучие ЦК зависит от того, как организации и люди, входящие в номенклатуру ЦК, сумеют сохранить свою независимость от любых других организаций. Благополучие ЦК — это и ваше личное благополучие, капитан. Гордитесь доверием, которое Центральный Комитет оказывает военной разведке и вам лично. Желаю успехов.

Я четко козырнул и вышел.

Тихое озеро в лесу. Камыш. По берегам — березовые рощи. Там, за высоким забором, наша дача. Крошечный пляж. Лодки вверх дном. На другом берегу тоже какие-то дачи бревенчатые. Также за зелеными заборами. Также под охраной. Зона тут особая. Дачи. Но дачи только для ответственных товарищей. И в эту дачную зону совсем не легко попасть. Дубовые рощи. Озера. Густые леса. Кое-где красные крыши.

И вновь зеленые заборы. Проехать к нашему озеру только по одной дороге можно. Других путей нет. Как ни крути вокруг, а все время будешь в зеленые заборы упираться. За нашими заборами тоже чьи-то дачи. Кто-то там по волейбольному мячику стучит. Но нам не положено знать, кто там стучит. А ему к нам не положено заглядывать. А слева у нас забор выше, чем справа. Из-за того забора по вечерам музыка доносится. Очень приятная мелодия. Танго.

Дача у нас большая. Тут нас живет 23 человека. Но места хватило бы и на тридцать. У каждого по маленькой комнатке. Бревенчатые сосновые стены. Запах смолы. Маленький пейзажик на стене. Огромная мягкая кровать. Книжная полка. Внизу холл с большим азиатским ковром. Мы встаем, когда хотим. И делаем, что нравится. Завтрак сытный. Обед скромный. Ужин роскошный. Вечерами мы обычно сидим у камина. Пьем. Травим байки. Мы все в прошлом офицеры средних этажей советской военной разведки. В группе один подполковник, два майора, один старший лейтенант, остальные — капитаны. Один из нас в прошлом летчик-истребитель. Двое ракетчиков. Один десантник. Один командир ракетного катера. Военный врач. Военный юрист. В общем, очень цветастый букет. Мы служили под началом разных людей. Каждый из нас по каким-то причинам попал в фарватер какого-нибудь военного разведчика дивизионного, армейского или более высокого уровня. Каждого из нас кто-то отбирал в свою персональную группу. И вот именно из этих групп Аквариум выбирает своих кандидатов. Понятно, что, забирая людей у руководителей разведки на низших этажах, Аквариум вовсе не стремился забрать всех или самых лучших. Нет. Если у Кравцова Аквариум сегодня заберет всех его лучших ребят, завтра Кравцов не будет выбирать свою свиту так кропотливо. Поэтому Аквариум отбирает людей у нижестоящих начальников осторожно, чтобы не отбить у них охоту уделять выбору людей столь пристальное внимание.

Я много сплю. Я давно не спал так крепко и так сладко. Утром встаю поздно и иду на озеро. Погода пасмурная, но вода теплая, и я долго плаваю. Знаю, что этот сон и эта свобода — ненадолго. Просто нам дают возможность расслабиться после экзаменов перед началом учебного года. И я расслабляюсь.

Быстрая дружба кончается долгой враждой. Я знаю это. И мои товарищи по группе тоже это знают. Поэтому мы не спешим переводить наши знакомства в доверительные отношения. Мы осторожно прощупываем друг друга. Мы болтаем о пустяках. Мы рассказываем не особенно острые анекдоты. Травим, одним словом. Нам пока можно пить. В огромном буфете обильный выбор: подходи и пей. Но мы пьем умеренно. Когда-нибудь мы станем друзьями. Когда-нибудь мы будем доверять друг другу и поддерживать друг друга. Вот тогда мы и будем пить по-настоящему. Как настоящие офицеры. Но не сейчас.

Нас тщательно обмерили, и вот все мы уже в гражданских костюмах. Некоторым из нас суждено надеть форму, лишь став генералами. Некоторым придется носить пиджаки, даже став генералами. Такова служба.

— Меня зовут полковник Разумов Пётр Федорович, — представился грузный человек в спортивном костюме с волейбольным мячом в руке. — Мне пятьдесят один год. Из них двадцать три года я служу в Аквариуме. Работал в трех странах. За рубежом провел шестнадцать лет. Имею семь вербовок. Награжден четырьмя боевыми орденами и несколькими медалями. Я буду руководителем вашей группы. Вы, конечно, придумаете мне кличку. Чтобы вам не мучиться, я назову вам несколько моих неофициальных кличек. Одна из них — Слон. Слонами называют всех преподавателей и профессоров Военно-дипломатической академии. А сама академия именуется «консерваторией», когда речь идет о вас, молодежи, или «кладбищем слонов», когда речь идет о нас, профессорах и преподавателях. Может, когда-нибудь кто-то из вас тоже станет «слоном» и придет сюда готовить молодых слоников. А сейчас я хотел бы поговорить с каждым из вас отдельно. Капитан Суворов.

— Я, товарищ полковник.

— Называйте меня просто Пётр Федорович.

— Есть.

— Забудьте это «есть». Вы остаетесь офицерами Советской Армии, более того, вы поднимаетесь на самый высокий этаж — в Генеральный штаб. Но это «есть» на время забудьте. Вы можете не щелкать каблуками, когда говорите с начальством?

— Никак нет, товарищ... Пётр Федорович.

— Первое тебе, Виктор, задание. Научись сидеть в кресле, слегка развалясь... Ты сидишь с ровной спиной, вроде как штык проглотил. Так гражданские дипломаты не сидят. Понял?

— Понял.

5

Меня давно вопрос занимал: как можно организовать тайную школу шпионов в центре огромного города, да так, чтобы никто не дознался. Чтобы никто нас не заснял ни по одному, ни стайкой.

А делается все просто. Центральная глыба Военно-дипломатической академии висится на улице Народного Ополчения. Понятно, что никаких названий вы тут не увидите. Только оград узор чугунный, буйные заросли сирени, да колонны, да окна в решетках, да плотные шторы и часовые по углам. Но это — не главное. Тут учат только тех, кто будет работать в «большой зоне», в соцлагере.^[8]

А нас, расконвоированных, тех, кто из лагеря выход иметь будет, готовят не тут. Слушатели основных факультетов разбросаны по всей Москве, по небольшим учебным точкам. А где моя точка, я и сам не знаю...

Каждое утро к 8:30 я прихожу к проходной Научно-исследовательского института электромагнитных излучений. Знаете, около Тимирязевского парка. Официально институт принадлежит Министерству радиопромышленности. Но кому он на самом деле принадлежит и чем занимается, мало кому известно. В сталинские времена был институтик маленьким совсем. Человек двести, не больше. И, как память того времени, — четырехэтажный дворец позднего сталинизма: фальшивые колонны да балкончики. Но рос институт быстро, и огромные шестиэтажные серые блоки тому свидетели. Это хрущевская экономия. Силикатный кирпич. Хрущобы.

Дальше — стеклянно-бетонные глыбы брежневской военно-бюрократического размаха. Все это перегорожено множеством стен на зоны и секторы. Проволока колючая, ролики белые. Предъявите пропуск в развернутом виде!

Много народу. Утренняя смена. Проходная в двенадцать потоков. На территории объекта не курить. Будьте бдительны! Болтун — находка для врага! Перевыполним план первого квартала! Не стой под грузом!

Дробит проходная мощный поток трудовой интеллигенции на реки и ручьи. Течет серая масса по своим отделам да секторам.

Скрипит тормозами маневровый тепловоз. Огромный ангар поглощает шестидесятитонные вагоны. Спешит научная братия. Молча толпа валит. Все секретные. Все совершенно секретные. Вход воспрещен! Предъявите пропуск в развернутом виде! Заборы бетонные. Заборы кирпичные. Зона 12-Б.

Над какими проблемами тут работают? Лучше не спрашивать. Еще раз пропуск предъявим. На пропуске множество шифрованных значков. Каждый сверчок знай свой шесток. Каждый владелец пропуска только в своей, строго для него установленной зоне обитает. Без особых значков на пропуске не выпустят тебя за зону твоего обитания. Наберем номер на диске — вот мы и в ангаре. Тут вся наша группа собирается. Тут стоит огромный МАЗ с оранжевым контейнером. Наше место внутри. А там — как в хорошем самолете: ковры да кресла удобные. Только окон нет. В 8:40, когда контейнер уже закрыт изнутри, появляется в ангаре водитель и гонит свой МАЗ по Москве. Водителя мы не видели никогда. И он не догадывается, что людей возит. У него работа такая: в 8:40 войти в ангар, сесть в машину и везти контейнер с неким очень опасным грузом через несколько кварталов в сосновый лес. Тут еще один секретный объект, тоже ангар. Водитель загоняет контейнер туда, а сам выходит в комнату ожидания. По вечерам он делает еще один рейс.

А в остальное время он другие оранжевые контейнеры по Москве гоняет. Может, со взрывателями к атомным бомбам, может, со смертоносными вирусами, которые способны сожрать человечество, может, с нервно-паралитическим газом. Откуда ему знать, что в контейнерах. Все они одинаковы. Все оранжевые. А зашибает он,

видимо, здорово. В таких исследовательских центрах все здорово зашибают.

Из нашего оранжевого контейнера мы на землю прыг, прыг. В ангаре высоко под потолком воробей чирикает. Ему одному только секреты все видны: кто водитель у нас, кто по ночам ангар убирает, кто в таком же вот контейнере сюда нам пищу возит и в столовой накрывает. Пока мы в зоне, никого тут нет из персонала. Столовая и та как система клапанов устроена: если в ней открыта дверь в ангар, и кто-то накрывает нам завтрак, то мы не можем попасть ни в столовую, ни в ангар. Потом звонок нам, как павловским псам, — готово. Тут уж мы в столовую входим, зато никому другому двери не откроются — автоматика. Кормят хорошо. Меня никогда так не кормили, даже в Чехословакии.

И все же зона — она и есть зона, а наш контейнер мы зовем оранжевым вороном. В принципе, нас как эков возят, только с комфортом.

В особой книге я «спасибо» пишу за хороший завтрак и заказ на завтра. И скорее на занятия.

Все готовы? Все.

Пять минут подышать.

Дворик у нас аккуратный. Кусты сирени серые бетонные стены почти полностью закрывают — уют. Над сиренью проволока колючая. Что за той проволокой — увидеть нельзя. Только ясно, что там такие же полукруглые ангарные крыши, как у нашего бассейна и теннисного корта. Может, там другая учебная точка — такая же, как и у нас. А может, там польские или венгерские наши коллеги обучаются, а может быть, кубинские, итальянские, ливийские. Откуда нам знать. А может, там и не учебная точка, а секретная лаборатория или склад, а может, там тюрьма просто. По движению нашего оранжевого ворона я все пытаюсь направление по утрам угадать. Чудится, что возят нас совсем недалеко. И по направлению угадывается мне, что мы обучаемся где-то совсем рядом с Краснопресненской тюрьмой. Но точно установить,

конечно, невозможно. А сосновых пролесков по Москве хоть пруд пруди, в том же Серебряном Бору.

— Подышали? И будет.

Все в зал. Тут сейфы. В моем сейфе четыре тетради. В каждой по 96 страниц. Это на три года. Пиши конспекты убористо, больше запоминай. Хватай информацию с лету. Бумагу приучись экономить.

Тетрадь по разведке — в руку. Сейф — на ключ. И в зал.

Преподаватель от нас кисейной занавеской отгорожен. Поэтому он нас четко разглядеть не может, но и мы его четко не видим, хотя разговариваем без помех.

Все преподаватели и командиры — Слоны. Некоторые из них допущены к персональной работе с нами, но большинство может видеть нас только через полупрозрачный экран и называть только по номерам. Каждый из них — волк разведки. Каждый провел много лет за пределами «большой зоны», но однажды провалился и оттого превратился в Слона. Тот, кто не провалился, продолжает работу в добывании или, по крайней мере, в обработке.

Провалившийся волк разведки включает системы защиты, отчего стены нашего спецсооружения плавно задрожали, и начинает:

— Вот так выглядит шпион, — он показывает большой плакат с человеком в плаще, в черных очках, воротник поднят, руки в карманах. — Так шпиона представляют сочинители остросюжетных романов, кинорежиссеры, а за ними и вся просвещенная публика. Вы — не шпионы, вы — доблестные советские разведчики. И вам не пристало на шпионов походить. А посему вам категорически запрещается носить темные очки даже в жаркий день при ярком солнце, надвигать шляпу на глаза, держать руки в карманах и поднимать воротник пальто или плаща. Вашу походку, взгляд и даже дыхание мы будем изменять в процессе длительных тренировок. Но с самого первого дня вы должны запомнить, что в них не должно быть напряжения. Вороватый взгляд, оглядка через плечо — враги разведчика, и за это в ходе тренировок мы будем вас серьезно наказывать. Вы меньше всего должны напоминать шпионов, и не только внешним видом, но и методами работы. Писатели детективных романов изображают разведчика великолепным стрелком и мастером ломать руки своим противникам. Большинство из вас пришли из средних этажей разведки, и среди ваших сослуживцев было много

отличных стрелков и мастеров рукопашного боя. Но тут, наверху, в стратегической агентурной разведке мы не будем обучать вас стрельбе и приемам ломания рук. Наоборот, мы требуем от вас забыть навыки, полученные в частях СпН. Некоторые разведки мира обучают своих ребят стрельбе и прочим штукам. Это идет от недостатка опыта. Помните, ребята, что вы можете надеяться только на свою голову, но не на пистолет. Если вы сделаете всего одну ошибку, то против каждого из вас контрразведка противника бросит пять вертолетов, десять собак, сто машин и триста профессиональных полицейских. Пистолетиком тогда вы себе уже не поможете. И руки всем не переломаете. Пистолетик греет ваш бок и создает иллюзию безопасности. Но нам не нужны иллюзии. Вы должны постоянно чувствовать себя в безопасности и ощущать превосходство над контрразведкой противника. Но эти ощущения вам даст не пистолетик, а трезвый расчет без всяких иллюзий. Знаете, в похожей ситуации находятся монтажники-высотники. Одни из них, малоопытные, пользуются страховочным поясом. Другие никогда им не пользуются. Первые падают и разбиваются, вторые — никогда. Происходит это потому, что тот, кто поясом пользуется, создает себе иллюзию безопасности. Однажды он забывает пристегнуться, и вот уже его кости собирают в ящик. Тот, кто поясом не пользуется, иллюзий не имеет. Он постоянно контролирует каждый свой шаг и никогда на высоте не расслабляется. Советская военная стратегическая разведка своим ребятам не дает страховочных поясов. Знайте, что у вас нет пистолета в кармане, забудьте удары ребром ладони по кирпичу. Надейтесь только на свою голову. Ваш спорт — благородный теннис...

Человек способен творить чудеса. Человек может три раза переплыть Ла-Манш, выпить сто кружек пива, ходить босиком по раскаленным углям, человек может выучить более тридцати языков, стать олимпийским чемпионом по боксу, изобрести телевизор или акваланг, стать генералом ГРУ или миллиардером. Все в наших руках. Кто хочет, тот и может. Главное — захотеть чего-то, а потом все зависит только от тренировки. Но если тренировать свою память,

мускулы, психику регулярно, то... ничего из вашей затеи не получится. Регулярность тренировок важна, но сама по себе она ничего не решает. Один чудак тренировался каждый день. Раз в день он поднимал утюг. Тренировки продолжались регулярно в течение десяти лет — его мышцы не увеличились. Успех приходит только тогда, когда каждая тренировка — памяти, мышц, психики, силы воли, настойчивости, — доводит человека до предела его возможностей. Когда конец тренировки превращается в пытку. Когда человек кричит от боли. Тренировка полезна только тогда, когда она подводит человека к пределу его возможностей, и он этот предел совершенно точно знает: я могу прыгнуть вверх на 2 метра, я могу отжаться от пола 153 раза, я могу запомнить за один раз две страницы иностранного текста. И каждая новая тренировка полезна только тогда, когда она будет попыткой побить свой вчерашний рекорд: сдохну, но отожмусь 154 раза.

Нас водят на тренировки будущих олимпийских чемпионов. Вот они, пятнадцатилетние боксеры, пятилетние гимнасты, трехлетние пловцы. Смотрите на их лица. Ждите самый последний момент тренировочного дня, когда на маленьком детском личике появляется злая решимость побить свой вчерашний рекорд. Смотрите на них! Когда-нибудь они принесут олимпийское золото под огромный красный флаг с серпом и молотом. Смотрите на это лицо! Сколько в нем напряжения!

Сколько муки! Это путь к славе. Это путь к успеху! Работать только на пределе своих возможностей. Работать на грани срыва. Чемпионом становится тот, кто знает, что штанга сейчас задавит его, но все равно толкает ее вверх. Побеждает в этой жизни только тот, кто победил сам себя. Кто победил свой страх, свою лень, свою неуверенность.

Наш Слон привел нас на тренировку юных олимпийцев:

— Так страна готовит тех, кто защищает ее спортивную славу. Неужели вы думаете, что наша страна к подготовке разведчиков относится менее серьезно?

Глава 12

1

Войну планирует Генеральный штаб. Генеральный штаб — мозг армии. Любое вмешательство КГБ в процесс планирования войны неизбежно поставит все государство на грань катастрофы. Поэтому для того, чтобы выжить, государство вынуждено ограничить влияние КГБ на Генеральный штаб. Для того, чтобы победить в войне, Генеральный штаб должен собирать информацию о противнике усилиями собственных офицеров, которые понимают проблемы боевого планирования, которые сами могут решить, что важно для Генерального штаба, а что нет. Генеральный штаб не имеет времени просить об информации — он приказывает собственной разведывательной службе, что нужно добывать в первую очередь. Для успешной работы Генеральный штаб должен иметь право поощрять своих лучших разведывательных офицеров и жестоко карать нерадивых. И он имеет такие полномочия. И он имеет собственную разведывательную службу. И он видит мир не глазами КГБ, а собственными глазами. Генеральный штаб собирает информацию не усилиями полицейских, а усилиями офицеров Генерального штаба — нашими усилиями.

Мы должны стать офицерами разведки и офицерами Генерального штаба одновременно. На это нам отводится очень короткий срок — пять лет. И поэтому программа нашей подготовки насыщена выше всяких возможностей. Вы — офицеры Генштаба! И если эти нагрузки вы не способны выдержать, мы опустим вас на нижние этажи.

Мы стараемся. Мы выдерживаем нагрузки. Не все. По ночам мне снятся только грандиозные наступательные операции. Глубокие танковые клинья. Воздушные десанты. Бригады СпН в тылу противника. Нелегальные резидентуры и поток информации в Генеральный штаб. Мне снится грохот сражений и огонь. Я открываю глаза. Я слышу отвратительный звон будильника, и холодный свет

режет глаза. Я долго сижу на кровати и тру щеки ладонями. Наверное, я не выдержу.

2

Время летит. Зимняя сессия. Восемь экзаменов. Летняя сессия. Восемь экзаменов. Зимний отпуск — пятнадцать суток. Летний отпуск — тридцать суток. Я в отпуск не поеду. Я сдал сессию, но мне нужно сделать еще очень многое. Снова зимний отпуск, и я снова не поеду. Почти никто из наших ребят не едет. Надо работать. Надо работать больше. Кто хочет остаться наверху, должен много работать. До зеленых кругов в глазах, до черных пятен. Нам не препятствуют. Можно ночами сидеть. Можно спать по три часа в сутки.

Наша группа тает. Выбыл подполковник: моральное разложение, сексуальная распущенность. Изгнан на космодром в Плесецк. Там тоже работают офицеры ГРУ, но это ссылка для провинившихся. Майор артиллерийской разведки — пьянство. Возвращен в СпН в Забайкалье. Тает группа. Нас было двадцать три. Теперь только семнадцать. Изгоняют тех, у кого от усиленной работы мозга начинаются обмороки. Изгоняют тех, кто не может выявлять слежку, кто ошибается или горячится, принимая решения. Изгоняют тех, кто не может выучить два иностранных языка, усвоить историю дипломатии и разведки, всю структуру, тактику, стратегию, вооружение и перспективы нашей армии и армий наших противников.

Они исчезают внезапно. Они никогда больше не поднимутся вверх. Для них находят такие места, где им некому рассказать о том, где они были. Им находят места, где работают только такие же неудачники из ГРУ. Где недоверие и провокации процветают. А вообще-то, где они не процветают?

3

Волка ноги кормят. Мы чувствуем себя волками. Любой свободный момент мы используем для поиска подходящих мест. Мы рыщем. Разведчику нужны сотни мест — таких мест, где он мог бы

совершенно гарантированно оставаться один, таких мест, где он с полной уверенностью может сказать, что за ним никто не крадется по пятам, таких мест, где он смог бы спрятать секретный материал и быть уверенным, что ни уличные мальчишки, ни случайные прохожие не найдут его, что тут не будет строительства, что ни крысы, ни белки, ни снег, ни вода этот материал не повредят. Разведчик должен иметь множество таких мест про запас и не имеет права использовать одно и то же место дважды. Наши места должны быть в стороне от тюрем, вокзалов, важных военных заводов, в стороне от правительственных и дипломатических кварталов: во всех этих местах активность полиции повышена и до провала — только шаг. А где найти в Москве место, рядом с которым нет тюрем и важных правительственных или военных учреждений?

Эти поиски занимают все наше свободное время. Мы рыщем в подмосковных рощах, в парках, на заброшенных пустырях и развалинах. Мы рыщем, увязая в снегу и в грязи. Нам нужно множество удобных мест. И тот, кто научится находить их в Москве, сможет делать это в Хартуме, в Мельбурне, в Хельсинки.

Мы учимся запоминать лица людей. Эта активность мозга должна быть не аналитической, а рефлекторной. И потому передо мной мелькают на экране тысячи лиц, тысячи силуэтов людей. Мой палец на кнопке, как на спусковом крючке. Увидев лицо на экране повторно, я должен мгновенно нажать на кнопку. Если я ошибаюсь, меня пронизывает легкий, но неприятный удар электрическим током. Ошибся — и легкий удар. Не нажал кнопку, когда надо, — опять удар. Тренировки проводятся регулярно, и скорость показа лиц постоянно увеличивается. Каждый раз показывают все больше и больше изображений. Тех же людей показывают в париках, в гриме, в другой одежде, в других позах. А ошибки карают легкими, но болезненными ударами электрическим током.

Разведчик должен обращать внимание на номера машин. Если один номер попался дважды, значит, возможна слежка. Значит, на операцию идти нельзя. Мне показывают тысячи номерных знаков. Они

несутся по экрану со скоростью французского электропоезда. Их не нужно запоминать. Но их нужно узнавать. Аналитический ум тут не поможет. Нужен автоматический рефлекс. И его вырабатывают, как у собаки, по методу профессора Павлова. Ошибка — и удар током. Еще ошибка — и снова удар.

Но номера машин могут быстро менять, поэтому нужно узнавать машины не только по номерам, а просто по их виду. В современном городе миллионы машин, а наш мозг не способен запомнить даже сотни автомобилей, тем более что среди них столько одинаковых. И тут разведчика вновь выручает рефлекс. Наш мозг способен фиксировать миллионы деталей, но мы просто не умеем пользоваться этой колоссальной информацией. Не беспокойтесь, Аквариум вас научит. Через пять лет у вас, ребята, будут соответствующие рефлексы!

5

Мы — офицеры Генерального штаба. Нас возят на Гоголевский бульвар. Нас учат принимать решения в ходе грандиозных операций. На огромных картах и на бескрайних полях Широколановского полигона мы сначала робко и неуверенно, сначала только на бумаге, а потом на практике пробуем управлять огромными массами войск в современной войне. Возможно, нам никогда не придется это делать, но однажды, передвинув даже на карте 5-ю и 7-ю гвардейские танковые армии из Белоруссии в Польшу, вдруг понимаешь, какое количество и какой именно информации нужно Генеральному штабу, чтобы сделать это в реальной войне.

6

Мы учимся безошибочно выявлять слежку. Перед операцией офицер разведки должен совершенно четко ответить самому себе: есть слежка или ее нет. Есть или нет? В настоящей тайной войне, к которой он готовится, ему никто не сможет помочь, и никто не будет делить с ним ответственность за допущенную ошибку.

Есть слежка или нет? По заранее подготовленному маршруту я петлял по Москве четыре часа. Я менял такси, автобусы, трамваи. Из огромной толпы уходил в безлюдные места и снова бросался в толпу, как в океан.

КГБ тоже учится. Для КГБ важно знать собственные ошибки в слежке. Тут интересы ГРУ и КГБ совпадают. Тут осуществляется кооперация между двумя враждующими организациями. Слон знает, что сегодня я тренируюсь в городе, что моя тренировка начинается ровно в 15:00 у гостиницы «Метрополь», которая сейчас играет роль советского посольства во враждебной стране. Я выхожу из «посольства», а Слон каждый раз решает, позвонить в КГБ или нет.

Раз в неделю каждого из нас Слон гоняет по разным маршрутам, которые каждый готовит для себя. Прошлый раз слежка была точно. В прошлый раз я был в этом совершенно уверен. А сегодня? Есть или нет? Я не знаю, я не уверен. Если так, то нужно возвратиться в «посольство» и доложить Слону, что я не уверен. И тогда он вновь пошлет меня кружить по Москве, и завтра утром я буду обязан дать окончательный ответ. Итак, есть слежка или нет?

Язык — оружие разведчика. Глаза — оружие разведчика. Аквариум делает все возможное, чтобы заставить своих офицеров владеть иностранными языками. За знание одного западного языка платят на 10 процентов больше. За каждый восточный язык — 20 процентов. Выучи пять восточных языков, и будешь получать вдвое больше. Но не проценты меня гонят: не выучишь два языка — выгонят на космодром в Плесецк. Мне на космодром совсем не хочется. Поэтому я учу. Иностраный язык для меня проблема — нет у меня музыкального слуха. Чувствительность слухового аппарата стрельбой из танковых пушек понижена. Я стараюсь. Я тянусь. Но по языкам я самый последний в группе. Были и хуже меня, но их уже выгнали. Я на очереди следующий. Сдохну, но выучу! Пусть произношение дубовое, я в других областях наверстаю.

— У меня та же проблема была, — ободряет Слон. — Учи целые страницы наизусть. Тогда беглость появится. Тогда у тебя для устной

речи и для написания будут всегда в запасе стандартные обороты, фразы, целые куски.

Я учу страницами. Я их зубрю наизусть. А затем пишу их. Пишу и переписываю. Я переписываю эти страницы по памяти по тридцать раз, добиваясь, чтобы не было ошибок.

С глазами у меня хуже, чем с языком. У меня есть опыт из СпН смотреть в глаза собакам. Но тут этого недостаточно. Нас тренируют перед зеркалом: смотри в глаза, не моргай. Не отводи взгляд. Если хочешь завербовать человека, ты должен прежде всего выдержать его взгляд. Дружба начинается с улыбки, вербовка — со взгляда. Если ты не выдержал первый тяжелый взгляд своего собеседника, не пытайся потом его вербовать: психически он сильнее. Он не поддастся.

Я выхожу на станции метро «Краснопресненская» и иду в зоопарк. Если у вас та же проблема, то приходите к закрытию — вам никто не помешает. Я смотрю в глаза тиграм, пумам и леопардам. Я концентрирую свою волю, я сжимаю челюсти. Неподвижные желтые глаза хищника расплываются передо мной. Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Глаза нужно осторожно сощуривать и вновь медленно-медленно широко раскрывать, так можно не моргать. Глаза режет, наворачиваются слезы. Еще мгновение, и я моргнул. Огромная ленивая рыжая кошка презрительно улыбается мне и разочарованно отворачивает морду: слаб ты, Суворов, со мной состязаться.

Ничего, кошка. Я настойчивый. Я приду сюда в следующее воскресенье. И в следующее. И потом еще. Я — настойчивый.

И опять серым колесом летят дни и ночи. Наша программа вполне могла бы быть десятилетней. Но ее спрессовали в пять лет, и потому не все выдерживают. А может, это тоже испытание? Может, в этом и заключается главный смысл нашей подготовки: освободиться от слабых тут, на своей территории, чтобы не делать этого позже?

Глава 13

1

В разведке есть совсем простое правило: отрыв запрещен! Если увидел, что за тобой следят, во первых, не показывай, что ты заметил, не нервничай и не мечись. Ты дипломат. Поболтайся по городу, покружи. На операцию сегодня идти не следует. Они могут прикинуться, что бросили тебя, а на самом деле они рядом, только больше их стало, только сменили они своих людей.

В тот день, когда выявил слежку, операция запрещена. Этот закон нерушимый. А каждая операция во многих вариантах готовится. Слежка сегодня, значит, завтра повторим операцию, или через неделю, или через месяц. Но не вздумай отрываться от них! Оторвавшись даже под очень хорошим предлогом, ты показываешь им, что ты — шпион, а не простой дипломат, что ты можешь заметить тайную слежку, что тебе надо от нее зачем-то убегать. Если ты им это покажешь, от тебя не отстанут. Ты покажешь им, что ты — шпион, и этого достаточно. Тогда слежка будет преследовать тебя каждый день, тогда не дадут тебе работать. Первый раз тебе, конечно, оторваться удастся, но они тебя зачислят в разряд опасных, и больше ты никогда от них не оторвешься, за тобой они будут по тридцать человек по пятам ходить каждый день. Так что отрыв запрещен. Но не сегодня.

Сегодня у нас разрешение на отрыв. «Хрен с вашими дипломатическими карьерами, — сказал Слон, — бывают ситуации, когда Аквариум приказывает проводить операцию любой ценой. Отрывайтесь!»

Двое нас, Генка да я. Отрывайтесь, твою мать. Поди оторвись. Темно уже в Москве. Холодно. Пуста Москва. Через три дня запыет, загуляет Москва. Праздники, парады да оркестры. А сейчас перед взрывом пьяного восторга затаилась Москва. Мы с Генкой вдвоем, да тени черные за нами. Наши тени, да еще чьи-то. Мечутся тени, не прячутся. Если бы мы по одному работали, то давно бы оторвались. Отрыв запрещен, но обучаемся мы его делать.

Первый раз мы сделали рывок в Петровском пассаже. Хорошее место. Много людей было. Мы через толпу, через очереди, расталкивая, и по лесенкам крутым, и снова в толпу, черными ходами да в метро! Но тени мечутся за нами и не отстают. На Ленинских горах мы вторую попытку сделали. Тоже место хорошее. Уходит поезд, двери — щелк! Так вот, за секунду до этого щелчка надо и рвануть из вагона. Но и тени хитры.

Пуста Москва. Холодно и темно. Но Генка еще какое-то место знает. На площади Марины Расковой. Уйдем, Генка? Уйдем! Уйдем...

Сколько их, Генка, за нами сегодня? Много. Много, мать их перемать. Жаль, разойтись нам нельзя. Операция на двоих. Может, разойдемся, Генка? Превышение полномочий, нельзя. А если операцию провалим, разве это лучше? Ведет меня Генка пустыми переулками. Тут место у него давно подготовленное. Сейчас мы рванем. Но нет. Три больших парня за нами вплотную идут. Не прячутся. Это демонстративная слежка. Это слежка на психику. А кроме демонстративной слежки есть еще и тайная. Демонстративная может отстать, чтобы мы бдительность потеряли, а тайная не отстанет. Сколько их сегодня за нами?

Петляем закоулками. А трое теперь открыто за нами топают. Смеются прямо в затылок. «А если побегут?» — зычный голос интересуется. «Догоним», — успокаивает другой. Хохот нам в спины.

Генка меня в бок толкает — приготовься. Я-то готов, да только мелкий снежок в воздухе кружит. Первый самый снежок. Тут бы гулять по улице да воздух хрустальный пить. Но не до воздуха нам. Отрываться пора.

Рванул меня Генка за руку, и в какую-то дверь мы влетели, тут лестницы грязные вниз да вверх да коридоры темные во все стороны. Ах, ноги не переломать бы. Вниз, вниз по лестнице. Ведра какие-то, смрад. Опять дверь. Опять лестницы да коридоры. Ху-ху-ху — Генка задыхается. Задыхается, но хорошо бежит. Большой он. Тяжело ему. Но зато в темноте он, как кот, все видит. Еще двери какие-то, тряпки, щебень да стекло битое. Вылетели мы на улицу. Я уж и не знаю где. Всю Москву исходил, а таких мест не видывал раньше. Три переулочка перед нами. Генка в левый меня тянет. Хороший ты, Генка, парень. Ушли бы мы, хорошее место ты нашел. Сколько месяцев ты, Генка, по Москве топал, чтобы такой трюк подготовить? Такое место только в

рамочку золотую да молодым шпионам показывать: любуйтесь, это — образец. Будете работать в Лондоне, в Нью-Йорке, в Токио — каждый такое место для себя должен иметь! Чтобы в любой момент гарантированно от полиции оторваться.

Но не выгорит нам сегодня. И место не поможет нам. Легкий снежок над Москвой. Первый самый. Липнет он к подошвам, и следы наши с Генкой, как следы первых астронавтов на Луне. Это законом подлости называется. Согласно этому нерушимому закону кусок хлеба с маслом всегда маслом вниз падает.

— Не уйдем, Генка!

— Уйдем! — тащит меня Генка за руку.

Пустая Москва. Попрытались честные граждане в свои норы. Во всей Москве Генка да я... и большие мальчики из КГБ.

— Ху-ху-ху, — Генка дышит, — не побоишься, Витька, с поезда прыгнуть?

— Нет, Генка, не побоюсь.

— Ну, тогда, Витька, поднажмем. Есть у меня шанс. Ты на операцию пойдешь, я тебя прикрою.

Бежим переулками. Бежим дворами. Если выйти на большую улицу, там следов наших не будет, да зато там все их машины. От машин не уйдешь.

Перемахнули мы через заборчик, вот станция, и электричка тормозами скрипит. Ху-ху-ху — Генка дышит. А за нами трое больших тоже дышат: ху-ху-ху. Тоже через заборчик перемахнули, как кони бешеные. Генка меня к электричке тянет. Ху-ху-ху. В последнюю дверь ввалились мы, и бегом по проходу. Ах, если бы дверь за нами захлопнулась! Но не захлопнулась она. И топот за нами конский. Ввалились и те трое в вагон. И по проходу за нами. Пролетели мы один тамбур, другой. Толкнул меня Генка вперед, а сам назад. Пошел он, как истребитель, в лобовую атаку. А я к двери. Теперь не закрылись бы двери! Массой своей бросился я на одну половину двери, а другая уж за моей спиной щелкает, и плавно поезд пошел.

Прыгать из поезда нужно задом и назад. Но это я уж потом вспомнил. А вылетел я из двери передом и вперед. Зубы нужно сжать было, но и об этом я забыл, и оттого лязгнули они как капкан, чуть не отрубив язык. Скорости было немного совсем, когда вылетел я, и высота была минимальная: платформа была вровень с вагоном. Да

только подвернул ногу, падая, да руку разодрал. Ну, хрен с ней, вскочил, а последний вагон мимо меня простучал. Просвистел мимо. Быстро московские электрички скорость набирают. А тормоза уж скрипят. Это большие ребята стоп-кран сорвали. У меня учеба, но и у них учеба. Я действую, как в настоящей обстановке действовать буду, но и они учатся. У них тоже экзамены, им тоже оценки ставят. Им меня сейчас любой ценой взять надо. Ну это уж вам хрен, ребята! Рванул я к забору, да через верх. Да ходу. Ху-ху-ху. Ходу! Спасибо, Генка!

Уж за полночь. Поезда в метро пустые совсем. Рвал я переходами подземными да переулками темными. Теперь в метро нырнул. Тем хорошо, что машина за мной идти туда не может. В метро ребята из КГБ должны быть рядом со мной. Но пуст вагон. Поздно уже, да и оторвался я чисто. Теперь главное — обойти телекамеры. На каждой станции метро вон их сколько понатыкано. И если КГБ потеряло меня в Москве, то центральному командному пункту давно уж мое описание передали. Давно уж все телекамеры подземную Москву обшаривают.

Но и я опытен уже. Я буду выходить на станции «Измайловский парк». Тут я только четыре телекамеры выявил и их расположение четко знаю. Если находиться в последнем вагоне, то можно быстро мимо них прошмыгнуть, а там забор бетонный с узким проходом для пешеходов да десятков тропинок в густой лес. Ищи-свищи!

Первый снег под ногами поскрипывает. Но тут, на тропинках, его уж утоптали. Вечером тут пенсионеры толпами гуляют, а там, дальше, в сосняке, всегда сопляки подвыпившие. Но сейчас никого нет. Я делаю огромную петлю в лесу. Останавливаюсь и долго слушаю. Нет, не скрипит снег за моей спиной. Тут я и не стесняюсь уже, во все стороны смотрю. Обычно в шпионских романах это называется «воровато оглядываться». Да. Именно так. Стесняться мне больше некого. Оторвался чисто. Слежки за мной нет. И место тайника известно только мне. Вот оно. В глухом углу к бетонной стене прилепились десятка два гаражей. А между ними и стенкой чуть заметная щель. Мочой кругом пахнет. Это хорошо. Это означает, что в

щель ту загаженную не найдется любителей лазить. Они свое дело тут, возле нее, делают и дальше спешат. Ну, а у меня работа такая.

Оглянулся я еще раз для верности и протиснулся в щель. Тут сухо и чисто. Только тесно. Мне три метра пыхтеть нужно до стыка первых двух гаражей. Там, если просунуть вперед пальцы, можно нащупать оставленный кем-то пакет. Но нелегко эти метры даются. Генка ни за что в такую щель не пролез бы. Выдохнул я и еще чуть-чуть протиснулся. Чуть отдышался. Снова глубоко выдохнул и еще вперед. Ах я, дурак! Надо ж было пальто снять перед тем, как лезть. Щель эту я давно нашел. И тогда втиснулся в нее без особого труда. Да только это дело летом было. Еще выдохнул, и еще вперед. Теперь правую руку вперед. Еще чуть вперед. Ладонь за угол. Теперь пальцы растопырить. Вверх, вниз.

О-о-о! Чья-то железная кисть стиснула мою руку и свет ослепительный в глаза ударил. Голосов тихих вокруг меня десятков, а рука как в капкане. Больно, черт побери. Ухватили меня за ноги чьи-то сильные руки и дернули. Выдернули без труда. Да за ноги и тянут. Да носом по снегу сегодняшнему, по моче вчерашней. Тут и машина легковая откуда ни возьмись тормозами визгнула, хотя и нет им доступа вроде бы в Измайловский парк. Руки мне заломили назад до хруста. Только ойкнул я. Наручники холодные щелкнули.

— Позовите консула! — так мне орать положено в подобной ситуации.

Задняя дверь машины распахнулась. Тут мне протестовать полагается: мол, не сяду в машину! Но по ногам мне здорово кто-то дал и выбил землю из-под ног, как табуретку под виселицей. Ах, сильные ребята! До чего сильные! Щелкнули зубы мои, и уж сижу на заднем сиденье меж двух Геркулесов.

— Позовите консула!

— Ты что здесь, мерзавец, делаешь?

— Позовите консула!

— Все твои действия на пленку засняты!

— Наглая провокация! Я на пленку могу заснять, как вы половое сношение с американской актрисой совершаете! Консула позовите!

— В твоей руке были секретные документы!

— Вы силой мне их впихнули! Не мои документы!

— Ты пробирался в тайник!

— Подлая выдумка! Вы поймали меня в центре города и силой засунули в эту вонючую щель! Позовите консула!

Машина, дико скрипя на поворотах, мчит меня куда-то в темноту.

— Позовите консула! — ору я.

Им это надоедать стало.

— Эй, парень, потренировался, и будет. Кончай орать!

Эти штучки я знаю. Если бы вы меня отпустили сейчас, значит, тренировка кончилась. А если вы меня не отпускаете, значит, она продолжается. И, набрав полные легкие воздуха, я завопил диким голосом:

— Консула, гады, позовите! Я невиновен! Я дипломат! Консула!!!

— Позовите консула!

Света они не жалеют. Два прожектора в лицо. Глазам больно до слез. Они меня усадили, и большой такой, угрюмый человек сзади встал. Нет, тут я сидеть не буду. Позовите консула! Я встаю. Но большой человек огромными ладонями вдавливают мои плечи в глубокое деревянное кресло. Подождав, пока давление на плечи ослабнет, я вновь делаю попытку встать с кресла. Тогда большой вновь вдавливают меня в кресло и помогает своим огромным руками тяжелым ботинком. Он легко подсекает мне ногу, как в борьбе, и я падаю в кресло. Легкий удар его ботинка пришелся мне прямо по косточке. Больно. Откуда-то из-за прожекторов ко мне приплывает голос:

— Вы — шпион!

— Позовите консула. Я дипломат Союза Советских Социалистических Республик!

— Все ваши действия у тайника сняты на пленку!

— Подделка! Подлая провокация! Позовите консула!

Я делаю попытку встать. Но большой легким движением огромного ботинка слегка подсекает мне левую ногу, и я теряю равновесие. И снова мне больно. Он бьет легко, но по косточке, по той, что прямо над пяткой. Вот не думал никогда, что это может быть так больно.

— Что вы делали ночью в парке?

— Позовите консула!

Я снова встаю. И он снова бьет легко и точно. Ведь и синяков не останется, и не докажешь никому, что он меня, гад, мучил. Я снова встаю, и снова он сажает меня легким ударом. Эй, ты, большой, мы же учимся. Это учения. Зачем же так больно бить? Я снова встаю, и он снова сажает меня. Я глянул через плечо — что у него за морда? Но не разглядел ничего. Круги в глазах от прожекторов, ни черта не видно. Комната вся темная, и два прожектора. Даже не поймешь, большая комната или маленькая. Наверное, большая, потому что от прожекторов нестерпимая жара, но иногда вроде чуть ветерок тянет прохладный. В маленькой комнате так не бывает.

— Вы нарушили закон...

— Расскажите это моему консулу.

Мне больно, и мне совсем не хочется вновь получить легкий удар по косточке. Поэтому решаю повторить попытку встать еще три раза. А после буду сидеть, не вставая. Ой, как не хочется вставать с деревянного кресла. Ну, Витя, начали. Я опираюсь ногами о кирпичный пол, осторожно переношу тяжесть тела на мышцы ног и, глубоко вздохнув, толкаюсь вверх. Его удар совпадает с моим толчком. Моя левая ступня чуть подлетает вверх, и я с легким стоном вновь падаю в кресло. Жаль, что кресло не мягкое, удобнее было бы.

— От кого вы получили материалы через тайник?

— Позовите консула!

Я знаю, что тот, который бьет по ногам, сейчас учится. В будущем у него будет такая работа: стоять позади и удерживать допрашиваемого в этом глубоком деревянном кресле. Это сложная наука. Но он старательный ученик. Настойчивый. Энтузиаст. Последний его удар был сильнее предыдущих. А может быть, мне так показалось, ведь все по одному месту. В принципе, зачем я пытаюсь встать? Мне ведь можно просто сидеть и требовать консула. А пока консула не позовут, не дать им втянуть себя в разговор. Итак, я прекращаю вставать. Попытаюсь еще три раза, и все.

Следующий удар был выполнен мастерски и с большой любовью к профессии. Поэтому следующий вопрос я не понял. Знаю, что был вопрос, но не знаю какой. Несколько секунд думал, что же мне отвечать, а потом нашелся:

— Позовите консула!

Такой допрос мне начал надоедать и им тоже. И тогда большие руки вновь вдавили мои плечи в сиденье, а кто-то вставил карандаши между моих пальцев. Эти штучки я знаю. Это очень просто и очень эффективно, и вдобавок не оставляет никаких следов. Пока не сжали ладонь, я вспоминаю всю науку: первое — не закричать, второе — наслаждаться собственной болью и желать для себя еще большей боли. Это единственное спасение. Чья-то потная рука ощупала мою ладонь, поправила карандаши между моими пальцами и вдруг сжала, как тисками. Два прожектора дрогнули, задрожали и бешено закружились. Я поплыл куда-то из большой темной комнаты с кирпичным полом. Я желал себе только большей боли и смеялся над кем-то.

Над Москвой серое холодное утро. Ноябрь. Еще все спят. Проехала почтовая машина. Полусонный дворник метет улицу.

Я лежу на мягком сиденье, откинутаю далеко назад. Москва летит мимо меня. Боковое стекло чуть приоткрыто, и морозный ветер уносит обрывки каких-то кошмаров. Я чувствую, что щеки мои не бриты, а волосы на голове слиплись. Лицо почему-то мокрое. Но мне хорошо. Меня кто-то куда-то везет на большой черной машине. Я поворачиваю голову к водителю. Это Слон. Это он меня везет.

— Товарищ полковник, я им ничего не сказал.

— Я знаю, Витя.

— Куда мы едем?

— Домой.

— Они отпустили меня?

— Да.

Я долго молчу. И вдруг мне стало страшно. Мне показалось, что я рассказал им все, когда смеялся.

— Товарищ полковник, я... раскололся?

— Нет.

— Вы уверены?

— Уверен. Я все время рядом с тобой был, даже во время ареста.

— В чем моя ошибка?

— Ошибки не было. Ты оторвался и вышел к тайнику чисто. Но место слишком хорошее. Его московское КГБ знает. Ты использовал место, которое используют настоящие иностранные шпионы. Место слишком хорошее, потому оно под постоянным контролем. Они тебя взяли как настоящего шпиона, не зная, кто ты. Но мы вмешались тут же. Арест был настоящим, а допрос — учебным.

— А Генка как?

— Генка хорошо. Его слегка помуржили, но он тоже не раскололся. В таком деле мобилизоваться надо. Нельзя жалеть себя и нельзя мечтать о мести, тогда выдержишь что угодно. Спи. Я тебя на настоящую работу рекомендовать буду.

— А Генку?

— И Генку.

Глава 14

1

— Ты когда-нибудь был в Мытищах?

— Нет.

— Тем лучше, — Слон вдруг стал серьезным. — Слушай учебно-боевую задачу. Объект: Мытищинский ракетный завод. Задача: найти подходящего человека и завербовать его. Цель первая: получить практику настоящей вербовки. Цель вторая: выявить возможные пути, которые вражеская разведка может использовать для вербовки наших людей на объектах особой важности. Ограничения. Первое — во времени: можно использовать для вербовки только свое личное время, выходные дни и отпуска, никакого особого времени на проведение вербовки не отпущено. Второе — финансовое: можно расходовать только свои личные деньги, сколько угодно, хоть все, — ни копейки государственных денег не выделяется. Вопросы?

— Что знает об этом КГБ?

— КГБ знает, что с разрешения Отдела административных органов Центрального Комитета мы такие операции проводим постоянно и по всей Москве. Если КГБ тебя арестует, мы тебя спасем, но... за рубеж не пошлем.

— Что я могу сказать вербуемому человеку о себе и своей организации?

— Все что угодно. Кроме правды. Ты его вербуешь не от имени советского государства — это и дурак сумеет сделать, — а от собственного имени и за свои деньги.

— Значит, если я его завербую, он будет по-настоящему считаться шпионом?

— Именно так. С той разницей, что переданная им информация не уйдет за рубеж.

— Но это никак не смягчает его вины?

— Никак.

— Что же его ждет?

— Шестьдесят четвертая статья Уголовного кодекса. Разве ты этого не знаешь?

— Знаю, товарищ полковник.

— Тогда желаю тебе успеха. И помни: ты делаешь большое государственное дело. Ты не только учишься, но и помогаешь нашему государству избавляться от потенциальных предателей. Вся группа получает подобные задачи, только на других объектах. И вся академия делает то же самое. И каждый год. И последнее — распишись вот тут в получении задачи. Это вполне серьезная задача.

2

Первое правило вербовки гласит, что вначале нужно найти заданный объект. Это нетрудно. Мытищи — городок небольшой, а в нем огромный завод. Проволока колючая на роликах. Ночью завод залит морем слепящего света. Псы караульные тявкают за забором. Тут сомнений быть не может. А еще у завода соответствующее имя должно быть. Если на воротах написано, что это завод тракторной электроаппаратуры, то это может означать, что кроме военной продукции завод выпускает что-то и для тракторов, но если название ничего не выражает — «Уралмаш», «Ленинская кузница», «Серп и молот», — тут сомнения отбрасывайте: военный завод без всяких посторонних примесей.

Второе правило вербовки гласит, что прямо на объект лезть не надо. Люди из завода сами выходят. Они идут в библиотеки, в спортзалы, в рестораны, в пивные. Вокруг крупного завода должен быть район, где живут многие рабочие, где есть школы для их детей и детские сады. Где-то есть поликлиника, туристическая база, зона отдыха и тому подобное. Все это надо найти.

Третье правило вербовки гласит, что не нужно вербовать директора или главного инженера — их секретарши вербуются легче, а знают не меньше своих начальников. Но вот беда: условия учебно-боевой вербовки запрещают нам вербовать женщин. За рубежом — пожалуйста, во время тренировок — нет. Нужно найти чертежника, оператора электронной машины, хранителя секретных документов, копировальщика или кого-нибудь в этом роде.

Каждый из нас получил подобное задание и каждый готовит свой план, как перед генеральным сражением. Учебная вербовка для нас ничуть не проще боевой. Если тебя арестуют за подобным занятием в любой зарубежной стране, то расплата только одна — выгонят в Советский Союз. Если совершишь ошибку на тренировке и тебя арестует КГБ, заплатишь более высокую цену — тебя никогда не выпустят за рубеж.

На боевой работе в твоём распоряжении все твоё время и практически неограниченный бюджет, позволяющий не заботиться о финансовой стороне дела, а тут экзамены проходят — по стратегии, по тактике, по вооружённым силам Соединённых Штатов, по двум иностранным языкам. Крутись как хочешь. Хочешь — к экзаменам готовься, хочешь — вербуй.

Прежде всего я мысленно очертил для себя зону шириной в километр вокруг огромных заводских стен. В этом пространстве я решил не вступать в контакты с потенциальными жертвами и не делать ничего, что может вызвать интерес окружающих. В этом пространстве каждый сантиметр под надзором КГБ.

Теперь жду окончания смены. Вот она. Через проходные устремился чёрный поток людей. Шум, топот, смех. На автобусной остановке огромные толпы. Снег скрипит. Морозная мгла вокруг фонарей. Шумит людская река. Повалил народ по кабакам да по пивным. Но это меня пока не интересует — это лёгкий путь, его я приберегу на случай, если другие варианты не пройдут. Мне сейчас библиотека нужна. Как её найти? Просто. Нужно смотреть, куда очкарики валят.

Я увязался за группой очкастых, интеллигентного вида, парней. Не ошибся. Они шли в библиотеку. Нет, это не секретная библиотека. Секретная — внутри завода. Это обычная библиотека. И вход туда всем разрешен. Вот и я с группой затесался. Молоденькой библиотекарше за прилавком подмигнул, она мне улыбнулась, и я уже у книжных полок.

Теперь роюсь в книгах, смотрю за тем, кто чем интересуется. Мне нужен контакт. Вот рыжий очкарик перебирает научную фантастику. Хорошо. Подождем его. Вот он подошел к другой полке, к третьей...

— Извините, — шепчу я ему на ухо, — а где тут научная фантастика?

— Да вон там.

— Да где же?

— Иди сюда, покажу.

Хороший контакт у меня получился только на третий вечер.

— А где тут что-нибудь про космонавтов и про Циолковского?

— Да это вот тут.

— Где?

— Идите сюда, покажу.

4

Фильмы про шпионов показывают офицера разведки в блеске остроумия и красноречия. Доводы шпиона неотразимы, и жертва соглашается на его предложение. Это и есть брехня. В жизни все наоборот. Четвертое правило вербовки гласит: внимательно слушай того, кого собираешься вербовать. У каждого человека в голове есть блестящие идеи, и каждый человек больше всего в жизни страдает оттого, что его никто не слушает. Самая большая проблема в жизни для каждого человека — найти себе слушателя. Но это невозможно сделать, так как все остальные люди заняты тем же самым — поиском слушателей для себя, и потому у них просто нет времени слушать чужие бредовые идеи.

Главное в искусстве вербовать — умение внимательно слушать собеседника. Научиться слушать, не перебивая, — это гарантия успеха. Это тяжелая наука. Но только тот становится лучшим другом, кто слушает нас, не перебивая. Я нашел себе друга. Он перечитал все книги про Цандера, Циолковского, Королёва. Говоря о них, он говорил и о тех, о ком еще нельзя было писать книг — о Янгеле, Челомее, Бабакине, Стечкине. Я слушал.

В библиотеке нельзя говорить громко, да и вообще разговаривать не принято. Поэтому я слушал его на заснеженной поляне в лесу, где

мы катались на лыжах. В кинотеатре, куда мы ходили смотреть «Укрощение огня», в маленьком кафе, где мы пили пиво.

Пятое правило вербовки гласит: выбирай правильную наживку. Я люблю клубнику. Но если я собираюсь ловить рыбу и стану кормить ее клубникой, то не поймаю ни одной рыбешки. Рыбу надо кормить тем, что она любит, — червями. Если ты хочешь стать кому-нибудь другом, не говори о клубнике, которую ты любишь. Говори о червяках, которых любит он.^[9]

Мой друг был помешан на системах подачи топлива из топливных баков в двигатели ракеты. Система подачи топлива может быть насосной или вытеснительной. На первых германских ракетах «Фау-2» для подачи обоих компонентов топлива в двигатель использовались турбонасосы. Насосная система подачи топлива, несмотря на сложность конструкции и большой вес агрегатов, позволяет получить исключительно высокую удельную тягу. Это обстоятельство заставляет нас применять насосную систему подачи в двигателях ракет-носителей, ограничив использование вытеснительной системы подачи двигателями космических аппаратов для маневров в космическом пространстве. Я внимательно слушал и соглашался.

Во время следующей встречи я имел в кармане магнитофон, выполненный в форме портсигара. Провод от магнитофона шел через рукав моего пиджака к часам, в которых был микрофон. Мы сидели в кафе и болтали о перспективах использования четырехоксида азота в качестве окислителя в паре с несимметричным диметилгидразином в качестве топлива для ракетных двигателей. Мой друг признавал токсичность этих компонентов, но считал их идеальным вариантом для использования в двигательных установках пилотируемых космических кораблей и автоматических межпланетных станций.

На следующее утро я прокрутил пленку Слону. Я допустил довольно серьезную техническую ошибку: микрофон нельзя иметь в часах, когда беседа идет в ресторане. На записи звон вилки, постоянно находившейся в левой руке, возле микрофона, был просто

оглушительным, а наши голоса звучали где-то вдали. Это страшно развеселило Слона. Вдоволь посмеявшись, он серьезно спросил:

— Что он о тебе знает?

— Что меня зовут Виктор.

— А фамилия?

— Он никогда не спрашивал.

— Когда у тебя следующая встреча?

— В четверг.

— Перед встречей я организую тебе консультацию в Девятом управлении ГРУ. С тобой будет говорить настоящий офицер, который изучает американские ракетные двигатели. Он, конечно, знает многое и о наших двигателях. Офицер информации поставит тебе настоящую задачу, такую, которая его бы интересовала, если бы ты познакомился с американским ракетным инженером. Если ты вырвешь из очкарика достаточно вразумительный ответ, то считай, что тебе повезло, а ему нет.

6

Служба информация ГРУ желала знать, что мой знакомый знает о бороводородном топливе.

Мы сидим в грязной пивной, и я говорю своему другу о том, что бороводородное топливо никогда не будет применяться. Не знаю почему, но он думает, что я работаю в 4-м цехе завода. Я ему этого никогда не говорил, да и не мог говорить, ибо не знаю, что такое 4-й цех. Он долго испытующе смотрит на меня:

— Это у вас там, в четвертом, так думают. Знаю я вас, перестраховщиков. Токсичность, взрывоопасность... Это так. Но какие энергетические возможности! Вы там об этом подумали? Токсичность можно снизить, у нас этим второй цех занимается. Поверь мне, это вполне реально, и тогда перед нами откроются такие горизонты...

За соседним столиком я вижу чью-то знакомую спину. Неужели Слон? Точно. Рядом с ним еще какие-то очень внушительные личности...

7

Следующим утром Слон поздравил меня с первой вербовкой.

— Это учебная. Но ничего. Котенок, если хочет стать настоящим котом, должен начинать с птенчиков, а не с настоящих воробьев. А про бороводородное топливо забудь. Это не твоего ума дело.

— Есть забыть.

— И про очкастого забудь. Его дело с твоими отчетами и магнитофонными лентами мы передадим кому следует. Чтобы держать КГБ в узде, Центральному Комитету нужен конкретный материал о плохой работе КГБ. Где взять такой материал? Вот он, этот материал! — Слон распахивает сейф с отчетами моих товарищей о первых учебно-боевых вербовках.

И хотя я получил приказ забыть о том, что выболтал мой доверчивый знакомый, с ракетными двигателями мне пришлось столкнуться еще раз. После окончания академии нам дали возможность поговорить с конструкторами вооружений — для того, чтобы мы в общих чертах представляли проблемы советской военной промышленности. Нам показывали новейшие танки и артиллерию в Солнечногорске, еще не принятые на вооружение самолеты в Монино, ракеты в Мытищах. Целыми днями мы общались с ведущими инженерами и конструкторами — конечно, не зная их имен. Они тоже не совсем понимали, кто мы такие («какие-то хлопцы молодые из Центрального Комитета»).

И вот в один из таких дней в Мытищах нас провели через три проходных пункта, через орду контролеров и охранников. В высоком светлом ангаре нам показали зеленую тушу новой ракеты. Когда ее конструктор закончил долгий рассказ об особенностях этого изделия, я спросил, по открытой или закрытой схеме работают ракетные двигатели этой красавицы.

— Вы ракетчик? — полюбопытствовал он.

— В некотором роде...

Глава 15

1

На третий день после прибытия в Вену меня вызвал руководитель венской дипломатической резидентуры ГРУ генерал-майор Голицын.

— Чемоданы уже распаковал?

— Нет еще, товарищ генерал.

— И не спеши.

— Почему?

Его кулачище обрушился на дубовый стол, и нежная кофейная чашечка жалобно звякнула.

— Потому что в пятницу в Москву идет наш самолет. Я тебя, лентяя, назад отправлю. Где твои вербовки?

Из генеральского кабинета я, красный от стыда, вылетел в «забой» — большой зал резидентуры, где на мое появление решительно никто не обратил внимания. Все были слишком заняты. Двое склонились над огромной картой города. Один что-то быстро печатал на машинке. Двое безуспешно пытались уложить огромный серый электронный блок с французскими надписями в контейнер дипломатической почты. И только один старый волк разведки, видимо, поняв мое состояние, посочувствовал:

— Навигатор, конечно, тебе обещал, что выгонит следующим самолетом?

Навигаторами в ГРУ называли руководителей резидентур.

— Да, — подтвердил я в поисках поддержки.

— А ведь и выгонит. Он у нас такой.

— Что же мне делать?

— Работать.

Это был хороший совет, и лучшего ждать не приходилось. Если кто-то знает, где и как конкретно можно добыть секретную бумагу, то он сам ее и добывает. Зачем ему делиться со мной своей славой?

И я начал работать. За оставшиеся четыре дня я, конечно, не провел вербовку. Но я сделал первые шаги в правильном направлении.

Поэтому мое возвращение в Москву было отложено еще на одну неделю, а потом и еще на одну. Так я проработал у генерала Голицына четыре года. Впрочем, все остальные, включая и его первого заместителя, Младшего лидера, тоже находились под постоянным прессингом Навигатора — в наказание за неэффективную работу генерал мог в любой момент отправить каждого из них назад, в Союз. Но и сам Навигатор находился под таким же прессингом Аквариума.

Я — шпион. Я окончил Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Академия моя не числится ни в каких списках. Ее как бы нет.

В дипломе название сокращено: Академия Советской Армии. Специальность: командно-штабная. Квалификация: офицер с высшим военным образованием. И три подписи: Председатель Государственной комиссии генерал-лейтенант А. Павлов, начальник академии генерал-полковник Л. Толоконников, секретарь ГЭК полковник А. Орлов.

После выпуска положено не менее года работать в центральном аппарате Аквариума — вникать. Некоторые вникают и два года, и три, а то и до конца службы.

В центральном аппарате два основных направления работы — обработка и добывание.

Нет, добывание — это не только за рубежом. Советский Союз посещают миллионы иностранцев, часть из них знает такие вещи, которые интересны нам. Этих иностранцев надо выявлять среди всех остальных, вербовать, вырывать из них секреты силой, хитростью или деньгами.

Работа в добывании — это свирепая борьба тысяч офицеров КГБ и ГРУ за интересных иностранцев. Работа собачья. Не зря нас зовут борзыми. Работа в добывании на территории Москвы — это бездушный генерал-майор ГРУ Борис Александров, для которого любые невыполнимые нормы кажутся недостаточными, который, не задумываясь, ломает судьбы молодым разведчикам за невыполнение плана и за малейшие упущения.

Работа в управлении генерала Александрова была самым тяжелым периодом моей жизни. Но это было время первой вербовки, время первого, добытого самостоятельно, секретного документа. Только тот, кто сумеет сделать это в Москве, где неизвестных нам секретов не так уж много, может попасть за рубеж. Кто умеет работать в Москве, тот сумеет делать это где угодно. Поэтому я сейчас сижу в маленькой венской пивной, сжимая в руке холодную, чуть запотевшую кружку ароматного, почти черного пива.

Я — добывающий офицер. В Вене у меня бурный старт. Не потому, что я успешно выискиваю носителей секретов. Совсем нет. Просто многие мои старшие товарищи успешно работают. И каждую из проводимых операций необходимо обеспечивать. Нужно отвлекать полицию, нужно контролировать работающего на маршруте проверки и охранять его во время секретной встречи, нужно принимать от него добытые материалы и, рискуя карьерой, доставлять их в резидентуру. Нужно выходить на тайники и явки, нужно контролировать сигналы, нужно делать тысячи вещей в чьих-то интересах, часто не понимая смысла своей работы. Все это труд, все это риск.

Я докладываю о своих первых шагах. Навигатор слушает молча, не перебивая. Он смотрит в стол. Это мне кажется странным. Первое, чему учат шпиона, — смотреть собеседнику в глаза: учат выдерживать долгие взгляды, учат владеть своим взглядом, как боевым оружием. Отчего этот волк матерый не выполняет элементарных требований? Тут что-то не так. Я напрягаюсь, не спуская с него взгляда и мысленно готовясь к худшему.

— Хорошо, — наконец говорит он, не отрывая глаз от своих бумаг, — впредь так и будешь работать под личным контролем моего первого заместителя, но два раза в месяц я буду слушать тебя лично. За первые недели ты сделал немало, поэтому я ставлю тебе более серьезную задачу. Пойдешь на встречу с живым человеком. Человек завербован моим первым заместителем, Младшим лидером. Но послать Младшего лидера на операцию я не рискую. Поэтому пойдешь ты. Завербованный человек имеет для нас исключительную важность.

Сам товарищ Косыгин следит за нашей работой в данной области. Потерять такого человека мы не имеем права. Он работает в Западной Германии и передает нам детали американских противотанковых ракет «Тоу». Мы тайно перебросим тебя в Западную Германию. Проведешь встречу. Получишь детали ракет. Оплатишь услуги. Исколесишь много километров, путая следы. Тебя встретит помощник советского военного атташе в Бонне. Передашь груз ему, но в упаковке. Он не должен знать, что получает. Дальше груз пойдет дипломатической почтой в Аквариум. Вопросы?

— Почему не поручить проведение встречи нашим офицерам в Западной Германии?

— Потому что, во-первых, если завтра Западная Германия выгонит всех наших дипломатов, поток информации о Западной Германии ни в коем случае не уменьшится. Мы будем получать секреты через Австрию, Новую Зеландию, Японию. Выгони всех наших разведчиков из Великобритании — для КГБ это катастрофа, а для нас — нет. Мы продолжим получать британские секреты через Австрию, Швейцарию, Нигерию, Кипр, Гондурас и все другие страны, где только есть офицеры Аквариума. Потому, во-вторых, что, получив добытые нами детали ракет, начальник ГРУ вызовет всех дипломатических и нелегальных резидентов ГРУ в Западной Германии и всем этим восьми генералам задаст вопрос: почему Голицын из Австрии может добывать такие вещи в Западной Германии, а вы, вашу мать, находясь в Западной Германии, нет? Вы можете только на подхвате работать? Только в обеспечении? Ну и соответствующие выводы последуют. Только так, Суворов, конкуренция рождается. Только благодаря жестокой конкуренции все наши успехи. Все понял?

— Все, товарищ генерал.

— Что-то еще хочешь спросить?

— Нет.

— Хочешь! Знаю я, что у тебя сейчас на уме! Тебя сейчас одно мучает: Младший лидер за детали ракет орден получит, а рисковать за него молодой капитан будет и ни хрена за этот риск не поймет. Ты об этом думаешь!

Он внезапно поднимает глаза. Вот его прием! Он берег свой взгляд до самого последнего момента. У него жестокие глаза, без единой искорки. У него взгляд, как удар хлыста по ребрам. Он

использует свой взгляд внезапно и стремительно. Я к этому не готов. Я выдерживаю его взгляд, но понимаю, что соврать мне не удастся.

— Да, товарищ генерал. Именно об этом я и подумал.

— Работай активно. Ищи и вербуй агентуру. Тогда и тебя будут обеспечивать. Тогда ты будешь работать только головой, а кто-то за тебя будет рисковать шкурой.

Скулы его играют, а взгляд свинцов.

— Детали согласишься с Младшим лидером. Иди.

Я щелкнул каблуками и, четко развернувшись, вышел из командирского кабинета. В коридоре никого не было. В большом рабочем зале — тоже никого. Кондиционер, мягко шелестя, бросает прохладную струю воздуха в полумрак рабочего зала. Я немного увеличил яркость голубого света и по густому, гасящему звук шагов ковру прошел в дальний конец зала к сейфам. Несколько секунд я тупо смотрю на бронзовый диск, тяжело вздыхаю и набираю комбинацию цифр. Тяжелая бронированная дверь плавно и бесшумно поддалась, за ней двенадцать небольших массивных дверок. Ключом открываю свою, на которой аккуратно выведена цифра 41. Внутри мой портфель. Закрываю сейф, кладу портфель на свой рабочий стол, осторожно тяну на себя два шелковистых шнура, нарушая четкий рисунок двух печатей — сначала гербовой, потом своей персональной. Из портфеля достаю гладкий лист плотной белой бумаги с аккуратной колонкой надписей и, вновь глубоко вздохнув, пишу: «Вскрыл портфель № 11 13 июля в 12 часов 43 минуты, время местное». Чуть отступив, расписываюсь.

Осторожно опустив лист в портфель, извлекаю из него тонкую блестящую зеленую папку с номером 173-В-41. Первый лист папки плотно исписан, остальные — совершенно чистые. Один из них беру двумя пальцами и кладу перед собой. В верхнем левом углу делаю оттиск своей личной печати, после чего вставляю лист в пишущую машинку. В правом углу привычно и быстро я выбиваю два слова: «Совершенно секретно», затем, отступив несколько строк, прямо посередине: «ПЛАН».

Сделав это, опускаю голову на руки, тоскливо глядя в стенку. Ярость бушует во мне. Ненавижу весь мир, ненавижу себя, ненавижу рабочий стол, голубой свет, коричневые ковры и зеленые папки.

Постепенно из всей массы людей и предметов, на которые легла моя жгучая ненависть, выплыло одно лицо, которое я ненавижу сейчас

даже больше, чем пишущую машинку. И это лицо командира. Твою мать! Легко приказывать! Но это же не дивизией командовать. Пойди туда, сделай то. Я же никогда не был в Западной Германии. Послать меня на такое дело через три недели практической работы! А если завалю операцию? Черт с ним, меня в тюрьму посадят, но вы же агента своего потеряете!

Попадись мне кто-нибудь в этот момент под горячую руку — хрястнул бы по роже, не задумываясь. Но никого рядом не было. Взглядом я окидываю полированную поверхность стола в поисках чего-нибудь, на чем можно было бы сорвать злость. Под руку попадает изящный стаканчик с ручками и карандашами. Я сжимаю его в ладони, пристально рассматривая, а потом резко, со всего маху швыряю об стену. Стаканчик, жалобно взвизгнув, рассыпается на мелкие осколки.

— Ты чего психуешь?

Я оборачиваюсь. Позади меня, у сейфов, — Младший лидер. Я слишком увлекся и не заметил его появления.

— Прошу прощения.

На него я глаз не поднимаю. В пол смотрю.

— В чем дело?

— Навигатор приказал выйти на встречу с вашим человеком.

— Ну и сходи. Что за проблема?

— Откровенно говоря, я не знаю, с чего начать, что делать...

— План писать! — вдруг взорвался он. — Напиши план, я тебе его подпишу, и вперед!

— А если события будут развиваться не по моему плану?

— Чего-о-о? — он смотрит на меня непонимающими глазами, смотрит на часы, на меня, вздыхает и с укоризной говорит: — Забирай свои бумаги. Пошли.

Кабинет для инструктажей мне всегда напоминает каюту на большом роскошном пароходе. Когда системы защиты включены, пол, потолок и стены мелко-мелко дрожат почти незаметной дрожью, точно палуба крейсера, когда он режет волны на полном ходу. Кроме того, где-то в толще стен за десятками слоев изоляции установлены мощные глушители. Изоляция в тысячи раз уменьшает их рев, и тут, внутри, вы можете слышать только приглушенный рокот, словно шум прибоя вдалеке.

Кабинет для инструктажей внутри весь белый и блестящий. Некоторые его за это называют «операционной». Я это название не люблю. Это помещение я всегда именую «каютой». В каюте один стол и два кресла. Но и стол, и кресла совершенно прозрачные, и это создает впечатление роскоши и исключительности.

Младший лидер указывает мне на кресло и садится напротив.

— На «кладбище Слонов» ничему тебя хорошему не научили. Если хочешь иметь успех, прежде всего забудь все, чему тебя учили Слоны в академии. Слонами становятся те, кто не может сам работать на практике. А теперь слушай мою науку. Прежде всего надо написать план. В плане распиши всякие варианты и свои действия в этих ситуациях. Чем больше напишешь, тем лучше. План — это страховка на случай твоего провала. Под следствием в Аквариуме у тебя будет чем себя оправдать: мол, к подготовке относился серьезно. Запомни: чем больше бумаги, тем чище задница. А написав план, приступай к его подготовке. Главное — подготовить себя психологически. Расслабься насколько возможно, попарься в баньке. Отмети все отрицательные эмоции. Все переживания. Все сомнения. На дело ты должен идти в полной уверенности в победе. Если такой уверенности в тебе нет, то лучше откажись сейчас. Главное — настроить себя на тон агрессивного победителя. Когда расслабишься достаточно, послушай что-нибудь Высоцкого — «Охоту на волков», например. Эта музыка должна звучать в тебе во время всей операции, особенно когда будешь возвращаться. Самые большие ошибки мы совершаем после успешной встречи, возвращаясь с нее. Мы ликуем и забываем о настроении агрессивного победителя. Не теряй этого настроения, пока не попадешь за наши стальные двери. Повторяю, главное — не план, а психологический настрой. Ты будешь победителем только до тех пор, пока сам себя чувствуешь победителем. Когда напишешь план, я с тобой проиграю все возможные варианты. Это очень важно, но помни, что есть более важные вещи. Помни это. Будь победителем! Чувствуй себя победителем. Всегда. Успехов тебе.

Лес сосновый. Просека. Холмы. Тихо. Толстый ленивый шмель своей тушей сел на лесной колокольчик. Эй ты, жирный, цветок поломаешь! Шмель мне что-то обидное прогудел, но спорить не стал, а колокольчик благодарно головкой кивнул.

Один я в лесу. Машина у меня старая, побитая вся, напрокат кем-то для меня взятая. Время медленно тянется. Двадцать семь минут до встречи.

По паспорту я — югославский гражданин, не то турист, не то безработный. Турист из безработного социализма. Жду. «Друг» — так мы называем наших агентов — ровно в 13:00 должен явиться сюда с деталями ракет. Меня он по двум признакам опознает: японский транзистор в левой руке и маленький значок с изображением футбольного мяча. А я его узнаю по времени появления: 13:00 ровно. Он время спросит, при этом должен встать чуть правее меня. Хитрый «друг» оказался. Вознаграждение принимает не в долларах, не в марках и даже не в швейцарских франках. Он золотыми монетами берет. Если припрут — прабабушкино наследство.

Коробку с монетами я вон там, в елках, спрятал. Это на случай всяких неожиданностей. Если во время встречи обложат, как полиции объяснить, откуда у меня, бедного туриста, золотые дукаты?

Откуда наш «друг» может брать детали противотанковых ракет? Кто он? Генерал? Или конструктор ракет? По-другому ты кусок ракеты не утащишь. Будь ты инженер на заводе, заведующий складом или боевой офицер. Каждая деталь получает номер сразу в момент ее производства. Как ты ее украдешь? Только сам конструктор... Только генерал... Нет, черт побери, и конструктору, и генералу совсем не легко красть ракетные детали. Кто-то, кто выше конструктора и генерала? Но если и просто генерал или просто генеральный конструктор, как же Младший лидер ухитрился его встретить и вербануть?

Противно роль нищего туриста играть: свитер рваный, ботинки стоптаны. Как же в таком виде я встречу американского генерала? Что он подумает о ГРУ, увидев мой помятый «фиат»?

Время. Нет его. Эй, генерал, где ж твоя дисциплина? Из-за поворота огромный грязный трактор с прицепом тащится. Старый немец-фермер, весь навозом пропах. Старый черт, тебя только тут не хватало. Я два часа в лесу просидел, ни одной души не было. И еще

пять дней пройдет, ни одной живой души не появится. А тебя, старого, черти несут в самый момент встречи. Ну рули, рули скорее. А он, как назло, трактор передо мной останавливает. Чего тебе, старый дурак? Время? На тебе время! Я сую ему свои часы прямо в нос. Проезжай, старый пес. Но не собирается он уходить. Он возле меня стоит, чуть правее. Чего тебе надо? Чего, старый, злишься? Я тебе жить мешаю? Вали отсюда! Он мне на прицеп показывает. Ах, нехорошо получилось. Наверное, у него прицеп сломался. Помогать придется, а то ведь генерал сейчас подъедет.

Тут меня озарило... С чего я взял, что «особым источником» должен быть генерал? Я вскакиваю на прицеп, срываю старый промасленный брезент. О чудо! Под брезентом исковерканные обломки ракет «Тоу». Помните эту хищную серебристую мордочку? Я таскаю обломки стабилизаторов, грязные печатные схемы, спутанные, порванные провода, разбитый, перепачканный грязью блок наведения в свою машину. Я руку ему трясую: Danke schön! И бегом за руль. А он палкой грозно по моей машине стучит. Ну, что тебе, дьявол, нужно? Он жестом показывает, что ему деньги нужны. Я и забыл. Бегом в ельник. Вырыл коробку: бери. Вот теперь он улыбкой расцвел. Ты, старый хрыч, на зуб попробуй! Куда тебе, старому, столько золота? В гроб все равно с собой не возьмешь. А он улыбается. Вспомнил я инструкцию: «особые источники» уважать надо — по крайней мере, демонстрировать уважение. И я ему улыбаюсь.

Он — в одну сторону, я — в другую. Быстро гоню машину от места встречи. Мне теперь понятна простая механика сей операции.

1-я американская бронетанковая дивизия уже получила противотанковые ракеты «Тоу» и уже стреляет ими на полигоне. Конечно, без боеголовок. Поэтому маленькая ракета на конечном участке траектории просто разбивается о мягкий грунт.

У нас, когда стреляют «Фалангами» и «Шмелями», огромные пространства застилают брезентом, а потом батальон солдат бросают на поиск мельчайших осколков. Американская армия этого не делает. И потому не надо вербовать генерала да главного конструктора. Достаточно вербануть пастуха, лесника, сторожа, фермера. Он вам обломков наберет хоть сто килограммов, хоть двести. Сколько в багажник поместится! Старый фермер, пропахший навозом, может стать источником особой важности и за тридцать сребреников продаст

вам все, что желаете. Боеголовок нет? Тем лучше. Без боеголовок весь блок наведения почти целым остается. А головки у нас не хуже американских. Нам блок наведения нужен. Схемы печатные нужны. Кому надо, тот их отмоет да очистит. Если чего не хватает, в следующий раз привезем. И состав металла нужен. И образцы композитных материалов нужны. И механизм раскрытия стабилизаторов, и остатки топлива чрезвычайно интересны, и даже нагар на поворотных турбинках. И все это — в моем багажнике. И всем этим лично товарищ Косыгин интересуется.

Я гоню свою машину по прямым, как стрелы, автобанам Германии. Гитлер строил. Хорошо строил. Я жму на педаль сильнее и чуть улыбаюсь сам себе. Когда вернусь, буду просить прощения у Навигатора и у Младшего лидера. Я не знаю почему. Но я подойду и тихо скажу: «Товарищ генерал, простите меня», «Товарищ полковник, простите, если можете».

Они — разведчики высшего класса. И только так надо действовать. Быстро, не привлекая внимания. Я готов рисковать и своей карьерой, и своей жизнью ради успеха ваших простых, но ослепительных в своей простоте операций.

Если можете, простите меня.

Я вытянул уставшие ноги под столом. Мне хорошо. Тут так тихо и уютно. Как бы не уснуть. Я устал. Тихая мелодия. Седой пианист. Он, несомненно, великий музыкант. Он устал, как и я. Он закрыл глаза, а его длинные гибкие пальцы виртуоза привычно танцуют по клавишам огромного рояля. Несомненно, ему место в лучшем оркестре Вены. Но он почему-то играет в венском кафе «Шварценберг».

Вы бывали в «Шварценберге»? Настоятельно советую. Если у вас тяжелая, изматывающая работа, если у вас красные глаза и уставшие ноги, если нервы взвинчены, приходите в «Шварценберг», закажите чашку кофе и садитесь в уголок. Можно, конечно, сидеть и на свежем воздухе, за маленьким беленьким столиком. Но это не для меня. Я всегда захожу внутрь, поворачиваю направо и сажусь в углу у огромного окна, закрытого полупрозрачными белыми шторами. Когда

в Вене жарко, все сидят, конечно, на свежем воздухе. Там хорошо, но тогда кто-то может наблюдать за мной издали. Я не люблю, чтобы меня кто-то мог видеть издали. Поэтому я всегда внутри. Из своего уголка я вижу любого, кто входит в зал. Из-за прозрачной занавески я иногда посматриваю и наружу, на Шварценберг-плац. Кажется, что за мной сейчас никто не смотрит. И мне хорошо быть одному в этом уюте. Зеркала. Шедевры абстракционизма в золоченых рамах. Роскошные ковры. Темно-коричневые стены — полированный дуб. Тихая мелодия. Пьянящий аромат кофе, одновременно возбуждающий и успокаивающий. Если бы у меня был свой замок, я непременно заказал бы себе такие стены, на них бы развесил эти декадентские зеркала и картины, в углу поставил бы огромный рояль, пригласил бы этого старика-пианиста, а перед собой поставил бы чашку кофе и сидел, вытянув ноги и подперев щеку кулаком. Мне кажется, что эту мелодию я уже когда-то давно слышал. Мне кажется, что я видел где-то эти картины на дубовых стенах и эти маленькие столики. Конечно, все это я видел раньше. Конечно, я помню и этот нежный аромат, и эту чарующую мелодию. Да. Все это я уже видел раньше.

Это было давно. Несколько лет назад. Был огромный прекрасный город. Была тихая площадь с трамвайными рельсами. Огромные окна кафе. Был этот незабываемый запах и эта спокойная мелодия. Только тогда на площади у кафе, у белых столиков стояли три грязных уставших танка с широкими белыми полосами. Они стояли тихо и не мешали чудесной мелодии. Было жаркое лето. Огромные окна кафе были открыты, и прекрасная музыка тихо и спокойно, как лесной ручей, струилась через окно. Я почему-то совершенно отчетливо представил себе три грязных танка с белыми полосами на Шварценберг-плац.

У танка совершенно необычный запах. Его нельзя спутать ни с чем. Вы любите запах танка? Я тоже люблю. Запах танка — это запах металла, это запах сверхмощных двигателей, это запах полевых дорог. Танк приходит в город из лесов и полей, и он хранит запах листьев и свежей травы. Запах танка — это запах простора и мощи. Этот запах пьянит, как запах вина и крови. Я чувствую этот запах в тихом венском кафе. Я совершенно отчетливо могу себе представить сотни грязных танков на улицах Вены. Город бурлит. Город охвачен страхом и негодованием, а по его улицам гремят бесконечные колонны танков.

Из-за поворота появляются все новые и новые бронированные монстры. Водители переключают передачи, и в момент переключения двигателя извергают черный густой дым вперемешку с брызгами несгоревшего топлива и хлопьями сажи. Скрежет и гром. Искры из-под гусениц. Черные от копоти и пыли лица солдат. Танки на мостах. Танки у роскошных дворцов. Танки на широких бульварах и в узких улочках. Танки везде. Старик с лохматой белой бородой что-то кричит и машет кулаком. Но кто его услышит! Разве можно заглушить рев танковых дизелей! Поздно, старик. Слишком поздно ты начал кричать. Нужно было раньше кричать. Когда по тротуарам загремели кованые сапоги, когда вокруг стоит рев и скрежет бесчисленных танков, кричать поздно. Нужно или стрелять, или молчать. Город бурлит. Город в дыму. Где-то стреляют. Где-то кричат. Запах горелой резины. Запах кофе. Запах крови. Запах танков.

Наверное, я схожу с ума. Есть другая возможность: все давно сошли с ума, а я один — исключение. Есть и третья возможность: все давно сошли с ума. Все без исключения. Те, кто появляется на грязных танках в прекрасных мирных городах, — вне всякого сомнения шизофреники. Те, кто живет в прекрасных городах, знают, что однажды, рано или поздно, наши танки появятся на Шварценберг-плац, и ничего не делают, чтобы это предотвратить — тоже шизофреники. Черт побери, а мое место где? Я уже был в числе освободителей. Это не так приятно, как может показаться со стороны. Я больше не хочу оказаться в этой роли. Что же мне делать? Убежать? Прекрасная идея. Я буду жить в этом удивительном мире наивных и беззаботных людей. Я буду сидеть в кафе, вытянув ноги, подперев щеку кулаком. Я буду слушать эту чарующую мелодию. Когда придут грязные танки с белыми полосами, я буду стоять в толпе, кричать и махать кулаками.

Плохо быть гражданином страны, по дорогам которой со скрежетом и лязгом идут броневые колонны освободителей. А разве лучше быть в числе освободителей?

Считается, что молодой шпион, который выдает себя за дипломата, журналиста, коммерсанта, не может быть активным в первые месяцы своей работы. Ему нужно вжиться в роль: изучить город и страну, в которой он работает, законы, обычаи, порядки. Молодые разведчики многих разведок именно так себя и ведут в первые месяцы — они готовятся к ответственным операциям. В это время на них мало внимания обращает местная полиция: у местной полиции проблем хватает и с опытными шпионами. Но ГРУ — разведка особая. Она не похожа на другие разведки. Раз в первые месяцы за тобой не следят, так и пользуйся этим!

В первый месяц моей работы я закладывал какой-то пакет в тайник, в течение недели контролировал место, где должен был появиться условный сигнал, ночью в лесу принимал какие-то ящики и доставлял их в посольство, снимал с операций наших офицеров, когда группа радиоконтроля обнаруживала высокую активность полицейских радиостанций в районах наших операций. Все, что я делаю, — это обеспечение чьих-то операций, помощь кому-то, участие в операциях, назначения и цели которых я не знаю. Из сорока добывающих офицеров ГРУ нашей резидентуры больше половины делают ту же работу. Это называется «прикрывать хвост». Тех, кто делает это, презрительно именуют «борзыми». Борзой — охотничий пес, которого не нужно много кормить, но можно гонять по полям и лесам за лисами да зайчишками. Можно и против крупных зверей пускать, но не одного, а в своре. Борзой — это длинные ноги и маленькая голова.

В мире все относительно. Я — офицер Генерального штаба. По отношению к миллиону других офицеров Советской Армии я — элита. Внутри Генерального штаба я — офицер ГРУ, то есть высший класс по отношению к тысячам других офицеров Генерального штаба. Внутри ГРУ я — выездной офицер. Офицер, которого можно выпускать на работу за рубеж. Выездные офицеры — это гораздо более высокий класс, чем просто офицеры ГРУ, которых за рубеж не пускают. Среди выездных офицеров ГРУ я тоже отношусь к высшей касте: я — добывающий офицер, это гораздо выше, чем наша охрана, механики, техники, служба радиосвязи и радиоперехвата. Но вот внутри этой самой высшей элиты я — плебей.

Добывающие офицеры ГРУ делятся на два класса — борзые и варяги. Борзые — угнетенное, бесправное большинство в высшей касте добывающих офицеров. Каждый из нас работает под полным контролем одного из заместителей резидента, почти никогда не встречая самого резидента. Мы охотимся за секретами — вернее, за людьми, которые этими секретами владеют. Это основная работа. Но, кроме того, нас беспощадно используют для обеспечения секретных операций, об истинном значении которых мы можем только догадываться.

Выше борзых стоят варяги. Варяг на языке древних славян — непрощеный заморский гость, коварный, свирепый, задиристый, веселый и дерзкий. Варяги работают под личным контролем резидента, уважая его заместителей, но работая в большинстве случаев самостоятельно. Самые успешные из варягов становятся заместителями резидента. Они работают уже не в одиночку, а получают в полное распоряжение группу борзых.

Первый заместитель резидента, Младший лидер, контролирует всех. Он сам активный и успешный добывающий офицер, но, кроме своей работы по добыванию и руководству собственной группой борзых, он контролирует группу радиоперехвата, отвечает за охрану резидентуры и ее безопасность, за работу всех офицеров, в том числе технических и оперативно-технических. Ему не подчинены только шифровальщики. Ими командует резидент лично.

Резидент, он же Командир, он же Папа, он же Навигатор, отвечает за всех. У него практически неограниченные полномочия. Он, например, своей властью может убить любого из подчиненных ему офицеров, включая и первого заместителя, в случаях, когда под угрозу будет поставлена безопасность резидентуры, а эвакуация офицера, который эту угрозу создает, невозможна. Право убивать офицеров ГРУ кроме резидента имеет только Верховный суд, да и то если будет на это воля Центрального Комитета. Так что в некоторых случаях наш Навигатор сильнее Верховного суда, он не нуждается ни в чьих советах и консультациях, ему не нужно голосование или поддержка прессы. Он принимает решения сам и имеет достаточно власти и сил, чтобы свои решения претворять в жизнь, вернее, в смерть.

Наш Навигатор подчинен начальнику 5-го направления Первого управления ГРУ. Но по ряду вопросов он подчинен только начальнику

ГРУ. Кроме того, в случаях несогласия с руководством ГРУ в экстраординарных обстоятельствах он имеет право связаться с Центральным Комитетом. Необъятная мощь резидента уравнивается только существованием такой же могущественной, независимой и враждебной резидентуры КГБ. Оба резидента не подчинены послу. Посол придуман для того, чтобы только маскировать существование двух ударных групп в составе советской колонии. Конечно, на людях оба резидента демонстрируют послу некоторое уважение, ибо оба резидента — дипломаты высокого ранга, и своим непочтением к послу они выделялись бы на фоне других. На этом почтении и кончается вся зависимость от посла. Каждая резидентура имеет в посольстве свою территорию, обороняемую от чужих, как неприступную крепость.

Дверь резидентуры — как дверка хорошего сейфа. Какой-то шутник когда-то давно привез из Союза железную табличку с мачты линии высокого напряжения «Не влезай! Убьет!» Ну и, соответственно, над надписью череп с косточками. Эту табличку приварили к нашей зеленой двери, и она вот уже много лет хранит нашу крепость от посторонних.

— Обрати внимание на то, что во время войны в нашей авиации существовали две категории летчиков: одни, меньшинство, — с десятками сбитых самолетов на счету, другие, большинство, — почти ни с чем. У первых вся грудь в орденах, у вторых — одна-две медальки. Первые в большинстве пережили войну, вторые гибли тысячами и десятками тысяч. Статистика войны суровая. Десять часов в воздухе для большинства — предел, за которым следовала гибель. В среднем летчик-истребитель погибал в пятом боевом вылете. А у летчиков первой категории все наоборот — сотни боевых вылетов и тысячи часов в воздухе у каждого...

Мой собеседник, Герой Советского Союза генерал-майор авиации Кучумов, был асом штурмовой авиации во время войны и одним из самых свирепых волков советской военной разведки после нее. Сейчас по приказу начальника ГРУ он проводит проверку наших

дипломатических резидентур. В одни страны он приезжает как член различных делегаций по разоружению, сокращению и прочая, в другие — как член совета ветеранов войны. Но он к разряду ветеранов себя никак не относит, он активный боец тайного фронта. Он инспектирует нас и, голову даю на отсечение, проводит молниеносные и головокружительные тайные операции. Сейчас мы вдвоем с ним в «каюте». Он вызывает нас по одному. Разговаривая с нами, он, конечно, контролирует нашего командира, а заодно и помогает ему.

— Между двумя этими категориями летчиков на войне была пропасть. Никакой промежуточной прослойки, никакого среднего класса. Ас, герой, генерал или убитый в одном из первых вылетов младший лейтенант. Среднего не было. Происходило это вот почему. Все летчики получали одинаковую подготовку и приходили в боевые подразделения, имея почти одинаковый уровень. В первом же бою командир разделял их на тех, кто рвется в бой, и тех, кто не очень рвется. Тот, кто нарывался на схватку, кто не уходил в облака от противника, кто не боялся идти в лобовую атаку, тех немедленно ставили ведущими, а остальным приказывали их прикрывать. Часто свирепые бойцы выделялись из общей массы новичков уже в первом воздушном бою. Все командиры звеньев, эскадрилий, полков, дивизий, корпусов и воздушных армий бросали свои силы, чтобы помочь этим забиякам, чтобы их охранять, чтобы их беречь в самых жарких схватках. И чем больше такой боец имел успехов, тем сильнее его охраняли в бою, тем больше ему помогали. Я видел в бою Покрышкина, когда у него на счету было уже более пятидесяти германских самолетов. По личному приказу Сталина в небе его прикрывали две эскадрильи. Он идет на охоту, у него в хвосте ведомый и две эскадрильи следом: одна чуть выше, другая чуть ниже. Сейчас у него на груди три золотые звезды и бриллиантовая на шее, он маршал авиации, но не думай, что все это к нему само пришло. Совсем нет. Просто он в первом бою проявил инициативу, и его стали прикрывать. Он проявлял больше дерзости и умения, и ему все больше помогали и больше им дорожили. А не случись этого, и в самом начале его поставили бы на неблагодарную работу защищать кому-то в бою хвост. Так бы он в хвосте у кого-то и летал младшим лейтенантом. И, по статистике, на пятом вылете его бы сбили, а то и раньше. Статистика, она кому улыбается, а кому рожи корчит.

— Все это, — продолжает Кучумов, — я говорю к тому, что наша разведывательная работа от воздушных боев почти ничем не отличается. Советская военная разведка готовит тысячи офицеров и бросает их в бой. Жизнь быстро делит их на мастеров и подмастерьев. Одни достигают сияющих высот, другие сгорают в первой же зарубежной командировке. Я ознакомился с твоим делом, и ты мне нравишься. Но ты прикрываешь хвосты другим. Работа в обеспечении — это тяжелая, опасная и неблагодарная работа. Кто-то получает ордена, а ты рискуешь своей карьерой, выполняя самую грязную и тяжелую работу. Запомни: от этого тебя никто не освободит. Любой командир нашей организации за рубежом, получая свежее пополнение молодых офицеров, использует их всех в обеспечивающих операциях, и они быстро сгорают. Их арестовывают, выгоняют из страны, и они потом всю жизнь прозябают в службе информации ГРУ или в наших «братских» странах. Но если же ты сам проявишь бойцовские качества, сам начнешь искать людей и вербовать их, то командир немедленно сократит твою активность в обеспечении; наоборот, кто-то другой будет прикрывать тебе хвост, рисковать собой, защищая твои успехи. Такова наша философия. Несколько лет назад наш командир в Париже приказал помощнику военного атташе пожертвовать собой ради успеха нескольких других офицеров. Будь уверен, что командир жертвовал не самым успешным своим офицером. Агрессивному, успешному он никогда такой неблагодарной задачи не поставит, и мы это полностью поддерживаем. Руководство ГРУ стремится вырастить как можно больше дерзких, успешных асов. Не беспокойся — чтобы прикрыть таких людей, у нас всегда найдется множество инертных. И не думай, что все это я тебе говорю потому, что тебе отдаю предпочтение. Совсем нет. Я всем вам, молодым, это говорю. Работа у меня такая — боевую активность и боевую производительность повышать. Да вот беда: не до всех это доходит. Много у нас ребят хороших, которые так никогда и не выбираются в ведущие, чужие хвосты прикрывают и бесславно сгорают на одном из заданий. Желаю тебе успеха и попутного ветра. Все в твоих руках: старайся, и тебя будут две эскадрильи в бою прикрывать.

Глава 16

1

Советское посольство в Вене похоже на Лубянку. Тот же стиль, тот же цвет. Типичная чекистская безвкусица. Фальшивое величие. Лубянский классицизм. Было время, когда всю мою страну заполонило это убогое самовозвышение — колонны, фасады, карнизы, шпили, башенки, бутафорские балконы. Внутри посольства тоже Лубянка, мрачная и скучная: фальшивый мрамор, лепные карнизы, колонны, кожаные двери, красные ковры и неистребимый запах дешевых болгарских сигарет.

И все же не все посольство — филиал Лубянки. Есть тут таинственный остров — независимый филиал Аквариума, резидентура ГРУ. У нас свой стиль. У нас свои традиции и законы. Мы презираем стиль Лубянки. Наш стиль простой и строгий. Никаких украшений, ничего лишнего. Но наш стиль скрыт под землей. Его видим только мы. Все как в Москве: огромное здание КГБ в самом центре города на виду у всех, а здание ГРУ, Аквариум, спрятано от посторонних глаз. ГРУ отличается от КГБ тем, что ГРУ — это секретная организация.

Тут, в Вене, стиль Лубянки тоже виден всем. Стиль ГРУ спрятан от всех.

Но есть на территории советского посольства здание, построенное в третьем стиле, еще при царях. Рядом, в густом саду, торжественно возвышается большой православный храм. Он стоит гордо и одиноко, и его золотые кресты возносятся выше, чем красный флаг. В утренней мгле первый луч солнца падает на самый высокий золотой крест и дробится, рассыпаясь на тысячи искр. Я твердо знаю, что Бога нет. В своей жизни я никогда не был в церкви. Мне никогда не приходилось долго находиться возле какой-нибудь церкви, пусть даже разрушенной. Но тут, в Вене, мне приходится каждый день бывать рядом с ней. Не знаю почему, но она смущает меня. В ней что-то таинственное и чарующее. Она стоит тут больше ста лет. В ее строгом облике нет ни крупинки фальши. Столько цветов и столько узоров собрано вместе, но

каждый узор и каждый оттенок неотделим от других, и вместе они образуют то, что называется гармонией. Я прохожу мимо и смотрю себе под ноги. Мне удастся это с трудом, ибо церковь властно притягивает к себе взгляд.

«Именем Союза Советских Социалистических Республик министр иностранных дел СССР просит правительства дружественных государств и подчиненную им военную и гражданскую администрацию пропустить беспрепятственно дипломатическую почту СССР, не подвергая ее контролю и таможенному досмотру в соответствии с Венской конвенцией 1815 года. Министр иностранных дел СССР А. Громыко».

Полицейский читает документ, отпечатанный на особой хрустящей бумаге с узорами и гербом. Если ему непонятно, то можно прочитать тот же текст на французском или английском языке. Тут же все это и отпечатано. Коротко и ясно: дипломатическая почта СССР. Скрипит полицейский зубами и косится на огромный контейнер. Непривычно это.

Через Вену советская дипломатическая почта потоком идет. Водопадом. Ниагарой. Через Вену пролегает ее маршрут. Это означает, что раз в неделю советские вооруженные курьеры останавливаются в Вене, следуя дальше в Берн, Женеву, Рим. Потом они возвращаются тем же маршрутом. По дороге туда они оставляют контейнеры в советских посольствах. Возвращаясь назад, они принимают контейнеры и везут их в Москву. Из Москвы они обычно везут пятьдесят контейнеров килограммов по 50 каждый. А возвращаясь, они везут по 30–40 контейнеров. Иногда, случается, и по 100. За потерю контейнера курьерам грозит смерть. За каждый контейнер головой отвечает советский посол. Он обязан организовать встречу и отправку дипломатической почты. И потому мы ее встречаем и провожаем. Гоняют нас на это дело в порядке живой очереди. Пока курьеры со своими контейнерами следуют по стране, рядом с ними всегда советский дипломат находится, чтобы в случае необходимости напомнить о том, что за попытку захвата контейнера Советский Союз

может применить санкции, включая и военные. Ну, а с малыми группами желающих ознакомиться с содержанием контейнеров курьеры имеют право расправиться своей властью. Это их привилегия. Защита контейнеров с помощью оружия предусмотрена конвенцией, и потому курьеры сильны, и оружия у них достаточно.

Много везут дипломатические курьеры. Много. Все, что мы соберем, все они и везут в контейнерах: патроны и снаряды, оптику и электронику, куски брони и части от ракет, и документы, документы, документы. Всякие документы: военные планы, технические описания, проекты нового оружия, которое будет когда-нибудь производиться или никогда никем производиться не будет. Везут курьеры то, что Западом принято, и то, что Западом отвергнуто. Мы посмотрим. Мы обмозгуем. Может, мы примем то, что Запад отверг. Может быть, мы придумаем противоядие против того, что Запад намерен производить. Идет информация в зеленых ящиках. Скрипит полиция зубами. Много ящиков. Совершенно секретно! Именем Союза Советских Социалистических Республик! В соответствии с Венской конвенцией 1815 года!

Едут курьеры. Везут контейнеры. Скрипит полиция зубами.

Но сегодня скрип особенный. Случай необычный. Сегодня у наших курьеров не 50-килограммовые контейнеры, нет, сегодня совсем большой контейнер — 5 тонн! Именем Союза Советских Социалистических Республик! Собралось все полицейское начальство. Ругаются тихо. На наш контейнер косые взгляды мечут. Контейнер сопровождаю я.

Я им уже все документы предъявил. И уж фраза у меня заготовлена: «Задержка дипломатической почты Союза ССР, а равно попытки ее захвата, контроля, досмотра влечет за собой...», ну и так далее.

Контейнер пригнали в Вену на особой платформе, продемонстрировав на таможне, что он пуст. Но теперь он загружен. Теперь он опечатан огромными красными печатями: «Дипломатическая почта СССР. Отправитель: Посольство СССР, Вена». Теперь у контейнера наши курьеры. Теперь у курьеров оружие. Теперь у контейнера советский дипломат. У дипломата не очень высокий дипломатический ранг. Это всегда так делается. И все же он неприкосновенный представитель СССР. Троньте его, попробуйте.

Нападение на дипломата — оскорбление государства, которое он представляет. Оскорбление дипломата может быть расценено как нападение на само государство. Скрипят полицейские чины зубами.

— Можно осмотреть правильность крепления контейнера на платформе?

— Это ваше право, — соглашаюсь я.

Но трогать наш контейнер руками они права не имеют. Только попробуйте. У меня прямая связь с генеральным консулом СССР в Вене, а у него прямая связь с Министерством иностранных дел СССР. Осматривайте.

Ходят полицейские чины вокруг контейнера. Ах, как хочется им узнать, что там внутри! Но не выгорит вам, господа. Что с воза упало, то не вырубишь топором.

Когда контейнер из ворот посольства вывозили, все наши соседи из КГБ с завистью матерились: ну, прохвосты, обскакали! Не иначе, ГРУ кусок ядерного реактора сперло. У полиции местной, наверное, то же мнение. Вот один совсем рядом с контейнером трется. Не иначе, радиометр в кармане. Проверить решил, не везем ли мы атомную бомбу. Остановить того полицейского я не могу. Контейнер он руками не трогает, а просто рядом прохаживается. Ну, хрен с тобой. Прохаживайся. Твое право. Но не защелкает твой радиометр — внутри не атомная бомба и не кусок от ядерного реактора. Вот еще один полицейский у контейнера ошивается. День жаркий. Но он в плаще. Не иначе, под плащом у него аппаратуры электронной напихано. Не иначе, они стараются определить, металл там у нас внутри или нет. Может, мы двигатель секретного танка сперли? Но и тебе, братец, ничего не выгорит. Ни хрена ты своей электроникой не определишь. Вот и собаки рядом. Вроде как для нашей безопасности. Принюхиваются собаки. Ах, не выгорит вам, серые. И не нюхайте.

Курьеры наши на меня с уважением смотрят. Им-то ясно, что я к этому делу прямое отношение имею. Но что внутри контейнера, не положено курьерам знать. И никогда они этого не узнают. Ясно им, что контейнер не КГБ наполняло, а ГРУ. У дипломатических курьеров на этот счет особый нюх. Годами они эту работу делают. Знают, кто будет багаж принимать, а отсюда ясно, кто его отправляет. В данном случае им следует только переправить контейнер через границу, а в

Братиславе советский военный конвой встретит, которому контейнер и следует передать.

Ах, как удивились бы дипломатические курьеры, если бы узнали, что, попав в Братиславу, контейнер будет переправлен на ближайший советский военный аэродром, и там все его содержимое будет сожжено в печке. А ведь так оно и будет.

Давно Навигатор наш у посла чердак посольства просил. Давно посол нашему Навигатору отказывал. Нет, говорит, и точка. Но у Навигатора нашего растет хозяйство. С каждым годом увеличивается количество серых ящичков с лампочками да антенн разных. Нужен Навигатору чердак. Просит посла, умоляет. Пропадает место, а мне электронику подслушивающую устанавливать некуда. Плюнул посол. Хрен с тобой, говорит. Забирай чердак. Но авгиевы конюшни там. Вычистить их надо. Сумеешь — твой чердак. Только, чур, меня не подводить. И грязь с чердака убрать своими силами.

«Много ли грязи?» — Навигатор интересуется. «Все, что есть, — все твое, — посол отвечает. — Как ее убрать, я не знаю. Знал бы, давно бы там все очистил. От предшественников наследие там осталось...» Ударили по рукам. Отдал посол Навигатору ключик и еще раз попросил не болтать о том, что там, наверху, лежит.

Вскрыл Навигатор чердак, личную печать посла нарушил, включил фонарь и обомлел. Забит чердак книгами. Красивые книги. Бумага мелованная, обложки глянцевые. Названия у книжек разные, а автор один: Хрущёв Никита Сергеевич. Сообразил Навигатор, откуда это богатство. Много лет назад хотела Коммунистическая партия, чтобы голос ее весь мир услышал. Оттого речи самого умного в партии человека на все языки переводились, на лучшей бумаге печатались, по всему свету рассылались. В зарубежных странах советские посольства эти творения всем желающим даром раздавали, во все библиотеки рассовывали. А партия внимательно следила, какой посол слово партии хорошо распространяет, а какой — не очень. Между послами соревнование: кто больше книг бесплатно распространит. Рапортуют послы: я — сто тысяч! Я — двести тысяч! А я — все триста! Ну, хорошо, в Москве говорят, раз так легко они расходятся, раз народы мира без ума от сочинений нашего дорогого вождя, вот тебе еще сто тысяч! И тебе тоже! Распространяй да помни: в Париже посол лучше

тебя работает! А в Стокгольме необычайный интерес! В Канаде люди так и прут валом, чтобы книги те заполучить..

Как там в Париже и Оттаве эти книжки распространяли, не знаю, но в Вене их спустя много лет на чердаке обнаружили. Пошел Навигатор к послу:

— Выкинуть на свалку!

— Что ты! — посол взмолился. — Узнают газеты буржуйские, скажут, что прошлого лидера нашей родной партии мы обманывали, так, может, и нынешнего лидера так же обманываем. Что будет, если такая статья появится?

— Ну так сжечь их! — Навигатор предложил. Да тут же и осекся. Сам понял, что нельзя такую уймищу книг жечь. Всякий знает, что если в посольстве несколько тонн бумаги сжигают, значит, война. Паника начнется. А кому отвечать? Сжигать их понемногу тоже нельзя — так чердак и за год не очистишь.

Выругался Навигатор непотребно, шифровку в Аквариум настроил: получим чердак для электроники, если посла выручим без особого шума. Аквариум согласие дал. Контейнер прислал и документы соответствующие.

Две ночи мы, борзые, книги на себе с чердака в контейнер таскали. Тронешь их — чихаешь потом два часа. Пыль, жара на чердаке. Лестницы крутые. Пробежишься вверх-вниз по ступенькам, сердце прыгает. Пот льет. Ах, как же мы тебя, Никита Сергеевич, матом крыли!

Контейнер к самым дверям подогнать пришлось, и просвет между дверью и контейнером брезентом укутать да караул установить. Смотрят соседи из КГБ на охрану да на огромный контейнер, с завистью посвистывают.

Посмотрели полицейские чины еще раз на контейнер, сняли копии с бумаг, махнули рукой: черт с вами, проезжайте. Ничего не поделаешь. Ясно полиции, что сперли ушлые советские шпионы, нагло прикрывающиеся дипломатической неприкосновенностью, что-то важное, и непонятно, как сумели эту штуку в посольство протащить. А уж если это удалось, то тут ничего не поделаешь. Проезжай!

В ГРУ новые веяния. В ГРУ новые люди. Фамилии новых начальников Второго, Седьмого и Двенадцатого управлений, 8-го направления Шестого управления и 4-го направления Одиннадцатого управления мне ничего не говорят. Генералы да адмиралы. Но фамилия нового начальника Пятого управления знакома до боли. Кравцов. Генерал-лейтенант. Пять лет назад, когда я уходил в академию, он получил свою первую генеральскую звезду. Теперь у него их две. Наверное, скоро будет три. Все его предшественники на этом посту были генерал-полковниками.

Пятое управление! Под контролем этого небольшого жилистого человека все части СпН Советской Армии. Это не всё. И даже не главное. Ему подчинены диверсионные и добывающие агентурные сети шестнадцати военных округов, четырех групп войск, четырех флотов, сорока одной армии и двенадцати флотилий. Ему сейчас сорок четыре года. Успехов вам, товарищ генерал.

А у меня нет успехов. Знаю, что нужно искать выходы к секретам, но на это не остается времени. Дни и ночи я в агентурном обеспечении. Без выходных, без праздников. Одометр моей машины словно взбесился. Не проходит недели, чтобы на одометре тысячи километров не прибавилось. Иногда эти тысячи прибавляются катастрофически быстро, и тогда Сережа Нестерович, наш автомеханик, по приказу Младшего лидера подкручивает одометр, сбрасывая лишние тысячи. У него для этого есть специальный приборчик: коробка и длинный металлический тросик в трубочке. Был бы я на его месте, непременно сбежал бы с этим приборчиком в Америку. Покупал бы старые машины, прокручивал одометры и продавал их как новые.

Крутит он одометр не мне одному. Много нас, борзых, в резидентуре. И каждый носится по Европе, словно та рыжая белочка в колесе в пивной напротив посольства.

Одометр — лицо разведчика. И не имеем мы права показывать своего истинного лица. Крути, Сережа!

— Заходите. Рассаживайтесь. Все?

Младший лидер окидывает нас взглядом. Пересчитывает. Улыбается Навигатору:

— Все, товарищ генерал, за исключением шифровальщиков, группы радиоконтроля и группы радиоперехвата.

Навигатор ходит по залу, смотрит в пол. Вот он поднимает голову и радостно улыбается. Таким счастливым я его никогда не видел.

— Благодаря стараниям Двадцать Девятого наша резидентура сумела добыть сведения о системе обеспечения безопасности на предстоящей в Женеве выставке «Телеком-75». Подобные материалы сумели добыть дипломатические резидентуры ГРУ в Марселе, Токио, Амстердаме и Дели. Но наша информация наиболее полная и получена раньше других. Поэтому начальник ГРУ, — он выжидает мгновение, чтобы придать заключительной фразе больше веса, — поэтому начальник ГРУ доверил нам проведение массовой вербовки на выставке!

Мы взвыли от восторга. Мы жмем руку Двадцать Девятому. Зовут его Коля Бутенко. Он капитан, как и я.

В Вену он приехал позже меня, но уже успел совершить две вербовки. Варяг.

— Двадцать Девятый!

— Я, товарищ генерал! — Коля вскочил.

— Благодарю за службу!

— Служу Советскому Союзу!

— А теперь тихо. Восторги будут после выставки. Как делается массовая вербовка, вы знаете. Не дети. На выставку выезжаем всей резидентурой. Все работаем только в добывании. В обеспечении работают дипломатическая резидентура ГРУ в Женеве генерал-майора Звездина и бернская резидентура генерал-майора Ларина. Если потребуется выход на территорию Франции, то марсельская и парижская резидентуры ГРУ готовы к обеспечению. Общее руководство осуществляю я. На время операции мне временно будет подчинен начальник 3-го направления Девятого управления ГРУ генерал-майор Фекленко. Он прибывает во главе мощной делегации. Николай Николаевич!

— Я, товарищ генерал! — заместитель по информации вскочил.

— Встреча делегации, размещение, транспорт на твоей совести.

— Да, конечно, товарищ генерал.

— В ходе массовой вербовки применяем обычную тактику. Если кто совершит глупость, то я принесу его в жертву общему успеху точно так, как парижский лидер ГРУ пожертвовал пешкой — помощником военного атташе — в ходе массовой работы на выставке в Ле-Бурже. Мой первый заместитель (Младший лидер встает) познакомит каждого из вас с теми членами делегации, с которыми вы будете работать. Желаю удачи.

Московский экспресс прибывает в Вену в 5:58 вечера. Мимо нас медленно проплывают зеленые вагоны. Чуть скрипят тормоза. Здравствуйтесь, товарищи! Приветствуем вас на гостеприимной земле Австрии! Носильщиков звать не надо. Их много. Они знают, что официальная советская делегация не поспежит на чаевые.

Делегация огромна. Офицеры информации ГРУ, специалисты Военно-промышленной комиссии (ВПК), ^[10] эксперты из военной промышленности, конструкторы вооружений. Конечно, ничего этого не вычитаешь в их паспортах. Если верить паспортам, то они из Академии наук, из Министерства внешней торговли, из каких-то несуществующих институтов. Но разве можно верить нашим паспортам? Разве в моем дипломатическом паспорте указано, что я офицер добывания ГРУ? Здравствуйтесь! Здравствуйтесь.

На нашей маленькой смешной планете происходят удивительные вещи. Но они почему-то удивляют только меня, и никого более. Никому никакого дела нет до огромной советской делегации. Никто вопросов не задает. А неясных вещей множество. Почему, к примеру, советская делегация прямо в Женеву не едет, зачем она на три дня в Вене останавливается? Отчего делегация в Вену прибыла единым монолитным строем, как батальон, а в Вене вдруг раздробилась, распалась, рассыпалась? Отчего делегаты направляются в Женеву разными путями, разными маршрутами: кто поездом, кто автобусом, а кто самолетом летит? Что за чудеса: до Вены поездом не спеша, а дальше самолетом? Отчего на выставке в Женеве советских дипломатов сопровождают советские служащие ООН в Вене, а не

советские служащие ООН в Женеве? Вопросов много. Но никого они не интересуют. И никто на эти вопросы ответов не ищет. Что ж, тем лучше для нас.

В комнате для инструктажей в прозрачных креслах, в которые невозможно вмонтировать никакую аппаратуру, сидят двое незнакомцев. Младший лидер представляет меня:

— Это Виктор.

Я сдержанно кланяюсь им.

— Виктор, это Николай Сергеевич, полковник-инженер НИИ-107.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Это Константин Андреевич, полковник-инженер из первого направления Девятого управления службы информации ГРУ.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

Я жму протянутые руки.

— Меня интересуют, — ухватил быка за рога Николай Сергеевич, — приемные устройства, захватывающие отраженный лазерный луч, который используется для подсветки движущихся целей при стрельбе с закрытых огневых позиций...

— Вы, конечно, понимаете, что мои знания в этом вопросе поверхностны.

— Конечно, мы это понимаем. Поэтому мы и находимся тут. Ваше дело вербовать, наше — осуществлять технический контроль, — Николай Сергеевич раскрывает свой портфель. — По данным службы информации ГРУ, наибольшего успеха в данной области добились фирмы «Хьюз», США, и «Силаз», Бельгия.

— Против них я на выставке работать не могу.

Они с недоумением смотрят на Младшего лидера.

Но он поддерживает меня:

— Это наш закон. У стендов больших компаний на выставках постоянно находятся сотрудники безопасности этих компаний. На выставках мы работаем только против очень небольших фирм, у стенда которых находится лишь один человек. Как правило, это сам владелец фирмы. Вот против таких мы и работаем.

— Жаль.

— Ничего не поделаешь, стиль нашей работы резко меняется в различных обстоятельствах.

— Хорошо. Вот рекламные проспекты и статьи о небольших фирмах, работающих по этой тематике. Вот схема их расположения на выставке. Вот фотография устройства, которое нам нужно. За эту черную коробочку ВПК готова платить сто двадцать тысяч долларов, ибо разработка подобной системы в Союзе потребует многих лет и миллионов. Дешевле скопировать.

— Деньги у вас с собой?

— Да.

— Можно посмотреть? Я должен к ним привыкнуть.

Константин Андреевич кладет на прозрачный стол прямоугольный поблескивающий портфель и открывает его. Внутри портфель набит газетными вырезками, рекламными проспектами и еще какими-то бумагами: ведь на входе и выходе — полицейский контроль, вся эта макулатура — для полицейских глаз.

Он щелкнул чем-то, открывая второе дно.

О, какое великолепие! Зеленое сияние очаровало меня. Я замер. Наверное, так граф Монте-Кристо рассматривал свои сокровища. Какие человеческие усилия, какая роскошь сконцентрирована в этих аккуратных пачках хрустящей зеленой бумаги.

Я равнодушен к деньгам. Вернее, почти равнодушен. Но то, что я увидел в этом маленьком чемоданчике, заставило меня чуть прикусить губу.

— Это демонстрационный портфель, — объясняет Константин Андреевич. — Деньги в нем настоящие, но их не так много, как кажется. Мы не можем проносить с собой на выставку много денег. Поэтому потайное отделение сделано так, чтобы создавалось впечатление нескольких сотен тысяч долларов. На самом деле потайное отделение не такое глубокое, как кажется. В ходе выставки мы не платим, а только демонстрируем. Для демонстрации лучше использовать крупные новые купюры. Оплату мы производим вдали от выставки и используем мелкие и потрепанные купюры. Вот они.

Он открывает старый побитый чемоданчик, до краев наполненный пачками денег. Я трогаю их. Я беру в руки десяток пачек. Нюхаю их и кладу обратно. Все вокруг меня смеются. Чему?

— Не обижайся, Виктор, — объясняет Младший лидер, — во втором чемодане денег гораздо больше, чем в первом, но ты к ним равнодушен. А первый, демонстрационный, чемоданчик тебя просто очаровал. Это настолько разительно, что невозможно не засмеяться. Что ж, мы рады, что демонстрационный чемоданчик так хорошо действует даже на тебя.

Выставка — это поле битвы для ГРУ. Выставка — это поле, с которого ГРУ собирает обильные урожаи. За последние полвека на нашей крошечной планете не было выставки, на которой не работало бы ГРУ.

Выставка — это место, где собираются специалисты. Выставка — это клуб фанатиков. А фанатику нужен зритель. Фанатику нужен кто-то, кто кивал бы головой и слушал его бред. Для того они и устраивают выставки. Тот, кто слушает фанатика, кто поддакивает ему, тот — друг. Тому фанатик рад. Тому он верит. Верь мне, фанатик. У меня работа такая, чтобы мне кто-то поверил. Я как ласковый паучок. Стоит тебе только поверить мне, и не выпутаешься.

Для ГРУ любая выставка интересна. Выставка цветов, военной электроники, танков, котов, сельскохозяйственной техники. Одна из самых успешных вербовок ГРУ была сделана на выставке китайских золотых рыбок. Кто на такую выставку ходит? У кого денег много. Кто связан с миром финансов, большой политики, большого бизнеса. На такую выставку ходят графы и маркизы, министры и их секретарши. Всякие, конечно, люди на выставки ходят, но ведь выбирать надо.

Выставка — это место, где очень легко завязывать контакты, где можно заговорить с кем хочешь, невзирая на ранги. Но ГРУ никогда не работает в первый день выставки. Первый день — открытие, речи, тосты, суэта, официальные лица, излишне нервная полиция. Любая выставка принадлежит нам, начиная со второго дня.

День, когда выставка открывается, важен для каждого из нас, как для командира последний день перед наступлением. В этот день командир вновь и вновь томительными часами прощупывает поле битвы своим биноклем: овраг обойти, вон там ребят дымовой завесой

прикрыть, черт, в болотце бы не утонуть, неприметное на вид, а вон там заградительный огонь поставить десятью батареями, оттуда контратака будет.

Огромные силы агентурного добывания, обработки и агентурного обеспечения стянуты сейчас в этот милый город. Но мы пока не на выставке. Первый день — не наш. Мы разбрелись по бульварам и набережным, по узким улицам и широким проспектам. Каждый снова и снова прокручивает в голове план своей операции на поле битвы: не обошли бы с фланга, не ударили бы в тыл.

Не знаю почему, но завтрашня массовая вербовка меня пока не волнует. Не стучит и не сжимается сердце. Нет. Не оттого, что я великий разведчик, бесстрашно идущий на рискованную операцию. Наверное, просто оттого, что я занят другим. Меня занимает не предстоящая вербовка, а великий город Женева.словно какой-то добрый волшебник бросил меня в царство прошлого, где на одной улице смешались все эпохи. Улица эта, rue de Lausanne, — улица ГРУ.

Тут, на рю де Лозанн, до войны в большом старом доме, в незаметной квартире на третьем этаже находился центр нелегальной резидентуры ГРУ, которой руководил Шандор Радо. Дипломатический резидент ГРУ и не подозревал, что всего в двух кварталах от него работает сверхмощная тайная резидентура «Дора», опутавшая правительства Европы своими цепкими щупальцами.

Тут же, на этой улице, находился узел связи нелегальной резидентуры ГРУ «Роланд», которой управлял генерал Мрачковский. Резидентура «Роланд» раскинула свои сети от Шанхая до Чикаго. Но навигатор «Роланда» не подозревал о существовании «Доры». А навигатор «Доры» не знал о Мрачковском и его чудовищной организации «Роланд». А дипломатический резидент не знал о существовании обеих.

Яркий осенний день. Жарко. Но листья уже шуршат под ногами. Иностраные рабочие, испанцы или итальянцы, одетые в оранжевые комбинезоны, спешат убрать первое золото осени с дорожек парка. Эй, не делайте этого! Неужели вам не нравится ходить по багровым и червонным коврам? Неужели шуршание осени вас не волнует? Неужели серый асфальт лучше? Нет у вас, братцы, поэзии ни на грош. И оттого ваш маленький прожорливый трактор так быстро и жадно заглатывает красу природы. А были бы вы чуть более поэтичны,

бросили бы работу да наслаждались. Сколько красок! Какое великолепие! Какая роскошь! Человек никогда не сможет сделать лучше того, что делает природа. Вот напротив входа в парк Монрепо — школа. Красивая, как замок. И часы на башне. Загляденье. Но ведь серая она. Нет бы пятнами ее изукрасить золотыми, да багровыми, да оранжевыми.

Под часами на башне школы дата — 1907. Значит, и Ленин этой школой любовался. А может быть, буржуазный стиль ему не нравился? Во всяком случае, он тут жил, на рю де Лозанн, где потом разместились резидентуры ГРУ, где сейчас огромные дома для дипломатов громоздятся. Голову даю на отрез: нелегальные резидентуры ГРУ и сейчас тут работают, не снижая производительности. Хорошее место. Понимал Владимир Ильич, где жить. Понимал, в каких парках гулять. Рабочих он любил, а буржуазию ненавидел. Поэтому он не жил в рабочих кварталах Манчестера или Ливерпуля. Он жил в стане врагов, в буржуазных кварталах Женевы. Наверное, хотел глубже понять психологию и нравы буржуазии, чтобы бить ее наверняка, чтобы всех сделать свободными и счастливыми.

В те дни тут, по парку Монрепо и по рю де Лозанн, гуляли террористы, мечтавшие убить русского царя, — Гоц, Бриллиант, Минор. Наверное, встречая Ленина, они раскланивались, приподнимая черные котелки. А может быть, они принципиально не замечали друг друга и не раскланивались. Во всяком случае, когда Ленин взял власть, он всех террористов, попавших в его руки, перестрелял, а заодно и царя, которого террористы не сумели убить.

Мне нужно спешить. У меня только один день. Последний день перед боем, перед моей первой зарубежной вербовкой. Я должен знать поле битвы, как свою ладонь, как командир батальона знает изрытое воронками поле, по которому завтра пойдут в наступление его ребята. Но я не спешу. Меня очаровал старый парк, который видел так много. Тут в октябре 1941 года на какой-то скамеечке состоялось совещание нелегальных резидентов ГРУ в Европе. Пока Советский Союз не принимал участия в европейской войне, гестапо не трогало его агентуру, хотя и имело некоторые сведения о ней. Но в первый день войны начались провалы. Начались массовые аресты. Операции по локализации провалов результатов не давали. Провалы множились.

Провалы групповые. Провалы по цепочке. Провалы, как круги на воде от брошенного камня. Провалы на линиях связи. Связь потеряна. Явки ненадежны. Под подозрением все. Каждый резидент подозревает каждого своего офицера и агента, а каждый из них подозревает всех остальных. Каждый резидент уже чувствует дыхание гестапо за своей спиной и запах теплой крови в камерах пыток. Каждый бессилён.

В этой обстановке они собрались в Женеве. В парке Монрепо. Им запрещено было это делать. Ни один из них не имел права знать что-либо о деятельности таких же резидентов ГРУ. Такая встреча — преступление. За такую встречу, если в Москве узнают, — расстрел.

Но они встретились. По собственной инициативе. Как они нашли друг друга? Не знаю. Наверное, по «почерку». Точно как проститутка в огромной толпе среди тысяч женщин безошибочно может найти незнакомую подругу по профессии. Как вор видит вора. Как сидевший в тюрьме без труда, по каким-то неуловимым признакам узнает того, кто когда-то тоже был в тюрьме.

Они встретились. Они сидели угрюмые, может быть, под этим каштаном. Волки разведки. Высшая элита агентурного добывания — нелегальные резиденты. Навигаторы. Командиры. Они сидели тут и, наверное, больше молчали, чем говорили. Может быть, для них это молчание было и прощанием с жизнью, и моральной подготовкой к пыткам, и взаимной братской поддержкой.

Вряд ли кто-нибудь, глядя со стороны, мог подумать, что тут собрались лучшие представители руководства сверхмощной организации, которая не единожды сжимала глотку Европы невидимой, но железной хваткой. Вряд ли, глядя на этих людей, кто-то мог подумать, что каждый из них безраздельно повелевает тайной организацией, способной проникать в высшие сферы власти и расшатывать устои государственности, смещая министров и целые правительства, потрясая столицы топотом миллионных демонстраций. Кто бы мог подумать, что эти люди, сидевшие на скамеечке в парке Монрепо, обладали почти неограниченной властью! Они сидели в поношенных пальто, в потертых пиджаках, в стоптанных ботинках. Настоящий разведчик не должен привлекать к себе внимания окружающих. Он незаметен, как асфальт. Он сер. Внешне.

Это были загнанные волки. Зажатые в угол. У них не было выхода. То, что они делали, каралось в Советском Союзе высшей

мерой наказания и именовалось страшным термином «горизонтальные связи в агентурном добывании». Но в затылки им дышало Гестапо.

Они сидели долго. Они о чем-то спорили. Они приняли решения. Они изменили тактику. Они изменили системы связи, способы локализации провалов, проверок и вербовок. Каждый делал это якобы по собственной инициативе, не докладывая в ГРУ о тайном сговоре. Да и связи с ГРУ тогда не было.

Они все пережили войну. Каждый из них добился блестящих результатов. Они все вместе доложили руководству ГРУ о несанкционированном совещании 1941 года только в 1956 году. Все они стали героями. Победителей не судят.

Но кто за рубежом взвешивал вклад этих людей в Победу? Кто принимал их в расчет, когда планировал молниеносный разгром Красной Армии? Германские генералы рисовали на картах стрелы, рассекающие Советский Союз до самой Волги. Но они, словно увлекшиеся игрой картежники, забыли о том, что кто-то может стоять за их спинами и заглядывать в их карты, раскрывать их хитроумные замыслы и срывать их самые блистательные планы. Эти неприметные, скромно одетые люди, встретившиеся в октябре 1941 года в женевском парке Монрепо, были очень грозной силой — силой, которую германские генералы не принимали в расчет, силой, которая стоила многих дивизий, корпусов и армий.

Глава 17

1

«Аскот», «Эпсом», «Амат», «Дэрби» — это гостиницы в Женеве. Это цитадели ГРУ. Вообще-то в Женеве любая гостиница в квадрате, ограниченном парком Монрепо, рю де Лозанн, набережной озера и рю де Монблан, давно превращена в форпост ГРУ или КГБ. Из этих гостиниц ранним утром потянулись группы добывания на левый берег. Мы держим путь к выставочному центру Palais des Expositions. Это гигантское сооружение строилось много лет. С огромным, как вокзал, залом сливались такие же залы, образуя бескрайнее бетонное поле под общей крышей. Бетон застилают коврами, разделяют залы перегородками, и каждый выставляет свои достижения.

Сейчас к этому сооружению со всех концов Женевы выдвигаются группы агентурного добывания ГРУ. Сюда стекаются группы обработки и агентурного обеспечения. Если бы на огромной карте каждого нашего варяга и борзого, каждую нашу машину обозначить светящейся подвижной лампочкой, то получилась бы грандиозная картина. Так полчище крыс медленно окружает льва, которому суждено быть съеденным. Так бесчисленные советские дивизии выдвигались на штурм окруженного Рейхстага.

Сколько стянуто сюда машин с дипломатическими номерами! Сколько серых, незаметных «фордов» и «ситроенов» без дипломатических номеров! Сколько автобусов и фургонов!

Генеральный консул из Берна и консул из Женевы поставили свои черные «мерседесы» в разных концах площади Плен де Пленпале. Они не в добывании. Они в обеспечении, и не в агентурном, а в общем. Если кого-то из нас арестуют, они готовы вмешаться, они готовы протестовать, они готовы угрожать ухудшением добрососедских отношений и ответными санкциями, они готовы полицию отшивать, задержанных отмазывать.

Советский посол в Швейцарии товарищ Герасимов и советский посол при отделении ООН в Женеве товарищ Миронова тоже на

боевых постах. Они тоже в общем обеспечении. Они не знают, что происходит, но имеют зашифрованное указание из Центрального Комитета находиться в полной готовности — угрожать, пугать, давить, отшивать, отмазывать.

На боевом посту дипкурьеры. Возможно, будет срочный груз в Москву.

На боевом посту «Аэрофлот». Если кого-то из нас арестуют, то «Аэрофлот» готов немедленно после освобождения переправить неудачника домой. Чтобы шуму меньше было. Чтобы журналистам пищи не давать. Чтобы скандал не раздувался. Чтобы все было тихо и мирно.

Входов много. У каждого входа очередь. Это хорошо. В толпе мы серые, незаметные. Семь франков билет. Пожалуйста, три билетика. Двадцать один франк. Отлично. Хорошая цифра. Все, кто работает в добывании, суеверны, как старые девы. В нашей группе один портфель. Демонстрационный. Можете проверить. Бумага. Ничего более. Можете рентгеном просветить или через магнитные ворота нас пропустить: бумага.

Спутники мои к своим стендам торопятся. Ну уж хрен вам! Теперь я хозяин. Мне человека вербовать, мне с ним работать, так уж не спешите. Вот к этому дяде подойдем. Он вас не интересуется? А это ничего. Поговорим с ним, можем и кофе с ним попить. А теперь вот сюда подойдем и вот сюда. Опять посидим, побеседуем с представителями фирм, покачаем головами, восхитимся слегка. Вот и сюда можно зайти. Радиостанции. Это вам совсем не интересно? Знаю я, знаю. Но зайдём. Побеседуем.

А вот и наши стенды потянулись. Крупные компании, большие достижения. Мы сюда тоже подойдем, на серые коробки с завистью посмотрим и дальше пойдем. У стендов крупных фирм множество людей собирается. Объяснения дают специалисты фирмы, явно тут и служба безопасности фирмы присутствует. На недоступный каравай рот не разинем. Дальше двинемся. А вот тут остановимся. У серых коробочек одиноко скучает небольшого роста мужчина. Один. Фирма маленькая. Кто он? Владелец фирмы или ее директор, он же сам для себя и служба безопасности.

— Доброе утро.

— Здравствуйте.

— Ваши коробочки нас очень интересуют. Небывалая вещь.

Мои спутники притворяются, что языками не владеют, и оттого я играю роль переводчика. Это хороший прием: у них гораздо больше времени на обдумывание ответов. Кроме того, этим они меня как бы на передний план выталкивают.

Поговорили о всякой технической чепухе, цифры какие-то, у меня от этого голова болит. А спутники мои аж подпрыгивают, на месте усидеть не могут.

— И сколько вы за одну коробочку желаете?

— Пять тысяч пятьсот долларов.

Мы все смеемся. Я тут же (сзади никого нет) демонстрационный портфель распаиваю, сразу тайное отделение за двойным дном открываю, чтобы сидящий рядом собеседник сумел изумрудным сиянием насладиться. Тут же его и захлопываю. А он на портфель замороженным взглядом смотрит.

— Мы за одну эту коробочку готовы сто двадцать тысяч долларов прямо сейчас вам отсыпать. Да вот беда, мы из Советского Союза, а ваши западные правительства варварски попирают свободу торговли, и мы, к сожалению, вашу коробочку купить не можем. Так жаль!

Мы встаем и уходим. Отошли на тридцать шагов. Завернули за угол. Смешались с толпой.

— Ну что? Настоящая коробка или макет?

— Настоящая! Иди вербуй!

Технические эксперты со мной ходят для умного разговора да для того, чтобы пощупать товар перед покупкой. Меня-то обмануть можно. Их — нет. Я к стенду возвращаюсь. Портфель в руках. Он меня узнает. Улыбается. Я мимо иду. Тоже улыбаюсь. Вдруг, как бы на что-то решившись, поворачиваюсь к нему: не хотели бы со мной вечером выпить по рюмочке?

Улыбка его гаснет. Долгим холодным взглядом он смотрит мне в глаза. Затем — на мой портфель. Снова в глаза и утвердительно кивает головой. Я протягиваю ему карточку с рисунком и адрес: отель «Дю Лак» в Монтрё. На карточке я еще вчера написал время: 21:00. Это чтобы сейчас времени на объяснения не тратить.

От стенда я на крыльях лечу. Вербовка! Он согласен! Он уже мой секретный агент! Только бы от радости в пляс не пуститься. Только бы улыбку ликующую с лица стереть. Только бы сердце так не билось.

Догоняю своих спутников и сообщаю, что вербанул.

Мы обходим еще несколько стендов. Беседуем. Восхищаемся. Качаем головами. Пьем кофе. А не открыть ли наш портфельчик еще раз? Не зацепить ли еще одного? Вот бы две вербовки!

Но я старого доброго еврея дядю Мишу вспоминаю. Нет. Не буду вербовать второго. Жадность фраера губит.

2

На площади Плен де Пленпале половодье машин. Толпа настоящая. От горизонта до горизонта все машинами заставлено. Ищи своих. Вот машина советского генерального консула. Он на месте, значит, его помощь не потребовалась. Значит, все идет хорошо. Значит, проведены десятки ценнейших вербовок без проколов, без осложнений. Вон там огромный автобус среди десятков столь же огромных своих братьев-автобусов. Там Навигатор принимает самых успешных своих варягов. Но я пока не дорос до такой чести — докладывать о результатах своей работы лично Навигатору. Я подчинен его первому заместителю, Младшему лидеру. Где же он, дьявол его раздери?

Ах, вот он. Среди бесконечных рядов машин пробираюсь еще к одному нашему автобусу.

Он уж полон. Все передние ряды заняты офицерами информации ГРУ и специалистами ВПК. Теми, кто помогал нам сейчас вербовать. Задние ряды свободны. Вроде бы от солнца занавески опущены. Там, на заднем сиденье, — Младший лидер. Он нас по одному подзывает. Шепотом каждый докладывает. Он, как полководец на поле выигранного сражения, первые рапорта о несметных трофеях принимает.

А мы все, борзые да варяги, в проходе столпились. Вроде как бесцельно. Шум. Толкотня. Шутки. Но это очередь. Очередь на доклад. Каждому не терпится. У каждого глаза горят. Хохот.

Младший лидер мне кивает. Мое время.

— Вербанул. За шесть минут сорок секунд. Сегодня вечером первая встреча.

— Молодец. Хвалю. Следующий.

Я завербовал ценного агента, который, надеюсь, десятилетиями будет поставлять нам самую современную электронную технику для самолетов, для артиллерии, для боевых вертолетов, для систем наведения ракет. В том, что он завербован, ни у меня, ни у Младшего лидера сомнений нет.

Правда, о новом секретном агенте ГРУ мы знаем только то, что указано на его визитной карточке. О его аппаратуре известно больше: у нас две небольшие вырезки из отраслевых журналов об аппарате RS-77. Но это не беда. Это совсем не главное. Главное то, что его аппарат нужен нам, и он будет нашим. А о секретном агенте мы скоро узнаем больше. Главное, что он согласен тайно работать с нами.

За неполных семь минут вербовки я сообщил ему множество важных вещей. Я сказал самые обыкновенные фразы, из которых следовало, что:

- мы — официальные представители Советского Союза;
- нас интересует самая современная военная электроника, в частности его аппараты;
- мы готовы хорошо платить за них, и он теперь знает нашу точную цену;
- мы работаем скрытно, умело, осторожно, не давим и не настаиваем;
- нам не нужно много экземпляров прибора, а лишь один для копирования.

Из всего этого он уже сам может заключить, что:

- мы не являемся конкурентами его фирмы;
- если подобное производство будет налажено в СССР, то он от этого не теряет, а выигрывает: возрастет спрос и на его аппаратуру, а может быть, западные армии закажут нечто еще более дорогое и современное;
- продав нам только один экземпляр аппарата, он может легко скрыть это от властей и от полиции: один — это не сто и не тысяча;
- наконец, ему совершенно ясны наши предложения: он знает, чего мы хотим, и поэтому не боится нас, он понимает, что продажа аппарата может быть квалифицирована как промышленный шпионаж, за который на Западе почему-то меньше наказывают.

Ему ясны все аспекты сделки. В одном предложении я сообщил ему наши интересы, условия и цены. Поэтому, когда он кивнул головой, согласившись встретиться, он совершенно отчетливо сказал «да» советской военной разведке. Он понимает, что мы занимаемся запрещенной деятельностью, и соглашается иметь с нами контакты. Значит...

Мой короткий вербовочный разговор — это примерно то же самое, что молоденькой красивой студентке объяснить, что я богатый развратник и за половые сношения с хорошенькой девочкой готов щедро платить. Да деньги показать и сказать, сколько именно. И тут же ей предложить встретиться и наедине послушать музыку. Если она согласна, что же еще обсуждать? О чем еще говорить?

Именно так осуществляются мгновенные массовые вербовки на выставках: это нам интересно, готовы платить, к сожалению, сделка эта незаконная, где встретимся?

С другой стороны, если бы весь мой разговор с ним записали на пленку, то в нем не нашли бы решительно ничего криминального. Мы посмотрели на прибор, сказали, что хотели бы его купить, но это запрещено. А потом я вернулся и предложил вечером выпить вина.

Я молод и неопытен. Мне пока прощают семиминутную вербовку. Вообще-то мгновенная вербовка и делаться должна мгновенно. Десятью словами. Одним предложением. Одной доброй улыбкой.

Вербовка должна быть немедленно и надежно скрыта: я должен обойти десятки стендов, говоря примерно то же самое, улыбаясь примерно так же. Но не вербуя. Если за мной следят, то как определить одного из сотни, который сказал «да» советской военной разведке? Нас много на выставке. Много вербующих, много обеспечивающих. Каждый закрывает свою вербовку десятком других встреч. На выставке тысячи людей. Поток. Водоворот. Шанхай. Поди уследи, попробуй.

Нового человека нужно немедленно уводить подальше. Уже сегодня ночью мои более опытные товарищи проведут встречи с только что завербованными агентами на территории Франции, Италии,

Западной Германии. Я встречаюсь в Монтрё. Кто-то проводит тайные встречи в Базеле, Цюрихе, Люцерне. Дальше от Женевы! Еще дальше!

Это только первые встречи. Вторые встречи будут проводиться в Австрии, Финляндии, США. Дальше от Швейцарии! Еще дальше!

Я долго путаю следы. Меня хорошо обеспечивают. Если за мной следили, то меня давно потеряли. Я испарился. Меня нет. Я растворился в огромных магазинах. Я потерялся в бескрайних подземных гаражах. Я растаял в переполненном лифте.

В багажнике автомобиля с дипломатическими номерами меня вывезли из Женевы в Лозанну. Это первое обеспечение. Это варяги из дипломатической резидентуры ГРУ в Женеве. Они не видели меня и не знают обо мне. Они поставили свою машину в подземном гараже в точно определенное время и ушли, оставив багажник незапертым. Такова инструкция. Они, наверное, догадываются, что их обеспечение как-то связано с выставкой. Но как? Они не имеют права заглядывать в багажник своей машины. Они стремительно несутся по автостраде. Они не менее четырех часов проверяли, нет ли слежки за ними. Они проверяют это и сейчас.

Подземный гараж в Лозанне. Темное место со множеством этажей, лестниц и выходов. Следят ли за ними? Наверное, нет.

У них тысяча дел. Они ходят по городу, совершая совершенно непонятные маневры. Они возвращаются к машине и едут дальше. Снова стоянки. Снова подземные гаражи. Они сами не знают, есть ли в багажнике что-нибудь или уже нет. Там, конечно, ничего нет. Я давно еду в поезде. В вагоне без желтой полосы над окнами. Второй класс. Серый вагон. Серый билет. Серый пассажир. Я еду далеко. Я внезапно схожу. Я меняю поезд. Я снова еду. Я исчезаю в подземных переходах, в толчее, в подвалах пивных, в темных переулках. Это новая страна для меня. Но я знаю ее наизусть. Кто-то тщательно подготовил для меня все проходы. Кто-то месяцами выискивал и описывал их. Кто-то беспросветно работал в борзых, обеспечивая мою вербовку.

Существуют только четыре возможности, которые могут привести к провалу:

1. если за мной следят;
2. если под контроль взяты все люди, с которыми я встретился сегодня;

3. если мой новый «друг» — провокатор полиции или, испугавшись, доложил в полицию и теперь стал провокатором;

4. если на месте встречи нас совершенно случайно узнает кто-то, кто доложит в полицию.

Из четырех возможностей я отбрасываю первые три.

Во-первых, за мной не следят.

Во-вторых, я встретился сегодня чуть ли не с сотней людей. Установить контроль за каждым невозможно.

В-третьих, место проведения встречи подобрано женевскими борзыми ГРУ совсем неплохо. Вероятность столкнуться со знакомыми почти исключена.

Остается только мой новый «друг». Но и его проверить нетрудно. Сегодня ночью эксперты ГРУ проверят доставленный им аппарат. Если он действует, значит, «друг» с полицией не связан. Вряд ли полиция будет так дорого платить секретами, не получая ничего взамен.

Место встречи подобрано для меня совсем неплохо. Это тоже некий безвестный борзой искал. Описывал. Доказывал преимущества. Если мне место не понравится, завтра я могу доложить об этом Младшему лидеру, еще через день об этом узнает начальник ГРУ и спустит Тузика на женевского Навигатора. Но я жаловаться не буду. Место мне нравится. Отель должен быть большим. Там никто ни на кого не обращает внимания. Отель должен быть хорошим, но не лучшим. Все именно так и подобрано. Но самое главное, я должен иметь защищенный наблюдательный пункт и следить за всем происходящим по крайней мере в течение часа до начала встречи. Есть такой пункт. Если «друг» доложил о встрече, если полиция готова следить, то вокруг места встречи возможно какое-то подозрительное движение.

Жду час. Ничего подозрительного не происходит. В 20:54 появляется он. Один. В желтом «Ауди-100». Номер машины запоминаю. Это важная деталь.

Никто не подъехал вслед за ним.

Он заходит в ресторан, оглянувшись по сторонам. Это хороший признак. Если мой новый знакомый обратился в полицию и теперь действует под ее контролем, он бы не озирался. Человек, вовлеченный в какие-то тайные дела, не должен озираться по сторонам. Но я ему об

этом не скажу. Будут другие встречи. С ним потом будет работать кто-то другой. Его всегда будут контролировать. Так пусть озирается. Нам от этого спокойнее. Значит, он в дружбе с полицией не состоит.

В 21:03 я покидаю свой наблюдательный пост и захожу в ресторан. Мы улыбаемся друг другу. Самое главное сейчас — успокоить его, открыть перед ним все карты или сделать вид, что все карты раскрыты. Человек боится только неизвестности. Когда ситуация ясна, человек перестает бояться. А если не боится, то и глупостей не делает.

— Я не собираюсь вовлекать вас ни в какие аферы.

В этой ситуации говорю «я», а не «мы». Говорю от своего имени, а не от имени организации. Не знаю почему, но это действует на завербованных агентов гораздо лучше. Видимо, слова «мы», «организация» пугают человека. Ему хочется верить, что во всем мире о его предательстве знают только он и еще один человек. Только один. Этого не может быть. За моей спиной — сверхмощная структура. Но мне запрещено говорить «мы». За это меня карали в Военно-дипломатической академии.

— Я готов платить за ваш прибор. Он нужен мне. Но я не настаиваю.

— Почему вы решили, что я буду работать на вас?

— Мне так кажется. Отчего же нет? Полная безопасность. Хорошие цены.

— Вы действительно готовы заплатить сто двадцать тысяч долларов?

— Да. Шестьдесят тысяч — немедленно. За то, что вы меня не боитесь. Еще шестьдесят тысяч — как только я проверю, что прибор действует.

— Когда вы сможете в этом убедиться?

— Через два дня.

— Где гарантия, что вы заплатите вторую половину суммы?

— Вы очень ценный человек для меня. Я надеюсь получить от вас не только этот прибор. Зачем мне вас обманывать на первой же встрече?

Он смотрит на меня, слегка улыбаясь. Он понимает, что я прав. А я смотрю на своего первого агента, завербованного за рубежом. Безопасность своей прекрасной страны он продает за тридцать

сребреников. Это мне совсем не нравится. Я работаю в добывании оттого, что нет у меня другого выхода. Такова судьба. Если не здесь, то в другом месте система нашла бы для меня жестокую работу. И если я откажусь, меня система сожрет. Я подневольный человек. Но ты, сука, добровольно рвешься нам помогать. Если бы ты встретился мне, когда я был в СпН, я бы тебе, гад, зубы напильником спилил.

Вдруг я вспоминаю, что агентам положено улыбаться. И я улыбаюсь ему:

— Вы не европеец?

— Нет.

— Я думаю, что нам не надо встречаться в вашей стране, но не нужно и в Швейцарии. Что вы думаете по поводу Австрии?

— Отличная идея.

— Через два дня я встречу вас в Австрии. Вот тут, — протягиваю ему карточку с адресом и рисунком отеля. — Все ваши расходы я оплачу. В том числе и на ночной клуб.

Он улыбается. Но я не уверен в значении улыбки: доволен, недоволен? Я знаю, как читать значение всяких улыбок. Но тут, в полумраке, я не уверен.

— Прибор с вами?

— Да, в багажнике машины.

— Вы поедете в рощу вслед за мной, и там я заберу ваш прибор.

— Не хотите ли вы меня убить?

— Будьте благоразумны! Мне прибор нужен.

«На хрена мне твоя жизнь? Ты мне живой нужен», — добавляю уже про себя. Я на первом приборе останавливаться не намерен. Зачем же убивать? Миллион готов платить. Давай только товар.

— Если вы готовы платить так много, значит, ваша военная промышленность на этом экономит. Так?

— Совершенно правильно.

— За первый прибор вы платите сто двадцать тысяч, а экономите себе миллионы.

— Правильно.

— В будущем вы заплатите мне миллион, а себе сэкономите сто миллионов. Двести. Триста.

— Именно так.

— Это эксплуатация! Я так работать не желаю. Я не продам вам свой прибор за сто двадцать тысяч.

— Тогда продайте его на Западе за пять с половиной тысяч. Если у вас его купят. Если вы найдете покупателя, который вам заплатит больше, чем я, дело ваше. Я не настаиваю. Я тем временем куплю почти такой же прибор в Бельгии или в США.

Это уже блеф. На крупную фирму не пролезешь. Ребра поломают. Нет у меня другого выхода к приемникам отраженного лазерного луча. Но я спокойно улыбаюсь. Не хочешь — не надо. Но ты не монополист. В другом месте куплю. Достāju бумажник:

— Эй, гарсон! Счет, пожалуйста!

Он смотрит мне в глаза. Долго смотрит. Потом улыбается. Сейчас свет падает на его лицо, и поэтому я уверен, что улыбка не таит в себе ничего плохого. И я вновь улыбаюсь ему.

5

Он достает сверток из багажника и передает мне.

— Нет, нет, — машу руками, — мне лучше его не касаться. Несите его в мою машину.

(В случае чего можно будет сказать, что человек нечаянно забыл сверток в моей машине. Никакого шпионажа. Простая забывчивость.)

Он садится в мою машину (это, конечно, не моя машина, а взятая для меня напрокат теми, кто меня обеспечивает).

Двери изнутри запереть. Такова инструкция. Аппарат — под сиденье. Расстегиваю жилет. Это специальный жилет. Для транспортировки денег. В его руки я вкладываю шесть тугих пачек.

— Проверяйте. Через два дня вы привезете техническую документацию, и я заплачу оставшиеся шестьдесят тысяч и еще сто двадцать тысяч за документацию.

Он кивает головой.

Жму ему руку.

Он идет к своей машине. Рванув с места, я исчезаю в темноте.

6

Сколько офицеров ГРУ сегодня обеспечивают только меня? Не знаю точно. Но сегодня у меня еще две встречи. Во-первых, полученный прибор должен как можно скорее оказаться за стенами советского посольства. Во-вторых, я должен отдать взятую напрокат машину и получить свою, дипломатическую.

Через полчаса на лесной просеке в теплом тумане встречаю второго секретаря советского посольства в Берне. У него белая машина «Пежо-504». Ее еле видно в густых лохматых клубах тумана.

Мой пакет уже упакован в плотный зеленый брезентовый мешок и опечатан двумя печатями. Дипломат — подполковник ГРУ. Но и ему не положено знать, кто я и что находится в пакете. Ему приказано встретить меня, принять груз, запереть двери изнутри и — немедленно в посольство. В момент, когда пакет попал в дипломатическую машину, он в относительной безопасности. Как только он попадет за каменные заборы посольства, он будет в полной безопасности.

Я останавливаю машину борт к борту, опускаю стекло. У него стекло уже опущено. Принимай.

Он — крупный светловолосый человек. Лицо серьезное. По упрямым складкам у рта без ошибок скажу, что он вербует успешно. Варяг, без всяких сомнений. Такие упрямые парни долго в обеспечении не работают. Просто сегодня день сумасшедший. Просто всех сегодня в женеvской и бернской резидентурах в обеспечение бросили.

Мы не имеем права говорить, тем более по-русски. Остановился, бросил груз, исчез. В это короткое мгновение он успевает рассмотреть меня. По каким-то неприметным признакам он узнает во мне зеленого борзюгу, замученного агентурным обеспечением, первый раз вкусившего варяжьего успеха. Он улыбается мне. Он ничего не говорит, он только чуть шевельнул губами. А я понимаю: успехов тебе.

И только красные огни по белому туману, только улыбка его зубастая за стеклом. Исчез.

Жду три минуты. Ему сейчас преимущество. Он сейчас с грузом. Через два часа возле Интерлакена у меня еще одна встреча: отдать эту машину, получить свою.

В ту ночь меня могли видеть во Фрибурге и в Нешателе. Рассвет я встретил в Цюрихе. Главное сейчас — как можно больше контактов. Меня могли видеть в огромной библиотеке, в оружейном магазине, в пивной, на вокзале. Я разговаривал с мужчинами и женщинами. Я разыскивал фирму, которая реально существует, но мне совершенно не нужна. Я рылся в адресных книгах и искал людей, которые нам совсем не интересны. Говорят, что лиса тоже так же путает свои следы.

Австрийскую границу я пересек неподалеку от Брегенца поздно вечером. Полицейского контроля на выезде из Швейцарии почему-то не было. Но если бы и был контроль, разве позволено кому-то осматривать мою дипломатическую машину? Но если бы, применив силу и нарушив Венскую конвенцию 1815 года, они осмотрели мой багаж, то уже ничего не нашли бы.

То, что могло бы их заинтересовать, уже в Москве на Хорошёвке, в огромном здании, именуемом Аквариум. Пока я путаю следы, особый самолет с вооруженными дипломатическими курьерами уже давно привез десятки плотных зеленых опечатанных мешков, аккуратно уложенных в алюминиевые контейнеры.

Австрийские полицейские меня приветствуют, улыбаются. Документы? Пожалуйста. Осмотреть машину? Да ни в коем случае! Но у них и намерения такого нет. Толстый добродушный дядька с пистолетом на боку козыряет: проезжай.

Зачем им придирается к советскому дипломату, у которого такое простое, доброе лицо. Разве он похож на лохматых террористов, фотографии которых вывешены у полицейского участка?

Я медленно проезжаю пограничный шлагбаум, салютуя им. Я вам не враг. Я почти друг. Мы провели массовую вербовку, но среди наших агентов нет ни одного гражданина Швейцарии, ни одного гражданина Австрии. Ваших мы вербуем в других местах. Против Австрии мои коллеги работают с территориями всех остальных стран мира. Мы никогда не злоупотребляем гостеприимством.

Смотрю в зеркало и вижу серое лицо, заросшее щетиной. Глаза у этого человека в зеркале красные, ввалились. Он сильно устал.

— Спускайся вниз, попарь косточки. Побрейся. И к командиру, на львиную шкуру.

— Зачем?

— Не бойся, не на расправу.

В сауне трое моих друзей: 4-й, 2-й, 32-й.

— Здорово, братцы.

— Здравствуй, варяг!

Парятся они уже, видно, давно. Раскраснелись.

— Садись, Витя! — и ржут все. Знают, что я сидеть не могу после двух суток за рулем. Они сами не сидят. Лежат на животах.

— Хочешь, Витя, пивка?

— Еще бы...

Спину мне Колька березовым веником исхлестал и задницу тоже.

— Восстанавливается кровообращение?

— О-о-о... да.

— Вить, а Вить, да не спи ты. Вить, лучше пивка попей.

Глава 18

1

В большом зале накрыт праздничный стол. Стульев нет. Кто сейчас сидеть будет? Все молчат. Улыбаются. Появляется Навигатор, за ним, как верный оруженосец, — первый шифровальщик.

— Деталей прошедшей операции оглашать не буду. Не имею права. Но успеха добились все. Некоторые имеют по три вербовки. Несколько человек — по две, — Навигатор поворачивается к первому шифровальщику: — Александр Иванович, зачитай личному составу шифровки в части, их касающейся.

— Командиру дипломатической резидентуры 173-В генерал-майору Голицыну. Восемь контейнеров дипломатической почты, направленные вами из Женевы, Берна, Парижа, получил. Первый анализ, проведенный Девятым управлением ГРУ, дал положительные результаты. Это позволяет сделать предварительное заключение о надежности всех лиц, привлеченных к сотрудничеству. Начальник Первого управления ГРУ вице-адмирал Ефремов. Начальник пятого направления Первого управления ГРУ генерал-майор артиллерии Ляшко.

Мы улыбаемся.

— Читай дальше.

Командир сияет.

— Проведенная операция — одна из наиболее успешных массовых вербовок последних месяцев. Поздравляю вас и весь личный состав резидентуры со значительными достижениями. Заместитель начальника Генерального штаба, начальник Второго главного управления генерал армии Ивашутин.

Пробки ударили залпом. Заиграл золотистый напиток, заискрился. Бутылки запотевшие. Ведерочки со льдом — серебряные. Как я устал! Как я хочу пить! Как я хочу спать!

По одному, по одному — к командиру.

И я подхожу.

— Товарищ генерал, поздравляю вас. Много имеет Япония, много имеет Америка, а мы с сегодняшнего дня имеем все.

Он улыбается.

— Не все, но выходы ко всему. Почему второго вербовать не стал?

— Не знаю, товарищ генерал. Боялся испортить.

— Правильно. Самое страшное в нашей работе — мнительность и излишняя увлеченность. Одна вербовка — это тоже очень много. Поздравляю.

— Спасибо, товарищ генерал.

— Александр Иванович!

— Я!

— Читай последнюю.

Первый шифровальщик вновь открывает свою папку:

— Генерал-майору Голицыну. Благодарю за службу. Начальник Генерального штаба генерал армии Куликов.

— Ура! — заорали мы.

Командир вновь серьезен. Он торжественно поднимает бокал...

2

Разбудил меня третий шифровальщик через четыре часа тридцать минут после того, как я коснулся подушки щекой. В комнате отдыха — восемнадцать раскладушек. Некоторые уже свободны. На остальных еще спят мои товарищи, те, у которых сегодня вторая операция.

— Богданч, я тебя правильно разбудил? — шифровальщик смотрит в свой список.

Я смотрю на часы и киваю.

Завтрак подают в большом зале, где еще чувствуется запах шампанского. Есть не хочется. Голова тяжелая. Я заставляю себя выпить стакан холодного сока и съесть кусок бекона. А в дверях уже шифровальщик:

— Младший лидер ждет. Кофе разрешает взять с собой.

У Младшего лидера глаза ошалевшие. Наверное, он так и не ложился спать.

— Жилет с деньгами подгони плотнее. Дверь в машине должна быть постоянно закрыта изнутри. В случае неприятностей требуй

советского консула. За ночь твою машину вымыли, проверили, отрегулировали, заправили, сбросили лишний километраж. Маршрут движения и сигналы снятия с операции согласишь в группе контроля. Все. Желаю удачи. Следующий!

3

Я вернулся через двое суток. Новый агент, который теперь именуется 173-B-41-706, привез на встречу полное техническое описание прибора 115-77 и передал список официальных лиц, которые контактируют с его фирмой и которых можно завербовать. На каждого из них было составлено короткое дело с фотографией, адресом и, главное, с перечислением выявленных слабостей. Я заплатил агенту 120 тысяч долларов и назначил новую встречу. Данные, которые он собрал по собственной инициативе, будут оплачены в следующий раз.

Полученные документы позволили нам сэкономить миллионы долларов и сократить сроки разработки аналогичных устройств на годы.

4

Еще через восемь дней я получил очередное воинское звание майор. Мне почему-то грустно. Первый раз в такой день мне не радостно. Когда Навигатор прочитал мне шифровку, я, как положено, рявкнул: «Служу Советскому Союзу!» А сам подумал: они обращаются со мной так же, как и с моим агентом. Агент получает сотни тысяч, а там, наверху, экономят миллионы. Эти миллионы страна экономит благодаря мне, и в награду за это я получаю лишь алюминиевые звездочки. Но даже их я носить не имею права: мой мундир висит в шкафу с нафталином в моей московской квартире.

Мне грустно. Меня не радуют звания и награды. Меня что-то мучает. Я не понимаю, что именно. Главное — скрыть тоску от товарищей и руководства. Если в моих глазах потухнет оптимизм, это сразу заметят и примут меры. Не знаю какие, но примут. Мне это совсем ни к чему.

Поэтому я смотрю в генеральские глаза и улыбаюсь радостно и счастливо.

Когда сплю, я укрываюсь с головой, укутываюсь в одеяло, как в шубу. Это старая армейская привычка. Это бессознательный рефлекс. Это попытка сохранить тепло до самого утра.

Я уже не сплю в холодных палатках, в мокрых землянках, в продрогшем осеннем лесу. Но привычка кутаться — на всю жизнь.

Последнее время меня преследует один и тот же кошмар. Внезапно проснувшись ночью в кромешной темноте от жуткого страха, спрашиваю себя: не в гробу ли проснулся? Осторожно касаюсь носом мягкого теплого одеяла. На гроб не похоже. А может, я в полотнище закутан, а доски гроба чуть выше? Медленно трогаю воздух. Нет, я пока не в гробу.

Наверное, так люди начинают сходить с ума. Так к людям подкрадывается безумие. Но может быть, я давно шизофреник, только окружающие меня пока не раскусили? Это вполне вероятно. Быть сумасшедшим совсем не так плохо, как может показаться со стороны. Если меня завтра замотают в белые простыни и повезут в дурдом, я не буду сопротивляться и удивляться. Там мне и место. Я, конечно, ненормальный. Но кто вокруг меня нормальный?

Вокруг сплошной сумасшедший дом. Беспросветное безумие. Отчего Запад пускает нас к себе сотнями и тысячами? Мы же шпионы. Разве не понятно, что я направлен сюда для того, чтобы причинить Западу максимальный вред? Отчего меня не арестуют, не выгонят? Почему эти странные, непонятные западные люди никогда не протестуют? Откуда у них такая рабская покорность? Может, они все с ума посходили? А может быть, мы все безумны? Уж я-то точно. И крышка гроба не зря мне мерещится. Ох, не зря. Началось это полтора года назад после встречи с Киром.

Кира все знают. Кир — большой человек. Кир Лемзенко в Риме сидел, но работал, конечно, не только в Италии. У Кира везде успехи были. Особенно во Франции. Римский дипломатический резидент ГРУ генерал-майор Кир Гаврилович Лемзенко власть имел непомерную. За

то его Папой Римским величали. Теперь он генерал-полковник. Теперь он в Административном отделе Центрального Комитета Коммунистической партии. Теперь он от имени партии контролирует и ГРУ, и КГБ.

Полтора года назад, когда я прошел выездную комиссию ГРУ, вызвал меня Кир. Пять минут беседа. Он всех принимает — и ГРУ, и КГБ офицеров. Всех, кто в добывание уходит. Кир всех утверждает. Или не утверждает. Кир велик. Кто Кира не знает? Все знают. Судьба любого офицера в ГРУ и в КГБ в его руках.

Старая площадь. Памятник гренадерам. Милиция кругом. Люди в штатском. Группами. Серые плащи. Тяжелые взгляды. Подъезд № 6. Предъявите партийный билет.

— Суворов, — читает прапорщик в синей форме.

— Виктор Богданович, — отзывается второй, найдя мою фамилию в коротком списке.

— Да, — подтверждает первый. — Проходите.

Третий прапорщик провожает меня по коридору.

Сюда, пожалуйста, Виктор Богданович. Ему, охраннику, не дано знать, кто такой Виктор Богданович Суворов. Он только знает, что этот Суворов приглашен в Центральный Комитет на беседу. С ним будут говорить на седьмом этаже. В комнате 788. Охранник вежлив. Пожалуйста, сюда.

Вот они, коридоры власти. Сводчатые потолки, под которыми ходили Сталин и Хрущёв. Под которыми ходит товарищ Брежнев. Центральный Комитет — это целый город. Центральный Комитет — это государство в центре Москвы. Как Ватикан в центре Рима.

Центральный Комитет постоянно строится. Несколько зданий соединены между собой, и все свободные дворики и переходы застраиваются все новыми белыми коробками. Странно, но со Старой площади этих белоснежных зданий почти не видно. Вернее, они видны, но не бросаются в глаза. На Старую площадь смотрят огромные окна серых дореволюционных зданий, соединенных в одну непрерывную цепь. Внутри же квартал Центрального Комитета не так суров и мрачен. Тут смешались все архитектурные стили.

Чистота ослепительная. Ковры красные. Ручки дверей — полированная бронза. За такую ручку и взяться рукой страшно, не испачкать бы. Лифты бесшумные. Пожалуйста, сюда. Подождите тут.

Передо мной огромное окно. Там, за окном, узкие переулки Замоскворечья, белый корпус гостиницы «Россия», золотые маковки церквей, разрушенных и вновь воссозданных для иностранных туристов. Там, за окном, громада Военно-инженерной академии. Там яркое солнце и голуби на карнизах. А меня ждет Кир.

— Заходите, пожалуйста.

Кабинет его широк. Одна стена — стекло. Смотрит на скопление зеленых железных крыш квартала ЦК. Остальные стены светло-серые. Пол ковровый — серая мягкая шерсть. Стол большой, без всяких бумаг. Большой сейф. Больше ничего.

— Доброе утро, Виктор Богданович.

Ласков, зараза.

— Доброе утро, Кир Гаврилович.

Не любит он, чтобы его генералом называли. А может быть, любит, но не показывает этого. Во всяком случае приказано отвечать «Кир Гаврилович», а не «товарищ генерал». Что за имя? По фамилии украинец, а по имени — ассирийский завоеватель. Как с таким именем человека в Центральном Комитете держать можно? А может, имя его и не антисоветское, а наоборот, советское? После революции правоверные марксисты каких только имен своим детям не придумывали: Владлен — Владимир Ленин, Сталина, Искра, Ким — Коммунистический интернационал молодежи. Ах, черт. И Кир в этом же ряду. Кир — Коммунистический интернационал.

— Садитесь, Виктор Богданович. Как поживаете?

— Спасибо, Кир Гаврилович, хорошо.

Он совсем небольшого роста. Седина чуть-чуть только проступает. В лице решительно ничего выдающегося. Встретишь на улице — даже не обернешься, даже дыхание не сорвется, даже сердце не застучит. Костюм на нем самый обыкновенный, серый в полосочку. Сшит, конечно, с душой. Но это и все. Очень похож на обычного человека. Но это же Кир!

Я жду от него напыщенных фраз: «Руководство ГРУ и Центральный Комитет оказали вам огромное доверие...» Но не произносит он такие фразы, не говорит о передовых рубежах борьбы с капитализмом, о долге советского разведчика, о всепобеждающих идеях. Он просто рассматривает мое лицо. Словно доктор, молча и внимательно.

— Вы знаете, Виктор Богданович, в ГРУ и в КГБ очень редко находятся люди, бегущие на Запад.

Киваю.

— Все они несчастны. Это не пропаганда. Шестьдесят пять процентов невозвращенцев из ГРУ и КГБ возвращаются с повинной. Мы их расстреливаем. Они знают это, и все равно возвращаются. Те, кто не возвращается в Советский Союз по своей собственной воле, кончают жизнь самоубийством, спиваются, опускаются на дно. Почему?

— Они предали свою социалистическую родину. Их мучает совесть. Они потеряли своих друзей, родных, все, что было им дорого...

— Это не главное, Виктор Богданович. Есть более серьезные причины. Тут, в Советском Союзе, каждый из нас — член высшего сословия. Каждый, даже самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, вы обладаете колоссальными привилегиями в сравнении с остальным населением страны. Когда ты молод и здоров, когда у тебя есть власть и привилегии, об этом забываешь. Но вспоминаешь об этом, когда уже ничего нельзя вернуть. Некоторые бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги. И Запад платит им действительно много. Но, получив «мерседес» и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него тоже имеют хорошие машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он вдруг теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, все равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служба в разведке не считается высшей честью и почетом. Правительственный чиновник, козьявка, ничего более.

— Никогда об этом не думал...

— Думай об этом. Всегда думай. Богатство относительно. Если ты по Москве едешь на «Ладе», на тебя смотрят очень красивые девочки. Если ты по Парижу едешь на длинном «Ситроене», на тебя никто не смотрит. Все относительно. Лейтенант на Дальнем Востоке — царь и бог, повелитель и властелин, распоряжающийся жизнями других

людей. Полковник в Москве — пешка, потому что тысячи других полковников рядом. Предашь — потеряешь все. И вспомнишь, что когда-то ты принадлежал к могущественной организации, был совершенно необычным человеком, поднятым над миллионами других. Предашь — почувствуешь себя серым, незаметным ничтожеством, таким, как и все окружающие. Капитализм дает деньги, но не дает власти и почестей. Среди нас находятся особо хитрые, которые не уходят на Запад, но остаются, тайно продавая наши секреты. Они имеют деньги капитализма и пользуются положением сверхчеловека, которое дает социализм. Но мы таких быстро находим и уничтожаем.

— Я знаю. Пеньковский...

— Не только. Пеньковский всемирно известен. Многие неизвестны. Владимир Константинов, например. Он вернулся в Москву в отпуск, а попал прямо на следствие. Неопровержимые улики. Смертный приговор.

— Его сожгли?

— Нет. Он просил его не убивать.

— И его не убили?

— Нет, не убили. Но однажды он сладко уснул в своей камере, а проснулся в гробу. Глубоко под землей. Он просил не убивать, и его не убили. Но гроб закопать обязаны. Такова инструкция. Иди, Виктор Богданых. Успехов тебе. И помни, что в ГРУ количество предателей гораздо ниже, чем в КГБ. Храни эту добрую традицию.

В Мюнхене снег. Небо лиловое. И еще сыплет из снежной свинцовой тучи. Спешат бюргеры. Носы в воротники прячут. Елки. Елки кругом. Вокруг фонарей гуще снежинки, крупнее. Укрывает снег грязь и серость цивилизации. Все чисто, все без грязных пятен, даже крыша Дойче Банка. Тихо и тепло, когда снег валит. Если прислушаться, то можно услышать шорох белых мягких кристаллов. Слушайте, люди, как снег падает! Эй, бюргеры, да куда же вы торопитесь? Остановитесь. Чисто и тихо кругом. Ни ветра

пронзительного, ни визга тормозов. Только тишина над белым городом.

Мягкие теплые снежинки падают мне на лицо. Я люблю их. Я не отворачиваюсь. Снег бывает колючим, снег бывает жестким и шершавым. Но сегодня не тот снег. Сегодня добрый снег падает с неба, и я не прячу от него лицо.

С вокзала — на Мариенплац. Путаю следы. За мной слезки нет. Но я должен следы запутать, закрутить. Лучше погоды для этого не придумаешь. Майор ГРУ № 173-В-41. Я путаю следы после встречи с «другом» № 173-В-41-706. Встречу провел в Гамбурге. Там же какой-то молодой борзой из боннской дипломатической резидентуры ГРУ принял полученные мной документы.

В Мюнхене я только путаю следы. Переулками, переулками, все дальше в снежную мглу. Иногда меня можно увидеть там, где много людей. В бесконечных лабиринтах пивной, где когда-то родилась партия Гитлера. Это не пивная. Это настоящий город с улицами и площадями. С бесконечными рядами столов. С сотнями людей. Это целое независимое пивное государство, как Ватикан в Риме, как Центральный Комитет в Москве.

Дальше, дальше вдоль столов, за угол, еще за угол. Тут в темной нише немного подождать. Кто появится следом? Тут, в черной нише, на огромном дубовом кресле не иначе как Геринг сиживал. А теперь сижу я с огромной пивной кружкой. Это моя работа. Кто пройдет мимо? Не ищут ли меня чьи-то глаза, потерявшие серую спину в этом водовороте, в этом сумраке, в пивных испарениях? Вроде никого. Тогда снова на улицу. В узкие переулки. В голубую метель.

Товарищ Шелепин — в Вене. Проездом. Он едет в Женеву на заседание сессии Международной организации труда. Товарищ Шелепин — член Политбюро. Товарищ Шелепин — звезда первой величины. Но не восходящая звезда, заходящая. Было время, когда товарищ Шелепин был (тайно) заместителем председателя КГБ и одновременно (явно) вице-президентом Международной федерации демократической молодежи. Товарищ Шелепин организовывал

манифестации за мир и дружбу между народами. На его совести грандиозные манифестации в защиту мира. Миллионы дураков шли за товарищем Шелепиным. Кричали, требовали мира, разоружения и справедливости. За это его возвели в ранг председателя КГБ. Правил он круто и твердо. Звали его Железным Шуриком. Правил Шурик половиной мира, в том числе и демократической молодежью, требующей мира.

Но он сорвался.

Теперь товарищ Шелепин правит советскими профсоюзами. Профсоюзы у нас — тоже филиал КГБ. И потому нет в посольстве особого уважения к высокому гостю. Едешь в свою Женеву, ну и вали. Не задерживайся. Всем ясно, что товарищ Шелепин вниз скользит. Был председателем КГБ, а теперь всего лишь профсоюзами заправляет. Если скольжение вниз началось, то его уже не остановишь.

Все посольство знает, что Железный Шурик напивается до полного безумия. Лидер советского пролетариата жутко матерится. Он бьет уборщиц. Он выбросил из окна тяжелую хрустальную пепельницу и испортил крышу лимузина кубинского посла. Он сам знает, что ему пришел конец. Бывший глава КГБ прощается с властью. Буйствует.

Я столкнулся с ним в коридоре. У него оплывшее морщинистое лицо, совсем непохожее на то, которое улыбается нам с портретов. Да и узнал я его только потому, что пьяный (никто так по посольству не осмеливается ходить), да еще при охране. Кого еще пять телохранителей сопровождать будут? У телохранителей лица каменные, как и положено. В телохранители набирают тех, кто смеяться не научился. Идут они важные. Крестьянские парни, вознесенные к вершинам власти. Они, конечно, не понимают, что если падение началось, то его не остановить.

И только на губах старшего в команде телохранителей играет чуть брезгливая улыбка. Чуть заметно его губы кривятся. Меня эта ухмылка не обманет; он не охраняет товарища Шелепина от врагов народа, он следит за тем, чтобы товарищ Шелепин, вождь самого сознательного революционного класса, не ударился в бег. Если товарищ Шелепин побежит, начальник охраны воспользуется пистолетом. Да в затылок! Между ушей! Чтоб не убежал товарищ Шелепин далеко.

И товарищ Шелепин, заходящая звезда первой величины, знает, что начальник охраны не телохранитель, а конвоир. Знает Шурик, что дана начальнику охраны соответствующая инструкция. И я это знаю.

Ах, если бы мне дали такую инструкцию!

— Дэза!

Навигатор суров. Я молчу. Что на такое заявление скажешь? В его руке шифровка. От 706-го пошла дэза. Если анализировать полученные от 706-го документы, то вскрыть обман сложно или вообще невозможно. Но любой документ, любой аппарат, любой образец вооружения ГРУ покупает в нескольких экземплярах в разных частях мира. Информация о снижении шумов в редукторах атомных подводных лодок типа «Джордж Вашингтон» была получена ГРУ через дипломатического резидента в Уругвае, а полная техническая информация об этих лодках была получена нелегалами ГРУ через Бельгию. Одинаковые кусочки информации сравниваются. Это делается всегда, с любым документом, с любым кусочком информации. Попробуй добавить от себя, попытайся утаить — служба информации это вскроет.

Именно это случилось сейчас с моим выставочным «другом» № 173-В-41-706.

Все было хорошо. Но в последнем полученном от него документе не хватает трех страниц. Страницы важные и убраны так, что их отсутствие невозможно обнаружить. Только сравнение с таким же документом, полученным, может быть, через Алжир или Ирландию, позволяет утверждать, что нас пытаются обмануть. Подделка выполнена мастерски. Выполнена экспертами. Значит, Семьсот шестой под полным контролем. Сам он пришел в полицию с повинной или попался — роли не играет. Главное — он под контролем.

— Прикажете убрать Семьсот шестого?

Навигатор с кресла вскочил:

— Очнись, майор! Белены объелся? Бульварной литературы начитался? Если предашь ты — мы тебя убьем, это урок для всех остальных. А если убить добропорядочного буржуя, владельца фирмы,

для кого это станет уроком? Кто знает, что он с нами был связан? Я бы его убил, если бы он был опасен для нас. Но он о нас решительно ничего не знает. Он даже не знает, работал он на КГБ или на ГРУ. Мы ему такой информации не давали. Единственный секрет, которым он обладает: Виктор Суворов — шпион. Но это весь мир знает... Велик соблазн убить. Многие разведки так и поступают. Втягиваются в тайную войну и забывают о своей главной задаче — добывать секреты. Нам же нужны секреты, как здоровому мужику нужны половые сношения. Запомни, майор, что только слабый, глупый, неуверенный в себе мужчина убивает и насилует женщину. Именно такими слабыми и глупыми нас изображают бульварные газетки и дешевые романчики. Умная, сильная, уверенная в себе разведка не гоняется за агентурой, как за женщиной. Умному мужчине женщины прохода не дают, на шее виснут. Мужчина, у которого сотни женщин, не мстит одной, даже изменившей ему, по той простой причине, что ему некогда этим заниматься. У него множество других девочек. Кстати, у тебя есть задел, что-нибудь в запасе?

— Вы имеете в виду новых «друзей»?

— Только это я и имею в виду! — вдруг обозлился он.

Навигатор, конечно, знает, что кроме Семьсот шестого, у меня никаких «друзей» нет, как нет никаких намеков на интересные знакомства. Вопрос он задал только для того, чтобы ткнуть меня носом в грязь.

— Нет, товарищ генерал, ничего у меня в запасе нет.

— В обеспечение!

— Есть в обеспечение!

Глава 19

1

С Семьсот шестым я провел еще одну встречу. Он под контролем, но совсем не обязательно показывать, что ГРУ об этом знает.

Провожу встречу, как всегда. Плачу. Говорю, что пока его материалы нам не нужны. Встретимся через год. Возможно, у нас появится заказ. Через год под любым предлогом его выведут в консервацию. В дремлющую сеть. Жди сигнала. На этом связь с ними прекратится: жди, когда к тебе на связь выйдет особо важный нелегал! Пусть ждет он, пусть ждет полиция. Не дождетесь. Называется это отсечением под видом консервации. От него мы получили очень нужные приборы. На нем мы сэкономили миллионы. Его материал, когда он был первосортным, тоже использовался для проверки информации какого-то другого источника. А теперь до свидания. Ждите очередного сигнала. Ждите особо важной встречи.

С Семьсот шестым никаких проблем. Но что же мне теперь делать? Вновь собачья жизнь начинается. Вновь борзить. Вновь беспросветное агентурное обеспечение.

А на что ты, Богданых, рассчитывал? Не можешь работать самостоятельно — вкалывай на других.

2

Я снова в обеспечении. Опять я полностью подчинен Младшему лидеру и лишен права встречаться с Навигатором лично. На таких, как я, у него нет времени. Правда, кто успехи имеет, тоже иногда в агентурном обеспечении работает. Но это случается только во время массового обеспечения, когда всю резидентуру выгоняют на проведение каких-нибудь операций, смысл которых от нас скрыт. А еще их привлекают для обеспечения операций нелегальных резидентур ГРУ. Это другое дело. Обеспечивать нелегалов — почет. Но

нас, борзых, в обеспечение нелегалов бросают редко. Нам остается тяжелая неблагодарная работа: большой риск, уйма потраченного времени и никаких почестей. Простое агентурное обеспечение работой не считается. Вроде как секретарь-машинистка у великого писателя. Ни денег, ни почестей. Но попробуй ошибись!

Именно такая у меня сегодня работа. Я на пикник в горы еду. Время сейчас совсем не для пикников. Погода не та. Но мне нужно быть в горах. Если бы за нами следили, если бы нас арестовывали и выгоняли, я придумал бы какой-нибудь предлог поумнее. Но нас редко трогают в Великобритании, почти никогда — в США, а в остальных странах к нам, шпионам, относятся доброжелательно. Поэтому нет нужды выдумывать что-то оригинальное. Пикник. Этого достаточно. Вряд ли кто на пикник ездит в одиночку. Но разве кому-нибудь интересно, что делает советский дипломат в нерабочее время?

В багажнике моей машины — противотанковый гранатомет РПГ-7 и пять гранат к нему. Все это аккуратно упаковано. Все это я должен вложить в тайник. Гранатомет весит 6 килограммов. Каждая граната — 2 килограмма 200 грамм. Да еще упаковка. В общем, более 20 килограммов в одном длинном сером пакете. Кому этот гранатомет нужен? Не знаю. Я зарюю его в горах. Спрячу в тайнике, который выбирал шесть дней. Кто-то кому-то когда-то передаст описание этого тайника и тайные приметы, по которым его совсем легко найти. Адресат всегда получает описание тайника только после того, как материал заложен. Следовательно, даже если он и захочет продать нас полиции, то не сумеет этого сделать. Адресат получит описание и поспешит к этому месту, но меня там уже давно не будет. Так что я, моя дипломатическая резидентура, советская военная разведка и весь Советский Союз к этому гранатомету отношения не имеем. Лежал в земле, вот и все. Может быть, он всегда тут лежал. Может быть, со дня сотворения Земли ему тут место было. Не беда, что гранатомет советский. Может быть, американцы захватили его во Вьетнаме, да и прячут в Альпах!

Кому этот гранатомет нужен? Хоть убейте, не знаю. Ясно, что это не резерв на случай войны. Для длительного хранения применяются тяжелые контейнеры, а тут совсем легкая упаковка. Значит, его в ближайшие дни кто-то заберет. Не исключено, что в ближайшие дни им и воспользуется. Иначе его придется долго хранить. Это опасно. А

ведь я сейчас историю творю! Может быть, этот гранатомет повернет историю человечества в совсем неожиданное русло. РПГ-7 — мощное оружие, легкое да простое. Все лидеры Запада за пуленепробиваемые стекла попрятались. А если вас, господа, гранатой ПГ-7В шарахнуть? Ни один бронированный лимузин не устоит. Шарахнуть с трехсот метров можно. Вот визгу-то будет! Интересно, на кого же ГРУ око свое положило? Кому пять гранат предназначаются? Главе государства? Генералу? Папе Римскому?

Но ведь можно и не только по бронированному лимузину шарахнуть. Защитник окружающей среды может в знак протеста ударить по цистерне с ядовитым газом или по атомному реактору. Защитник мира может подкараулить конвой с американскими атомными боеголовками да нажать на спуск. Шуму будет на весь мир. Ядерного взрыва, конечно, не получится, но уж газеты так взвоят, что придется Западу разоружаться.

Я кручусь по перекресткам, я часто меняю скорость, я выскакиваю на автострады и вновь ухожу на совсем неприметные полевые дороги. Кто за мной следит? Кажется, никто. Кому нужен я? Никому. Один. В густом лесу на узкой дороге. Над моей головой шумит лес. Свою машину я бросил на обочине узкой дороги. Тут иногда оставляют свои машины туристы.

Сижу на пригорке в ельнике и со стороны наблюдаю за своей машиной. Слежки за мной не было. Гарантирую. Но, возможно, в мою машину полиция вмонтировала радиомаячок, который сейчас сигналил им о моем присутствии. Они, может быть, не следили за мной, как обычно, а держались на значительном удалении. Если так, то скоро кто-то должен появиться у моей машины. Кругом лес да горы. Появиться они могут, только используя одну дорогу. Но она под моим контролем. Они будут немного суетиться у моей машины, соображая, в каком направлении я ушел. Тогда я заберу свой драгоценный сверток и, сделав большой крюк по лесу, вернусь к своей машине, когда возле нее никого не останется. Двери я закрою изнутри и буду кружить по лесам и горам. Потом вернусь в посольство и завтра повторю все с самого начала.

Вновь смотрю на часы: прошло тридцать минут. Никто не появился у моей машины. Только сосны шумят. Упаковку с гранатометом можно было бы оставить в машине, и теперь,

убедившись, что за мной не следят, вернуться к машине, захватить груз и идти в горы. Но это опасно: во время моего отсутствия автомобиль могут вскрыть, невзирая на дипломатические номера. И потому гранатомет сейчас со мной.

Еще несколько минут сижу в кустах, прислушиваюсь к шорохам леса. Нет никого. На ноги надеваю резиновые сапоги, на голову — кепку с добродушным британским львом, рюкзак на спину: пусть меня за туриста принимают. В руках у меня сигара. Я, конечно, не курю. Много лет назад мне запретили это делать. Но ароматная сигара всегда со мной. Кончик ее отломить, табак потереть в ладонях и разбросать вокруг себя. Это вашим собачкам от меня привет. Долго продираюсь через кусты, выхожу к ручью и бреду по воде против течения. Слежки нет. Но, может быть, они через несколько часов нагрянут сюда с собаками, с вертолетами.

Жаль, что упаковка с гранатометом имеет необычную форму. Если кто-нибудь увидит, что из моего рюкзака торчит такая непонятная, укутанная резиной деталь, всенепременно поймет, что я чернорабочий ГРУ, что работаю в неблагодарном обеспечении в наказание за неспособность самостоятельно находить выходы к секретам.

Далек мой путь. Ножками, ножками. Как в частях СпН. По ручью вверх и вверх. Революционным отрядам борцов за свободу нужно оружие для освобождения от капиталистического рабства. Возможно, гранатомет заберут итальянские или германские ребята и воспользуются им, нанося еще один удар по гниющему капитализму.

Далек путь. Достаточно времени для умственной гимнастики. Что же мне придумать, чтобы меня на самостоятельную работу поставили? Может, написать рапорт начальнику 5-го направления Первого управления и предложить нечто оригинальное? Пусть, например, германские или итальянские ребята украдут президента или министра обороны. Это для них хорошо, для их революционных целей, для поднятия революционной сознательности масс. Захваченного пусть они судят своим революционным трибуналом. Пусть казнят его. Но чтобы перед казнью мы могли с ним потолковать: утюг на пузо — выдавай, падла, секреты!

Я бреду по воде, улыбаясь своим фантазиям. Конечно, этого я никогда не предложу. Неблагодарное дело — давать советы. Тех, кто подал идею, никогда не вспоминают. Награждают не инициаторов, а

исполнителей. Идея проста. И без меня до нее додумаются. Мне нужно придумать нечто такое, где бы я был не только инициатором, но и исполнителем. Идея должна быть не общей, а конкретной. Перед тем, как поведать ее командиру, я должен подготовить сотни деталей. Перед тем, как о ней рассказать, я должен быть всецело связан с этой идеей так, чтобы меня не могли оттеснить в сторону, доверив проведение операции более опытным волкам.

Чистый горный ручеек журчит под моими ногами. Иногда я выхожу на берег, чтобы обойти водопад. Тогда я вновь отламываю кусочек сигары, тру табак в руках и разбрасываю его. Ступаю только на камни, не оставляя отпечатков на мокрой земле.

Вот оно, это место, выбранное мной, одобренное Младшим лидером резидентуры и утвержденное начальником Первого управления ГРУ.

Тайник — это не пещера и не тайный погреб. Вовсе нет. Тайник — это место, которое легко может найти тот, кому положено, и которое трудно найти тем, кому не положено. Тайник — это место, где наш груз не могут обнаружить случайно, где он не может пострадать от стихийных бедствий.

Подобранный мной тайник отвечает этим требованиям. Он выбран в горах, вдали от человеческого жилья. Это место — в расщелине между скал. Это место закрыто непролазной чащей колючих кустов. Сюда не стремятся туристы. Тут не играют любопытные дети. Тут никогда не будет строительства. Этому месту не угрожают оползни и наводнения. А найти его легко — если знаешь, как искать. Вот высоковольтная линия электропередачи на гигантских металлических опорах. От опоры № 042 нужно идти в направлении опоры № 041. Нужно дойти до места, где провода больше всего провисают и тут повернуть влево. Далее пройти тридцать метров в направлении, точно перпендикулярном линии электропередачи. Колючки лицо царапают? Это ничего. Вот в кустах груды камней и черные угли костра, горевшего тут много лет назад. Отсюда десять шагов вправо. Протиснемся в расщелину. Груды камней. Это и есть

тайник. Место не самое приятное. Сыро, мрачно. Колючки. Прошлый раз, когда я это место нашел, набросал тут всякого мусора, который обнаружил поблизости: ржавую консервную банку, бутылку, моток проволоки. Это чтобы никому в голову не пришло тут пикник устроить.

Еще раз оглядываю все, что окружает меня. С момента моего первого появления тут ничего не изменилось. Даже консервная банка на прежнем месте. Долго вслушиваюсь в шум ветра в вершинах гор. Никого. Сбрасываю с плеч осточертевший за долгую дорогу рюкзак. Предлагал я командиру закопать гранатомет в землю, но он приказал только завалить его камнями, выбирая, какие потяжелее. А еще я предлагал поймать бездомного кота, доставить сюда и тут принести в жертву интересам мирового пролетариата. Его останки отпугнут от этого места и охотников, и туристов, и влюбленные парочки, ищущие укромные уголки. Это предложение тоже не утвердили. Первый заместитель командира приказал воспользоваться жидкостью ЗРГ, вариант 4. Флакончик у меня небольшой, но запах останется надолго. ЗРГ, вариант 4 — это запах горелой резины, он сохранится тут на несколько недель, отгоняя непрошенных гостей и гарантируя одиночество получателям моей посылки. Что ж, успеха вам, бесстрашные борцы за свободу и социальную справедливость.

Вслушиваюсь в шум ветра и, как осторожный зверь, скольжу между скал.

Западную Европу я уже знаю неплохо. Как хороший охотничий пес знает соседнюю рощу. Я мог бы работать экскурсоводом в Амстердаме или в Гамбурге: посмотрите направо, посмотрите налево. Вену тоже знаю хорошо, но не так, как, например, Цюрих. Это и понятно: не занимайся любовью там, где живешь. Мои коллеги из Рима, Бонна, Парижа, Женевы знают Вену лучше меня. Они работают тут, выезжая на гастроли. А я гастролирую там. Система для всех одна. У всех у нас единая тактика: не надо ссориться с местными властями, если можно операцию провести где-то далеко.

Сегодня я работаю в Базеле. Не сам работаю. Обеспечиваю. Базель — стык Германии, Франции и Швейцарии. Базель — удобное место. Уникальное. Базель — перекресток. Был в Базеле и исчез. Тут легко исчезнуть. Очень легко.

Я сижу в небольшом ресторанчике прямо напротив вокзала. Вообще-то трудно сказать, ресторан это или пивная. Зал надвое разделен. В одной части — ресторан. Совсем небольшой. Там на столах красные скатерки. В другой части — пивная. Дубовые столы без всяких скатертей. Тут я и сижу. Один. На темном дереве стола вырезан орнамент и дата: 1932. Значит, стол этот тут еще и до Гитлера стоял.

Хорошо быть швейцарцем. Граница Германии вон там проходит. Прямо по улице. А войны здесь никогда не было.

Симпатичная невысокая тетенька кружку пива передо мной ставит на аккуратный картонный кружочек. Откуда ей, грудастой, знать, что я уже на боевой тропе. Что секунды стучат в моей голове, что сижу я тут неспроста, сижу так, чтобы большие часы на здании вокзала видеть. Откуда ей знать, что по этим часам еще кто-то ориентируется, кого я не знаю и не узнаю никогда. Откуда ей знать, что кончики пальцев моих уже намазаны кремом ММП и потому не оставляют отпечатков. Откуда ей знать, что в моем кармане лежит обыкновенная фарфоровая ручка, которые в туалетах на цепочке висят. Дернул — и вода зашумела. Эта ручка сделана в Институте маскировки ГРУ. Внутри — контейнер. Может быть, с описанием тайника или с деньгами, с золотом, черт знает с чем. Не знаю я, что внутри контейнера. Но ровно через семь минут я выйду в туалет и в предпоследней кабинке сниму с цепочки ручку, положу ее в карман, а на ее место повешу ту, что у меня в кармане. Кто-то другой, тот, кто тоже сейчас смотрит на часы вокзала, войдет в эту кабину после меня, снимет ручку с контейнером, а на ее место прицепит обыкновенную. Она сейчас в его кармане хранится. Наверное, он тоже сейчас сжимает ее пальцами, намазанными кремом ММП. Все три ручки — близнецы. Не различишь. Не зря Институт маскировки работает.

Стрелка больших часов чуть дрогнула. Еще шесть минут. Рядом с вокзалом большое строительство. То ли вокзал расширяют, то ли гостиницу возводят. Сооружение вырисовывается из-под лесов изящное, вроде башни. Стены коричневого металла, и окна тоже

темные, почти коричневые. Высоко в небе рабочие в оранжевых касках — мартышки стальных джунглей. А на карнизах голуби. Вот один голубь медленно и сосредоточенно убивает своего товарища. Клювом в затылок бац, бац. Подождет немного. И снова клювом в затылок. Отвратительная птица голубь. Ни ястребы, ни волки, ни крокодилы не убивают ради забавы. Голуби убивают только ради этого. Убивают своих братьев просто потехи ради. Убивают медленно, растягивая удовольствие.

Эх, был бы у меня сейчас в руках автомат Калашникова! Бросил бы я сектор предохранителя вниз на автоматический огонь, затвор рывком назад передернул и жутким грохотом залил бы привокзальную площадь полусонного Базеля. Шарахнул бы длинной переливистой автоматной очередью по голубю-убийце. Свинцом бы его разорвал, разметал. Превратил бы в кучу окровавленных перьев.

Но нет у меня автомата. Я не в частях СпН, а в агентурном обеспечении. Жаль. А ведь и вправду убил бы и не вспомнил бы, что, спасая слабого голубя от верной смерти, спасаю такого же убийцу. Натура у них у всех одна, голубиная: придет в себя, отдышится, найдет кого-нибудь послабее, да и будет его клювом в затылок тюкать. Знает же, гад, в какое место бить. Профессионален, как палач НКВД.

Отвратительная птица — голубь. А ведь находятся люди, которые этого хладнокровного убийцу символом мира считают. Нет бы крокодила таким символом считали или анаконду. Мирная зверюшка анаконда. Убивает, только чтобы прокормиться. А как покушает, так и спит. В мучительстве наслаждения не находит. И своих детенышей пожирает, только если сильно кушать хочется.

Слабый голубь на карнизе раскинул крылья. Голова совсем повисла. Сильный голубь весь собрался в комок. Добивает. Удар. Еще удар. Мощные удары. Кончик клюва в крови. Ну, ты свое дело кончай, а мне пора. В туалет. На совершенно секретную операцию по агентурному обеспечению.

Времени я не теряю. Когда я обеспечиваю кого-то в Германии, думаю о том, как самому проникнуть в германские секреты. Когда в

Италии на кого-то работаю, думаю о выходах к итальянским секретам. В Италии можно завербовать и американца, и китайца, и австрийца. Мне нужны те, кто владеет государственными секретами. Сейчас я вернулся из Базеля и докладываю Навигатору результаты операции. Обычно рапорт слушает Младший лидер, но сегодня слушает Навигатор лично. Видимо, обеспечение было важным.

Воспользовавшись случаем, докладываю мои предложения о том, как добыть секретные документы о системе «Флорида». «Флорида» — система ПВО Швейцарии. Швейцарская «Флорида» — кирпичик. Но точно из таких кирпичиков сложена система ПВО США. Если познакомиться со швейцарским сержантом, то многое станет ясно с американской системой...

Навигатор смотрит на меня тяжелым взглядом. Свинец в глазах, и ничего больше. Взгляд его — взгляд быка, который спокойно разглядывает молоденького тореадора перед тем, как поднять его на могучие рога. Мысли от этого бычьего взгляда путаются. У меня есть имена и адреса персонала на командном пункте системы ПВО Швейцарии. Я знаю, как можно познакомиться с сержантом. Но он давит меня взглядом. Я сбиваюсь и забываю весь четкий порядок моих построений.

— Постараюсь это сделать...

Он молчит.

— Доложу все детали...

Он молчит.

Он втягивает ноздрями кубометр воздуха и тут же с шумом, как кит, выпускает его:

— В обеспечение!

Агентурное обеспечение — это как сладкий сироп для мухи. Вроде и не рискованно, и сладенько, но не выберешься из него. Крылышки тяжелеют. Так в этом сиропе и сдохнешь. Только тот настоящим разведчиком становится, кто из него вырваться сумеет. Генка-консул, к примеру. Приехал в Вену вместе со мной. На изучение города нам по три месяца дали. Чтоб город мы лучше венской полиции

знали. Через три месяца нам обоим экзамен: десять секунд на размышление, что находится на Люгерплац? Названия всех магазинов, отелей, ресторанов, номера автобусов, которые там останавливаются, — все называй. Скорее! А может, там ни одного отеля нет? Скорее, скорее! Знать город лучше местной полиции! Назови все улицы, пересекающие Таборштрассе! Скорее! Сколько остановок? Сколько почтовых ящиков? Если ехать по Таборштрассе с севера на юг от пересечения с Ам Табор, что слева? Что? Что? Как? Как? Как?

Экзамены мы со второго раза оба сдали. Не сдашь с трех раз — вернут в Союз. После экзаменов меня в обеспечение бросили. А его нет. Он, пока город изучал, успел познакомиться с каким-то проходимцем, который паспортами торгует. Паспорта полуфальшивые — или чистые бланки, или просто украденные у туристов. 17-е направление ГРУ паспорта и другие личные документы — дипломы, водительские удостоверения, солдатские книжки — скупает в любых количествах. Не для использования. Для изучения в качестве образцов при производстве новых документов. Все эти бумаги особо, конечно, не ценятся, и их добывание — совсем не высший класс агентурной работы. Да только меня в обеспечение, а Генку — нет: добывай свои чертовы паспорта.

Пока Генка с паспортами работал, времени у него достаточно было. И он времени не терял. Еще с кем-то познакомился. Тут уж меня поставили Генкины операции обеспечивать, хвост ему прикрывать. Я после его встреч какие-то папки получал да в посольство возил. Арестуют у входа в посольство — так уж лучше меня, а не Геннадия Михайловича. А он чистеньким ходит. Потом у него и более серьезные задания появились. Он на операцию идет, а его пять-семь борзых прикрывают. На следующий год ему досрочно подполковника присвоили. Майором он только два года ходил.

Восемь часов вечера. Спешу домой. Четыре часа спать, ночью — в обеспечение.

Я не завистливый, не ревнивый. Пусть, Генка, тебе везет. Чистого тебе неба! Я, Генка, тоже из обеспечения вырвусь.

Глава 20

1

Навигатор улыбается мне — впервые за много месяцев.

— Наконец-то! Я всегда знал, что ты выйдешь на самостоятельную дорогу. Как ты с ним познакомился?

— Случайно. В обеспечении работал в Инсбруке. Возвращаюсь. Решил место для тайника про запас присмотреть. Встал у дороги. Место присмотрел. Хорошее. Решил возвращаться. Задние колеса на грунте. Грунт мокрый. Буксуют. Сзади откос. Сам тронуться не могу. Стою у дороги, прошу помочь. Все мимо несутся. Остановился «Фиат-132». Водитель один в машине. Помог. Чуть подтолкнул мою машину. Я машину из грязи вывел, но его всего обрызгал — газанул слишком сильно. Хотел в знак извинения ему бутылку виски дать, но передумал. Извините, говорю, простите, давайте в ресторан зайдём. Почиститесь. А ужин за мной. Приглашаю.

— Согласился?

— Да.

— Он спросил, кто ты такой?

— Нет, он только спросил, где я живу. Ответил, что в Вене. Я же и вправду в Вене сейчас живу.

— Номер у тебя дипломатический был?

— Нет. В обеспечении работал. На чужой машине.

Навигатор визитную карточку в руках вертит. Налюбоваться не может. Инженер. «Ото Велара». Каждый ли день генерал ГРУ такую визитную карточку в руках держит? «Ото Велара»! Золотое дно. Может быть, кто-то и недооценивает Италию, да только не ГРУ. ГРУ знает, что у итальянцев головы гениальных изобретателей. Мало кто знает о том, что Италия перед Второй мировой войной имела небывалый технологический уровень. Воевала Италия без особого блеска, именно это и затмевает итальянские достижения в области военной техники. Но эти достижения, особенно в области авиации, подводных лодок, скоростных катеров, были просто удивительными.

Италия — непризнанный лидер в разработке военно-морской техники. Может, кто-то этому и не верит, а ГРУ верит. «Ото Велара»! Инженер!

— А не подставлен ли он? — Навигатору в такую возможность верить совсем не хочется, но этот вопрос он обязан задать.

— Нет! — с жаром уверяю я. — Проверялся. И радиоконтроль ничего подозрительного не обнаружил.

— Не горячись. В таком деле нельзя горячиться. Если он не подставлен, то тебе крупно повезло.

Это я и сам понимаю.

— Вот что, — говорит Навигатор, — мы ничего не теряем. Срочно составь лист проверки. До завтра успеешь?

— Ночью в обеспечении работаю.

Он скривился. Потом поднимает трубку телефона и говорит, не набирая никаких номеров:

— Зайди.

Входит Младший лидер.

— Богданыча замени завтра кем-нибудь.

— Некем, товарищ генерал.

— Подумай.

— Если только Геннадия Михайловича?

— Консула?

— Да.

— Ставь в обеспечение. Пусть поработает, а то себя переоценивать начал. Богданыча от всякого обеспечения уволь. У него интересный вариант наклеивается.

Ответная шифровка из Аквариума пришла через два дня. Навигатору совсем не хочется расставаться с «Ото Велара» — фирмой, которая строит удивительно быстрые и мощные военные корабли. Навигатору не хочется читать шифровку мне. Он просто повторяет ответ руководства ГРУ: «Нет».

Шифровка не разъясняет, почему «нет». «Нет» в любом случае означает, что он — личность известная большому компьютеру ГРУ. Если бы о нем ничего не было известно, то ответ был бы

положительным: пробуйте. Жаль. Жаль такого интересного человека терять. А командиру, наверное, жаль меня. Может быть, первый раз жаль. Он видит, что я рвусь в варяги. И ему совсем не хочется вновь отправлять меня в борзые.

Он молчит. Но я-то знаю, что в обеспечении дикая нехватка рабочих рук:

— Я, товарищ генерал, завтра в обеспечении работаю. Разрешите идти?

— Иди... — и вдруг улыбается. — Ты знаешь, нет худа без добра.

— У меня, товарищ генерал, всегда худо без добра.

— А вот и нет. Тебе запретили с ним встречаться, это плохо. Но к сокровищам нашего опыта мы добавили еще одну крупницу.

— Какую, позвольте полюбопытствовать?

— Ты попал в беду и благодаря этому познакомился с интересным человеком. В нашей работе очень тяжелым является первый момент знакомства. Как подойти к человеку? Как завязать разговор? Как закрепить знакомство? Впредь, как найдешь интересного человека, бей его машину своей. Вот тебе и контакт. Пусть он тебе адрес дает. А ты извиняйся. Приглашай выпить. Чем интересуешься? Монеты? Марочки? Есть у меня одна...

— Вы, товарищ генерал, согласны платить за побитые машины? — смеюсь я.

— Согласен, — серьезно отвечает он.

Были времена! Но прошли. А ведь были же! Была Красная Армия, а против нее — Белая армия. А еще была Зеленая армия. Командовал ею батька Фома Мокроус. Хорошо зеленые воевали. Да вот беда — поверили красным, соединились с ними в Красно-зеленую армию. Тут им и конец пришел. А армия снова Красной стала.

Хорошие были времена. Захотел к красным — пожалуйста. Не захотел — можешь к белым убежать или еще к каким. Много всяких было: григорьевцы, антоновцы, петлюровцы. А еще была Революционная повстанческая армия Украины — РПАУ.

РПАУ — это армия и государство. Философия простая: роль государства — защищать население от внешних врагов. Это, и все. Внутри государства каждый сам себе государь. Делай что хочешь, только других не обижай. Если враги нападут, государство армию выставляет — только добровольцы. Не хочешь за свою свободу воевать — будь рабом. Вот такие были порядки в РПАУ.

У нас на хуторе все старики те славные времена помнят. И руководителя той армии помнят, Нестора Ивановича Махно. Говорят старики, что Нестор Иванович совсем не таким был, каким его красные в кино показывают. Говорят, он был парнем молодым. Я потом в энциклопедии проверял — не врут старики: в восемнадцатом году Нестору Ивановичу тридцати лет не было. Волосья у него длинные были, правда. Патлы по плечам распущены. Мужики его святым почитали. Крестились, увидев.

Едет Нестор Иванович по Екатеринославу на четверке вороных. Хмур. Дума великая в глазах его. Четверкой вороных Великий Немой правит. Хромает Нестор Иванович, верхом не ездит: на тачанке, рядом с пулеметом. А Великий Немой завсегда рядом. Он батьке Махно и кучер, и ординарец, и телохранитель, и придворный палач: приговоры Нестора Ивановича совсем короткие.

Едет Нестор Иванович — мужики в пояс кланяются, свой он: крестьянский царь. На тачанке его пулеметной сзади серебряными гвоздиками девиз выбит: «Хрен догонишь!» Спереди другой девиз: «Хрен возьмешь!» Рядом с батькиной тачанкой, верхами, — батька Максюта, Николай Мельник, Гришка Антихрист, Никодим Пустовойт да Лев Андреевич Задов, начальник разведки. Разведка в РПАУ на уровне высших мировых стандартов стояла. В невыгодных условиях Махно никогда боя не принимал. Уходил. Исчезал. Армия его рассыпалась.

Пушки и пулеметы — по оврагам да буеракам, кони на лугах пасутся, тачанки пулеметные, только уже без пулеметов, девок на ярмарку везут. Мужики по дворам сидят. На солнышке. Улыбаются.

Махновская армия от всех других юмором острым отличалась да улыбками. Сам Нестор Иванович большой шутник был. Дума великая на челе его, а в глазах бесенята озорные. За хорошую шутку жаловал он, как за победу в бою. Лихо Нестор Иванович воевал! В одну ночь собирал он всю свою армию в кулак и бил тем кулаком внезапно по

самому уязвимому месту врага. В армии его семнадцать кавалерийских дивизий было. Трепетали города от грохота копыт его конницы. А если удача против него, свистнет батька — и вновь его армия рассыпалась, затаилась, до первой темной ночи исчезла.

Неуязвим был батька Махно. Но красным поверил. Зря, батька, поверил. Нашел кому верить. Махновская кавалерия вместе с красными в Крым ворвалась белых резать. А как белых порезали, развернулась внезапно Первая конная армия против своего союзника. Конная армия! Голая степь. Конец ноября двадцатого года. Конная армия! Лавина. Грохот копыт на десятки верст. Степь уже морозом прихватило. Степь — вроде бескрайнего бетонного поля. От горизонта до горизонта. Красные не стреляли и даже «ура» не кричали. Десятки тысяч клинков со свистом вылетели из ножен, засверкали на солнце. И пошла Конная армия! И пошла. Вой и свист. Человек в толпе звереет. И лошадь звереет. Пена клочьями. Кони — звери! Люди — звери! Свист клинков. Блеск нестерпимый. Грохот копыт. Кавалерийские дивизии красных большим крюком махновскую армию обходят, отрезая пути к отступлению, а вся Конная армия в лоб. Галопом. Внезапно. Против союзника! Руби! Даешь! Отдельная кавалерийская бригада особого назначения пленных тут же клинками рубит и своих тоже. Тех, кто в бою не звереет. Р-р-руби!

Развернул Нестор Иванович триста восемьдесят пулеметных тачанок. Четыреста шестнадцать его пулеметов стегнули Первую конную армию свинцовым ураганом. Но поздно. Поздно. Кому ты, Нестор Иванович, поверил! Поздно. Никогда ты боя в неравных условиях не принимал. Уходил. А тут куда уйдешь от союзника? Руби! Захлебнулась 6-я кавалерийская дивизия красных собственной кровью. Трупов — горы. Раненых нет. Раненых кони топчут: Первая конная армия лавиной идет! Ей не время своих раненых обходить. Руби! Зря, Нестор Иванович, им поверил. Зря. Я бы им не поверил. Я им и сейчас не верю.

Знаешь, Нестор Иванович, я бы к красным служить не пошел. Я бы под твои черные знамена. Да нет тебя, и нет других армий, кроме Красной. И никуда не убежишь. Прошли те славные времена. В принципе мало что изменилось. Каждый сам себе банду вербует. Только называется она не бандой, а группой. Правда, сейчас группы друг друга шашками не секут, но от этого разве легче?

Раньше хоть ясно было, кто белый, кто зеленый. А сейчас каждый себя для удобства к красным причисляет. Но каждый красный остальным красным не верит. Другие красные для него такие же «союзники», как Первая конная армия для батьки Махно.

Плохие времена. Все товарищи. Все братья. А когда человек человеку друг, товарищ и брат, как тут угадаешь, откуда по тебе удар нанесут? Когда конная лавина внезапно развернется и затопчет тебя копытами?

4

Трясина агентурного обеспечения все глубже засасывает меня. Не вырвешься.

Если каменщик стенку кладет, то даже ему по закону три подручных положены: раствор мешать, кирпичи подавать, кирпичи на половинки рубить, если понадобится. В агентурном добывании подручных гораздо больше нужно на каждого работающего. И каждый хочет каменщиком быть. Никому подручным быть не хочется. А мастером можно стать, только доказав, что ты сам умеешь работать на уровне других мастеров или еще лучше. Но как это сделать, если агентурное обеспечение забирает все время? Все ночи. Все праздники. Все выходные.

5

Советский военный атташе в Вене исчез. Пропал. Испарился. Его увезли домой. В Союз. Эвакуировали, как у нас выражаются.

Эвакуация офицеров ГРУ и КГБ производится в случаях крупных ошибок, полной бездеятельности, в случае, если кто-то заподозрен в недозволенных контактах или в подготовке к побегу.

За что эвакуировали военного атташе, я не знаю. Об этом никогда не объявляют. Исчез, и точка. Пропал. Вызвали в посольство, сообщили, что требуется лететь в Москву, уточнить какие-то детали, приставили добрых молодцев для обеспечения безопасности — и

вперед. Из Москвы он не вернулся. Советский Союз большой. Затерялся где-то.

Его зеленый «мерседес» перешел по наследству к новому военному атташе полковнику Цветаеву. Новый военный атташе горд. Начальником себя мнит. Наши соседи из КГБ думают, что он Младший лидер. Но у нас, как в любой тайной организации, официально занимаемое положение ничего не значит. У нас своя иерархия. Тайная. Подпольная. Невидимая миру.

Походи, полковник, покрасуйся. Но смотри, скоро тебя Навигатор в свой кабинет позовет. На львиную шкуру. Он тебе, полковник, очень ласково сообщит, что подчинен ты не Навигатору лично, не Младшему лидеру и даже не обычному заместителю Навигатора, а просто одному из очень успешных волков ГРУ, одному из наших варягов. А им может оказаться любой — например, твой помощник. Официально, на людях, ты будешь улыбаться и пожимать руки важным людям, а помощник военного атташе в звании майора или подполковника твой портфель за тобой носить будет. Ты — на «мерседесе», он — на «форде».

Но это только официально. А то, что делается официально, на виду у всех, никакой роли не играет. Главарь мафии днем может официантом прикидываться. Но это совсем не значит, что директор ресторана имеет больше влияния. У нас в ГРУ та же система. Внешние должности и атрибуты статуса — бутафория. Наоборот, своих лидеров и наиболее талантливых офицеров мы со сцены в тень задвигаем, выставляя на передний план чванливых вельмож. А за кулисами у нас свои ранги, свои отличия, своя особая шкала ценностей. И тут, за кулисами, варяг правит борзыми. Варяг глотки рвет. Варяг секреты добывает. Его обеспечивать надо. Твой помощник уже выбился в варяги. А ты, полковник, еще только борзой. Шакал. Шестерка. Бобик. Тузик. Ты на своем «мерсе» своего помощника обеспечивать и прикрывать будешь. За малые ошибки майор тебя публично высмеивать будет в присутствии всей нашей добывающей братии. За большие ошибки — в тюрьму посадит.

Он добывает секреты для ГРУ. А ты только обеспечиваешь его. Он на тебя характеристику писать будет. Твоя судьба в его руках. Ошибешься — пропадешь, исчезнешь. Тебя эвакуируют, как твоего предшественника. А пока улыбайся, борзяга, подметка, каштанка. И помни: через три месяца экзамен на знание города. На сто вопросов ты

должен дать сто правильных ответов. Ошибка в ответе приведет к ошибке в агентурном обеспечении. А это провал, скандал, комиссия Центрального Комитета, конвейер, тюрьма. А если сдашь, полковник, экзамен, то ждет тебя обеспечение. Будешь хвосты прикрывать. Без выходных. Без праздников. Без просвета. А пока улыбайся.

6

Агентурное обеспечение бывает прямым и общим. В прямом обеспечении сегодня работает вся наша славная резидентура. Весь «забой». Вся свора.

Все обеспечение координирует Навигатор лично. А в общем обеспечении работают посол Союза Советских Социалистических Республик и генеральный консул. Они понятия не имеют, что происходит. Просто из Центрального Комитета (это называется «из инстанции») им шифровка: прикрыть, оградить, отмазать. Если ошибемся мы, прямое обеспечение, то общее обеспечение будет нас дымовой завесой прикрывать. Точно как осьминог уходит от врага, прикрываясь непроглядным облаком. Посол и генеральный консул будут кричать, шуметь, обвинять в клевете и провокациях австрийскую полицию, отрицать все что угодно. Они будут нагло смотреть в глаза, разыгрывая оскорбленную невинность. Они будут угрожать ухудшением дружеских отношений и концом разрядки международной напряженности. Они вспомнят, что Красная Армия бескорыстно освободила Австрию. Они вспомнят о жертвах войны и о преступлениях нацизма. У них работа такая. Они нужны для того, чтобы прикрывать наш отход, если мы ошибемся.

Но мы пока не ошиблись. Пока все идет хорошо. Операция, которую мы проводим, требует усилий нескольких резидентур и всех добывающих офицеров каждой из резидентур, вовлеченных в операцию: через Австрию идет танковый двигатель.

Он уже прошел несколько стран. Транзитом. Назначение — Турция. Якобы. Австрия — последний трудный этап этого пути. Из Австрии он пойдет в Венгрию, а там резко изменит направление движения.

Танковый двигатель весит полторы тонны. Наши варяги увели его в какой-то стране и переправили через границу под каким-то другим названием. Он путешествует уже давно, пересекая границы, каждый раз меняя свое название, точно как нелегал ГРУ меняет паспорт, оказавшись в новой стране.

Контейнер с танковым двигателем уже в Австрии. Тут он путешествует под названием «экспериментальная энергетическая установка для дренажных систем орошения». В странах Азии и Африки голод! Пропустите экспериментальную энергетическую установку! Пусть бедные страны решат проблему продовольствия!

Нервная работа. Тяжелая. Тот, кто не связан с транзитом тяжелых грузов через государственные границы, даже представить не может, сколько бюрократов вовлечено в этот процесс! И ГРУ должно быть уверено, что ни один из них не подозревает об истинном назначении «экспериментальной энергетической установки». А тот из них, кто вдруг догадался, должен немедленно получить мощный гонорар за догадливость и сделать вид, что не догадывается. Каждого из них ГРУ должно контролировать хотя бы издалека. Этим мы и занимаемся.

Кто-то из наших варягов сверлит дырку для ордена. Танковый двигатель. Новейший. Не для копирования, конечно. Но для изучения. Точно так же, как для американского конструктора гоночных машин был бы интересен новейший японский двигатель.

Где же мне добыть что-нибудь подобное? Мне тоже хочется дырку на мундире просверлить. Интересных вещей множество. И добыть их иногда не очень трудно. Но служба информации покупает три-четыре одинаковых образца или документа в разных частях мира, и все. Больше не нужно. Давай новейшее, то, что никто добыть не может. Иногда предлагаешь что-то потрясающе интересное, но ГРУ отвечает отказом: спасибо, но дипломатическая резидентура в Тунисе сработала быстрее. Спасибо, у нас уже это есть.

ГРУ — это жестокая конкуренция. Выживают сильнейшие.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Подгорный Николай Викторович исчез.

Испарился. Пропал. Был, а теперь нет его.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — это высшая государственная власть страны. Нечто вроде президента. Официально. На самом деле — пешка. Самый главный в Советском Союзе — не Председатель Президиума Верховного Совета, а Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета — никто. Он — ширма. Вроде советского посла. Ходит гордый. С высокими особами в друзьях состоит. Руки им жмет. Улыбается. Но решений не принимает. И к большим секретам не допущен. Улыбайся и жми руки. Такая тебе работа. А у нас прямой канал подчинения. Навигатор отчитывается перед начальником ГРУ. А он — перед начальником Генерального штаба. Тот — перед Центральным Комитетом. А послы и президенты — маскировка. Ширма.

Но если Председатель Президиума Верховного Совета СССР, пусть даже он и марионетка, пропадает, если о нем вспоминают только полдня после исчезновения, если причины его назначения на пост и смещения с этого поста нам не сообщают, если нам эти причины и не интересны, то куда в этом случае все мы катимся?

Глава 21

1

Медленно струится время: тик, тик, тик. Ночь. 2 часа 43 минуты. Нужно пройтись, разогнать сон. Обычно в помещениях резидентур нет никаких окон. У нас в Вене в огромном сооружении их только три. Нужно из общего рабочего зала выйти в коридор, подняться по лестнице, пройти мимо лаборатории фотодешифровщиков в коридор «С», и оттуда вверх по лестнице. Сорок восемь ступеней. Вот тут у нас совсем небольшой коридорчик, который ведет к мощной двери антенного центра. В этом-то коридорчике — те самые три окна. Место это называется Невским проспектом. Наверное, потому, что, насидевшись в глубинах наших казематов, каждый норовит тут, на пяточке, покрутиться на солнышке.

Этот пяточок отделен от наших рабочих помещений множеством дверей, бетонными перекрытиями и стенами. Тут не разрешено обсуждать секретные вопросы. Тем не менее три окна защищены так, как должны быть защищены окна помещений ГРУ. Снаружи они ничем не отличаются от других окон. Такие же решетки, как и везде. Но наши окна не совсем прозрачные, какая-то муть в структуре стекла присутствует. Поэтому снаружи трудно разглядеть то, что происходит внутри. Стекла на окнах толстые. Не проломишь. Выполнены они такими еще и потому, что толстое стекло меньше вибрирует и не может служить хорошей мембраной, если навести на него мощный источник излучения. Стекла сделаны как бы не очень аккуратно. В одном месте чуть толще, в другом — чуть тоньше. Но и это хитрость. Кто-то за изобретение стекла переменной толщины премию получил. Если даже акустическая разведка противника будет облучать наши стекла лазерным лучом и снимать отраженный сигнал, то стекло переменной толщины будет рассеивать луч хаотично, не позволяя получить удовлетворительное качество сигнала. Форточек у нас, понятно, нет. Системы вентиляции особые. Они охраняются, и о них я

мало что знаю. Ясно, что окна для проветривания помещений никак не используются.

Каждое окно имеет тройное остекление. Рамы металлические. Между металлическими деталями — прокладки. Это чтобы всячески снизить вибрацию. Внутреннее и внешнее остекление выглядят как обычные оконные стекла, но если присмотреться к среднему стеклу, то можно заметить, что стекла не находятся в одной плоскости. Каждое стекло чуть наклонено и чуть развернуто по фронту. Для каждого стекла свой угол наклона. Это тоже помогает предотвратить снятие с окон акустической информации о том, что происходит внутри помещения. Стены защищены, конечно, еще лучше. Особенно там, под землей, в «забое».

За окнами еще непроглядная ночь. Я знаю это. Я пришел сюда только для того, чтобы походить по лестницам и коридорам. Я — дежурный офицер, и мне спать никак нельзя.

Вся ночная смена работает без моего участия и вмешательства. Группа ТС круглосуточно ведет работу по перехвату и расшифровке военных и правительственных радиogramм. Группа контроля тоже занимается радиоперехватом. Но это совсем другой вид работы. Группа ТС работает в интересах службы информации ГРУ, добывая крупинцы информации, из которых командный пункт ГРУ лепит общую картину мира.

У радиоконтроля функции другие, хотя и не менее ответственные. Группа радиоконтроля работает в интересах только нашей резидентуры. Она следит за активностью полиции и контрразведки. Эта группа всегда знает, что делает венская полиция, как расставлены ее силы, за кем следят ее агенты и группы наружного наблюдения. Радиоконтроль скажет вам, что сегодня, например, у вокзала они следили за подозрительным арабом, а вчера все силы были брошены на поимку группы торговцев наркотиками. Часто активность полиции не поддается объяснению, но и тогда группа радиоконтроля готова предупредить о том, в каком районе города проявилась эта непонятная активность.

Кроме групп радиоперехвата, ночами работают радисты и шифровальщики, но и в их работу я не имею права вмешиваться. Зачем же я тогда ночью тут сижу? Так положено. Работают разные группы,

не подчиненные друг другу. Значит, над ними кто-то должен быть старшим. Оттого мы и дежури́м ночами.

Я — обыкновенный добывающий офицер, не имеющий особых заслуг, для всех этих людей — олицетворение власти. Для них не важно, варяг я или борзой. Я отношусь к высшей касте. Я — добывающий. Значит, я гораздо выше любого из тех, кто напрямую не связан с иностранцами. Для любого из них, независимо от их воинских званий, стать добывающим офицером — красивая, но неосуществимая мечта.

— Богданыч, кофе?

Это Боря, третий шифровальщик. Ему нечего делать. Главный приемник молчит, приемник агентурной радиосигнализации тоже молчит.

— Да, Боря, пожалуйста.

Я собирался закончить описание подобранных мной площадок десантирования для работы подразделений СпН 6-й гвардейской танковой армии. По приказу ГРУ я подобрал три такие площадки. На случай войны. Но если Боря вышел из своего отсека, то завершить эту работу все равно не удастся.

— Сахар?

— Нет, Боря. Я всегда без сахара.

Боря поклоняется Венере. Все шифровальщики ГРУ и КГБ по всему миру поклоняются этой даме. Боря знает, что у меня много работы и ходит вокруг, обдумывая, как отвлечь мое внимание от будущей войны и переключить его на обсуждение вопросов его религии.

— Богданыч!

— Чего тебе? — я не отрываюсь от тетради.

— Дипкурьеры стишок новый привезли.

— Сексуальный, конечно?

— У дипкурьеров всегда только такие.

— Хрен с тобой, Боря. Давай свой стишок.

Боря кашляет. Боря прочищает горло. Боря в позе великого поэта:

— Я хожу по росе, я в ней ноги мочу. Я такой же, как все: я ебаться хочу!

— Это я, Боря, и до тебя слышал.

Боря огорчается ненадолго:

— У нас в Ленинграде один страдатель был. Знатные стихи выдавал: О Ленинград! О город мой! Все люди — бляди, а я — святой!

От него не отвяжешься. Да и портить отношения с ним опасно. Шифровальщики — более низкая каста, да зато ближе всех к Навигатору стоят, как верные холопы. В его поэзию мне никак углубляться не хочется, но и прерывать его неразумно. Лучше разговор в сторону повернуть:

— Ты в штабе Ленинградского округа служил?

— Нет, в восьмом отделе штаба седьмой армии.

— А потом?

— А потом прямо в Ватутинки.

— Ого!

Ватутинки — это совершенно секретный городок под Москвой. Главный приемный радиоцентр ГРУ. Там секретно все. Даже кладбище. Ватутинки — рай. Но как настоящий рай, он имеет одно неудобство: нет выхода наружу. Тот, кто попал в Ватутинки, может быть уверен, что похоронят его именно на том кладбище и нигде более. Некоторые из тех, кто попал в это райское место, бывают за рубежом. Но их жизнь от этого разнообразнее не становится. Для всех шифровальщиков внутри посольства установлены четко ограниченные зоны. Для каждого своя. Для Бори это только шестнадцать комнат, включая комнату, в которой он живет, общий рабочий зал, кабинеты Навигатора и его заместителей. За пределы этой зоны он выходить не может. Это уголовное преступление. А за пределы посольства — тем более. В этой зоне Боря проживет два года, а затем его отвезут в Ватутинки. В зону. Боря не ездит. Его возят. Под конвоем. Боря счастливый. Многих из тех, кто попал в Ватутинки, вообще никуда не возят. Но и они — счастливики в сравнении с теми тысячами шифровальщиков, которые служат в штабах округов, флотов, армий и флотилий и для которых служба в Ватутинках навсегда останется несбыточной мечтой.

— Богданых, расскажи про проституток. А то мне скоро в Ватутинки. Там ребята засмеют: был в Вене, а никаких рассказов не привез.

— Боря, я ничего не знаю о проститутках.

Голову даю на отрез: Боря не по приказу свыше меня провоцирует, ему просто послушать хочется. Любой шифровальщик,

вернувшийся в Ватутинки, ценится только умением рассказывать истории на сексуальные темы. Все понимают, что у него была очень ограниченная зона для передвижения внутри посольства, иногда всего пять комнат. Все понимают, что его истории — выдумки, что ни один добывающий офицер не осмелится рассказать шифровальщику ничего из того, что он видит вокруг себя. И все же хороший рассказчик ценится в Ватутинках, как у народностей, не имеющих письменности, ценится сказочник. Вообще-то у цивилизованных народов то же самое наблюдается. Магазины Вены забиты фантастическими романами о приключениях на вымышленных планетах. Все цивилизованные люди понимают, что это выдумка, но чтут авторов этих вымыслов точно так же, как в Ватутинках чтут рассказчиков сексуальных историй.

— Богданыч, ну расскажи про проституток. Что, прямо так и стоят на улице? А одеты в чем? Богданыч, я знаю, что ты к ним близко не подходишь, но как они издали выглядят?^[11]

2

Я ощущаю острую нехватку воображения. Без него — труба. Тот, кто сам планирует свои ходы, всеми силами старается уйти в тень, выталкивая обеспечивающих под свет полицейских фонарей. На что уж полиция в Австрии добродушная, но и она иногда злиться начинает. Публично нас, конечно, не выгоняют — мы все-таки не в Великобритании, — но тем не менее потихоньку и из Австрии иногда выставляют. Без шума, без скандала. А уж если ты в Австрии не сумел работать, разве можно тебя в Голландию отправлять, где полиция работает вполне серьезно, или в Канаду, где условия и перспективы теперь совсем не те, что были когда-то?

Каждый варяг в тени держится. Каждый борзой у всего мира на виду. Варяги правильно делают, что нас под огонь подставляют, прикрываясь нашей нерасторопностью и неумением. Но я тоже стану варягом. Это решил точно. Ночами спать не буду, а свой выход к секретам найду!

Без выхода к настоящим секретам нет вербовки. Без вербовки нет жизни в ГРУ. Заклюют. Все, что нам в академии преподавали, имело не

менее двадцати лет выдержки и использовалось на практике много раз. Нужны новые пути.

Для развития криминального воображения нас заставляли детективные романы читать. Но это скорее для развития критического отношения к действиям и решениям других. Авторы детективов — профессиональные развлекатели публики, но не профессиональные добыватели секретов. Легко и свободно они главный вопрос обходят: как командир может поставить задачу на добывание нового оружия, если о нем ничего не известно? Вообще ничего. Если мир еще не подозревает о том, что подобное оружие может существовать. А ведь советская военная разведка начала охоту за американской атомной бомбой, когда ни одно правительство в мире не придавало серьезного значения исследованиям в области ядерной физики, когда даже президент США еще не оценил по достоинству возможности ядерного оружия. Но уже тогда обыкновенный офицерик Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии завел простую статистику: в США по такому-то вопросу за месяц опубликовано в научных журналах столько-то статей, а по другому вопросу — вот столько. По делению атомного ядра в январе, допустим, вышли шесть статей, в феврале — восемь, в марте — семь. А потом — р-р-раз! — ни одной на протяжении многих месяцев. Что сие могло означать? Правильно: тему засекретили. А почему? Где-то делятся какие-то ядрышки. Кому это интересно? Но тему почему-то засекретили. Что надо делать? Верно: найти авторов уже опубликованных статей, посмотреть (пока со стороны), чем они заняты, найти их друзей, соседей, родственников, знакомых. Дальше — дело техники: через кого-то найти выход и поинтересоваться: эй, Джон, зачем ядрышки расщепляешь? Они тебе жить мешают?

Метод статистической обработки большого количества научных публикаций теперь освоен многими, многие на нем кормятся. Мне надо искать что-то новое. Нужно собственную тропинку протаптывать. Только куда?

Для развития криминального мышления в добывании возили нас в секретный отдел музея криминалистики на Петровку. Начальники московского уголовного розыска, конечно, не знали, кто мы такие. Тот музей множество делегаций посещает — из МВД, из КГБ, из

Народного контроля, из комсомола, еще черт знает откуда. Всем криминальное мышление развивать надо.

Интересный музей, ничего не скажешь. Больше всего мне машина понравилась, которая деньги делала. Ее студенты МВТУ сработали и грузинам за десять тысяч рублей продали: мол, нам настоящие деньги нужны, а машину для производства фальшивок мы еще одну сделаем. Показали студенты, куда краску лить, куда бумагу вкладывать, куда спирт заливать. Делала машина великолепные хрустящие десятки, которые ни один эксперт от настоящих отличить не мог. Предупредили студенты грузин: не увлекайтесь — жадность фраера губит! Не перегревайте машину — рисунок расплывчатым станет. Уехали грузины в Грузию. Знай себе по вечерам денежки печатают. Но встала машина. Пришлось в шайку механика вербовать. Вскрыл механик ту машину, присвистнул. Обманули вас, говорит. Не может эта машина денег фальшивых делать. В ней сто настоящих десятков было вставлено. Крутанешь ручку — новенькая, прогретая, спиртом пропитанная десятка и выскочит. Было их только сто. Все выскочили. Больше ничего не выскочит. Грузины — в милицию. Студентов поймали и дали по три года тюрьмы за мошенничество. А грузинам — по десять. За попытку и намерение производить фальшивые деньги. Оно и правильно: студенты только грузин обманули, а грузины хотели рабоче-крестьянское государство обманывать.

Эх, везет же людям с такой роскошной фантазией! Что же мне придумать?

Вербовка — сложное дело. Как охота на соболя. В глаз нужно бить, чтобы шкуру не испортить. Но для настоящего охотника попасть соболю в глаз — нетрудная задача. Найти соболя в тайге — вот что действительно трудно.

ГРУ ищет людей, которые обладают тайнами. Таких людей немало. Но советник президента, ракетный конструктор, штабной генерал отделены от нас охраной, заборами, сторожевыми собаками, тайными привилегиями и огромными деньгами. ГРУ нужны носители секретов, которые живут одиноко, без телохранителей, нужны

носители государственных секретов, которые не имеют радужных перспектив и огромных денег. Нам нужны носители секретов, которым нужны деньги.

Как найти таких людей? Как выделить их из сотен миллионов других, которые не имеют доступа к секретам? Не знаете? А я знаю. Теперь я знаю. У меня блестящая идея.

Но вот беда: к Навигатору на прием попасть невозможно. Уже много дней он сидит в своем кабинете, как в заключении, никого не принимает. Младший лидер — злее пса. К нему подходить опасно — укусит. Младший лидер тоже почти все время в командирском кабинете проводит. А кроме них там Пётр Егорович Дунаец сидит. Официально он — вице-консул. Неофициально — полковник ГРУ, один из заместителей Навигатора. Теперь к этой компании присоединился еще и контр-адмирал Бондарь — заместитель начальника Первого управления ГРУ. Он в Вену прилетел как член какой-то делегации, не военной, а гражданской, конечно. В делегации его никогда не видели. У него более серьезные заботы.

Вся эта компания — генерал, адмирал и два полковника — редко из командирского кабинета выходят, как стахановцы, в «забое» сидят. Мировой рекорд добычи поставить решили?

Женя, пятый шифровальщик, носит им в кабинет и завтрак, и обед, и ужин. А потом подносы оттуда выносит. Все холодное, все нетронутое. А еще Женя оттуда выносит груды кофейных чашек и пирамиды окурков. Что там происходит, Женя, конечно, не знает. Все командирские шифровки обрабатывает только Александр Иванович, первый шифровальщик. Но у него рожа всегда каменная, без эмоций.

Наверняка то, чем занимаются эти четверо в кабинете, именуется научным термином «локализация провала». Знать, крупный провал, глубокий. И нужно рубить нити, которые могут нащупать следователи. И потому в командирский кабинет вызывают по одному самых опытных варягов резидентуры, и после короткого инструктажа они исчезают на несколько дней. Что они делают, знать посторонним не положено.

Ясно, нити рубят. Как рубят? Можно только догадываться. Дают агентам деньги и паспорта: уходи в Чили, уходи в Парагвай, денег на всю жизнь хватит. Не всем, конечно, такая удача. Речь о безопасности ГРУ. Речь о том, останется ли могущественная организация, как всегда,

в тени, или о ней начнут болтать все бульварные газеты, как про КГБ или ЦРУ. Для ГРУ важно вновь вернуться в тень. Ставки в игре небывалые. И поэтому ГРУ рубит нити и другими способами. Кто-то сейчас с диким воплем под поезд летит в награду за многолетнюю верную службу. Каждому свое. Кто-то во время купания утонул. Со всяким это может случиться. Но чаще всего — автомобильные катастрофы. ГРУ, как анаконда, никогда не убивает из любви к убийствам. ГРУ убивает только при крайней нужде. Но убивает решительно и чисто. Нервная это работа. Вот почему к Младшему лидеру сейчас лучше не подходить. Я же предупреждал: укусит.

— Ты, Витя, на доброте своей сгоришь. Нельзя быть таким добрым. Человек имеет право быть добрым до определенного предела. А дальше — или всех грызи, или лежи в грязи. Дарвин это правило научно обосновал. Выживает сильнейший. Говорят, его теория только для животного мира подходит. Правильно говорят. Да только ведь и мы все — животные. Чем мы от них отличаемся? Мало чем. У остальных животных нет венерических болезней, а у людей есть. Что еще? Только улыбка. Человек улыбаться умеет. Но от наших улыбок мир не становится добрее. Жизнь — это выживание. А выживание — это борьба, борьба за место под солнцем. Не расслабляйся, Витя, и не будь добрым — затопчут...

Давно за полночь. С берега Дуная тянет прохладой. Где-то далеко садится самолет. Дождь прошел, но с каштанов еще падают тяжелые теплые капли. Младший лидер сидит напротив меня, горестно подперев щеку кулаком. Вообще-то он уже не Младший лидер. Это просто по привычке мы его так называем, да и то не все. Теперь он просто полковник ГРУ Мороз Николай Тарасович. Добывающий офицер, действующий под дипломатическим прикрытием. Это не много. Полковник ГРУ — это тоже не очень высоко. Полковники всякие в ГРУ бывают. Важно не звание, а успехи и положение. Добывающий полковник может быть просто борзым, как два военных атташе, которых эвакуировали одного за другим. Он может быть гордым и успешным варягом. Полковник может быть заместителем

Навигатора или Младшим лидером. А в некоторых случаях и командиром небольшой дипломатической или нелегальной резидентуры.

Сейчас полковник Николай Тарасович Мороз перемещен с одного из самых верхних этажей нашей иерархии в самый низ. Локализация провала завершена. Младшего лидера сместили. Трех борзых, что его всегда обеспечивали, эвакуировали в Москву. И все затихло. Со стороны изменений ведь не увидишь.

Кончилась власть полковника Мороза. На его место пока никого не прислали. Так что Навигатор правит нами лично и через заместителей. Нелегко ему без первого зама, но, откровенно говоря, и Навигатор не очень сейчас старается. Все как-то само собой идет.

Падение Младшего лидера каждый по-своему переносит. Каждый по-своему реагирует. Для офицеров группы ТС, радиоконтроля, фотодешифровки, для охраны, для операторов систем защиты, связистов, шифровальщиков и всех остальных, не участвующих в добывании, он так и остался полубогом. Ведь он же по-прежнему добывающий офицер! Но среди нас, добывающих, к нему теперь по-разному относятся. Конечно, капитаны, майоры и подполковники не хаят ему. Он равен нам по положению, но тем не менее полковник. Но вот среди полковников, особенно не слишком успешных, кое-кто и посмеивается. Интересно мы устроены: те, кто больше других к нему в друзья набивался, больше других сейчас над ним потешаются. Друзья в беде познаются. Николай Тарасович на шутки не обижается. Не огрызается. Пьет Николай Тарасович. Здорово пьет. Навигатор внимания не обращает. Пусть пьет. Горе у человека. Сдается мне, что и сам Навигатор поддает.

Боря, третий шифровальщик, говорит, что Навигатор с зеркалом пьет, закрывшись в кабинете. Без зеркала пить не хочет: считает, что пьянство в одиночку — самая тяжелая форма алкоголизма. Не знаю, шутит Боря или правду говорит, да только месяца три назад не осмелился бы Боря ни шутить так, ни личные командирские тайны выдавать. Видать, ослабла рука Навигатора, нашего папочки, нашего командира. Ослабла. Возможно, Навигатор с бывшим Младшим лидером иногда и вдвоем напиваются. Но Навигатор умудряется это в секрете сохранить, а Николай Тарасович не прячется.

Сегодня вечером под проливным дождем бегу я к своей машине, а он, бедолага, мокрый весь, ключом в дверь своего длинного «ситроена» попасть не может.

— Николай Тарасович, садитесь ко мне, домой отвезу!

— Как же я, Витя, тогда утром в посольство вернусь?

— А я за вами утром заскочу.

Поехали.

— Вить, айда выпьем?

Как не выпить? Отвез я его за Дунай. У меня тут места есть, мало каким разведчикам известные. Да и цены умеренные. Пьем.

— Добрый ты, Витя. Нельзя так. Ты человека из беды выручаешь, а он тебя и сожрет. Говорят, что люди — звери. Я с этим, Витя, ну никак согласиться не могу. Люди хуже зверей. Люди жестоки, как голуби.

— Николай Тарасович, все еще на свои места встанет, не расстраивайтесь. Навигатор вас за брата считает, он вас поддержит. Да и в Аквариуме у вас связи могучие, и в нашем управлении, и на КП, и в информации...

— Это все, Витя, правильно... Да только... Ш-ш-ш, секрет... Провал у меня... Жестокий... В Центральном Комитете разбирали... Тут связи в Аквариуме не помогут. Ты думаешь, почему я не в Союзе? Потому как странно будет: в одной стране процесс шпионский, а из соседней дипломаты советские исчезают... Проныры-журналисты мигом параллель проведут... А для политики разрядки международной напряженности это вроде как серпом по глотке. Это вроде признания нашей вины и заметания следов. Временно я в Вене. Немного уляжется, забудется, тогда и меня уберут. Эвакуируют.

— А если вы успеете особо важного вербануть?

Он на меня грустными глазами смотрит. Мне немного за свои слова неудобно. Мы оба знаем, что чудес не бывает. Но что-то в моих словах нравится ему, и он грустно улыбается мне.

— Вот что, Суворов, я сегодня слишком много болтаю, хотя права у меня такого нет. Болтаю я, потому как пьян, а еще потому, что среди многих известных мне людей ты, наверное, меньше всех подлостью заражен. Слушай, Суворов, и запоминай. Сейчас в нашей своре полное расслабление с полудремотой, как после полового сношения. Это потому, что Навигатору по шее дали — еле удержался, да меня

сбросили, да транзит нелегалов временно через Австрию прекращен, да поток добытой документации сейчас по другим каналам в Аквариум идет. И многим кажется, что делать ничего не надо. Все разленились, распустились без тяжелой руки папаши. Это ненадолго. Наша свора потеряла ценнейший источник информации, и Центральный Комитет скоро об этом напомнит. Навигатор на дыбы взовьется. С каждого спросит. Навигатор любого в бараний рог скрутить может. Он обязательно себе жертву выберет и на алтарь советской военной разведки положит. Чтоб никому не повадно было расслабляться. Будь, Виктор, начеку. Скоро Навигатору шифровку от Кира принесут. Навигатор страшен в гневе. Многим карьеры переломает. И правильно. Какого черта напоминаний ждете, как бараны в стаде? Виктор, работай сейчас. Завтра, может быть, уже поздно будет. Послушайся моего совета...

— Николай Тарасович, у меня идея есть шикарная, но я уже давно к Навигатору на прием попасть не могу. Может, завтра еще раз попробовать?

— Не советую, Витя. Не советую. Подожди. Скоро он всех по одному на львиную шкуру на страшный суд вызывать будет, тогда и расскажешь ему о своей идее. Только мне о ней не говори. Я ведь никто сейчас. Не имеешь ты права мне о своих идеях рассказывать. А еще, я ведь и украсть твою идею могу. Мне идеи сейчас позарез нужны. Не боишься?

— Не боюсь.

— Зря, Суворов, не боишься. Я такая же скотина, как и ты, как и все остальные. А может быть, и хуже. Пойдем по блядям, по лебедям?

— Поздно, Николай Тарасович.

— Самое время. Я тебе таких девочек покажу! Не бойся, пошли.

Вообще-то я не против на девочек посмотреть. И не боюсь я его. Он хоть и считает себя зверем, хоть рука его к убийству вполне привычна, он все же человек. Редкое исключение среди тысяч двуногих зверей, встречавшихся на моем пути. Я — зверь в большей степени, чем он. И инстинкт размножения во мне не слабее инстинкта самосохранения. Но он пьян, и с ним можно нарваться. А за этим последует эвакуация.

— Поздно уже.

Люди делятся на капиталистов и социалистов. И тем, и другим деньги нужны. Это их объединяет. А разъединяет их метод, которым они деньги добывают. Если капиталисту нужны деньги, он упорно работает. Если социалисту нужны деньги, он бросает работу, да еще и других подстрекает сделать то же самое.

У капиталистов и социалистов все ясно и логично. А я отношусь черт знает к какой категории. В нашем обществе все наоборот. Всем тоже деньги нужны. Но о деньгах неприлично говорить и преступно пытаться их заработать сверх назначенной тебе пайки. Не общество, а непонятно что. Если было бы у нас нормальное общество, я всенепременно стал бы социалистом. Я бы бастовал постоянно и на этом сколотил бы огромный капитал.

Мне хочется сейчас думать о чем угодно — о капиталистах и социалистах, о светлом будущем планеты, когда все станут социалистами, когда все будут помнить только свои права, но не свои обязанности. И вообще мне сейчас хочется думать обо всем, кроме того, что ждет меня через несколько минут за бронированной дверью командирского кабинета.

Свиреп Навигатор во гневе. Страшен он, особенно когда от Кира шифровку получит. Шифровку «из инстанции» Александр Иванович, первый шифровальщик, по приказу Навигатора всей своре зачитал. Суровая шифровка.

А после нее потянулись полковники по одному на львиную шкуру. Пред ясны очи. А за полковниками — подполковники. Быстро Навигатор резолюции выносит, точно как батька Махно приговоры. Скоро уже моя очередь... Страшно.

— Докладывай.
 — Альпийский туризм.
 — Альпийский туризм? — Навигатор медленно встает со своего кресла. — Ты сказал — альпийский туризм?

Ему не сидится. Он быстро ходит из угла в угол, чему-то улыбаясь и глядя мимо меня.

— Альпийский туризм, — указательный палец его правой руки коснулся мощного лба и тут же направлен на меня, как пистолет. — Я всегда знал, что у тебя золотая голова!

Он поудобнее усаживается в кресле, подперев щеку кулаком. Оранжевый отблеск лампы скользнул по его глазам, и я вдруг ощутил на себе подавляющую тяжесть его могучего интеллекта:

— Расскажи мне об альпийском туризме.

— Товарищ генерал, Шестой флот США контролирует Средиземное море. Понятно, что ГРУ следит за ним из Италии, из Вашингтона, из Греции, Турции, Сирии, Ливана, Египта, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко, Испании, Франции, с Мальты, с Кипра, со спутников, с кораблей пятой эскадры. На Шестой флот мы можем смотреть не со стороны, а изнутри. Наблюдательный пункт — австрийские Альпы. Конечно, наш опыт будет перенесен в Швейцарию и другие страны, но мы будем первыми. Шестой флот — золотое дно. Атомные авианосцы, новейшие самолеты, ракеты всех классов, подводные лодки, десантные корабли, а на них — танки, артиллерия и любое вооружение сухопутных войск. В Шестом флоте мы найдем все. Там ядерные заряды, атомные реакторы, электроника, электроника, электроника...

Он не перебивает меня.

— Служба в Шестом флоте — это возможность посмотреть Европу: зачем лететь в США, если отпуск можно великолепно провести в Австрии, в Швейцарии, во Франции. После изнурительных месяцев под палящим солнцем флотский офицер попадает в заснеженные горы...

Его глаза блестят:

— Если бы ты родился в волчьей семье капиталистов, то тебе предпринимателем быть. Продолжай.

— Я предлагаю сменить тактику. Я предлагаю ловить мышь не в норе, а в момент, когда она из нее выйдет. Я предлагаю не проникать на особо секретные объекты и не охотиться за какой-то определенной мышью, а построить мышеловку. Небольшой отель в горах. Это нам не будет практически ничего стоить. 500 тысяч долларов, не более. Для выполнения плана мне нужно только одно: секретный агент, который

долго работал в добывании, но сейчас потерял свои агентурные возможности. Мне нужен один из стариков, который втянут в наши дела совершенно и окончательно, которому вы верите. Думаю, что у вас должны быть старики на агентурной консервации. Мы найдем небольшой горный отель на грани банкротства. Таких немало. В него мы вдохнем новую жизнь, введя нашего агента с деньгами в качестве компаньона. Этим мы спасем отель и поставим владельца на колени. Собрав предварительно данные об отелях, мы выберем тот, в котором американцы, служившие на Шестом флоте, останавливались наиболее часто. Отель — не место вербовки, а место изучения. Молниеносная вербовка — после. В другом месте.

— Отель — пассивный путь. Возможно, кто-нибудь заедет. Или нет. Долго ждать...

— Как рыбак, забросив удочки... Надо знать, куда забрасывать и с какой наживкой.

— Хорошо. Приказываю тебе собрать материалы о небольших горных отелях, которые по разным причинам продаются... Продаются не от хорошей жизни.

— Товарищ генерал, я уже собрал такие сведения, вот они...

Я больше в обеспечении не работаю. Это видят в «забое» все. Каждый мою судьбу предсказать пытается. Надолго ли мне привилегии такие. Судьбу предсказывать нетрудно. Нужно на первого шифровальщика смотреть. Он все знает. Все тайны. Он — барометр командирской милости и немилости.

А первый шифровальщик меня по отчеству называть начал: Виктор Богданович. Вам шифровка, Виктор Богданович. Доброе утро, Виктор Богданович. Распишитесь тут, Виктор Богданович.

Это невероятно! С первым шифровальщиком такого никогда не случалось. Он не добывающий офицер, но он к персоне Навигатора ближе всех стоит. По званию он подполковник. Он по имени и отчеству только добывающих полковников называл, а подполковников, майоров, капитанов он никак не называл: вам шифровка! И не более. И вот на тебе: вспомнил имя мое и публично его произнес. Главный

рабочий зал затих, когда он впервые это сделал. Лица удивленные в мою сторону повернулись. У Сережи Двадцать Седьмого аж челюсть отвисла.

В тот самый первый раз, когда это случилось, первый шифровальщик меня к Навигатору вызывал:

— Командир ждет вас, Виктор Богданович.

Теперь к этому уже привыкли. Каждый гадает, где это я успел отличиться. Краем уха слышу иногда обрывки разговоров обо мне: китайского атташе вербанул! Слухи обо мне разные. Но кроме меня о моих делах знает только Навигатор, первый шифровальщик и Николай Тарасович Мороз, бывший Младший лидер. Он уже не пьет. Над ним никто больше не шутит. Раньше, когда он был Младшим лидером, он говорил: «Приказываю!» Потом он ничего не говорил. Теперь, оставаясь просто добывающим офицером, он стал говорить: «Именем резидента приказываю!» В его голосе вновь зазвенели железные нотки повелевающей машины. Раз приказывает, значит, есть такие полномочия. Раз заговорил таким тоном, значит, чувствует силу за собой.

Титул Младшего лидера он потерял, титул этот, конечно, очень важный. Но более важно другое: Навигатор полковнику по-прежнему верит и опирается на него. Раньше Младший лидер своей властью всю свору в кулаке держал, теперь он делает то же самое, но только от командирского имени.

Глава 22

1

Навигатор меняет курс. Мы все это чувствуем. Он круто переложил руль и гонит наш корабль по бурным волнам. Он рискует. Кренится наш корабль временами сверх всякой меры. Так можно и зачерпнуть бортом! Но у Навигатора крепкая рука.

Что-то меняется. Интенсивность обеспечения нарастает. В обеспечение всех!

Операции другого рода пошли. Связаться с рекламными бюро! Собрать материалы на гидов и обслуживающий персонал отелей! Секретно. Ошибешься — тюрьма! Установить прямые контакты с рекламными бюро на Средиземноморском побережье. Что за чепуха? Мы что, бизнесом туристическим занялись?

Добывающие офицеры идут чередой в кабинеты заместителей Навигатора. Они исчезают на несколько дней. Спрятать передатчик в горах! Вложить деньги в тайник. Больше денег! Заместители Навигатора проверяют выполнение заданий. Что происходит? Каждый раз за советом к Навигатору не побежишь. Навигатор занят. Никого не пускать! Где заместителю правильный ответ искать? К Николаю Тарасовичу Морозу, что ли, обратиться? Он теперь не Младший лидер, но почему-то все по-прежнему знает. Толпятся заместители в кабинете Николая Тарасовича. Ему кабинет вообще-то не положен. Он сейчас никто. Он просто добывающий. Но пока новый Младший лидер не прибыл...

Николай Тарасович — никто. Но лучше заместителю Навигатора к нему лишний раз забежать проконсультироваться, лучше выслушать его упреки, чем ошибиться. Ошибешься — Сибирь-матушка.

2

— Товарищ генерал, мне на завтра три человека в обеспечение нужны, и в ночь с субботы на воскресенье — пятеро.

— Бери.

— Кого?

— Согласуй с Николаем Тарасовичем. Кто не занят, тех и забирай.

— А если там полковники и подполковники?

— И их забирай.

— И командовать ими?

— И команду. В день проведения операции разрешаю использовать формулу «Именем резидента».

— Спасибо, товарищ генерал.

С Николаем Тарасовичем мы в паре работаем. Как два аса под прикрытием целой эскадрильи.

Мы мышеловку в горах создаем. Большой бизнес разворачиваем. Я совсем не против того, что его к моей идее подключили, что меня ему полностью подчинили. У него опыт, у него агентура.

С разрешения Аквариума Навигатор снимает с агентурной консервации стариков и стягивает их в Австрию для проведения операции «Альпийский туризм». Отель не один куплен, а три. Это недорого для ГРУ.

Снятые с консервации старые добывающие агенты используются по-разному. Большинство из них вошли в состав агентурной группы с прямым каналом связи. Они прямо в Ватутинки сообщения передавать могут, не подвергая себя и нас риску. Несколько стариков работают под контролем Николая Тарасовича. Один подчинен непосредственно мне.

Раньше его звали 173-В-106-299. Теперь его зовут 173-В-41-299. Завербовали его в 1957 году в Ирландии. Пять лет он в добывании работал. Что он добывал, в его деле не сообщается. В деле только между строк можно прочесть о его высокой активности и немалых успехах. После этого идет совершенно темная полоса биографии. В деле только говорится, что он в этот период состоял на прямой связи с Аквариумом, не подчиняясь венскому Навигатору ГРУ. Этот период оканчивается присвоением ему ордена Ленина, выдачей мощной премии, выводом в длительную консервацию с переводом под контроль нашей резидентуры.

За годы консервации встречи с ним не проводились. Таких ребят именуют Миша, Дремлющий, Кот. Теперь он из спячки возвращен к

активной работе. Теперь ему контрольные задания поставлены. Он думает, что работает, но его просто проверяют. Не охладел ли? Не раскололся ли? Не перековался ли?

3

И опять обеспечение всех колесом закрутило. Днями и ночами. Без выходных. Без праздников. Без просветов.

— Николай Тарасович, некого в обеспечение ставить!

— А вы, Александр Александрович, подумайте.

Александр Александрович думает.

— Может, Витю Суворова?

— Нет, его нельзя.

— Кого ж тогда? — Александр Александрович, заместитель Навигатора, только одного добывающего офицера в резерве имеет, и это Николай Тарасович Мороз. Александр Александрович вопросительно на Николая Тарасовича смотрит. Может, сам догадается в обеспечение попроситься? Некого ведь посылать. Всех разослали. Но Николай Тарасович молчит.

— Что ж, мне самому, что ли, в обеспечение идти? Я все-таки заместитель.

— А почему бы, Александр Александрович, и не сходить разок? Если посылать некого?

Александр Александрович еще думает. Наконец, решение находит:

— Я Колю-Аэрофлота два раза в ночь погоню.

— Ну, вот видишь! А говоришь — посылать некого.

4

Куда ты, Навигатор, гонишь нас? Можно ли так котлы перегревать? Не лопнули бы! Не лопнут. Тренированные. Из частей СпН. В обеспечение! Всех! Александр Александрович, в обеспечение! А твое обеспечение обеспечивает новый военный атташе. На зеленом «мерседесе».

Замотались. Закрутились. Ошибешься — тюрьма. На каждую операцию план написать. О каждой операции — отчет. Это чтобы следователям 9-го направления ГРУ легче виновных потом найти было.

В большом рабочем зале свет не гасят. Старший дежурный по «забою» сейчас не назначается: все равно полно офицеров добывающих в любое время суток в «забое».

Слева от меня за рабочим столом — Слава из торгпредства. Молоденький капитан совсем. Отчет пишет. Рукой от меня закрывает. Правильно, никому не положено свои секреты другим офицерам раскрывать. Откуда ему, Славе, знать, что это я ему операцию придумал. Что все ее детали мы с Навигатором и с Николаем Тарасовичем неделю назад всю ночь обсуждали. Откуда тебе, Слава, знать, что это ты меня обеспечивал. И когда ты на лесную просеку выходил, я тебя видел. Хорошо видел. А ты меня не видел. И не мог видеть. И не имел права видеть! Ну пиши, пиши.

У Виктора Богдановича голова болит. И глаза тоже. Виктор Богданович в кабинете Николая Тарасовича. Мы книги регистрационные проверяем. Много их. Из разных отелей. Даже из тех, которые нам и не принадлежат. Но у нас копии регистрационных книг. Десятки отелей и десятки тысяч имен. Это уже история. Но тот, кто знает историю, может прогноз на будущее выдать. Точный или неточный — другой вопрос. Но нет возможности познать будущее, не познав настоящего и прошлого.

Тысячи отелей в Австрии. Миллионы туристов. Если обеспечивающие добудут больше регистрационных книг, можно будет и электронику использовать для расчета прогнозов. А пока мы это вручную делаем.

Группа японских туристов. Шестнадцать человек. Интересные люди? Может быть. Только у нас к ним никакого ключика нет. Не знаем мы, интересные они или неинтересные. Жаль. Но их мы сразу в число неинтересных зачисляем. Вдобавок японский турист, подобно диверсанту из частей СпН, никогда не возвращается туда, где однажды

уже побывал. Японский турист спешит осмотреть всю планету. Японского туриста мы пропустим.

Английская пара из Лондона. Интересно? Не знаю. Пропускаем.

— Николай Тарасович, посмотрите, что я нашел!

Он смотрит. Он качает головой. Он цокает языком. Одиноким американец из маленького итальянского порта Гаэта. Говорит ли вам о чем-нибудь это название? О чем это название может сказать обычному человеку? О чем это название скажет офицеру КГБ? Ни о чем. Маленькая рыбацкая деревушка. Но оттуда почему-то приехал американец. Почему? Да кому это интересно? Любой, кто узнал бы, что в маленьком австрийском горном отеле остановился американец из Гаэты, не обратил бы на это ни малейшего внимания.

Но мы — военные разведчики. Каждый из нас начинал службу в информационной группе или отделе. Каждый из нас учил наизусть тысячи цифр и названий. Для ушей каждого из нас слова Пирмазенс, Пенмарш, Обен, Холи-Лох, Вудбридж, Цвайбрюккен — словно райская музыка. Какое наслаждение слышать название Гаэта! В этой деревушке базируется всего один военный корабль. На его борту — огромная цифра «10». Теперь вспомнили? Нет? Это американский крейсер «Олбани»! Это флагман Шестого флота США. Это концентрация всех секретов и всех нитей управления. О, моя деревянная голова! Почему идея о горных отелях не пришла тебе год назад? Совсем недавно в горном отеле отдыхал американец из этой небольшой итальянской деревушки. Он обязательно был связан с крейсером «Олбани». Мы не знаем, кто он. Но не может американец в этом Богом забытом селении не знать других американцев с крейсера. Пусть он не капитан, не офицер и даже не матрос крейсера. Пусть он даже не военный. Может, он пастор, может быть, продавец порнографии. Но он имеет контакты с моряками крейсера, и это самое главное. Если бы наша мышеловка была поставлена год назад, то мы обязательно обрушились бы на бедного американца всей мощью нашей своры.

Массовый загон! Много шпионов против одной жертвы. Жертва чувствует, что акулы со всех сторон, что путей отхода нет. Иногда, когда осуществляется массовый загон всей сворой, стеной, македонской фалангой, жертва не выдерживает и кончает жизнь самоубийством. Но чаще соглашается работать с нами. Если бы мы

знали об этом американце, когда он появился в Австрии, на него обрушилась бы вся несокрушимая мощь ГРУ. А если бы Навигатор помощи попросил, то по приказу Аквариума на одну вербовку могли бы быть брошены силы нескольких резидентур. В таких случаях жертва кричит и мечется, всюду нарываясь на варягов и борзых. Он бы звонил в полицию. Что ж, своих ребят мы и в полицейскую форму иногда нарядить можем. «Полиция» спасла бы его и посоветовала или покончить с собой, или соглашаться на предложение ГРУ. Когда одного гонят целой ордой, несчастный может звонить куда угодно, но везде получит один ответ.

В угол его! В тупик! Тупики всякие бывают: физические и нравственные, бывают финансовые тупики и пропасти безнадежности. А можно и в самый обыкновенный угол загнать. Голого человека в угол ванны. Голый среди одетых всегда ощущает непреодолимое чувство стыда и бессилия. Мы умеем загонять в угол! Мы умеем унижать и возвеличивать. Мы умеем заставить броситься в пропасть и умеем вовремя протянуть руку помощи.

— Замечтался?

— Замечтался, Николай Тарасович.

— Смотри, что я нашел.

Я читаю запись. Британская чета из небольшого городка Фаслейн. Вы знаете, что такое Фаслейн? Объясняю: это база британских атомных подводных лодок. Если пара живет в Фаслейне, то вероятность того, что она связана с подлодками, велика. Может быть, глава семьи — командир лодки, а может быть, простой охранник на базе. Может быть, он мусорщик на военной базе или вблизи нее, поставщик молока, владелец пивной. Может быть, он работает в библиотеке, в столовой, в госпитале. Любой из этих вариантов великолепен: этот человек имеет контакты с экипажами, с ремонтными бригадами, со штабными офицерами.

Если в Фаслейне есть проститутки, то можно смело утверждать, что и они с базой связаны. Да еще как! И через них можно добывать секреты, о которых, может быть, и капитаны лодок не знают.

Фаслейн слишком мал. Поэтому любой его обитатель как-то связан с базой.

Во Франции тоже есть база атомных подводных лодок. Но это Брест. Большой город. Далеко не каждый его житель с подлодками

связан. Поэтому мы и выискиваем маленькие городки, в которых находятся военные объекты чрезвычайной важности. Тот же Фаслейн, например. Дипломатической резидентуре ГРУ в Лондоне неудобно своих ребят в Фаслейн посылать. Засекут. В Великобритании ловят часто и выгоняют безжалостно. Не разгонишься. Да и появление постороннего в маленьком городке настораживает. Вот поэтому мы охотимся тут, в Австрии, на обитателей этих маленьких городков, название каждого из которых так сладко звучит для ушей военного разведчика.

Ночи напролет мы листаем регистрационные книги. Чем черт не шутит, а вдруг решится кто-нибудь из этих людей второй раз в то же самое место вернуться? А если и нет, мы других найдем.

Регистрационные книги — это прошлое. Жаль, но его не вернешь. Но, листая книги о прошлом, мы ясно видим контуры наших будущих операций.

6

Командир серьезен. Командир строг.

— Приказом начальника Генерального штаба назначен мой первый заместитель.

Мы все молчим.

— Александр Иванович, зачитай шифровку.

Александр Иванович, первый шифровальщик, осматривает нас ничего не выражающим взглядом и опускает глаза на небольшой ярко-желтый плотный листок:

— Совершенно секретно. Приказываю назначить первым заместителем командира дипломатической резидентуры ГРУ 173-В полковника Мороза Николая Тарасовича. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Огарков. Начальник ГРУ генерал армии Ивашутин.

Командир улыбается. Первый шифровальщик улыбается. Улыбается Николай Тарасович. Он снова Младший лидер. Улыбаюсь я. Улыбаются мои товарищи. Не все.

У нас в ГРУ, а также во всей Советской Армии, в КГБ, во всем Советском Союзе возвышение после опалы — вещь редкая. Это вроде

как из могилы назад вернуться — немногие возвращаются. Срыв означает падение. А падение — всегда на самое дно, на камушки.

Мы подходим к Младшему лидеру и по очереди поздравляем его. Ему больше не надо использовать формулу «Именем резидента», он теперь всемогущ и юридически. Он жмет руки всем. Но мне кажется, что он не забыл тех, кто потешался над ним, когда его падение началось. Не забыл. И те, кто потешался, тоже знают, что не забыл он. Вспомнит. Не сейчас, подождет. Все знают, что ожидание мести хуже самой мести. Младший лидер не спешит.

— Поздравляю вас, Николай Тарасович.

Это моя очередь подошла. Он жмет мне руку, смотрит в глаза. Он тихо говорит мне «спасибо».

Кроме нас, только Навигатор да первый шифровальщик понимают истинное значение этого «спасибо». Месяц назад агент 173-В-41-299, ставший теперь совладельцем маленького отеля и подчиненный мне, вызвал меня на экстренную встречу и сообщил о постояльце из маленького бельгийского города, название которого снится любому офицеру ГРУ. На вербовку должен был выходить я — немедленно. Я пришел к Навигатору и отказался: не могу, опыта недостаточно. За эту вербовку я бы получил красную звезду на грудь или серебряную на плечи. И опыта у меня достаточно. Но... отказался. Навигатор послал Николая Тарасовича. Вот он сегодня и именинник.

— Спасибо, Витя.

Это Навигатор мне руку жмет. Все вокруг смотрят на нас. Никто ничего не понимает. Отчего мне вдруг Навигатор руку жмет? За что благодарит? Вроде не я сегодня именинник. А Навигатор мне руку на плечо положил, по спине хлопает: будет и на твоей улице праздник. Не знаю почему, но я глаза вниз опустил. Не жалко мне той упущенной вербовки, ничуть не жалко. Пусть вам повезет, Николай Тарасович.

Болеют только ленивые. Неужели трудно раз в месяц в лес выбраться и положить конец всем болезням! Почему бы не предотвратить все грядущие недуги? Я такое время всегда находил,

даже в периоды самого беспросветного обеспечения. А сейчас и подавно.

Я далеко в горах. Знаю, что тут никого нет. Умею это проверять. Нет, ни тайники, ни встречи меня не ждут. Меня ждут муравьи. Большие рыжие лесные муравьи. Вот их царство, город-государство. На солнечной поляне меж сосен. Я раздеваюсь и бросаюсь в муравейник, как в холодную воду. Их тысячи. Толпа. Муравьиный Шанхай. Побежали по рукам и ногам. Вот один больно укусил, и тут же вся муравьиная свора вцепилась в меня. Если посидеть подольше — съедят всего. Но если выдержать только минуту — исцеляют. Это — как яд змеиный. Много — смерть. Немного — лекарство. Недаром змея символом медицины считается. Но я змеиным ядом не лечусь. Не знаю почему. Просто времени никогда не было. А на муравьев времени много не надо. Нашел огромный муравейник, да и прыгай в него!

Жидкость, выделяемая железами муравья, консервирует и сохраняет все что угодно. Укусит муравей гусеницу и в свое муравьиное хранилище тащит. От одного укуса мертвое тело не сгниет ни за год, ни за два. Так и будет лежать, как в холодильнике.

А с живым телом и подавно чудеса происходят. Ни морщин, ни желтизны на лице никогда не будет. Зубы все целыми останутся. Мой дед в девяносто три года умер без морщин и почти со всеми зубами. Потерял только три зуба — красные выбили. Сбежал он от них, а иначе бы все зубы потерял вместе с головой. Всю жизнь прожил, махновское свое прошлое утаить исхитрился. Иначе бы меня никто в Красную Армию не взял. Да, наверное, мне и родиться не суждено было бы.

Секретами муравьиными не один мой дед пользовался. Вся Русь. А до нее Византия. А еще раньше — Египет. Муравей в Египте первым доктором почитался. Увидели египтяне много тысяч лет назад, как муравей свою пищу консервирует, и ну в муравейники ноги совать да руки. А потом и фараонов мертвых стали муравьиным собраниям на две ночи выставлять. Тысячи лет после этого их тела разрушению не подвержены.

Все знают, что рыжий лесной муравей — чародей. Да ведь лениво человечество! В аптеках муравьиную кислоту покупают люди. Не настоящую, на фабриках произведенную. Руки-ноги растирают. Глупые. Муравей-то знает, куда кусать. А это важно очень, чтобы

кусать именно туда, куда положено. Вроде как в китайской медицине иголочками колоться. Не абы куда, а куда следует.

Взревел я, как лось. Галопом скачу. Муравьев с себя стряхиваю. Спасибо, братцы, достаточно на сегодня.

Глава 23

1

«Друг народа» исчез. «Друг народа» — это резидент КГБ. Главный Сосед. Все соседи из чекистского гнездышка пасмурные. У них что-то происходит. Наверное, они сами толком не понимают, что именно. Но резиденты КГБ из Вены, Женевы, Бонна и Кёльна были вызваны в Москву и почему-то не вернулись. Временно заместители правят.

Эвакуация — дело жестокое и неотвратимое. Получаешь шифровку — мол, ваш папаша не в себе, перед смертью попрощаться желает. Летишь в самолете, а рядом конвой. Чтоб не сбежал. Прибываешь в город-герой Москву, и сразу на следствие. А кто у нас ни в чем не виновен? Все виновны. Был бы человек, а дело состряпать всегда можно. Правда, не стреляют сейчас, как в тридцать седьмом. Вернее, стреляют, но не так интенсивно.

На чем «Друг народа» погорел? Откуда нам знать. Можно, конечно, слухи послушать. Да ведь слухи специальной службой распускаются, чтобы правду затемнить.

2

Так часто бывает. Открываешь бизнес и имеешь головокружительный успех. Ненадолго. То же самое с нашими коммерческими предприятиями происходит. Только начали работать — небывалая удача: вербовка, за которую Младшему лидеру предшествующий провал простили.

Младший лидер с группой обеспечивающих добывает секреты, на которые генерал-полковник Зотов, зам начальника ГРУ по информации, шлет восторженные шифровки.

Но слово «достаточно» в службе информации используется только тогда, когда качество добытой информации очень высокое. Во всех

остальных случаях используется слово «недостаточно». Это точно так же, как миллиардеру еще самую малость денег недостает. И всегда будет нехватать. Как женщине не хватает нарядов. Как коллекционеру всегда недостает одного искореженного медного пятака. Дайте ему этот пятак, и коллекционеру чего-то еще после этого будет нехватать.

А Генеральному штабу всегда не хватает вражеских секретов. Сколько бы мы их ни добыли. Всегда остается что-то не до конца понятное в положении противника, в его планах, в его вооружении.

Но наши горные отели пока не дают желаемого результата. Да ведь это и нелегко. Не каждый день в маленький отель попадают люди из маленьких городков с такими звонкими именами, как Майнот или Оффут. Наша агентура в туристическом бизнесе получила тоненькие листочки с названиями мест, где практически каждый житель должен быть связан с объектами экстраординарной важности. Но результатов пока нет. Попалась рыбка в сети, и все. Попалась одна рыбка, и я ее добровольно Младшему лидеру отдал. Ему важнее иметь успех сейчас. А на мою долю не выпадает ничего.

Шифровки из Аквариума — с легким раздражением: почему Сорок первого в обеспечение не ставите? Он же сам признался, что еще не готов работать самостоятельно!

У наших соседей, у «друзей народа» — праздник. Несколько лет назад с советского боевого корабля бежал офицер. За ним многие резидентуры КГБ охотились, но повезло венской дипломатической резидентуре.

Она провела головокружительную провокацию. Заместитель резидента КГБ связался с американской разведкой и подбрасывал ей вполне правдоподобные секреты. А потом и в США бежать собрался. Но перед побегом попросил гарантий: хочу поговорить с беглым советским офицером, правда ли, что хорошо ему в Америке живется? Американская разведка прислала несчастного беглеца на встречу с КГБ.

Потому в КГБ и праздник.

Что ж, «друзья народа», успехов вам. Воровать людей вы здорово насобачились. Но почему вам не удалось украсть американские атомные секреты, отчего вы никогда не приносили советской промышленности ни чертежей французских противотанковых ракет, ни британских торпед, ни германских танковых двигателей? А?

— Виктор Богданович, вам сигнал.

Чашку кофейную — в сторону. Документы — в портфель. Портфель — в сейф. Ключ — в малый сейф. Закрывающая комбинация сегодня сменена. Это помнить надо.

— Пошли!

Четвертый шифровальщик впереди. Я следом. По бетонной лестнице вниз. В бункер. Он на кнопку сигнала жмет. Дверь щелкнула — можно открывать. Мы в небольшой бетонной комнате. Стены ее белые, шершавые. Хранят на века отпечатки поверхностей досок, из которых опалубка была сделана, когда бункер строили. Двери закрыты. Любопытные телекамеры осматривают нас. Четвертый шифровальщик входную дверь плотно задраивает. Изнутри она на герметичный люк подводной лодки похожа. Шифровальщик опускает руку под занавеску и набирает номер. Руку его я видеть не могу и не имею права. И не знаю, что он там своей рукой делает. Говорят, если ошибешься в наборе комбинации, капкан руку прищепит. Не знаю, правда это или шифровальщики шутят. Добывающему офицеру не положено знать их тайн.

Внутренняя охрана бункера наконец убедилась, что мы — свои. Главная дверь плавно, без всяких щелчков, медленно уплывает в сторону. За дверью Петя-спецназовец: заходите. КГБ свою внутреннюю охрану из офицеров пограничных войск комплектует. А ГРУ — из офицеров диверсионных батальонов и бригад. Одним выстрелом двух зайцев ГРУ убивает — и охрана надежная, и диверсантов иногда по стране на автобусе прокатить можно: вот твоя площадка десантирования, а тут тайники, тут укрытия, тут полицейские посты.

Дипломатическую резидентуру ГРУ в Вене охраняют диверсанты из 6-й гвардейской танковой армии. Это горная армия с особыми традициями. Она через Большой Хинган прорвалась на пути к Тихому океану. Она 800 километров без остановки прошла по местам, которые все теоретики считали непроходимыми для танков. Теперь 6-я гвардейская танковая армия готовится к проведению молниеносного броска через Австрию по левому незащищенному берегу Рейна к Северному морю. В сравнении с Хинганом Австрийские Альпы, конечно, просто холмы. Но и их надо умело преодолевать. Вот поэтому в Вене постоянно находятся диверсанты только из этой армии. Им впереди идти. Им дорогу расчищать своими острыми ножами.

— Здравствуйте, Виктор Богданович, — Петя меня приветствует.

— Здравствуй, здравствуй, головорез. Обленился в бункере?

— Не обленился, а озверел, — смеется Петя. — Юбку женскую шесть месяцев не видел. Даже издалека.

— Крепись. На подводных лодках хуже бывает.

По коридору — вдоль стальных дверей. Коридор десятками тяжелых портьер завешан. Так что не скажешь, длинный он или нет. Может, за следующей занавеской коридор раздваивается или уходит в сторону. Нам этого знать не положено. Дверь комнаты сигнализаторов первая слева.

В комнате с низкими потолками тоже все в занавесках серых. Говорят, это на случай пожара. Может быть, и так. Но, опять же, бываю я в этой комнате, а сколько в ней сигнализаторов стоит — понятия не имею.

В ожидании меня одна занавеска сдвинута. За ней серый ящик с аккуратной надписью: «Передал 299. Принял 41». Шифровальщик вставляет свой ключ в замочную скважину, поворачивает его и выходит из комнаты. Я вставляю свой ключ, поворачиваю его и открываю стальную дверку. За ней ряды маленьких зеленых лампочек. Одна, с номером 28, горит.

Я нажимаю кнопку сброса. Сигнальная лампочка гаснет. Одновременно гаснет сигнальная лампочка над моим сигнализатором. Она говорит шифровальщику, что какой-то сигнал получен. Но он не имеет права знать, какой именно сигнал. Это знаю только я. Это сигнал «28». Но если бы шифровальщик и узнал, что я получил сигнал «28»

от агента 173-B-41-299, как он может узнать, что означает сигнал «28»?

Сигнал «28» означает, что агент 173-B-41-299 вызывает меня на связь, и безличная встреча состоится в первую субботу после получения сигнала. Время — между 4:30 и 4:45 утра. Место — озеро Аттерзее неподалеку от Зальцбурга.

299-й имеет целую систему сигналов и может вызывать нас на личную или безличную связь в любой момент. Каждый вариант связи разработан до мельчайших деталей и имеет свой номер. Под номером 28 кроется целый план с вариантами и запасными комбинациями.

Неуязвимость разведывательной сети ГРУ обеспечивается прежде всего тем, что количество встреч с ценной агентурой сводится к минимуму и, если возможно, — к нулю. Я работаю с 299-м агентом десять месяцев, но никогда не видел его и не увижу. Безличные встречи с ним проводятся по два-три раза в месяц, но за двадцать один год работы в ГРУ он имел только шесть личных встреч и видел в лицо только двух офицеров ГРУ. Это правильная тактика. Отсутствие личных встреч защищает нашу агентуру от наших же ошибок, а наших офицеров — от скандальных провалов и сенсационных фотографий на первых полосах газет.

При безличной встрече офицер ГРУ и его агент могут находиться в десятках километров один от другого. Никто из них не знает, где находится его собеседник. Для передачи сообщения или для обмена сообщениями мы не используем радио или телефон. Мы используем водопроводные или канализационные трубы. Иногда два специальных аппарата могут быть подключены к металлическому забору или к ограде из колючей проволоки. Эти «участки связи» заранее подбираются и проверяются обеспечивающими офицерами.

Но чаще всего для связи с ценными агентами ГРУ использует воду. Пусть полиция прослушивает эфир. Вода — лучший проводник сигналов, и гораздо менее контролируемый. Когда полиция начнет контролировать все водоемы, все реки, озера, моря и океаны, тогда мы

перейдем на другие способы агентурной связи. Институт связи ГРУ что-нибудь к тому времени придумает.

6

Капли росы на сапогах. Я бреду по высокой мокрой траве к озеру. Березы да ели вокруг. Клинья еловых верхушек сплошным частоколом вокруг воды. Стенкой. Тишина звенящая. На сучок не наступить бы. Зачем шум? Шум оскорбляет эту чистую воду, эту хрустальную прозрачность неба и розовые вершины гор. Тут всегда будет тишина. И когда сюда придут бойцы СпН, грохот солдатских сапог не нарушит тишины: мягкая обувь диверсанта не стучит, как кованый сапог пехотинца. Потом тут пройдет 6-я гвардейская танковая армия. Это будет грохот и рев. Но совсем ненадолго. Вновь воцарится звенящая тишина, и маленький уютный концлагерь на берегу озера ее не нарушит. Может, я буду начальником лагеря, а может быть, обыкновенным зэком вместе с местными социалистами и борцами за мир. Так всегда было: кто Красную Армию первым приветствует или с ней о мире договориться желает, первым под ее ударами и падает.

7

Земля зарей объята. Земля восторженно приветствует восход светила. Жизнь ликует. Жизнь торжествует, готовясь встретить брызжущий водопад света, который обрушится из-за вершин гор. Вот сейчас, вот еще немного. Оглушительный щебет загремит гимном, приветствуя свет. А сейчас еще тишина. Не засверкали еще бриллиантами капли росы, не потекло еще червонное золото по склонам гор, не принес еще легкий ветер аромат диких цветов. Природа утихла в самое последнее мгновение перед взрывом восторга, радости и жизни.

Кто любит этим? Один я. Витя-шпион. А еще мой агент под 299-м номером. Он пробирается к озеру совсем с другой стороны. Интересно, понимает ли он поэзию природы? Может ли он часами вслушиваться в ее шорохи? Сознает ли он, что сейчас мы с ним вдвоем

ведем подготовку к строительству маленького концлагеря на отлогом берегу? Понимает ли этот старый дурак, что и я, и он можем стать обитателями этого самого живописного в мире лагерька? Соображает ли он, что те, кто очень близко у жерла мясорубки работают, попадают в нее чаще обычных смертных? Думает ли он своей деревянной головой, что волей случая его лагерный номер может быть очень похож на его агентурный индекс?

Ни черта он не думает. Мне деваться некуда, я родился и вырос в этой системе. И от нее не убежишь. А он добровольно нам помогает, собака. Если коммунисты не поставят меня к стенке, не сожгут в крематории и не утопят в переполненной барже, а поставят концлагерем командовать, то таким добровольным помощникам я особый сектор отгорожу и кормить их не буду. Пусть по очереди друг друга пожирают — как крысы в железной бочке сжирают самую слабую первой, чуть более сильную — второй. Пусть каждый день они выясняют, кто из них самый слабый. Пусть каждый заснуть боится, чтобы его, сонного, не удушили и не съели. Вот, может, тогда поймут они, что нет на земле гармонии и быть не может. Что каждый сам себя защищать обязан. Эх, черт! Поставили бы меня начальником лагеря!

Время.

Забрасываю удочку в озеро. Моя удочка на обычные очень похожа. Разница только в том, что из ручки можно вытянуть небольшой проводок и присоединить его к часам. Часы, в свою очередь, соединены кабелем с маленькой серой коробочкой. От часов кабель идет по рукаву и опускается во внутренний карман. Циферблат моих слегка необычных часов засветился, а через минуту погас. Это значит, передача принята и записана на тонкую проволоку моего магнитофона. Волны, несущие сообщения, не распространяются в эфире. Наши сигналы распространяются только в пределах озера и за его берега не выходят. Сообщения заблаговременно записываются на магнитофон и передаются на предельной скорости. Перехватить агентурное сообщение очень трудно, даже если заранее знаешь время и место передачи и частоту. Не зная этого, перехватить передачу невозможно.

Я делаю вид, что завожу свои часы. Циферблат чуть засветился и погас: ответное сообщение передано. Пора и удочки сматывать.

Глава 24

1

— Товарищ генерал, я имел связь через воду с Двести девяносто девятым. Он сообщает, что в ближайшие месяцы в его отеле вряд ли будут клиенты из интересующих нас мест.

— Плохо.

— Но Двести девяносто девятый недаром хлеб ест. Он установил дружеские отношения с владельцами соседних отелей и иногда под разными предлогами имеет возможность просматривать записи о бронировании номеров.

— Ты думаешь, это не опасно? — командир знает, что это не опасно, но он обязан задать мне этот вопрос.

— Нет, товарищ генерал, не опасно, Двести девяносто девятый хитер и опытен. Так вот, он сообщает, что в соседнем отеле... — я придвигаю к себе лист бумаги и пишу название отеля. Я не имею права называть даты, адреса, названия или имена. Даже в защищенных комнатах мы должны писать их на бумаге, иногда при этом произнося совершенно не относящиеся к делу даты, названия и имена. — В соседнем отеле зарезервировано место для человека, — я пишу имя на бумаге. — Он работает в Испании. В городе...

Я придвинул лист бумаги поближе и с торжественным видом начертил огромными буквами название города: Рота.

Он смотрит на меня, не желая этому верить. И тогда я на листе вновь пишу это короткое очаровательное название, которое каждому разведчику снится ночами, которое звучит как хрустальный звон для каждого из нас: Рота.

Он смеется, и я смеюсь. В мире сотни мест, которые интересны для нас, любое из них — находка, любое — улыбка фортуны для разведчика. Мне выпало настоящее счастье — Рота!

— Тебя проверить? — смеется он.

Это шутка, конечно. Нельзя быть офицером ГРУ, не зная характеристик этой базы. При слове Рота в памяти каждого офицера

ГРУ, как на экране компьютера, возникают короткие фразы и четкие цифры: площадь акватории — 25 квадратных километров; гавань защищена волноломом длиной 1500 метров, три пирса по 350 метров каждый, глубина у пирсов 12 метров, склад боеприпасов на 8 тысяч тонн, хранилище нефтепродуктов на 300 тысяч тонн; аэродром, взлетная полоса одна, 4 тысячи метров. А что там базируются американские атомные ракетные подводные лодки — это все знают.

Навигатор ходит по кабинету. Навигатор трет руки.

— Пиши запрос.

— Есть!

2

Человек из маленького испанского местечка Рота, я ничего о тебе не знаю. Еще даже не ясно, американец ты или испанец. Но я заполняю запрос. Завтра этот запрос пропустят через большой компьютер ГРУ. Большой компьютер сообщит все, что он знает о тебе.

Большой компьютер ГРУ создан творческим гением американских инженеров и продан Советскому Союзу близорукими американскими политиками. За большой компьютер Америка получила миллионы, а потеряла миллиарды. Большой компьютер знает всех. Он умный. Он поглощает колоссальное количество данных о населении Земли. Он прожорлив. Он заглатывает телефонные книги, списки выпускников университетов, списки сотрудников астрономического количества фирм. Он ненасытен. Он пережевывает миллионы газетных объявлений о рождениях и смертях. Но он питается не только этой макулатурой. Ему доступны секретные документы, притом — в огромных количествах. Каждый из нас заботится о том, чтобы этот прожорливый американский ребенок не голодал.

Может быть, информация о человеке из Роты будет совсем отрывочной и недостаточной. Может быть, большой компьютер сообщит нам дату его рождения, может быть, дату, когда его имя впервые появилось в секретном телефонном справочнике, может быть, название банка, в котором этот человек держит деньги. Но и этих отрывочных данных вполне достаточно, чтобы немедленно командный пункт ГРУ направил несколько шифровок в места, где можно добыть

что-то еще. Какие-то борзые, может быть, найдут твоих родителей, твоих школьных друзей, твой родной город, твою фотографию. И когда я встречу тебя в небольшом отеле на берегу горного озера, я буду знать о тебе больше, чем ты думаешь. Дорогой друг, до скорой встречи.

Кстати, для удобства тебе уже присвоен номер 713. А если полностью — 173-В-41-713. Чтобы все, кому положено, сразу знали, что работает с тобой 41-й офицер добывания венской дипломатической резидентуры ГРУ.

Время летит, как стучащий колесами экспресс, оглушая и упругим потоком отбрасывая от насыпи. Снова день и ночь смешались в черно-белом водовороте: транзит из Ливана, прием на связь людей, завербованных в Южной Африке, тайниковая связь с каким-то призрачным «другом», завербованным неизвестно кем, обеспечение нелегалов и опять транзит — в Ирландию. И командир, и Младший лидер запрещают отвлекать меня по пустякам. Но слишком часто идет обеспечение особой важности, то есть обеспечение нелегалов или массовое обеспечение, когда в прикрытии работают все, включая и заместителей резидента. И никому нет поблажек. В обеспечении все! Где людей взять? Дважды в ночь пойдешь! Прием транзита из Франции. Прием транзита из Гондураса. Понимать надо!

И вдруг колесо остановилось. Я листаю свою рабочую тетрадь, исписанную вдоль и поперек, и вдруг внезапно открываю совершенно белую страницу. На ней только одна запись: «Работа с 713». И эта запись на белой странице — мой план на сегодняшний день. День, когда я сижу в своем кресле, а в моей голове галопом несутся встречи, тайниковые операции, безличная связь.

Я долго смотрю на короткую фразу, затем поднимаю белую телефонную трубку и, не набирая никаких цифр, спрашиваю:

— Товарищ генерал, вы не могли бы принять меня?

— До завтра подождет?

— Я уже несколько дней пытаюсь попасть к вам на прием, — это я вру, зная, что сейчас у него нет времени проверять, — но сегодня последний день.

— Как последний?

— Вернее не последний, товарищ генерал, а первый.

— Ах ты, черт. Слушай, я сейчас не могу. Через тридцать минут зайдешь ко мне. Если кто-то будет в приемной, пошли на хрен от моего имени. Понял?

— Понял.

Через тридцать минут я доложил Навигатору маршрут следования, приемы и уловки, которыми намеревался сбить полицию со следа. Доложил все, что мне теперь известно о нем — человеку из Роты.

— Ну что ж, неплохо. Желаю удачи.

Он встал. Улыбнулся мне. И пожал руку — третий раз за четыре года.

4

Дороги забиты туристами. Я тороплюсь. Я рассчитываю попасть в гостиницу к вечеру, чтобы и этот вечер использовать для выполнения задачи. Пять часов я гоню по автостраде. Иногда приходится подолгу стоять, когда образуются гигантские пробки на дорогах, но как только путь освобождается, я снова гоню свою машину, не жалея ни мотора, ни шин, обгоняя всех. Когда солнце стало клониться к западу, я съехал с широкого шоссе на узкую дорогу и, не снижая скорости, погнался по ней. Из-за поворота вылетел белый «мерседес». Тормоза надрывно визжат. Над ним облако пыли: его на обочину вынесло. Водитель меня ярким светом фар по глазам хлещет и зычным ревом сигнала — по ушам моим. Женщина на заднем сиденье «мерса» пальцем у виска крутит, внушает мне, что я ненормальный.

Зря стараетесь, мадам, я это знаю и без вас.

Я чуть педали тормоза коснулся на повороте, отчего тормоза взвыли, протестуя, вынося мою машину на встречную полосу, тут же тормоза отпускаю, а педаль газа в пол жму, до упора. Голову на отрез — моего номера запомнить они не могли и даже рассмотреть времени не имели. Я уже за поворотом. Я руль ухватил и не отпущу его. Если в пропасть лететь — так и тогда не отпущу. Машина моя ревет. Не нравятся машине повадки мои. На первом же перекрестке ухожу на

совсем узенькую дорогу в темном лесу. По ней, по этой дороге, я долго вверх карабкаюсь, потом вниз, вниз, в горную долину. Более широкой дорога стала. По ней и пойду. Картой не пользуюсь. Местность эту я хорошо представляю да по багровому солнцу ориентируюсь. А оно уж своим раскаленным краем поросшей лесом скалистой гряды коснулось.

В гостиницу попал, когда уж совсем стемнело. Гостиница на берегу лесного озера у отлогого горного склона. Зимой тут, наверное, все пестрит яркими лыжными костюмами. А сейчас, летом, — тишина, покой. С гор прохладой тянет, а над некошеным лугом кто-то раскинул упругую перину белого тумана. Мне некогда на красоты любоваться. Скорее в номер. На второй этаж. А ключ в замочную скважину не попадает. Я себя успокаиваю. Дверь открываю. Чемодан — в угол, и — в душ. Грязный я совсем. Целый день за рулем.

Вот уж и чистенький. Полотенцем по коже сильнее, сильнее. Костюм свеженький на себя, наглаженный. Платок яркий — на шею. А теперь в зеркало. Нет, так, конечно, не пойдет. Глаза свинцовые, губы сжаты. На лице беззаботное счастье светиться должно. Вот так. Так-то лучше. Теперь вниз. Да не спеша. Смотрят люди на меня, и никто не подумает, что сегодня в моей трудной жизни, лишенной выходных и праздников, — один из наиболее утомительных дней. И не думайте, что мой рабочий день уже кончился, — нет, он продолжается.

В зале музыка грохочет. В зале по темным стенам яркие огни мечутся, по потолку тоже и по лицам счастливых людей, распыляющих уйму энергии в угоду своему наслаждению. В бурном водовороте звуков вдруг яростно доминирует труба, заглушая все своим ревом, и ритм торжествует над толпой, подчиняя себе каждого. И по властному велению ритма звенит хрусталь, вторя пьянящему шуму танцующей толпы.

Моя рука чувствует режущий холод запотевшего хрусталя, я поднимаю перед собой сверкающий, искрящийся сосуд, наполненный обжигающей влагой, и в то же мгновение в нем отражается весь бушующий ураган звуков и красок. Улыбаясь брызжущему огню и

закрывая им лицо, медленно обвожу зал глазами, стараясь не выдать своего напряжения. Вот уголком глаза засек того, кто в Аквариуме числится под номером 713. Я видел его только раз, только на маленькой фотографии. Но я узнаю его. Это он. Медленно подношу бокал к губам, гашу улыбку, чуть касаюсь губами хрусталя, так же медленно поворачиваю лицо. Вот он поднимает глаза на меня. Вот наши взгляды встретились. Я изображаю радостное удивление на лице и салютую широким приветственным жестом. Он изумленно оборачивается, но сзади — никого. Он вновь смотрит на меня вопросительно: ты это кому? Тебе! — про себя отвечаю я. Кому же еще? Расталкивая танцующих, с бокалом в руке пробиваюсь к нему.

— Здравствуй! Вот уж не ожидал встретить тебя тут! Ты помнишь тот великолепный вечер в Ванкувере?

— Я никогда не был в Канаде.

— Извините, — смущенно говорю я, всматриваясь в его лицо, — тут так мало света, а вы так похожи на моего знакомого... Извините, пожалуйста...

Я вновь пробился к бару. Минут двадцать наблюдаю за танцующими. Стараюсь уловить наиболее характерные движения: в моей жизни никогда не было времени для танцев. Когда приятное тепло разливается по всему телу, я вхожу в круг танцующих, и толпа радушно расступается, открывая ворота в королевство веселья и счастья.

Танцую долго. Постепенно мои движения приобретают необходимую гибкость и свободу. А может, мне это только кажется. Во всяком случае, на меня никто не обращает внимания. Веселая толпа принимает в свои ряды всех и прощает всем.

Когда он ушел, я не знаю. Я уходил поздней ночью в числе самых последних.

Звонок будильника разбудил меня рано утром. Я долго лежу, уткнувшись лицом в подушку. Меня мучает хроническая нехватка времени на сон. И пять часов никак не могут возместить многонедельного недосыпа.

Вспомнив главные события вчерашнего дня, я заставляю себя резко вскочить. Пятнадцать минут терзаю себя гимнастикой, потом душ — жгуче-холодный, беспощадно горячий, снова холодный и снова нестерпимо горячий. Тот, кто принимает такой душ регулярно, выглядит на пятнадцать лет моложе своего возраста. Но не это мне важно. Я должен выглядеть бодрым и веселым, каким подобает быть праздному бездельнику.

На завтрак я прихожу самым первым и погружаюсь в утренние газеты, изображая равнодушие.

Вот к завтраку спустилась пожилая чета. Вот прошла женщина неопределенного возраста, неопределенной национальности со вздорной, не в меру агрессивной собачкой. Вот группа улыбающихся японцев, обвешанных фотоаппаратами. Вот и он. Улыбнулся и кивнул мне. Он узнал меня. Именно ради этого я тут и сижу.

После завтрака иду в свой номер. Уборка еще не началась. Вешаю на дверь табличку «Не беспокоить», запираю дверь на ключ, опускаю жалюзи на окнах и, оказавшись в темноте, с удовольствием вытягиваюсь на кровати. О таком дне, когда никуда не надо спешить, я мечтал давно. Пытаюсь вспомнить промахи последних дней, но на лице остается блаженная улыбка. С этой улыбкой я, наверное, и засыпаю.

Вечером я иступленно танцую в толпе. Он все на том же месте, что и вчера. Один. Увидев его, улыбаюсь. Подмигиваю и жестом приглашаю в толпу безумствующих. Он улыбается и отрицательно качает головой.

Следующим утром я первым спустился в холл. Он был вторым.

— Доброе утро, — говорю я, протягивая свежие газеты.

— Доброе утро, — улыбается он.

На первых страницах всех газет — президент Уганды Иди Амин. Мы перебросились парой фраз и пошли завтракать.

Самое главное сейчас — не вспугнуть его. Можно, конечно, взять быка за рога, но у меня есть несколько дней, и потому я использую «плавный контакт». Много об этом человеке нам не известно. Но даже наблюдение в течение нескольких дней дает много полезной информации: он один, на женщин не бросается, деньгами не сорит, но и не жалеет каждый доллар, весел. Последний факт важен: знающие люди говорят, что угрюмых вообще вербовать невозможно. Челюсти

сжаты — уже одного этого достаточно для того, чтобы кое-что узнать о внутреннем мире человека, это верный признак внутренней подтянутости, собранности и воли. Такого трудно вербовать, зато потом легко с таким работать.

Что еще? Книг читает много. Последние известия смотрит и слушает. Юмор понимает и ценит, одевается аккуратно, но без роскоши. Никаких ювелирных украшений не носит. Не напивается, но пьет регулярно, волосы на голове слегка растрепаны — это тоже хорошие признаки: значит, мой «друг» достаточно раскован; к человеку «правильному» и совершенному во всем — опрятному и наглаженному, не нарушающему правила дорожного движения и непьющему — трудно подступиться.

Я долго украдкой наблюдаю за выражением его лица. Особенно мне важны все детали глаз: глаза расположены широко, веки не нависают, небольшие мешки под глазами. Зрачки с одного положения на другое переходят медленно и задерживаются в одном положении долго. Веки опускает медленно и так же медленно их поднимает. Взгляд долгий, но не всегда внимательный. Чаще взгляд отсутствующий, чем изучающий.

При изучении человека особое внимание уделяется мышцам рта в разных ситуациях: в улыбке, в гневе, в раздражении, в расслаблении. Но и улыбка бывает снисходительной, презрительной, брезгливой, счастливой, иронической, саркастической, бывает улыбка победителя и улыбка проигравшего, улыбка попавшего в неловкое положение и улыбка угрожающая, близкая к оскалу. Во всех этих ситуациях мышцы лица работают по-разному. Работа этих мышц — зеркало души. И детали эти гораздо более важны, чем информация о финансовых и служебных затруднениях человека, хотя и об этом неплохо было бы знать.

Ночью я бросаю в машину рюкзак, длинные сапоги, удочки и еду на дальнее озеро ловить рыбу. На рассвете из камышей появляется Младший лидер. Он садится рядом со мной и забрасывает удочку в воду. Кругом никого. Вода слегка парит.

Первый зам командира рыбалку терпеть не может. Особенно его раздражает то, что находятся на свете люди, которые добровольно руками берут червяков. Он к ним притрагиваться не желает. Если бы приказали — другое дело. Но тут старшим был он. Нужды брать

наживку в руки не было, и потому он забрасывает удочку с пустым крючком. Он устал. Глаза совсем красные, лицо серое. Ради короткой встречи со мной он явно всю ночь провел за рулем. А ведь у него множество своих ответственных дел. Он неудержимо зеваает, слушая меня, правда, в конце рассказа зевать перестал, даже слегка улыбнулся.

— Все хорошо, Виктор.

— Вы думаете, можно вербовать?

Третий раз в жизни я удостоился взгляда, который усталый учитель дарит на редкость бестолковому ученику. Учитель трет свои красные от недосыпа глаза:

— Слушай, Суворов, ты чего-то не понимаешь. В таком деле ты просто не имеешь права спрашивать разрешения. Если ты спросишь, я тебе отвечу отказом. Когда-нибудь ты станешь Младшим лидером и даже Навигатором, но запомни: и тогда ты не должен никого спрашивать. Ты пошлешь запрос в Аквариум, а ответ по техническим причинам обязательно опоздает. Я могу знать очень многое о твоём человеке, но я не могу его чувствовать. Ты разговариваешь с ним, и только твоя собственная интуиция может тут помочь. В этой ситуации ни я, ни Навигатор, ни Аквариум брать на себя ответственность не желаем. Если ты человека не завербуешь, это твоя ошибка, которую тебе не скоро простят. Если ты ошибешься и тебя арестуют на вербовке, тебе и этого не простят. Все зависит только от тебя. Хочешь вербовать — это будет твой орден, это тебя будут хвалить, это твой успех и твоя карьера. Мы все тебя тогда поддержим. Запомни, что Аквариум всегда прав. Запомни, что Аквариум всегда на стороне тех, у кого успех. Если ты будешь нарушать правила и провалишься — попадешь под трибунал ГРУ. Если будешь действовать точно по правилам, но провалишься — опять ты же и будешь виноват: догматично использовал правила. Но если ты добьешься успеха, то тебя поддержат все и простят тебе всё, включая нарушение самых основополагающих правил. И запишут в личное дело: «Творчески и гибко использовал инструкции и наставления, отмечая устаревшие и отжившие правила». Уверен в успехе — иди и вербуй. Не уверен — откажись сейчас. Я другого пошлю, о такой возможности любой разведчик мечтает. Дело твоё.

— Буду вербовать.

— Это другой разговор. И запомни: ни я, ни Навигатор, ни Аквариум твоих намерений не одобряем. Мы просто их не знаем. Ошибешься — мы скажем, что ты глупый мальчишка, который превысил свои полномочия, за что тебя нужно выгнать на космодром Плесецк.

— Понимаю.

— Тогда желаю успеха.

Чтобы быть похожим на рыбака, он взял несколько пойманных мной рыбешек и скрылся в камышах.

Вечером мы с 713-м пьем в ресторане гостиницы. Он и не подозревает о том, что у него давно есть номер, что большой компьютер уделил ему особое внимание, что вокруг горного отеля собраны немалые силы добывания и обеспечения, что из Аквариума прибыл один из ведущих психологов ГРУ полковник Стрешнев, который проводил анализ короткого фильма, снятого мной. 713-й даже не догадывается, что работу его лицевых мышц анализировал один из лучших специалистов советской военной разведки.

Мы пьем и смеемся. Мы говорим обо всем. Меняя темы, я говорю о погоде, о деньгах, о женщинах, об успехе, о власти, о сохранении мира и предотвращении мировой ядерной катастрофы, и смотрю на его реакцию. Должна быть какая-то тема, которую он поддержит и сам поведет разговор. Главное, чтобы он говорил больше меня. Для этого нужен ключик. Для этого нужна тема, которая его интересует. Мы снова пьем и снова смеемся. Ключик найден. Его интересуют акулы. Смотрел ли я фильм «Челюсти»? Нет, еще не смотрел. Ах, какой фильм! Акуля пасть появляется, когда зал, полный зрителей, ее не ждет. Какой эффект! Мы снова смеемся. Он рассказывает мне о повадках акул. Удивительные существа... Мы снова смеемся. Он старается угадать, какой я национальности. Грек? Югослав? Смесь чеха и итальянца? Смесь турка с немцем? Да нет же, я русский. Мы оба хохочем. Что же ты тут, русский, делаешь? Я — шпион! Ты хочешь меня завербовать? Да! Мы хохочем до упаду.^[12]

Потом он вдруг перестает смеяться.

— Ты правда русский?

— Правда.

— Ты шпион?

— Шпион.

— Ты пришел вербовать меня?

— Тебя.

— Ты все обо мне знаешь?

— Не все. Но кое-что.

Он долго молчит.

— Наша встреча заснята на пленку, и ты будешь теперь меня шантажировать?

— Наша встреча заснята на пленку, но шантажировать я не буду. Может быть, это не совпадает со шпионскими романами, но шантаж никогда не давал положительных результатов, и потому не используется. По крайней мере, моей службой.

— Твоя служба — КГБ?

— Нет. ГРУ.

— Никогда не слышал.

— Тем лучше.

— Слушай, русский, я давал клятву не передавать никаких секретов иностранным державам.

— Никаких секретов никому передавать не надо.

— Чего же ты от меня хочешь?

Он явно никогда не встречал живого шпиона, и ему просто интересно со мной поговорить.

— Ты напишешь книгу.

— Про что?

— Про подводные лодки на базе Рота.

— Ты знаешь, что я с этой базы?

— Потому я и вербую тебя, а не тех за соседним столом.

Мы снова смеемся.

— Мне кажется, что все как в кино.

— Это всегда так бывает. Я тоже никогда не думал, что попаду в разведку. Ну, спокойной ночи. Эй, девочка, счет!

— Слушай, русский, я напишу книгу, и что дальше?

— Я опубликую эту книгу в Советском Союзе.

— Миллион копий?

— Нет. Только сорок три.

— Немного.

— Я плачу семнадцать тысяч долларов за каждую копию. Контракт не подписываю. Десять процентов я плачу немедленно. Остальное — сразу по получении рукописи, если, конечно, в ней будут освещены вопросы, интересующие моих читателей. Потом книгу можно опубликовать в США и Великобритании, а если западному читателю что-то может быть не интересно, это можно в западном издании опустить. Так что никакой передачи секретов нет. Есть только свобода слова, и ничего больше. Люди пишут не только про подводные лодки, но и про кое-что пострашней, и их никто за это не судит.

— И всем им вы тоже платите?

— Некоторым.

Я оплатил счет и пошел спать в свой номер.

Глава 25

1

Глубокое и неповторимое чувство — возвращаться в родные бетонные казематы после самостоятельной вербовки.

Неделя отсутствия замечена всей нашей ордой, всей сворой. Если добывающий офицер отсутствует три дня — ясно, в обеспечении работал. А если больше недели? Где был? Всем ясно: на вербовке.

И вот я иду по коридору. Вся шпионская братия расступается и при моем приближении умолкает. А я губы кусаю, чтобы не улыбнуться. Не положено мне улыбаться до командирского поздравления, неприлично.

А они тоже традиции блюдут. Никто вопроса нескромного не задаст. Никто не улыбнется. Никто не поздравит. Не положено никого поздравлять до командирского поощрения. Никто, конечно, не знает, с чем меня поздравлять, но каждый понимает, что есть такая причина. Каждый каким-то внутренним чувством понимает, что я триумфатор сейчас. И серый мой мятый костюм — это мантия пурпурная. И каждый сейчас на моей голове сияющий венец в бриллиантах видит.

Знаю, что нет ни в ком сейчас зависти, но есть понимание, уважение есть, радость. И есть гордость и за меня, и за всех нас: вот идешь ты, Витька, по красному ковру прямо к генеральскому кабинету, и рады мы за тебя, и мы вот так же по этому ковру хаживали, а если нет, то обязательно вот так же гордо и сдержанно пойдем по нему.

Смотрит на меня шпионская братия, дорогу уступает. И как-то радостно всем и смешно, что вернулся я, и не попался, и не скрутили меня, не повязали, не затравили, словно медведя в лесу, не гнали собаками, как раненого волка.

Дверь командирского кабинета передо мной открывается. Сам Навигатор на пороге встречает. Просто все. Посторонился, пропуская в кабинет: заходи, Богданых. Вроде ничего и не случилось, да только такое обращение совсем необычно. И оттого кто-то в глухой тишине так глубоко вздохнул, что командир в дверях обернулся и засмеялся.

И за командиром все засмеялись этому простодушному вздоху.

Инструкции ГРУ категорически запрещают сообщать одним офицерам что-либо о работе других, в том числе об их успехах или провалах. Навигаторы это правило свято блюдут. Понимают, что никто не должен знать больше, чем положено для выполнения своих функций. Но как же тогда поддерживать атмосферу жестокой конкуренции внутри тайной организации? И потому выдумывают командиры всяческие хитрости, чтобы запрет обойти и продемонстрировать всей своре свое персональное расположение к одним и недовольство другими. Находят командиры такие способы.

В моем случае сразу вслед за мной по коридору продефилировал шестой шифровальщик в белых перчатках с серебряным запотевшим ведерком и бутылкой шампанского в нем.

Ведерко со льдом да накрахмаленные салфетки братия дружным гулом одобрения встретила: лихо Батя устав обходит! А Витька Суворов, прохвост, эвон на какие высоты взлетел. На форсаже вверх идет. Молодые борзяги о моем взлете с блеском в глазах говорят. Старые мудрые варяги головами качают. Они знают, что в жизни добывающего офицера успех — самое тяжелое время. Успеху предшествует дикое напряжение сил, нечеловеческая концентрация внимания на каждом слове, на каждом шаге, на каждом дыхании. Вербующий разведчик собирает в кулак всю свою волю, весь свой характер, все знания и наносит удар по своей жертве, и в этот момент величайшего напряжения и концентрации воли против объекта вербовки он еще и обязан следить за всем происходящим вокруг него.

Успех — это расслабление. Внезапная разрядка может кончиться катастрофой, срывом, истерикой, глубочайшей депрессией, преступлением, самоубийством. Мудрые варяги знают это.

И Навигатор знает. И оттого он и радостен, и строг. Навигатор мне на какие-то несуществующие мои промахи указывает, дабы не взорвался я от ликования. А как не ликовать? Он согласен. Он взял деньги. Он взял список вопросов, которые должны быть отражены в книге (в издании на английском многие из этих деталей могут быть опущены). Получив десять процентов, он в наших лапах. 73 тысячи он растратит быстро, и ему захочется получить остальные. Опыт ГРУ говорит, что было множество людей, желавших получить десять процентов и ничего потом не делать. Но каждый из них, почувствовав

вкус денег, за которые не надо много работать и не надо много рисковать, делал работу на совесть и получал остальное.^[13] Из этого правила не было исключений.

2

Не знаю почему, но успех не радует меня. Правы, наверное, люди, которые говорят, что счастье можно испытывать, лишь карабкаясь к успеху. А как только успеха достигнешь, то уже не ощущаешь себя счастливым. Среди тех, кто добился успеха, мало счастливых людей. Среди оборванных, грязных, голодных бродяг гораздо больше счастливых, чем среди звезд экрана или министров. И самоубийства среди всемирно признанных писателей и поэтов случаются чаще, чем среди дворников и мусорщиков.

Мне плохо. Не знаю почему. Сейчас я готов на все. Почему, интересно, нас никто не вербует? Вот если бы сейчас подошел ко мне американский дипломат и сказал: «Эй, ты, давай завербую!» Не вру, согласился бы. Он бы удивлялся, зная повадки ГРУ. «Эх ты, дурак, — сказал бы мой американский коллега, — ты соображаешь, что тебя ждет в случае провала?» «Соображаю», — радостно ответил бы я. Ну, вербуй меня, проклятый капиталист! Я на тебя без денег работать буду. То, что американская разведка мне передавать будет, клади в свой карман! Я просто так хочу головой рисковать. Разве не упоительно по краю пропасти походить? Разве не интересно со смертью поиграть? Ведь находятся же идиоты, которые на мустангах диких скачут или перед бычьими рогами танцуют. Не ради денег. Удовольствия ради.

Ну, вербуйте меня, враги, я согласен!

Что же молчите?

3

Проверки, проверки, снова проверки. Совсем замучили проверки, надоели.

Завербованных нами «друзей» проверять легко. Всех их постоянно контролирует служба информации ГРУ — конечно, не зная

ни их имен, ни их биографий, ни занимаемых постов. Один и тот же вопрос можно освещать, находясь в тысячах километров от интересующего ГРУ объекта: во время Второй мировой войны информация о планах германских стратегов поступала из Женевы, из Токио, даже из Никосии. И ни один источник не может знать о существовании других и об их возможностях. Если данные одного источника резко отличаются от других, значит, что-то неладно с этим источником. Но может быть и наоборот: что-то неладно со всеми другими источниками — они заглатывают дезу, и лишь один глаголет истину.

Во всяком случае, если с разных концов света поступают экземпляры одного и того же аппарата, который вдобавок ко всему при копировании дает положительные результаты и разрешает проблемы армии, то можно пока не беспокоиться. Пусть даже наши «поставщики» перевербованы. Пусть они стали двойными агентами. Не беда. Давал бы материальчик. Если полиция и контрразведка готовы так дорого платить только за то, чтобы поиграть с нами, пусть платят. Мы и такие подарки принимаем. А как только подарки окажутся негодного качества, с гнильцой, Служба информация нам об этом немедленно сообщит.

Но Аквариум проверяет не только наших «друзей», но и нас самих. Проверяет часто, утомительно, придирчиво. Против нас другой метод используется — провокация. За время учебы и работы каждый из нас множество раз попадает под проверки — то есть под провокации Аквариума. Начальники наши беспокоятся, как мы на ту или иную ситуацию реагировать будем.

Я пока всегда правильно реагировал: обо всем, что со мной приключается, что с друзьями моими случается, немедленно и точно своему командиру докладываю. Увидел в лесу своего товарища — командиру доложи. Если с товарищем после этого ничего не случилось, значит, он на операции в том лесу был, а может, он там просто так находился, чтобы командир проверить мог: увижу ли я его, доложу ли вовремя. Меня все время проверить пытаются: кто для меня дороже — Аквариум или товарищ. Конечно, Аквариум! И попробуй не доложи! Вот и конец всему, вот ты уже и на конвейере.

Впрочем, в последнее время мне доверять больше стали. Я теперь сам постоянно в проверках участвую. Вот и сейчас, темной ночью,

бросив машину подальше, шлепаю по лужам в темноте. Ногам холодно и мокро. Когда вернусь домой, обязательно в ванну залезу на целый час, попарюсь.

В кармане у меня пакет, в пакете — Библия. Книжечка маленькая совсем, на тоненькой бумаге отпечатана. Это их всякие религиозные общества в таком виде специально выпускают, чтобы удобнее в Союз провозить можно было. Библию эту я в почтовый ящик брошу.

Почтовый ящик Вовке Фомичёву принадлежит — он капитан, помощник военного атташе, наш то есть парень, из Аквариума, недавно прибыл. Догадывается он или нет, но ему сейчас Аквариум серию гадостей подбрасывает. Этим сейчас занимаюсь я лично. Библию он завтра утром из своего почтового ящика достанет — всякие религиозные общины и организации их нам постоянно подбрасывают. Вряд ли он знать будет, что на этот раз мы в его ящик пакет опускаем. Может, книжечка его заинтересует, может, он ее ради бизнеса сохранить попытается: в Союзе народ с ума посходил, за такие книжечки уйму денег платит, не скупится. Завтра — выходной, на работу идти не надо. Вот и полюбуемся: прибежит он утром с докладом или до понедельника подождет, а может, и вообще не доложит — сохранит книжку или тайно выбросит ее, чтобы лишних неприятностей не было. Но любой из этих вариантов, кроме первого, кроме немедленного рапорта, для него конец означает. Конвейер то есть.

Холодно, мокро. Листья ветер по тротуару гонит. А как попадет листок в лужу, вот и все. Влип. Больше не летает. Его теперь мусорная метла подхватит. Заметет.

Никого на улицах. Лишь я — одинокий шпион великой системы. Я своего собрата сейчас проверяю. Впрочем, трудно сказать, кто кого проверяет на самом деле. Вовка Фомичёв мне друг. Мы с ним уже дважды на операции совместные выходили. Работает он мастерски и уверенно. Но черт его знает — прибыл он недавно и, может быть, со спецзаданием. Может быть, с его помощью меня сейчас проверяют? То-то он ко мне в друзья мостится. Опыта якобы желает набраться! Может быть, это меня вновь проверяют: вдруг брошу я пакет в его ящик, а сам его по-дружески предупредить попытаюсь, чтоб бегом докладывать бежал. Тут мне и конец. Тут уж меня на конвейер

поставят: неужели товарищ тебе дороже доблестной советской военной разведки?

Дом Вовки Фомичёва — большой, нарядный, в нем множество дипломатов живет всяких наций и стран. Дом, конечно же, под контролем полиции, во всяком случае — парадные двери. Может быть, и нет, но лучше предполагать, что да, и на основе такого предположения строить свои планы. Поэтому я не через парадный вход иду: темными задними дворами, мимо аккуратных мусорных ящиков, — в подземный гараж. Ключи у нас есть от очень многих гаражей и подъездов домов, в которых обычно дипломаты живут. В любой отель Вены я тоже без труда пройду. У нас громадный шкаф с ключами. И где наши собратья из Аквариума ни пройдут, они везде копии ключей снимают. Главное — установить точный порядок учета и хранения, чтоб вовремя нужный ключик найти. Сегодня у меня в кармане три ключа. Если надо, я к Вовке и в квартиру войти могу. Откуда ему знать, что три года назад в этой квартире его неудачливый предшественник жил, который и сделал для ГРУ копии ключей? К сожалению, ни на что более героическое у него сил не хватило, и он был с позором эвакуирован и тут же изгнан из Генерального штаба.

От мусорного ящика коты в разные стороны метнулись с воем душераздирающим. Это хорошая примета: значит, тут поблизости других людей нет. Может, телекамера скрытая? Света нет — экономят. Зачем на заднем дворе свет? Но телекамера может работать и в инфракрасных лучах. Поэтому пальто у меня расстегнуто так, чтобы зажим на галстук был виден. На вид он совсем обычный, но покрыт особой краской, и если в темноте меня облучат инфракрасными лучами, то он будет светиться. Повернувшись вокруг, я и направление обзора скрытой камеры могу определить. Если за мной следят, малую нужду меж мусорных ящиков справлю, да и побреду дальше. Но зажим не светится — наблюдения нет.

Достаю ключ и осторожно вставляю в замочную скважину. Дверь гаража тихо скользит в сторону. В огромном гараже сотни машин.

Ступаю осторожно. Но моя походка не должна быть крадущейся, а взгляд — вороватым. Пусть думают, что я только что приехал, оставил в парке свою машину и иду домой. Стальную дверь, ведущую из гаража к лифту, открываю другим ключом. На лифте поднимаюсь на самый верхний этаж и жду там несколько минут, внимательно

прислушиваясь. Дом спит. Не скрипят двери, не скользит в шахте лифт. Смотрю на часы. Если за мной и следят, мое посещение должно остаться непонятным. Может, я к американскому дипломату на встречу пришел, может, меня женщина ждет. Если за мной следят, то даже истинная моя цель — бросить Библию в почтовый ящик — может им показаться маскировкой, а над истинной целью им придется голову поломать: слишком долго я оставался наверху.

Впрочем, лифты так и замерли в шахтах, и по лестницам никто не ходит, полная тишина.

Теперь осторожно спускаюсь вниз по лестнице. Ступаю не на носки и не на всю площадь подошвы. Касаюсь пола только внешними рантами ботинок, как клоун, искривив ноги колесом. Подошвы у меня мягкие. Не скрипят. Но все же лучше идти так, как учили. Так никогда не слышно шагов. Вот нижний этаж. В мраморном вестибюле — десятки почтовых ящиков. Я знаю, который мне нужен, но останавливаюсь у многих, разглядывая надписи с именами владельцев. Всем телом прилегаю к блоку ящиков и незаметно бросаю пакет в нужную щель. Если бы мне в спину смотрели, то вряд ли точно определили, какой ящик интересовал меня и что именно я сделал.

Со скучающим видом, не обнаружив ничего интересного, спускаюсь по лестнице вниз, в подземный гараж. Тот, кто использует один и тот же путь для входа и для выхода, демонстрирует отсутствие вкуса к конспиративной работе. Этот вкус не похож ни на вкус вина, ни на вкус любви, ни на вкус борьбы. Вкус конспиративной жизни не похож ни на какой другой. Тешу себя мыслью, что этот вкус у меня есть. И не отсутствие вкуса вновь гонит меня в темный гараж. Просто нет у меня лучшего пути отхода.

У меня вновь недосып. А когда выспишься? Глаза воспалены. Рано утром я в «забое» появляюсь, хоть сегодня и выходной. Я Вовку жду. Если бы он появился еще раньше меня, это было бы великолепно. Но только Коля-Аэрофлот в углу зевает. У него глаза тоже красные. Он, наверное, тоже каверзы кому-то устраивал, — может быть, даже мне. Он тоже, наверное, ждет кого-то, кто должен прибежать, запыхавшись.

Он передо мной оправдывается: нужно срочно финансовый отчет закончить. Я, конечно, понимаю, что это правда, но не вся. В шесть утра в воскресенье его в «забой» другая нужда пригнала. Я ему говорю, что у меня к следующей почте три отчета об операциях еще не отпечатаны. Это действительно так. Но только и он понимает, что это не единственная причина, заставившая меня появиться так рано.

Он вид делает, что работает, а сам на часы поглядывает. Я тоже на часы поглядываю, но украдкой. Документы на рабочем столе разложил, а сам в стенку смотрю. Жаль, окошек нам не положено иметь в рабочих помещениях.

В десять утра Младший лидер приглашает Колю-Азрофлота в свой кабинет. Теперь в большом рабочем зале я один.

В 11:32 появляется Навигатор.

— Ну что?

— Товарищ генерал, я подарок вложил без происшествий. Но он еще не отреагировал.

По выражению лица Навигатора я понимаю, что это не меня проверяли, а Вовку Фомичёва. Элементарная провокация. Он клюнул. По какой-то причине, найдя Библию в почтовом ящике, он не доложил руководству немедленно. А если с ним что-то серьезное случится, доложит ли он тогда или нет? Ясно, что он опасен для нашей тайной организации и для всей советской системы.

— Виктор Богданович, иди домой, отдыхай. Вернешься в шесть вечера.

— Есть.

У всех нормальных людей есть выходные дни. Дни, когда никто на работу не ходит. Советские дипломаты по два таких дня в неделю имеют. Суббота и воскресенье. Но офицеры ГРУ, работающие под дипломатическим прикрытием, не имеют выходных дней. И офицеры КГБ тоже. И вот представим себе картину: в каждый выходной часть дипломатов в посольство не ходит, а другая, большая часть — ходит. Все сразу ясно станет — кто чистый дипломат, а кто не очень.

Дабы этого не случилось, много всяких хитростей придумано, чтобы чистого дипломата в выходной день в посольство завлечь, чтобы его широкой дружеской улыбкой загородиться, чтобы активность резидентур скрыть. Советское посольство в выходной день — словно муравейник, и неспроста. В выходные, и только в выходные, почту из Союза выдают. Письма да газеты. Всем «Известия» нужны. Там курсы валют публикуются. Каждый вычислениями занят: сейчас менять валюту на сертификаты или подождать, пока курс валюты скачет. Какова позиция советского Госбанка через неделю будет, известно только дьяволу в аду, но никому другому, даже председателю Госбанка СССР.

А еще по выходным дням в посольствах советских по всему миру особые магазины работают, с ценами удивительными; вся советская колония в магазин валом валит. В воскресенье лекции читают. Все тоже валом валят. Но не потому, что лекции любят. Там на лекциях всем крестики ставят: был, не был. Вообще-то никого не заставляют на лекции ходить, дело твое. Но если вдруг покажется кому-то, что Иван Никанорович, к примеру, апатию проявляет и политикой родной Коммунистической партии не особенно интересуется, то ему — эвакуация. Внезапно ночью в дверь позвонят: папаша ваш не в себе, проститься желает. И конвой к Ивану Никаноровичу приставят: хочешь прощаться с родителем, не хочешь, а пошли к самолету.

Еще по субботам и воскресеньям в советских посольствах фильмы показывают. Новые и не очень новые. Тоже народ валом валит. Массовость посещения — признак высокой сознательности, нерасторжимой связи с социалистической родиной.

Много народа по выходным в посольстве. Машину поставить негде. Но я поставил. У меня на этот случай место особое зарезервировано.

Мы с Навигатором по парку гуляем. Парк огромный. Беседуем. На ворота издали поглядываем. Тут же Пётр Егорович Дунаец, вице-консул, да Николай Тарасович Мороз, первый секретарь посольства. Прогуливаются. Нас они вроде не замечают. Но не зря они тут гуляют. Готовится эвакуация. Помощник советского военного атташе в Вене капитан ГРУ Владимир Дмитриевич Фомичёв ненадежен. Самолет уже вызван. В эвакуации участвует ограниченное число людей: Навигатор (это его решение), я (потому что в проверке участвовал и знаю о

ненадежности Фомичёва), полковники Дунаец и Мороз (заместитель и первый заместитель резидента).

Вот серый «форд» Фомичёва плавно проплыл через ворота. В кино помощник военного атташе приехал с супругой. Отчего же ты, Володя, утром не прибежал, высунув язык? Отчего ты Библию с собой не принес? Зачем ее спрятал? Ну зачем она тебе нужна? Бога нет, усвоить пора. Выдумки про Бога — гнусная антисоветская стряпня. Рай не после смерти. Рай на земле сейчас нужно строить. Если ты думаешь, что рай после смерти наступит, то этим самым самоустранишься от активного строительства рая на земле. Это бабкам неграмотным простят. Тебе — нет. На конвейер пойдешь. Из тебя правду сумеют вырвать. Зачем Библию прятал? Может, ты ее и не прятал вовсе. Может, ты боялся неприятностей и потому взял и выбросил ее в мусорный ящик, думал, никто не узнает. А мы все знаем. Обо всем, что с тобой случается, ты обязан докладывать. Молчания тебе ГРУ не простит.

Заместитель командира медленно (гуляет!) побрел к воротам. Войти в посольство можно только одним путем, но и выйти можно только им. Путь этот для помощника военного атташе уже отрезан. У ворот охрана. Она ничего не знает. Охрана так ничего и не узнает, если помощник военного атташе не попытается бежать. А если попытается, то мышеловка захлопнется перед самым его носом. Командир и Младший лидер к библиотеке бредут. Не спешат. Они тоже гуляют. Там, возле библиотеки, запасной вход в бункер.

Я немного еще тут подожду.

Вот Боря, третий шифровальщик, на парковку спешит. Боря в эту тайну не посвящен. Его задача — подойти, поздороваться и сказать: «Владимир Дмитриевич, вам шифровка».

Я издалека наблюдаю.

Вот Боря около машины. Вот Фомичёв из нее выходит. Выражения лица не видно. Вот он что-то жене говорит. Вот он ее целует в щечку. Вот она одна пошла к кинозалу. Эх, не знаешь ты, капитан, что тебя ждет! Преступник ты. Не доложил командиру, что буржуазный мир тебя совратить пытается, сбить с правильного пути. Тебя, капитан, конечно, не расстреляют, но в тюрьму посадят — за попытку обмануть резидента. А в тюрьме тебе еще срок добавят. Там таким, как ты, добавляют обязательно. Если ты когда-нибудь из

тюрьмы выйдешь (у нас особая тюрьма есть), то жена с тобой вряд ли встретиться пожелает. Она тебя бросит. Я ее лицо видел однажды на дипломатическом приеме близко совсем. Бросит наверняка.

Пора и мне.

Стальная дверь. Коридор. Лестница вниз. Еще дверь. Это та дверь, что с черепом и костями. Снова вниз. В бункер. В «забой». Большой рабочий зал. Коридор. Малый рабочий зал. Еще коридор. Двери направо и налево. Он сейчас в комнате Младшего лидера. Жму на звонок. Лицо Младшего лидера появляется из-за двери. Дверью он, как щитом, прикрывается. Что внутри кабинета — не разглядишь.

— Чего тебе?

— Помощь нужна?

— Да нет. Иди, Богданыч, кино смотри. Сами справимся.

— До свидания, Николай Тарасович.

— До свидания.

По коридору. По лестницам вверх. Вот малый рабочий зал...

— Витя! — Младший лидер за мной спешит.

— Слушаю вас.

— Витя, совсем забыл. Дождешься конца фильма. Встретишь его жену Валентину, скажешь, что муж ее на срочном задании на два дня. Пусть не волнуется. Секретное задание, скажешь. Скажешь так, чтобы она ничего не заподозрила. И домой ее отвезешь. А пока машину его с парковки убери. В подземный гараж спрячь, вот ключи. Все. До завтра.

— До свидания, Николай Тарасович.

Валя Фомичёва — женщина особая. На таких оборачиваются, таким вслед смотрят. Она небольшая совсем, стрижена, как мальчишка. Глаза огромные, чарующие. Улыбка чуть капризная. В уголках рта что-то блудливое витает. Но это только если присмотреться внимательно. Что-то в ней дьявольское есть, несомненно. Но не скажешь, что именно. Может быть, вся красота ее дьявольская. Зачем ты, Володя, себе такую жену выбрал? Красивая жена — чужая жена. Кто на нее в посольстве только не смотрит! Все смотрят. И в городе тоже. Особенно южные мужчины, французы да

итальянцы, высокие, плотные, с легкой сединой. Им эта стройная фигурка покоя не дает. Едем в машине, останавливаемся на перекрестке — взгляды упрекающие меня сверлят: зачем тебе, плюгавый, такая красивая женщина?

А она вовсе и не моя. Я ее домой везу, ибо муж ее уже на конвейере, уже показания дает. Из него еще тут, в Вене, вырвут нужные признания. А потом он в Аквариум попадет, в огромное здание на Хорошёвском шоссе.

Валя, его жена, об этом пока не догадывается. Ушел в ночь, в обеспечение. Ее это не волнует, привыкла. Она мне о новых блестящих плащах рассказывает, вся Вена такие сейчас носит. Плащи золотом отливают, и вправду красивые. Ей такой плащ очень пойдет. Как Снежная королева, будешь ломать наш покой своим холодным надменным взглядом. Сколько власти в ее сжатых узких ладонях. Несомненно, она повелевает любым, кто встретится на ее пути. Если сжать ее, раздавишь, как хрустальную вазу. С такой женщиной можно провести только одну ночь, а после этого бросать и уходить. В противном случае — закабалит, подчинит, согнет, поставит на колени.

Глуп ты, капитан, что за такой пошел. Наверняка знаю, что она смеялась тебе в лицо, а ты, ревнивец, следил за ней из-за угла. А потом, повинувшись мимолетному капризу, она согласилась стать твоей женой. Ты и сейчас, на конвейере, только о ней думаешь. Тебе один вопрос покоя не дает: кто ее сейчас домой везет? Успокойся, капитан, это я, Витя Суворов. Не нужна она мне, обхожу таких стороной. Да и не в Вене этими вещами заниматься. Слишком строго мы друг друга судим, слишком пристально друг за другом следим.

— Суворов, ты почему никогда мне не улыбаешься?

— Разве я один?

— Да. Мне все улыбаются. Боишься меня?

— Нет.

— Боишься, Суворов. Но я заставлю тебя улыбаться.

— Угрожаешь?

— Обещаю.

Остаток пути мы молчим. Я знаю, что это не провокация ГРУ. Такие женщины только так и говорят. Да и не может сейчас ГРУ следить за мной. Операции ГРУ отточены и изящны. Операции ГРУ отличаются от операций любых других разведок простотой. ГРУ

никогда не гоняется за двумя зайцами одновременно. И оттого ГРУ столь успешно.

— Надеюсь, Суворов, ты не бросишь меня возле дома. Я красивая женщина, меня на лестнице изнасиловать могут, а отвечать ты будешь.

— В Вене этого не бывает.

— Все равно, я боюсь одна.

В этой жизни она ничего не боится, я знаю таких: зверь в юбке.

В лифте мы одни, она смеется:

— Ты уверен, что Володя ночью не вернется?

— Он на задании.

— А ты не боишься меня одну ночью оставлять? Меня украсть могут.

Лифт плавно остановился. Выходим. Она дверь квартиры ключом отпирает.

— Ты что сегодня ночью делаешь?

— Сплю.

— С кем же ты спишь, Суворов?

— Один.

— И я одна, — вздыхает она.

Она переступает порог и вдруг оборачивается ко мне. Глаза жгучие. Лицо чистенькой девочки-отличницы. Это самая коварная порода женщин. Ненавижу таких.

Эвакуация всегда производится только самолетом. Потому как быстро, и полицейский контроль только один раз. Эвакуация всегда производится днем: ночью полиция более подозрительна, а утром новая смена — свежие силы. Днем свежая утренняя смена уже устала немного, бдительность ее притупилась. И расписания рейсов «Аэрофлота» в Москву из большинства стран составлены так, чтобы самолет уходил днем. Не везде это возможно, но где возможно, сделано именно так. Не каждым рейсом «Аэрофлота» людей эвакуируют. Но если потребуется эвакуация, все предусмотрено заранее.

Бывший капитан ГРУ, бывший помощник военного атташе сидит на табуретке. Голова на груди. Он не связан. Он просто сидит. Но у него больше нет желания кричать и буянить. Он уже прошел первую стадию конвейера. Он признался: да, была Библия в почтовом ящике. Нет, религией не интересовался. Да, проявил халатность. Да, бросил в мусорный ящик. Тот, который третий слева.

Библия уже на столе лежит. Нашли ее. Это доказательство! Библия в целлофановом пакете.

Пока я твою жену возил, из тебя, капитан, первый слой показаний извлекали. Да, обманывал Навигатора и раньше. Посещал проституток четыре раза. Нет, с западными разведками не связан. Вербовочных предложений от них не получал. Нет, секретных сведений им не передавал.

Эвакуация.

— Спирт.

Вместо медицинского спирта мы обычно джин «Гордон» используем. Из командирского бара.

— Шприц.

Шприц одноразовый. Точно как в частях СпН. Но это не «Блаженная смерть», это просто «Блаженство».

Место укола надо тщательно протереть проспиртованной ваткой, чтобы не было заражения.

Аэропорт. Грохот двигателей. Блестящие полы. Сувениры. Много сувениров. Куклы в национальных нарядах. Зажигалки «Ронсон». Проверка билетов.

— Багаж?

— Нет багажа. Краткосрочная командировка.

— Предъявите паспорта!

Наши паспорта зеленого цвета. «Именем Союза Советских Социалистических Республик... Министр иностранных дел Союза ССР...»

Проходим.

Нас трое. Бывший капитан. Я. Вице-консул.

Бывший капитан путешествует. Мы — провожающие лица. Якобы. На самом деле мы — прямое обеспечение. А вон там, у киоска с бутылками — Генеральный консул СССР. Общее обеспечение. Оградить! Предотвратить! Отмазать!

Теперь к самолету. «Дипломатическая почта» — это про нас.

Проходим.

Через поле — к самолету. Совсем недалеко, даже автобуса не надо. Ту-134. Два трапа. Задний — для всех. Передний — для особо важных персон и для дипломатической почты, для нас то есть. У трапа стюардесса. Чего зубы скалишь, чему радуешься?

Но откуда ей, серой, знать, что бывший капитан уже не особо важная персона! Откуда ей знать, что улыбается он просто потому, что ему «Блаженство» вкололи!

У трапа — дипломатические курьеры. Двое. Крупные. Они знают, что за груз у них сегодня. Они вооружены и не скрывают этого. Такова международная дипломатическая практика. Таковы правила, установленные еще Венским конгрессом 1815 года.

Они помогают бывшему капитану подняться по трапу. У бывшего капитана почему-то ноги на ступени трапа не попадают. Тащатся ноги. Ну, это ничего. Поможем. У двери два больших человека чуть развернули бывшего капитана боком: втроем в дверь не войдешь. Я вновь вижу их лица. Бывший советский военный дипломат улыбается тихой доброй улыбкой. Кому улыбается? Может быть, даже мне.

И я улыбаюсь ему.

Глава 26

1

— Надевай, — приказывает Навигатор.

Я надеваю на голову прозрачный шлем. Он делает то же самое. Теперь мы на космонавтов похожи. Наши шлемы соединены гибкими прозрачными трубами.

Подслушать то, о чем говорят в командирском кабинете, невозможно. Даже теоретически. Но если в дополнение ко всем системам защиты он приказывает еще воспользоваться и переговорным устройством, то, значит, речь пойдет о чем-то совсем интересном.

— Ты делаешь успехи. Не только в добывании. Недавно ты прошел серию проверок, организованных Аквариумом и мной лично. Ты не догадывался о проверках, но прошел их блестяще. Сейчас ты в доверии нулевой категории.

Если это правда, то ГРУ меня слегка переоценивает. За мной грешки числятся. Я не святой. А может быть, Навигатор мне всей правды не говорит.

— ГРУ доверяет тебе проведение операции чрезвычайной важности. В Вену в ближайшее время прибывает один наш «друг». Он очень важен для нас. Насколько важен, можешь судить сам: им руководит генерал-полковник Мещеряков лично. Кто этот «друг», я не знаю и не имею права знать. Тебе тем более этого знать не полагается. Понятно, что с таким человеком мы не встречаемся лично. Никогда. Он работает через систему тайников и сигналов. Однако ГРУ готово провести встречу с ним в любой момент. Мы должны быть уверены, что контакт может быть установлен в любых обстоятельствах, в любое время. Поэтому раз в несколько лет проводятся контрольные встречи. Он получает боевой вызов и идет на связь. Но мы в контакт не вступаем. Только смотрим за ним издалека. Его выход — это подтверждение для ГРУ, что связь работает нормально. Кроме того, мы проверяем обстановку вокруг него. Сейчас будет проведена такая

операция. Приказом начальника ГРУ контрольную операцию приказано проводить тебе. Для тебя будет снят номер в отеле. Чтобы не подставить «друга», проверишься сам. Проверяться будешь двое суток с мощным обеспечением. Исколесишь всю страну. Машину свою бросишь в Инсбруке. Исчезнешь. Растворишься. В Вене появишься, как призрак. Проведешь окончательную проверку. Войдешь в отель через ресторан. Незаметно вверх. Все будет подготовлено. У тебя будет «Минокс» с телеобъективом. Аппарат заряжен пленкой «Микрат 93 Щит». Пленка имеет два слоя: отвлекающий и боевой. На отвлекающем слое сделаны снимки австрийских военных аэродромов. Боевой слой ты будешь использовать для работы. Если тебя арестуют, попытайся вырвать пленку из камеры и засветить. Если сделать это не удастся, они проявят ее. Они получают изображение аэродромов, но проявителем уничтожат боевой слой. Пусть они примут тебя за мелкого шпиона. Все понял?

— Да.

— Тогда слушай дальше. «Друг» в точно определенное время выйдет к витрине обувного магазина. Ты будешь находиться в ста метрах от него и на восемнадцать метров выше. Отснимешь на пленку появление «друга». Я не знаю, кто это будет. Может быть, женщина, переодетая мужчиной. Может быть, мужчина, переодетый женщиной. Не смущайся, даже если одежда грязная, а волосы не расчесаны, так лучше для дела. В течение получаса до появления «друга» фиксируй на пленку любое движение, которое тебе покажется подозрительным. Как узнать его? Он появится в точно определенное время в точно определенном месте. Свернутая газета в правой руке — опознавательный знак и одновременно сигнал благополучия. Та же газета в левой руке — сигнал опасности. «Друг» идет на встречу, не зная, встретим мы его или нет. Но если он под контролем, он нам об этом просигнализирует. Этим он спасает нашего офицера и одновременно свою шкуру. Если он под контролем полиции, в его интересах сократить количество контактов с нами. Если через пять минут никто не вступит с ним в контакт, он уйдет и будет вновь выходить на связь, когда мы этого потребуем. Возможно, через десять лет и в другом полушарии. И, возможно, мы вновь только проверим его, не вступая в контакт. Что не ясно?

— Все ясно.

— Последнее. Время и место проведения операции я тебе сообщу внезапно, прямо перед самым началом. В оставшееся до операции время ты не имеешь права вступать в контакты с иностранцами. О любом вынужденном контакте докладывать мне лично. О деле не знает никто, даже первый шифровальщик. Телеграмма была закрыта моим личным шифром. В номере гостиницы с тобой не должен оказаться никакой другой фотоаппарат, кроме того, который я тебе дам перед операцией. Лишний фотоаппарат может стоить тебе головы. Будь осторожен с «Миноксом». Он заряжен в Аквариуме и опечатан. Печати почти не видно. Смотри не повреди ее. О том, как выглядит «друг», ты не имеешь права рассказывать никому, даже мне. Опечатанный «Минокс» дипломатической почтой уйдет в Аквариум, и там пленку проявят особым способом. Все понял?

— Все.

— Тогда повтори все с самого начала.

2

Номер отеля подобран со знанием дела. Моя комната угловая. Я могу обозревать сразу три тихие улочки. Вон там обувной магазин. На прилегающих улицах почти никакого движения. До появления «друга» три часа десять минут.

В номере кто-то заботливый приготовил для меня все, что может мне потребоваться: телеобъектив к «Миноксу» величиной с батарейку для электрического фонарика, большой бинокль «Карл Цейс», хронометр «Омега», набор светофильтров, карта города, термос с горячим кофе. А «Минокс» я с собой принес.

Вот он, в ладони. Маленький хромированный прямоугольник с кнопками и окошечками. «Миноксом» работают все разведки мира уже полвека. «Миноксом» работал Филби против британской разведки в интересах советской разведки. «Миноксом» работал полковник Пеньковский против советской разведки в интересах британской разведки. Вот он, на моей ладони. Маленький аккуратный «Минокс». Я присоединяю телеобъектив и пробую снимать. Я только примеряюсь. Для такого маленького аппарата сто метров — большая дистанция. Дрогнет рука — все смажется. «Минокс» не для этого

придуман. «Минокс» — для того, чтобы снимать документы, разложенные на столе.

Время, лениво переваливаясь, нехотя плетется мимо. Крышка термоса, которая мне чашкой служит, дымит тонкой струйкой, как Везувий над Неаполем. Толстая женщина выходит из дома и идет по улице. Ничего интересного. Проехал почтальон на велосипеде. Опять все замерло. По улице черный «мерседес» проехал. На заднем сиденье утопает в подушках человек, одетый в белые простыни. Это представитель бедной страны поехал на совещание требовать денег от богатых стран. Дипломаты богатых стран тоже на совещание едут. Но у богатых машины поскромнее. Говорят, что в будущем разрыв между богатыми и бедными странами будет увеличиваться. Так специалисты говорят, им виднее. Большой разрыв будет означать, что дипломатов бедных стран только на «роллс-ройсах» возить будут, а дипломаты богатых стран, наверное, на велосипеды пересядут для экономии.

Тоненькая стрелка маленького аккуратного хронометра утомительно идет круг за кругом. Опять толстая женщина прошла. Опять прошелестели шины огромного черного автомобиля с затемненными стеклами: еще один беднейший за помощью едет. Я вновь «Цейсом» улицы щупаю. Не пропустить ничего, запомнить номера. Запомнить лица. Их немного. Запомнить любое движение. Любое изменение. «Минокс» — на боевом взводе, как зенитный пулемет в танке. Все подозрительное — на пленку. Кадры в «Миноксе» крошечные. Поэтому на короткой пленке их много умещается. А это что?

Что-о-о?

Я еще не осознал увиденное в полной мере, меня просто переполнило ощущение чего-то ужасного и непоправимого. На улице остановился красавец «ситроен». Я его среди тысяч других узнаю — это «ситроен» Младшего лидера. Из машины выходит женщина, быстро наклоняется к Младшему лидеру и целует его. Именно этот момент снимает мой аккуратный «Минокс». Женщина садится в спортивный «фиат» и уезжает. А Младшего лидера давно нет на улице.

Я в кресле сажу. Я кусаю губы. Женщина, конечно, не жена Младшего лидера. Его жену я знаю. Женщина эта — не секретный агент. Навигатор знает время и место любой операции и сейчас в моем

районе он наверняка запретил любую агентурную активность. Значит, ГРУ вновь проверяет меня.

Они посадили меня в эту дурацкую комнату и разыграли комедию. Теперь они ждут, доложу я о проступке уважаемого мной человека или скрою это. Для того и аппарат дали, чтобы узнать, колебался ли я хоть мгновение или воспользовался им немедленно. А еще по снимку они увидят, дрожали у меня руки или нет.

Но губы я кусаю неспроста. Еще одна возможность остается. Тихая улочка по всем статьям для тайных встреч подходит. О том, что я на шестом этаже сижу за плотными шторами, мало кому известно. Младший лидер мог и не подозревать о моем присутствии, если он в операцию лично не вовлечен.

Младший лидер и любовница!

Американка? Англичанка? Ясно, что иностранка. Советской женщине за рубежом машину иметь не полагается. Тем более спортивную. Зачем ей спортивная? Все машины советскому государству принадлежат, и ими пользуются только те, кто мощь государства бережет и умножает.

Если все это не комедия и не проверка, то Младшему лидеру — конец. Капут. Кранты. Конвейер. Полный конвейер с неприятным финишем. Однако все это может быть проверкой. Мало ли как каждого из нас проверяли! Именно так я и должен был действовать. Быстро и решительно. Я прихожу в себя и смотрю на пустынную улицу. Никто не нарушает ее спокойствия. Только неприятная сутулая фигура с газетой в руке у витрины обувного магазина прозябает. Что ты там, человеке, интересного мог увидеть?

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. И вдруг вскакиваю, опрокинув термос. Хватаю «Минокс». Судорожно жму на спуск. Это же он! Это же «друг», мать-перемать! Затвором щелк-щелк. И еще раз. Черт бы побрал всех «друзей» вместе с генерал-полковником Мещеряковым, вместе с Младшим лидером и его блядью!

Время истекло. «Друг» нехотя бросает газету в урну и исчезает за углом.

Качество кадров может оказаться неудовлетворительным, и это выдаст мое душевное состояние. Это прольет свет на тот факт, что Младшего лидера я выдавать не хотел, что я колебался.

Встаю. Отсоединяю телеобъектив. Термос, объектив, бинокль укладываю в пакет и опускаю в урну. Кто-то после меня все это заберет. «Минокс» в левой руке зажат. Так удобнее вырывать из него пленку в случае ареста.

Ах, если бы меня арестовали! А может, симулировать нападение полиции? Нет, это не пройдет. Генеральный консул в полицию позвонит и узнает, что никто на меня не нападал. Тогда меня на конвейер поставят.

Выхожу на улицу, и яркое солнце ослепляет меня. Нет. В этом радостном мире все не может быть так плохо. Это была обычная проверка. Обычная провокация ГРУ. И я не клюнул. В академии нам и не такие проверки устраивали. Похлеще. Жизнь самых близких нам людей на карте стояла. А потом выяснилось, что это просто комедию наши начальники разыгрывали. Многие этого не выдерживали.

Я выдержал. А минуты сомнений нам прощали. Мы все-таки тоже люди. В каком-то смысле.

3

— Откуда «друг» появился?

Мгновение размышляю, соврать или нет.

— Я не видел, товарищ генерал.

— У тебя был хронометр. Разве «друг» вышел не точно вовремя?

Молчу.

— Тебя что-то сбilo с толку? Что-то было подозрительным? Непонятным? Необъяснимым? Что-то смутило тебя?

— Ваш первый заместитель...

Нестерпимая тревога в глазах его.

— Ваш первый заместитель был на месте встречи за двенадцать минут до появления «друга». С женщиной.

Острые косточки на его кулаках белые-белые. И лицо белое. Он молчит. Он смотрит в стену сквозь меня. Потом он тихо и спокойно спрашивает:

— Ты его, конечно, не успел заснять...

Трудно понять, он спрашивает или утверждает. А может, угрожает.

— Успел...

В глаза ему боюсь смотреть. Под ноги себе смотрю. Время тоскливо тянется. Нехотя. Часы на стенке тикают: тик, тик, тик.

— Что делать будем?

— Не знаю, — жму плечами.

— Что делать будем? — он бьет по столу кулаком и тут же, брызжа слюной, шипит мне в лицо: — Что делать будем?

— Эвакуацию готовить! — обозлившись, вдруг огрызаюсь я.

Мой крик успокаивает его. Он затихает. Сейчас он просто старик-горемыка, на которого свалилось тяжелое горе. Он сильный человек. Но система сильнее каждого из нас. Система сильнее всех нас. Система могущественна. Под ее неумолимый топор любой из нас попасть может. Он смотрит в пустоту.

— Знаешь, Витя, полковник Мороз в шестьдесят четвертом году меня от высшей меры отмазал. Я его после этого по всему свету вел за собой. Он вербовал женщин. Но каких женщин! Эх, жизнь... Любил он их. И они его любили. Я знал, что он налево ударяет. Я знал, что у него в каждом городе любовница. Прощал ему. И знал, что попадетсЯ он. Знал. Как ты в этой Австрии спрячешься? Ладно. Вдвоем мы эвакуацию сумеем провести?

— Сумеем.

— Шприц в шкафу возьми.

— Взял.

Он нажимает кнопку переговорного устройства.

— Первый шифровальщик.

— Я, товарищ генерал, — отвечает аппарат.

— Первого заместителя ко мне.

— Есть, — отвечает аппарат.

— Садись, — устало говорит Навигатор. Он сидит за столом. Левая рука на столе. Правая — в ящике стола. Так там и застыла. Я позади кресла, на котором теперь Младший лидер сидит. Увидев, что правая рука Навигатора покоится в ящике стола, Младший лидер сразу все понял. А мое присутствие означало, что это я его как-то проверял и на чем-то застукал. Он тянется всем телом до хруста в костях. Затем

спокойно снимает пиджак и заводит руки за спинку кресла. Он знает правила игры. Щелкаю наручниками. Осторожно расстегиваю золотую запонку и отгибаю манжету рубашки. Тонкую белую салфетку для чистки оптики смачиваю джином из зеленой бутылки. Салфеткой протираю кожу, куда сейчас войдет игла. Тонким штырьком пробиваю мембрану шприц-тюбика, не касаясь пальцами иглы. Затем, подняв шприц на уровень глаз, двумя пальцами нежно жму на прозрачные стенки флакончика со светлой, чуть мутной жидкостью. Иглу под кожу нужно вводить аккуратно, а содержимое тюбика выдавливать плавно. Затем, не разжимая пальцев (тюбик, как насос, может втянуть всю жидкость обратно), извлекаю иглу и вновь растираю кожу салфеткой с джином.

Кивком головы Навигатор дает мне знак выйти. Я выхожу из кабинета и, закрывая дверь, слышу его лишенный всяких эмоций голос:

— Рассказывай...

Мне плохо.

Мне совсем плохо.

Со мной подобного никогда не случалось. Плохо себя чувствуют только слабые люди. Это они придумали себе тысячи болезней и страдают от них, попусту теряя время. Это слабые люди придумали для себя головную боль, приступы слабости, обмороки, угрызения совести. Ничего этого нет. Все эти беды — только в воображении слабых. Себя к сильным не отношу. Я — нормальный. А нормальный человек не имеет ни головных болей, ни сердечных приступов, ни нервных расстройств. Я никогда не болел, никогда не скулил и никогда никого не просил о помощи.

Но сегодня мне плохо. Тоска невыносимая. Смертная тоска. Человечка бы зарезать!

Сажу в маленькой пивной. В углу. Как волк затравленный. Скатерть, на которой лежат мои локти, клетчатая, красная с белым. Чистая скатерть. Кружка пивная — большая. Точеная. Пиво по цвету коньяку сродни. Наверное, и вкуса несравненного. Но не чувствую

вкуса. На граненом боку пивной кружки два льва на задних лапках стоят, передними щит держат. Красивый щит и львы красивые. Язычки розовые — наружу. Я всяких кошек люблю: и леопардов, и пантер, и домашних котов, черных и сереньких. И тех львов, что на пивных кружках, тоже люблю. Красивый зверь кот. Даже домашний. Чистый. Сильный. От собаки кот независимостью отличается. А сколько в котах гибкости! Отчего люди котам не поклоняются?

Люди в зале веселые. Они, наверное, все друг друга знают. Все друг другу улыбаются. Напротив меня четверо здоровенных мужиков: шляпы с перышками, штаны кожаные по колено на ляпочках. Мужики зело здоровы. Бороды рыжие. Кружкам пустым на их столе уже и места нет. Смеются. Чего зубы скалите? Так бы кружкой и запустил в смеющееся рыло. Хрен с ним, что четверо вас, что кулачищи у вас почти как у моего командира полка — как пивные кружки кулачищи.

Может, броситься на них? Да пусть они меня тут и убьют. Пусть проломают мне череп табуреткой дубовой или австрийской кружкой резной. Так ведь не убьют же. Выкинут из зала и полицию вызовут. А может, на полицейского броситься? Или вот Брежнев скоро в Вену приезжает с Картером наивным встречаться. Может, на Брежнева кинутся? Тут уж точно пристрелят.

Только разве интересно умирать от руки полицейского или от рук тайных брежневских охранников? Другое дело, когда тебя убивают добрые и сильные люди, как эти, напротив.

А они все смеются.

Я никогда никому не завидовал. А тут вдруг зависть черная гадюкой подколодной в душу тихонько заползла. Ах, мне бы такие штаны по колено да шляпу с пером! А кружка с пивом у меня уже есть. Что еще человеку для полного счастья надо?

А они хохочут, закатываются. Один закашлялся, а хохот его так и душит. Другой встает, кружка полная в руке, пена через край. Тоже хохочет. А я ему в глаза смотрю.

Что в моих глазах — не знаю, но только, встретившись взглядом со мной, здоровенный австрияк, всей компании голова, смолк сразу, улыбку погасил. Мне тоже в глаза смотрит. Пристально и внимательно. Глаза у него ясные. Чистые глаза. Смотрит на меня. Губы сжал. Голову набок наклонил.

То ли от моего взгляда холодом смертельным веяло, то ли сообразил он, что я хороню себя сейчас. Что он про меня думал, не знаю. Но, встретившись взглядом со мной, этот матерый мужичище потускнел как-то. Хохочут все вокруг него. Хмель в счастливых головах играет, а он угрюмый сидит, в пол смотрит. Мне его даже жалко стало. Зачем человеку своим взглядом вечер испортил?

Долго ли, коротко ли, встали они, к выходу идут. Тот, который самый большой, последним. У самой двери останавливается, исподлобья на меня смотрит, потом вдруг всей тушей своей гигантской к моему столу двинулся. Грозный, как разгневанный танк. Челюсть моя так и заныла в предчувствии зубодробительного удара. Страх во мне никакого. Бей, австрияк, вечер я тебе крепко испохабил. У нас за это неизменно по морде бьют. Традиция такая.

Подходит. Весь свет мне исполинским своим животом загородил. Бей, австрияк! Я сопротивляться не буду. Бей, не милуй! Рука его тяжелая, пудовая, на мое плечо левое легла и слегка сжала его. И по той руке вроде как человеческое участие потекло. Своей правой рукой стиснул я руку его. Сжал благодарно. В глаза ему не смотрю. Не знаю почему. Голову над столом склонил. А он к выходу пошел, неуклюжий, не оборачиваясь. Чужой человек. Другой планеты существо.

А ведь тоже человек. Добрый. Добрее меня. Стократ добрее.

Что происходит со мной? Что за перемены? Что за скачки? Лучше мне. От пива, наверное. А может, от прикосновения широкой мозолистой лапы, что меня по плечу потрепала, на краю пропасти удержала. Однако что же со мной было? Отчего свет белый для меня померк? Может, именно это слабые люди угрызениями совести называют? Нет, конечно. Нет у меня совести, потому не мучает она меня.

И чего мучить? С какой стати? Младшего лидера предал? Хороший он человек. Но не я его, так он бы меня на конвейер поставил. Работа у нас такая. Выдав Младшего лидера, я ГРУ от всяких случайностей оградил. За такие вещи в Центральном Комитете Кир спасибо говорит. Увезут Младшего лидера, нового пришлют.

Стоит ли из-за этого расстраиваться? Если бы каждый волю своим чувствам давал, система давно бы рухнула. А так она стоит и крепнет. И сильна она тем, что избавляется немедленно от любого расслабившегося. От любого, кто своим чувствам волю дает.

Но не расслабился ли я сам? Несомненно. А видел ли кто меня? Возможно. Можно ли было со стороны мои переживания увидеть? Конечно. Если поза горемыки, если руки плетями, если взгляд погас, это могли обнаружить. Если австрияк понял, что плохо мне, то опытный разведчик, который мог следить за мной, и подавно понял.

После эвакуации Младшего лидера Навигатор вполне мог за мной слежку поставить: как 41-й себя поведет?

Что-то случилось со мной, и на несколько часов я потерял контроль над собой. Если Навигатор об этом узнает, то ночью меня ждет эвакуация. Очередной самолет будет только через три дня. Эти дни я в фотолаборатории в темноте просижу. Сегодня ночью меня обязательно в эту темноту уволочут. Даже обыкновенный самолет, у которого иногда приборы управления отключаются, к полетам не допускают. А разведчика и подавно. Разведчик, теряющий контроль над собой, опасен. Его убирают немедленно.

Из пивной к своей машине бреду. Если хочешь обнаружить слежку — побольше равнодушия. Почаще под ноги смотри. Успокой следящих. Тогда их и увидишь. Ибо, успокоившись, они ошибаются. Уже много лет я, как легчик истребитель, все в заднее стекло машины смотрю. Назад смотрю больше, чем вперед. Профессия такая. Но не сейчас. Сейчас даю возможность тем, кто, возможно, следит за мной, успокоиться и потерять бдительность. Машина моя идет ровно. Никаких фокусов. Никаких попыток уйти в переулки.

Но берегу Дуная, через мост, опять вдоль берега. Не спешу, не делаю рывков, не стараюсь уйти куда-нибудь к железнодорожному полотну. (Хорошо проверяться у железнодорожного полотна.) Обхожу центр города. Иду по широким улицам в потоке машин. Хорошо для тех, кто следит. И совершенно плохо для того, кто под слежкой. От Шведенплац двигаюсь в сторону моста Аспернбрюкке.

Но вот я резко ухожу в первый переулок направо к главному почтамту и вновь резко вправо. Тут меня светофор остановит. Это я знаю. А знает ли про этот светофор тот, кто следит за мной?

Если кто-то следит, то он должен выскочить следом или потерять меня. А обойти меня по параллельным улицам тут невозможно. Тут я все знаю. Все тротуары тут истоптал.

Я под светофором. Один. Улочка узкая. А ну-ка, кто из-за поворота выскочит? Еще секунда, и будет зеленый свет. Из-за поворота вылетает серый побитый «форд». Тормозами скрипит. Молод водитель. Не знал, что светофор за углом. Не думал, что я под светофором стоять могу, его поджидая. Зеленый свет. Плавно трогаюсь. Его лицо очкастое я одним взглядом накрываю — в автомобильное зеркальце. Да, брат. Знаю я твою очкастую рожу. Номер на твоей машине не дипломатический. Но ты — советский дипломат. Тебя я видел в делегации по сокращению вооружений в Европе. Не думал, что ты из нашей своры. Думал, что ты чистый. Но зачем чистому дипломату в рабочее время по городу шнырять? Зачем из-за поворота на бешеной скорости выскакивать, штрафуют же!

Теперь я не спешу. Лицо свое равнодушием умыл. Не замечаю ничего, не реагирую ни на что. «Форд» больше не появляется. Может, он и появлялся, но я не пытаюсь вновь его обнаружить. Для меня и одного раза достаточно. Мне ясно: за мной следят. Ни капли сомнения в этом нет.

Водитель «форда» сейчас мучается: увидел я его или нет, узнал ли? Он, конечно, успокаивает себя, что рассеянный я, что совсем назад не смотрю, что не мог я его заметить.

Интересно, сколько машин за мной Навигатор поставил следить? Ясно, что не одну. Если бы только одна машина в слежке была, то в машине по меньшей мере два человека сидели. Если один человек в машине, значит, машин несколько. Это каждому ясно. Такая слежка может завершиться только эвакуацией.

Моего командира можно понять. Если человек теряет контроль над собой после пустякового происшествия, значит, он и в будущем может потерять контроль над собой. В самый ответственный момент. А может, он в прошлом уже терял над собой контроль? Может, враждебные организации уже воспользовались этим?

Сомнений нет: заберут меня сегодня ночью. И если бы я был на месте Навигатора, то поступил бы точно так же: во-первых, немедленно после случившегося поставил слежку, во-вторых, убедившись в неблагополучии, отдал приказ об эвакуации.

Я не еду в посольство. Посольство — это наручники и укол. Я еду домой. Мне нужно подготовиться к неизбежному. И встретить удар судьбы с достоинством.

Эпилог

1

Дверь своей квартиры я запер изнутри, окно чуть приоткрыл. Если мне не хватит мужества встретить их лицом к лицу, прыгну в окно. Ниже — семь этажей. Хватит вполне. Путь через окно — легкий путь, но и его я обдумываю. Это путь для малодушных. Для тех, кто боится конвейера. Если в последний момент испугаюсь, то воспользуюсь этим путем.

Недавно гордый варяг из ГРУ ушел от конвейера именно так — прямо в центре Парижа бросился из окна на каменную мостовую.

Другой варяг ГРУ, из Лондона, работал в очень важном обеспечении в Швейцарии. Ошибся. На конвейер не захотел. Вскрыл себе вены.

А майор Анатолий Филатов, борзой, конвейера не побоялся. И я не побоюсь.

Вообще-то, кто его знает... Хорошо зарекаться сейчас. И все же я не пойду через окно. Я встаю и решительно его закрываю. Это не для меня. Но и на конвейер я не пойду. Когда постучат, открою дверь и вцеплюсь кому-нибудь в глотку зубами.

Я глянул на часы и похолодел. Уже за полночь! Тактику Аквариума я знаю. Эвакуация обычно начинается на рассвете. Аквариум свои удары наносит внезапно. В самое сонное время. Могут, конечно, и до рассвета начать, для этого расстановку людей они должны были провести еще раньше. Так что я уже, наверное, опоздал. Вполне возможно, двое уже ждут сигнала на лестничной площадке этажом выше. Еще пара где-то у входа. Кто-то, конечно, и в гараже. Основная группа — где-то рядом.

Сейчас у меня есть только одна возможность уйти от них — осторожно выйти из квартиры, спуститься на два-три этажа вниз и только тут вызвать лифт, на лифте — прямо в подземный гараж, а из гаража выезжать не через выходные ворота, а через входные, если, конечно, их удастся открыть изнутри.

Замок я открыл бесшумно. Осторожно жму на ручку двери. Главное, чтоб она не скрипнула. Вдыхаю глубоко и тяну дверь на себя. Полоса света из коридора на полу моей комнаты становится все шире. Затаив дыхание, я потянул дверь сильнее, и она заскрипела тихо, тоскливо и протяжно.

Моя машина на солидном расстоянии от дома. Моя машина в тени, в гуще других машин на большой стоянке. Но свой дом я вижу отчетливо. Пока ничего подозрительного вокруг не происходит. Всё спит. Все спят.

В 3:40 во всех окнах моей квартиры вспыхнул свет. Что ж, это именно то, чего я ожидал.

Лес. Холодный серый рассвет. Клочья тумана. Ледяная роса. Я еще никуда не бегу. Я тут только для того, чтобы подумать. Не люблю, когда мои размышления прерывают внезапным настойчивым стуком или звонком в дверь.

Прежде всего мне предстоит выбор: вернуться, сдать, добровольно пойти на конвейер или...

В самый последний момент, оказавшись один на один с системой, миллионы людей задавали себе такой вопрос. Мне совсем не интересно, что подумают обо мне другие сейчас и позже. Посторонние меня все равно осудят, как осудили миллионы моих предшественников.

Людей, которые шли под коммунистический топор, не протестуя, сейчас осуждают: мол, рабские души, не способные протестовать, туда вам и дорога.

Те, кто не шел на убой добровольно, должны были или убегать, или драться. Этим тоже осуждают: изменники, предатели, пособники

врага!

Если я добровольно сдамся — прослышу дураком, холуем, рабом.

Если не сдамся — стану преступником, предателем.

Считайте меня, братцы, преступником, холуем не считайте.

Но и преступником меня считайте не очень большим. Рано или поздно все наши вожди будут признаны тиранами, кровавыми злодеями, волонтаристами, проходимцами, предателями, шпионами, болтунами и развратниками.

Убежать от них — преступление.

А оставаться и выполнять их приказы?

Холодно в лесу, зябко. Не привык я слишком долго думать. И философия — не моя область. Но на один вопрос я обязан ответить сам себе: я бегу потому, что ненавижу систему, или потому, что система наступила мне на хвост?

На этот вопрос я даю самому себе совершенно четкий ответ: я ненавижу систему давно, я всегда был против нее, я готов был рисковать своей головой ради того, чтобы заменить существующую систему чем угодно, но... Но если бы система мне на хвост не наступила, я бы не убежал. Я бы продолжал ей служить верой и правдой и преуспел на этой службе.

Не знаю, начал бы я протестовать когда-нибудь позже или нет, но в данный момент я просто спасаю свою шкуру.

Ответ на главный вопрос получился четким и для меня неутешительным. Надо было раньше начинать! Надо было бежать при первой возможности. А еще лучше — работать против системы, как работали Пеньковский, Константинов, Филатов.

Можно ли ситуацию исправить?

Нет. Поздно. А может быть, и не поздно. Если мне удастся вырваться из Аквариума, я буду жить тихо, не рыпаясь, или я могу...

Что же я могу?

Я сижу неподвижно несколько минут, а затем формулирую для себя вывод: я предатель и изменник. Я заслуживаю высшей меры за то, что самовольно покидаю систему. Я заслуживаю той же высшей меры за то, что не боролся против нее. Сейчас я спасаю свою шкуру, но, если вывернусь из этого переплета, начну борьбу против этой системы, рискуя спасенной шкурой.

Если мне удастся бежать, я не буду сидеть молча. Буду работать. По много часов в день. Если мне не удастся сделать что-нибудь серьезное, я хотя бы напишу несколько книг. По пятнадцать часов в день я буду писать. По одной книге в год.

Остается последний вопрос: куда бежать?

Вопрос легкий. В Британию. Британия выслала однажды 105 советских дипломатов — резидентуры КГБ и ГРУ в полном составе. На такое никто, кроме Британии, не отважился. Раз они свои интересы могут защищать, может, они и мои смогут защитить. 105 разведчиков сразу! Статистика в пользу Британии.

Теперь нужно решить, как связаться с правительством Великобритании. Путь один — через представителей этого правительства. Чем меньше бюрократических ступеней, тем быстрее будет принято решение. Но к послу меня не пустят.

Итак, я иду к любому высокопоставленному английскому дипломату. У британского, американского, французского посольств меня наверняка ждут ребята из Аквариума. Значит, надо идти к дипломату домой. Навигатор, конечно, и это предусмотрел, но контролировать подходы к местам проживания всех западных дипломатов высокого ранга он не сможет. Кроме того, я пойду пешком, спрятав машину в лесу.

Дом у британского дипломата большой, белый, с колоннами. Дорожки мелкими камешками усыпаны. Сад роскошный.

Я небрит. Я в черной кожаной куртке. Я без машины. Я совсем не похож на дипломата.

Вообще-то я уже и не дипломат. Я больше не представляю свою страну. Наоборот, моя страна сейчас ищет меня везде, где только возможно.

В доме английского дипломата все не так, как в обычных домах. У него звонка нет. Вместо звонка на двери — блестящая бронзовая лисья мордочка. Этой мордочкой нужно об дверь стучать. Мне важно, чтобы появился хозяин, а не кто-то из его слуг. Мне везет. Сегодня суббота, он не на работе, и слуг его в доме тоже нет.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Протягиваю свой дипломатический паспорт. Он полистал и вернул мне.

— Заходите.

— У меня послание к правительству Ее Величества.

— В посольство, пожалуйста.

— Не могу в посольство. Я передаю это послание через вас.

— Я его не принимаю, — он встал и открыл передо мной дверь. — Я не шпион, и в эти шпионские игры меня, пожалуйста, не втягивайте.

— Это не шпионаж... Уже не шпионаж. Это письмо правительству Ее Величества. Вы можете его принять или нет, но сейчас я буду звонить в британское посольство и скажу, что письмо правительству находится у вас. Я оставлю его тут, а вы делайте с ним что хотите.

Он смотрит на меня взглядом, который не предвещает ничего хорошего.

— Давайте ваше письмо.

— Дайте конверт, пожалуйста.

— У вас даже нет конверта, — возмущается он.

— К сожалению...

Он кладет передо мной пачку бумаги, конверты, ручку. Я отодвигаю бумагу в сторону, из кармана достаю пачку карточек с адресами кафе и ресторанов. Каждый шпион всегда имеет в запасе десятка два таких карточек. Чтобы не объяснять новому «другу» место встречи, проще дать ему карточку: приглашаю вас сюда.

Быстро просматриваю все. Выбираю одну. И несколько секунд думаю над тем, что же мне писать. Потом беру ручку и пишу на обратной стороне карточки три буквы: GRU.

Карточку вкладываю в конверт. Конверт заклеиваю. Пишу адрес: правительству Ее Величества. На конверте ставлю свою персональную печать: 173-B-41.

— Это все?

— Все. До свидания.

Я снова в лесу. Вот моя машина. Я гоню ее дальше и дальше. Теперь встреча с местной полицией тоже может быть опасной. Советское посольство могло сообщить в полицию, что один советский дипломат сошел с ума и носится по стране. Могло сообщить в Интерпол, что я украл миллион и с ним сбежал. Могло заявить протест правительству Австрии и сказать, что власти этой страны захватили меня силой и меня нужно немедленно вернуть, иначе отношения между нашими странами серьезно испортятся. Они умеют делать громкие заявления.

Мне срочно нужна телефонная связь с британским посольством. Я должен объяснить ситуацию, пока какой-нибудь деревенский полицейский пост не остановил меня и не вызвал советского консула. Тогда будет поздно что-либо объяснять. Тогда после первой встречи с консулом у меня вдруг пойдет обильная слюна, я начну смеяться или плакать, и за мной пришлют самолет. Пока не пошла слюна, я буду пытаться. Укромные телефоны у меня на примете есть.

— Алло! Британское посольство? Я направил послание... Я знаю, что меня не соединят с послом, но мне нужен кто-нибудь из ответственных сотрудников... Мне не нужно его имя, вы там сами решайте... Я направил послание...

Наконец, они кого-то нашли.

— Слушаю. Кто говорит?

— Я направил послание. Тот, с кем я его направил, знает мое имя.

— Правда?

— Да. Спросите его.

Трубка молчит некоторое время. Потом оживает.

— Вы представляете свою страну?

— Нет. Я представляю только себя.

Трубка снова молчит.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы сейчас вскрыли пакет и передали мое послание британскому правительству.

Трубка молчит. В трубке какое-то сопение.

— Я не могу вскрыть конверт, так как он адресован не мне, а правительству.

— Пожалуйста, вскрыйте конверт. Это я его передал. В нем важное послание, оно составлено так, чтобы его поняли только те, кто

очень хорошо знает нашу страну, нашу систему.

Далеко в телефонных глубинах раздается какой-то шепот.

— Это очень странное послание. Тут какой-то ресторан...

— Да не это... Посмотрите на обороте...

— Здесь только какие-то буквы.

— Вот их и передайте!

— Вы с ума сошли! Послание из трех букв не может быть важным.

— Важное это послание или нет, решать правительству Ее Величества.

Трубка молчит. Какое-то потрескивание, шипение... Потом она оживает:

— Я нашел компромисс. Я не буду посылать радиосообщение, я перешлю ваше послание дипломатической почтой, — в голосе собеседника звучит радость школьника, решившего трудную задачу.

— Дьявол бы тебя забрал с твоими британскими компромиссами. Не нам с вами решать, важное это послание или нет, но оно срочное. Через час, а, может, и раньше, будет уже слишком поздно. Но знайте, что я настойчивый, и если начал дело, то его не брошу. Я буду вам звонить еще. Через пятнадцать минут. Пожалуйста, покажите послу мое послание.

— Посла сегодня нет.

— Тогда покажите его кому угодно. Своей секретарше, к примеру. Может, она газеты читает. Может, она подскажет вам решение...

Я меняю место. Я обхожу стороной любое жилье. Избегаю людей. Во мне жутким ритмом звучит страшная песня «Охота на волков».

Совсем недавно я чувствовал себя затравленным зверем, но теперь силы вернулись ко мне. Мертвой хваткой я вцепился в рулевое колесо, как летчик-смертник в штурвал своего самолета. Живым они меня не возьмут. Эх, расшибу любого, кто поперек пути встанет! На крайний случай у меня отвертка огромная в запасе. Эх, кому-то я ее в горло всажу по самую рукоятку!

Жизнь продаю! Подходи, налетай! Дорого обойдется!

Снова звоню в британское посольство. Попытка вторая и последняя. Я редко кого просил дважды. А трижды — никогда. И никогда впредь не попрошу. Впрочем, немного мне осталось.

Я обещал позвонить через пятнадцать минут, но удалось сделать это только через сорок три: у намеченного мной телефона было людно.

— Британское посольство?

— Да.

Но теперь изменилось решительно все. Короткий ответ звучит резко и четко, как военная команда. Тот же мужской голос, но человека как подменили.

— У вас все хорошо? Мы волновались. Вы так долго не звонили...

— Мое послание...

— Мы передали ваше послание в Лондон. Это важное сообщение. Мы уже получили ответ. Вас ждут. Вы готовы?

— Да.

— Адрес на карточке — это место, где вас надо встретить?

— Да.

— На карточке не указано время. Это означает, что вас надо встретить как можно быстрее?

— Да.

— Мы так и думали. Наши официальные представители уже там.

— Спасибо.

Это слово я почему-то произнес по-русски. Не знаю, понял ли он меня.

Ньюпорт, Гвент, 1982 год

Исправлено и переработано в 2013–2015 годах

notes

Примечания

Чтобы не навредить друзьям и сослуживцам, свои книги я писал под псевдонимом, который решил никогда не раскрывать (подробнее об этом читайте в предисловии к роману «Аквариум»). В конце августа 1991 года, сразу после провала военного переворота в Москве, мой псевдоним впервые раскрыл начальник ГРУ, назвавший меня полковником. Прошло полгода, и новый начальник ГРУ назвал меня майором (см. следующие цитаты). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женевской резидентуры и назовет меня ефрейтором. — *Прим. автора.*

Это очень примечательное интервью: в нем, как в капле воды, отразилось состояние правящей верхушки Советского Союза в первые дни после поражения августовского путча. Интервью было опубликовано под издевательским заголовком «ГРУ: в „Аквариуме“ меняют воду?». Это был первый случай в истории ГРУ (и, возможно, последний), когда начальник этой организации отвечал на вопросы журналиста в своем кабинете в здании штаб-квартиры ГРУ — в «Аквариуме». Только что были арестованы члены ГКЧП, митингующие москвичи демонтировали памятник Дзержинскому на Лубянской площади, приостановлена деятельность КПСС, а ее имущество стало государственной собственностью России. Кажется, что руководители СССР находятся в состоянии шока. Интервью очень похоже на допрос с пристрастием: журналист, ничуть не стесняясь, задает начальнику одной из самых могущественных разведывательных организаций мира такие вопросы, которые еще месяц назад казались немыслимыми, а тот, словно оправдываясь, прилежно отвечает на них, как нашкодивший школьник, пытающийся угодить учителю:

— Основные задачи ГРУ?

— У нас только военная разведка. <...>

— Запчасти к «Стингерам» — ваше дело?

— Так точно. Наше дело. <...>

— Давно ли вы на должности начальника ГРУ?

— Четыре года. Я не профессиональный разведчик, я чисто войсковой товарищ. <...>

— А теперь традиционный вопрос: что вы делали во время переворота?

— 19 августа меня отозвали из отпуска, Я приехал и доложил, что нахожусь здесь. Кстати, а двадцатое, и двадцать первое августа я провел на работе, никуда не выходил. У нас была спокойная обстановка, занимались, как обычно, своей разведывательной деятельностью за пределами Советского Союза, а не внутри его — это не наша обязанность.

Владлен Михайлович Михайлов, возглавлявший ГРУ с 1987 года, был уволен с должности начальника ГРУ через два месяца после того, как дал это интервью. — *Прим. автора.*

Через полгода после этой публикации новый начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин назвал меня майором (см. отзывы о романе «Аквариум» на первых страницах этого издания). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве капитан 1-го ранга Валерий Калинин назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женевской резидентуры и назовет меня ефрейтором. — *Прим. автора.*

Армейская подвижная ракетно-техническая база, войсковая часть в составе общевойсковых и танковых армий, занимающаяся транспортировкой, хранением и техническим обслуживанием головных частей и носителей для ракетной бригады армии и ракетных подразделений дивизий, входящих в состав этой армии. — *Прим. автора.*

Люди, в армии не служившие, называют ее саперной лопаткой. Никаких лопаток в армии нет. Есть лопаты: саперная (большая) — длина 110 сантиметров, лезвие 20 на 25 сантиметров, и пехотная (малая) — длина 50 сантиметров, лезвие 15 на 18 сантиметров. Части СпН ГРУ используют пехотные (малые) лопаты. — *Прим. автора.*

Жёлтые Воды — город в Днепропетровской области Украины; до 1957 года носил название Жёлтая Река. В 1951 году, после открытия в окрестностях города промышленных запасов урановых руд, здесь был построен Восточный горно-обогатительный комбинат, ставший одним из крупнейших предприятий по добыче уранового сырья для объектов атомной промышленности Советского Союза. — *Прим. ред.*

Концепция вертикального охвата предусматривала высадку первой волны десанта с помощью вертолетов с целью захвата опорных пунктов противника для обеспечения дальнейшей беспрепятственной высадки остальных войск и техники. Разработана в середине 1950-х годов после успешного применения вертолетов для высадки морской пехоты в ходе Корейской войны 1950–1953 годов. — *Прим. ред.*

Содружество социалистических государств часто именовалось социалистическим лагерем. Двусмысленность этого выражения стала причиной появления множества шуток и анекдотов. В народе Советский Союз сам по себе (в узком смысле) и совместно с его сателлитами (в широком смысле) часто в шутку называли «большой зоной». Вожди СССР гордились тем, что наша граница на замке — действительно, побег из «большой зоны» был таким же сложным делом, как и побег из исправительно-трудового лагеря. — *Прим. автора.*

Сегодня многие из нас хорошо усвоили этот принцип, впервые сформулированный в 1936 году Дейлом Карнеги в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», ставшей классическим учебником успешного общения. В Советском Союзе эта книга была недоступной для широких народных масс, но находилась в спецбиблиотеках, имела гриф ДСП (для служебного пользования) и была рекомендована для изучения партийным и советским функционерам. Советская военная разведка, несомненно, взяла этот принцип из книги Карнеги; эта книга была и в нашей секретной библиотеке, во время учебы ее рекомендовали нам в качестве учебного пособия. «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» вполне можно считать базовым курсом вербовки — именно умение расположить к себе собеседника и исподволь добиться от него желаемого поведения необходимы разведчику для проведения успешной вербовки. — *Прим. автора.*

Краткое общеупотребительное название. Полное название — Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам. Комиссия была создана в 1957 году для координации работы предприятий оборонной промышленности, министерств и ведомств Советского Союза по созданию новых видов вооружения и военной техники. — *Прим. ред.*

В XXI веке читатель едва ли поверит в такую дикость. Неужели простой советский человек не представлял, как выглядит проститутка? Неужели под фонарями советских городов не порхали «ночные бабочки»? Вы будете смеяться: не порхали. Не было проституток на улицах наших городов. У нас вообще ничего такого не было. 17 июля 1986 года во время телемоста Ленинград — Бостон простая советская женщина по фамилии Иванова (как же иначе?) сразила Америку, заявив: в Советском Союзе секса нет! — *Прим. автора.*

Сегодня русских можно встретить в Европе на каждом шагу. Русскую речь я слышу в отелях и ресторанах, в лондонском метро, на вокзалах Парижа, в трамваях Амстердама и Базеля. А в те времена шла война — Холодная война. Во времена «железного занавеса» вероятность встречи обыкновенного западного человека с русским была практически равна нулю. Для западного обывателя такая встреча была событием, которое можно сравнить только со встречей с инопланетянином. В сознании жителей США и Западной Европы глубоко укоренились различные ложные стереотипные представления о русских, сформированные кинематографом и средствами массовой информации: двое чернявых цыган-близнецов в красных рубахах и мягких сапожках, Мишка унд Гришка, мечут ножи булатные в невинных граждан. И если западный человек вдруг встречал в Европе русского, то в большинстве случаев его первая реакция была именно такой: шпион, кто же еще? — *Прим. автора.*

В 1970-х годах покупательная способность тысячи долларов была куда как больше, чем сейчас. — *Прим. автора.*